

Д. МИЛТОНЪ.

ПОТЕРЯННЫМЪ И ВОЗВРАЩЕННЫМЪ
РАЙ

ИЗДАНИЕ
А. КАСПАРИ.
С. П. Б.

Ш. ЗЕНБЕРГЪ РИЗ

ТИПОГРАФІЯ „РОДИНЫ“ (А. КАСПАРИ)

1899 г. Digitized by Google

ПОТЕРЯННЫЙ
И
ВОЗВРАЩЕННЫЙ РАЙ.

ПОТЕРЯННЫЙ
И
ВОЗВРАЩЕННЫЙ РАЙ
ПОЭМЫ Д. МИЛЬТОНА

ВЪ НОВОМЪ СТИХОТВОРНОМЪ ПЕРЕВОДѢ

О. Н. Чюминой

(СЪ **50**-Ю БОЛЬШИМИ РИСУНКАМИ ХУДОЖНИКА **Г. ДОРЕ**)

С.-ПЕТЕРБУРГЪ

Типографія журнала «Родина», Лиговская улица, собственный домъ № 114

1899

14786.52.80

HARVARD COLLEGE LIBRARY
IN MEMORY OF
LIONEL DE JERSEY HARVARD
CLASS OF 1915

Dec 27 1926

ОГЛАВЛЕНИЕ.

Отъ издателя.	СТР.
Джонъ Мильтонъ. (Биографическій очеркъ.)	I—VI
Примѣчанія къ поэмѣ «Потерянный Рай»	VII—VIII
Примѣчанія къ поэмѣ «Возвращенный Рай»	IX

„Потерянный Рай“.

Книга первая	I
Книга вторая	15
Книга третья	29
Книга четвертая	39
Книга пятая	55
Книга шестая	65
Книга седьмая	77
Книга восьмая	83
Книга девятая	89
Книга десятая	103
Книга одиннадцатая	113
Книга двѣнадцатая	123

„Возвращенный Рай“.

Книга первая	131
Книга вторая	139
Книга третья	147
Книга четвертая	151

Дозволено цензурою, С.-Петербургъ, 8-го октября 1899 года.

Отъ издателя.

НАМЕНИТЫЙ англійскій поэтъ Мильтонъ давно уже сдѣлался достояніемъ всеобщей литературы. Его безсмертныя поэмы «Потерянный и Возвращенный Рай» переведены на всѣ европейскіе языки и нерѣдко читаются съ одинаковымъ благоговѣніемъ, какъ и книги святой Библии. Высокорегиозное содержаніе, красивый общепонятный языкъ, масса перловъ поэзіи и глубина мысли — все это сдѣлало великолѣпныя сочиненія слѣпого поэта любимымъ произведеніемъ каждаго читающаго человѣка. И въ Россіи существуетъ уже нѣсколько переводовъ этихъ замѣчательныхъ твореній, но, къ сожалѣнію, переводовъ прозаическихъ, которые не въ состояніи дать читателю полнаго представленія о могучемъ стихѣ маститаго автора вышеназванныхъ поэмъ. Этотъ-то пробѣлъ въ нашей художественной литературѣ мы и задумали пополнить, рѣшивъ выпустить въ свѣтъ мильтоновскія поэмы въ стихахъ, въ переводѣ давно уже извѣстной русской публикѣ О. Н. Чюминой. Сами читатели, конечно, оцѣнятъ этотъ грандіозный трудъ издателя и переводчицы. На долю послѣдней выпалъ, хотя и не легкій, но, во всякомъ случаѣ, лестный жребій потрудиться надъ **первымъ стихотворнымъ** переводомъ великихъ произведеній. Этотъ почти дословный переводъ написанъ легкими, звучными стихами, съ полнымъ сохраненіемъ характерныхъ оборотовъ и нѣкоторыхъ странностей мильтоновскаго образца. Не отступая ни на шагъ отъ оригинала, О. Н. Чюмина въ каждую строчку своего перевода, насколько возможно, вложила ту мощь и силу, то вдохновеніе и священный экстазъ Мильтона, которые яркимъ ореоломъ охватываютъ его вдохновенныя произведенія. Впрочемъ, само имя переводчицы говоритъ уже за ту добросовѣстность, за ту безпредѣльную любовь, съ которыми она отнеслась къ своему переводу.

Не меньшій трудъ выпалъ, конечно, и на долю издателя, задавшагося цѣлью выпустить первый общедоступный стихотворный переводъ произведеній Мильтона. Выпущенный, какъ бесплатное приложеніе къ журналу «Родина», во многихъ тысячахъ экземпляровъ, этотъ стихотворный переводъ впервые обойдетъ все наше отечество и, конечно, сдѣлается настольной книгой каждаго, кто любитъ полезное и изящное. Со своей стороны мы приложили всѣ усилія и не пожалѣли никакихъ затратъ, лишь-бы сдѣлать это изданіе отвѣчающимъ во всѣхъ отношеніяхъ требованіямъ читающей публики. Съ этой цѣлью мы снабдили наше изданіе 50-ю большими рисунками знаменитаго художника Г. Доре, который глубоко проникся духомъ мильтоновскихъ поэмъ и съ обычнымъ своимъ талантомъ изобразилъ на своихъ великолѣпныхъ иллюстраціяхъ наиболѣе замѣчательные факты и картины, описанные мощными стихами Мильтона. Нашъ трудъ оконченъ, и, выпуская его въ свѣтъ, мы надѣемся, что читатели оцѣнятъ его по достоинству и отнесутся къ нему съ тѣмъ просвѣщеннымъ вниманіемъ, съ которымъ они всегда и прежде относились къ нашимъ изданіямъ.

Издатель.

ДЖОНЪ МИЛЬТОНЪ.

Родился 9 декабря 1608 года, умеръ 8 сентября 1674 года.

Джонъ Милтънъ.

Биографическій очеркъ.

ДЖОНЪ МИЛЬТОНЪ родился въ домѣ своего отца, въ лондонскомъ Сити, 9 декабря 1608 года, въ тяжелое для Англии время внутренней религиозной борьбы. Англійская церковь отказалась отъ иноземнаго главы — папы, но тотчасъ-же создала себѣ другого папу — короля, который былъ объявленъ блюстителемъ истины и которому предоставлялось увѣрять въ этомъ своихъ подданныхъ. Но англичане, отвергнувшіе значеніе папы, конечно, не могли перенести это значеніе на короля. Негодованіе росло и съ особенной силой вылилось въ сектѣ пуританъ, съ оружіемъ въ рукахъ вставшихъ на защиту своихъ религиозныхъ убѣжденій.

Такимъ образомъ, велась двойная борьба; съ одной стороны — искренніе католики не хотѣли признавать протестантство, съ другой — пуритане боролись съ защитниками англиканской церкви.

Мильтонъ происходилъ изъ пуританскаго семейства, гдѣ мужество, нравственное благородство, художественныя наклонности къ поэзіи и музыкѣ собрались какъ-бы нарочно, чтобы дать Англии великаго поэта. Мать Мильтона славилась своею благотворительностью; отецъ былъ серьезный, умный человѣкъ, умѣвшій постоять за свои убѣжденія, за которыя ему пришлось пострадать еще въ юности. Родные нашли у него англійскую библию, что считалось преступленіемъ въ глазахъ католиковъ, и за это отецъ Мильтона былъ лишенъ наслѣдства. Онъ занялся адвокатурой и такъ удачно, что въ скоромъ времени составилъ себѣ состояніе, которое могло дать ему независимое положеніе. Свободное время отецъ Мильтона посвящалъ литературѣ и музыкѣ, къ которой чувствовалъ особое пристрастіе. Свой богатый слухъ онъ передалъ и старшему сыну-поэту, и зато стихи послѣдняго отличаются необыкновенной музыкальностью, напоминающей то торжественныя, то грустныя звуки органа.

Композиторъ — одинъ изъ лучшихъ своего времени — и поэтъ, отецъ Мильтона особенно заботился, чтобы сынъ получилъ широкое и всестороннее литературное образованіе; въ то-же время образъ жизни семьи отличался самою возвышенною нравственностью и глубокою религиозностью. Великій поэтъ совмѣстилъ и то и другое въ своихъ произведеніяхъ и внесъ весь блескъ и великолѣпіе поэзіи въ проповѣдь суроваго пуританизма.

До десятилѣтняго возраста при Мильтонѣ находился наставникъ, ученый пуританинъ, научившій воспитанника свободно читать по-латыни; въ то-же время Мильтонъ посѣщалъ школу св. Павла, бывшую неподалеку отъ дома, гдѣ онъ жилъ, въ которой въ немного лѣтъ его познакомили съ лучшими классиками Рима и научили свободно и изящно говорить по-латыни. Уже въ этотъ дѣтскій возрастъ Мильтонъ рѣзко отличался отъ своихъ товарищей: не принималъ участія въ играхъ и всѣ силы направлялъ на приобрѣтеніе знаній. «Мнѣ казалось», — говоритъ онъ, — «что я былъ рожденъ распространителемъ великой истины». Кромѣ классическихъ языковъ, Мильтонъ впослѣдствіи изучилъ языки французскій, итальянскій и еврейскій и послѣдній цѣнилъ особенно, а подѣ старость заставлялъ ежедневно перечитывать себѣ главу изъ еврейской Библии.

Въ 1624 году, 16-ти лѣтнимъ юношей, Мильтонъ поступилъ въ Оксфордъ студентомъ. Жизнь англійскаго студента тогда, какъ и теперь, была очень дорога. Прогуляли въ университетъ богатые люди, которые, несмотря на строгую наружную дисциплину, гораздо больше посвящали времени разгулу, забавамъ и кутежамъ, чѣмъ ученію. Съ товарищами здѣсь Мильтонъ не сошелся — слышишь, онъ былъ суровъ и серьезенъ, и эта черта, оставшаяся въ немъ на всю жизнь, не давала ему имѣть друзей. Мильтонъ въ университетѣ занимался усердно, но университета не любилъ, находя преподаваніе сухимъ и безжизненнымъ. Въ Оксфордѣ, вѣроятно, у него и зародился проэктъ кореннаго преобразованія университетской жизни, проэктъ, написанный имъ только въ 1644 году.

Между тѣмъ, постепенно стала развиваться поэтическая дѣятельность Мильтона. Начавши съ переложенія псалмовъ, онъ перешелъ къ сонетамъ и элегіямъ — впрочемъ, очень незначительнымъ.

Послѣ окончанія университета въ 1631 году, Мильтонъ, къ величайшему своему удовольствію, поѣхалъ въ имѣніе отца — прелестное мѣстечко Гортонъ, радуясь, что ему не нужно заниматься скучной судейской работой, а можно посвятить себя наукѣ и созерцанію природы, которую Мильтонъ очень любилъ. Въ деревнѣ Мильтонъ затворился на четыре года, къ явному соблазну и сплетнямъ сосѣдей, не выбравъ для себя никакой профессіи, какъ требовалось обычаями англійской жизни. Но Мильтонъ не обращалъ вниманія на сплетни, такъ какъ вѣрилъ въ свое призваніе великаго поэта и зналъ, что будетъ плохимъ законникомъ. Работалъ онъ здѣсь много; изучалъ исторію, литературу и богословіе, читалъ и переписывалъ древнихъ авторовъ, но, главнымъ образомъ, его забота была направлена на самоусовершенствованіе.

Изъ сочиненій, написанныхъ имъ въ тиши деревенскаго уединенія, замѣчательнымъ является драматическое произведеніе «Комусъ», которое многіе и, напримѣръ, Пушкинъ предпочитаютъ даже «Потерянному Раю». «Комусъ» — это аллегорическое изображеніе человеческой жизни, въ которой добродѣтель борется съ порокомъ. Мильтонъ вѣритъ, что добродѣтель могущественнѣе порока, что у нея есть сила для борьбы съ соблазномъ.

Въ 1637 году, чтобы закончить свое образованіе, Мильтонъ отправился путешествовать по Европѣ. Въ теченіе двухъ лѣтъ онъ объѣхалъ Францію, Швейцарію, Италію, и въ этой послѣдней странѣ пробылъ особенно долго. Онъ посѣтилъ всѣхъ извѣстныхъ людей того вре-

мени, видѣлъ Галилея, измученнаго пытками, и его ненависть къ папизму, инквизиціи и религиознымъ преслѣдованіямъ удесят�рилась. Мильтонъ вернулся изъ своего заграничнаго путешествія раньше, чѣмъ предполагалъ. Ему казалось неприличнымъ оставаться вдали отъ родины, гдѣ «соотечественники и друзья вступили уже въ смѣлую борьбу за свободу». Говоря о борьбѣ, Мильтонъ разумѣетъ лишь борьбу партій, обострившуюся зимой 1638—1639 гг. Недовольные королемъ Карломъ Стюартомъ и его сподвижниками настолько усилились числомъ и окрѣпли духомъ, что тюрьма и пытки перестали уже ихъ страшить. Открытаго возстанія еще не было, но предвѣстники грозы уже носились въ воздухѣ.

Однако, по возвращеніи въ Англію Мильтону не сразу пришлось выступить на арену политической дѣятельности. Въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ онъ долженъ былъ ограничиваться ролью посторонняго зрителя; поселился онъ въ Лондонѣ и вновь предался своимъ любимымъ занятіямъ, мечтая создать для Англіи такую-же поэму, какія создали для Италіи Данте и Тассо. Въ это время имъ уже было написано нѣсколько строкъ «Потеряннаго Рая».

Между тѣмъ, революціонный духъ въ обществѣ усиливался и захватилъ своей волной и Мильтона. Первое проявленіе революціоннаго броженія въ немъ мы видимъ въ памфлетѣ его «О воспитаніи» (1642 г.), гдѣ онъ рѣзко и смѣло требуетъ перемѣны всей системы воспитанія.

Революція надолго теперь захватила Мильтона и даже заставила его забыть о честолюбивыхъ мечтахъ сдѣлаться англійскимъ Данте.

Въ это-же время съ Мильтономъ случилось странное и несчастное событіе. Неожиданно для самого себя и, тѣмъ болѣе, всѣхъ знавшихъ его, онъ въ 1643 году женился на 17-тилѣтней дѣвушкѣ Мери Поуэль, дочери сельскаго джентльмена. Выросши въ понятіяхъ полной подчиненности жены мужу и требованія отъ нея быть хорошей женой и хозяйкой, безъ вмѣшательства во внутреннюю жизнь и интересы мужа, онъ никакъ не могъ помириться съ тѣмъ сопротивленіемъ, которое ему оказала жена тотчасъ послѣ свадьбы и котораго онъ не ожидалъ, такъ какъ не далъ себѣ труда предварительно изучить будущую жену. Черезъ мѣсяць жена Мильтона уѣхала къ своимъ родителямъ.

Мильтонъ не особенно былъ опечаленъ этимъ обстоятельствомъ.

Всего только одинъ разъ потребовалъ онъ отъ жены вернуться и, когда та отказалась, заявилъ, что съ этой поры онъ ея не знаетъ. Единственнымъ послѣдствіемъ накипѣвшаго негодованія у него явилось сочиненіе «О разводѣ» (1643 г.), въ которомъ онъ доказываетъ, что несходство характеровъ — достаточная причина для развода. Черезъ два года, когда жена сама вернулась къ нему, онъ принялъ ее холодно съ сознаніемъ своего величія и превосходства.

Лучшіе годы жизни Мильтонъ посвятилъ не поэзіи, а политикѣ. Многіе жалѣютъ объ этомъ, находятъ, что гениальный поэтъ даромъ потратилъ 20 лѣтъ жизни на писаніе политическихъ памфлетовъ, давно уже утерявшихъ всякій интересъ, но не надо забывать того, что Мильтонъ былъ поэтъ-пуританинъ, что вся его поэтическая дѣятельность состояла въ пропагандѣ суровыхъ идей пуританизма. Странно было-бы, чтобы столь убѣжденный пуританинъ не принялъ активнаго участія въ борьбѣ и не выступилъ съ политическими памфлетами тогда, когда они могли принести больше пользы, чѣмъ самое гениальное поэтическое произведеніе. Но даже и теперь еще не скучно и не бесполезно читать политическіе трактаты Мильтона; хотя, конечно, не всѣ. Лишь на первыхъ порахъ отгалкиваютъ отъ себя громадныя періоды и грубая полемика, переходящая въ брань, зато повсюду производятъ впечатлѣніе сила ненависти и сила убѣжденія.

Уже въ 1641 году Мильтонъ написалъ трактатъ «О реформациі въ Англіи и причинахъ, которыя до сей поры задерживаютъ ее», гдѣ презрительно и высокомерно опровергалъ епископство и его защитниковъ.

Борьба съ епископами была только началомъ; изъ-за нея глядѣли сотни другихъ вопросовъ, но въ этой борьбѣ Мильтонъ замѣчательно развилъ въ себѣ логическіе и полемическіе приемы. Во всѣхъ памфлетахъ Мильтона является одна руководящая идея—свобода. Свобода не была для людей XVII вѣка пустымъ звукомъ. Это слово заключало въ себѣ очень опредѣленные понятія свободы гражданской, какъ возможности для каждаго говорить, проповѣдывать и печатать сообразно съ своими убѣжденіями, и свободы религиозной, какъ терпимости къ различнымъ вѣроисповѣданіямъ.

Не останавливаясь на многочисленныхъ памфлетахъ Мильтона, нельзя не упомянуть, однако, въ особенности одного, написаннаго въ защиту свободы печати.

Этотъ трактатъ не утерять ни силы, ни значенія еще и въ наше время, и Мильтъ, на-примѣръ, прямо утверждаетъ, что лучшая защита свободы печати принадлежитъ Мильтону.

Между тѣмъ, политическія событія въ Англіи быстро шли впередъ. 30 января 1649 года былъ казнень Карль Стюартъ, а черезъ недѣлю была уничтожена палата лордовъ, и провозглашена республика, власть находилась въ рукахъ арміи или, вѣрнѣе, — ея генерала, знаменитаго Оливера Кромвеля. Мильтонъ, чьи симпатіи и убѣжденія раньше уже клонились на сторону побѣдителей, теперь окончательно перешелъ въ ихъ лагерь и даже, нарушая свое правило, въ первый-же годъ существованія республики принялъ должность секретаря при государственномъ совѣтѣ, съ обязанностью переводить на латинскій и съ латинскаго депеши министерства иностранныхъ дѣлъ. Ему назначили прекрасное по тому времени жалованье, не обременяли черной переводной работой и старались приберегать его дарованія для болѣе серьезныхъ дѣлъ. Ему поручили редакцію полуофициальной газеты «Mercurius Politicus» и борьбу — перомъ, разумѣется — съ врагами республики. Этому новому дѣлу Мильтонъ предался со всею страстностью своей природы, безъ колебаній и сомнѣній, не помышляя о неприятностяхъ, которыя оно могло ему доставить въ будущемъ.

Торжество и ликованье слышны уже въ первомъ трактатѣ Мильтона «Observations», въ которомъ онъ, хотя и оправдываетъ бойню, учиненную арміей Кромвеля надъ ирландцами, но въ то-же время проповѣдуетъ широкую религиозную терпимость. «Observations» такъ понравились правительству, что съ этой минуты Мильтонъ былъ заваленъ работой, проявляя необычайную ярость въ борьбѣ съ врагами республики. Послѣдствіемъ усиленной работы было то, что Мильтонъ потерялъ зрѣніе. Эта потеря не была случайной, ее предвидѣли уже давно, такъ какъ еще съ 1638 года зрѣніе Мильтона стало постепенно слабѣть. Въ 1650 году онъ пересталъ видѣть на одинъ глазъ. Доктора прямо заявили ему, что онъ долженъ оставить книги и письмо, если не хочетъ совершенно ослѣпнуть. Онъ не послушался. Мильтону было 42 года, когда онъ ослѣпъ, и съ этой поры его остальная долгая жизнь прошла безъ наслажденій внѣшнимъ міромъ.

Свою любовь къ природѣ, страсть къ чтенію, кабинетныя занятія онъ принесъ въ жертву обществу и родинѣ, и никогда ни одна жалоба не вырвалась изъ его гордаго сердца.

Слѣпымъ Мильтонъ еще нѣсколько лѣтъ продолжалъ занимать должность латинскаго секретаря. Онъ писалъ и переводилъ депеши при республикѣ, писалъ и переводилъ ихъ при Кромвелѣ и Ричардѣ, пока реставрація не выместила на немъ своей злобы и не засадила его въ темницу.

Въ 1660 году роялистамъ удалось возстановить династію Стюартовъ. Начались преслѣдованія. Мильтону пришлось бѣжать. Двѣ изъ его книгъ были сожжены на площади рукою палача, его самого разыскали и засадили въ тюрьму, откуда онъ былъ освобожденъ лишь благодаря заступничеству друзей. Съ этой поры онъ оставляетъ общественную дѣятельность и возвращается къ поэтическому творчеству. Ничего другого ему и нельзя было дѣлать. Онъ считался опальнымъ, у него отняли большую часть имущества; къ счастью, ему оставили жизнь и свободу.

Мильтонъ не покидалъ Лондона, съ которымъ онъ былъ связанъ дорогими, хотя и разбитыми, мечтами. По необходимости, чтобы имѣть возлѣ себя хозяйку, онъ женился въ третій разъ, такъ какъ вторая его жена, — этотъ бѣлокурый ангель, какъ онъ ее называлъ, — умерла уже въ 1658 году.

Женой онъ былъ, повидимому, совершенно доволенъ. Та, женщина простая, безъ претензій и не молодая, ходила, какъ нянька, за слѣпымъ старикомъ, готовила ему его любимыя простыя кушанья, не вмѣшивалась въ его научныя и литературныя занятія, требовала мало любви и ласки.

Мильтона мало кто посѣщаль, отчасти благодаря тому, что онъ былъ въ немилости, отчасти и суровый характеръ его препятствовалъ пріобрѣтенію тѣсной дружбы съ кѣмъ-бы то ни было. Съ дочерьми онъ тоже былъ не въ ладу; по крайней мѣрѣ, существуетъ много разсказовъ о враждѣ къ нему старшей дочери, которая будто-бы даже съ нетерпѣніемъ ждала его смерти. Въ общемъ, характеризуя послѣдніе годы жизни Мильтона, Тэнъ пишетъ: «Онъ жилъ въ небольшомъ домѣ въ Лондонѣ или въ деревнѣ, въ графствѣ Букингемскомъ, напротивъ зеленаго холма, издавалъ свою «Исторію Англіи», логику, трактатъ «О христіанской доктринѣ». Всякое утро онъ приказывалъ читать себѣ по-еврейски одну главу изъ Библии и

потомъ сидѣлъ нѣсколько времени важный и молчаливый, вдумываясь въ прочитанное. Онъ никогда не ходилъ въ церковь. Независимый въ религіи, какъ и во всемъ остальномъ, онъ вполне довольствовался своимъ внутреннимъ храмомъ; не находя ни въ одной сектѣ признаковъ истинной церкви, онъ молился Богу наединѣ и не имѣлъ надобности при этомъ ни въ чьемъ посредничествѣ. Научныя занятія его продолжались до полудня, послѣ чего полагался часъ отдыха, проводимый въ какомъ-нибудь физическомъ упражненіи, а затѣмъ онъ игралъ на органѣ и виолончели. Вскорѣ послѣ того онъ возобновлялъ свои занятія до шести часовъ, а по вечерамъ бесѣдовалъ со своими пріятелями».

Приходившіе навѣстить Мильтона обыкновенно заставляли его въ комнатѣ, обитой старыми зелеными обоями, сидящимъ въ креслѣ и одѣтымъ весьма чисто въ черное платье. «Цвѣтъ лица его былъ блѣденъ», — говоритъ одинъ посѣтитель, — «но не мертвенный; руки и ноги поражены были подагрой; свѣтло-каштановые волосы раздѣлялись по срединѣ лба и падали по обѣимъ сторонамъ лица длинными локонами; сѣрые чистые глаза не обнаруживали никакихъ внѣшнихъ признаковъ старости». Въ молодости Мильтонъ былъ удивительный красавецъ, и его изящныя щеки, нѣжныя, какъ щеки молодой дѣвушки, оставались румяными почти до смерти. Умеръ онъ 8 сентября 1674 года, 66 лѣтъ отъ роду, свѣтло и спокойно, какъ заходящее солнце.

Остается еще сказать о величайшихъ произведеніяхъ Мильтона — его поэмахъ «Потерянный и Возвращенный Рай».

Нѣкоторыя строфы поэмы «Потерянный Рай», какъ сказано, были написаны Мильтономъ еще въ началѣ 40-хъ годовъ. Работу надъ ней Мильтонъ возобновилъ лишь въ 1660 году, и вдохновеніе его забилъ такимъ могучимъ ключемъ, что всѣ 12 пѣсенъ этой поэмы были готовы въ 7—8 лѣтъ. Разумѣется, Мильтонъ диктовалъ стихи; обыкновенно это происходило утромъ, когда 40—50 строкъ, обдуманыхъ ночью, выливались сразу одной непрерывной струей; въ первоначальномъ своемъ видѣ поэма была готова къ 1665 г., но публика ознакомилась съ нею лишь черезъ пять лѣтъ. Можно удивиться, какъ милостиво отнеслась къ ней цензура, тогда весьма строгая; однако, она не вычеркнула ни одной строчки поэмы, не придавая поэмѣ, такъ же какъ и самому Мильтону, очевидно, никакого значенія. Скоро нашелся и издатель. Контрактъ Мильтона съ нимъ сохранился до нашихъ дней, какъ интересный историческій документъ. Изъ него мы видимъ, что за первое изданіе Мильтонъ долженъ былъ получить 50 рублей, столько же и за дальнѣйшія. Онъ дожилъ лишь до второго, слѣдовательно, гонораръ Мильтона не превышаетъ 100 рублей золотомъ. Поэма была встрѣчена холодно.

Написанная въ теченіе 60-хъ годовъ поэма была, очевидно, дѣломъ всей жизни, итогомъ всего опыта, всего пережитаго и передуманнаго поэтомъ. Несомнѣнно, однако, что событія 1641—1661 г.г. положили на это произведеніе особенно рѣзкую своеобразную печать, которую не трудно отличить на каждой страницѣ. Какъ ни гениаленъ Мильтонъ, жизнь, разумѣется, руководила имъ, давала ему матеріалъ и образы для поэмы, окрасивъ ея картины любовью, ненавистью, ожесточеніемъ и ужасомъ, и даже политическими страстями, которыя, то и дѣло, появляются передъ читателемъ, хотя и возведенныя въ высшую степень, безмѣрныя и могучія, какъ все, что выступаетъ на сцену въ лучшихъ мѣстахъ поэмы.

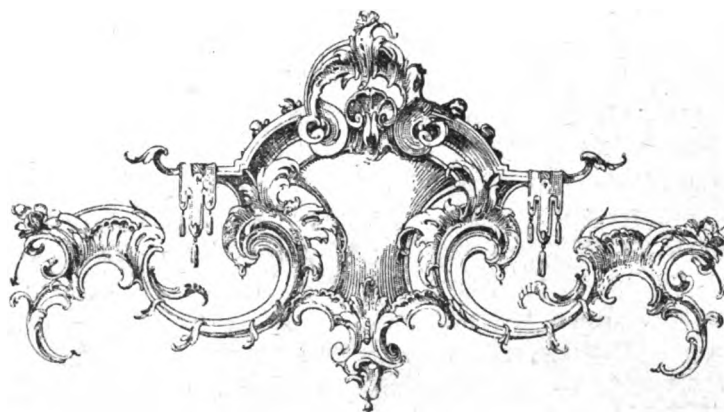
Героя-лица въ поэмѣ нѣтъ, ибо нельзя считать героями выведенныя въ поэмѣ лица. Въ поэмѣ, однако, герой есть — правда, слишкомъ отвлеченный духовный, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, значительный и притягательный. Имя этому герою — религіозный героизмъ, религіозныя и политическія страсти XVII вѣка, геройскій духъ пуританской Англій.

Ни Кромвель, ни пуритане ни разу не названы на протяженіи всей поэмы, нигдѣ нѣтъ даже прямыхъ указаній на волненія XVII вѣка, и все-же вы чувствуете, что весь интересъ «Потеряннаго Рая» въ нихъ-то и заключается; что, не названные, они присутствуютъ на каждой страницѣ, что вездѣ ихъ чувства, мысли, настроеніе.

Благодаря именно своему пуританскому духу, поэма имѣетъ замѣчательное нравственное значеніе; по всѣмъ страницамъ ея во множествѣ разсыпаны правила морали, которыя необходимо примѣнять какъ въ частной, интимной, такъ и общественной жизни людей, и въ этомъ отношеніи особенно замѣчательны тѣ мѣста поэмы, въ которыхъ описываются взаимныя отношенія нашихъ прародителей — Адама и Евы. Вмѣстѣ съ тѣмъ, поэма имѣетъ высокое религіозное значеніе, которое прямо вытекаетъ изъ ея содержанія. Въ каждой строкѣ поэмы, въ рѣчахъ ея героевъ и въ описаніяхъ видны чистыя религіозныя воззрѣнія Мильтона, какъ че-

ловѣка, истинно вѣрующаго въ Бога, въ Его творческую силу и всепрощающую любовь къ людямъ. Излагая содержаніе своей поэмы — исторію грѣхопаденія нашихъ прародителей, Мильтонъ строго придерживается Библии и, ни на іоту не отступая отъ нея, съ помощью своего поразительнаго поэтическаго таланта, только развиваетъ библейскій рассказъ, облакая его въ высоко-художественную поэтическую форму, которая глубоко проникнута религіознымъ духомъ. Въ смыслѣ поэтическомъ особенно замѣчательны описанія Рая, его природы и жизни Адама и Евы; эти описанія поражаютъ художественной правдой, отражаютъ въ себѣ тотъ неземной свѣтъ и тихую радость, которые царятъ въ Раю, и являются истинными перлами поэзіи.

Слава Мильтона среди современниковъ была далеко ниже той, которой онъ пользуется въ XIX вѣкѣ. Литературная извѣстность пріобрѣталась тогда съ трудомъ и ограничивалась лишь незначительнымъ кружкомъ избранныхъ. XVIII вѣкъ, въ лицѣ, по крайней мѣрѣ, Вольтера, осудилъ его, какъ осудилъ онъ и другихъ представителей пуританской Англии. Нашъ вѣкъ оцѣнилъ поэта по достоинству. Нельзя не поражаться грандіозностью замысловъ Мильтона, напряженностью его религіознаго вдохновенія, величавостью его образовъ, воображеньемъ, уносящимся въ небо, и его замѣчательнымъ поэтическимъ даромъ. Въ настоящее время уже составила громадная критическая литература о Мильтонѣ и его поэтическихъ твореніяхъ, и безъ преувеличенія можно сказать, что ни одно поэтическое произведеніе мировой литературы не пріобрѣло той извѣстности и разработки, какой достигли поэмы Мильтона «Потерянный и Возвращенный Рай».

Примѣчанія къ поэмѣ „Потерянный Рай“.

Книга 1-я.

- 1) Хоривъ — гора въ каменистой Аравіи, гдѣ Моисею явился Богъ въ огненномъ кустѣ, когда онъ пасъ стада Иосифа.
- 2) Извѣстный изъ Священнаго Писанія источникъ у Сионской горы, водой котораго Иисусъ Христосъ исцѣлилъ слѣпорожденнаго.
- 3) Гора Геликонъ упоминается въ греческой мифологіи, какъ жилище музъ. Въ этомъ мѣстѣ поэмы Мильтонъ дѣлаетъ намекъ, что онъ стремится къ объясненію такихъ высокихъ понятій, для которыхъ недостаточна одного вдохновенія.
- 4) Вельзевулъ — одинъ изъ боговъ филистимлянъ, идолъ котораго стоялъ въ Аккаронѣ; язычники считали его начальникомъ надъ злыми духами.
- 5) Сатана, еврейское слово, въ переводѣ обозначающее «врагъ».
- 6) Титаны — мифическія существа грековъ, воевавшія съ богами. Бриарей — одно изъ чудовищъ, которыя имѣли сто рукъ и пятьдесятъ головъ и помогли богамъ сокрушить Титановъ.
- 7) Чудовищное водяное животное, о которомъ упоминается въ Священномъ Писаніи.
- 8) Пелоръ — сѣверо-восточный мысъ Сициліи.
- 9) Стигійскія волны — волны подземной рѣки Стикса, которая будто-бы семь разъ опоясывала подземный міръ. Стигійскій — то-же самое, что адскій.
- 10) Галилей — знаменитый ученый и изобрѣтатель телескопа, подвергшійся преслѣдованіямъ инквизиціи, замѣчательный своими открытіями въ области астрономіи. Фезольская гора находится въ Италіи, близъ города Флоренціи.
- 11) Валломброза — долина, находящаяся въ нѣсколькихъ миляхъ отъ Флоренціи и вся покрытая лѣсомъ.
- 12) Орионъ — въ настоящее время названіе одного изъ созвѣздіи, въ составъ котораго входитъ около 2.000 звѣздъ. Орионъ у древнихъ считался богомъ вѣтровъ. По мифологіи, Орионъ считался сыномъ Нептуна, смѣлымъ охотникомъ, обладавшимъ способностью ходить по морю и переселеннымъ въ послѣдствіи въ звѣздный міръ.
- 13) Бузирисъ — синонимъ названія фараонъ, распространившаго на берегахъ Краснаго моря и происшедшій отъ названія города Бузирисъ, лежавшаго у восточнаго рукава рѣки Нила.
- 14) Израильтяне, выведенные Моисеемъ изъ Египта.
- 15) Молохъ — богъ, которому поклонялись аммонитяне, приносяшіе ему человѣческія жертвы.
- 16) Аргобъ — мѣстность въ Васанскомъ царствѣ, на восточной сторонѣ отъ Генисаретскаго озера.
- 17) Арнонъ — пограничный ручей, отдѣлявшій земли амморитянъ отъ территории моавитянъ.
- 18) Гофетомъ называлось мѣсто въ Енномской долинѣ, лежавшее на юго-востокъ отъ Иерусалима; въ Гофетѣ израильтяне, ставши идолопоклонниками, приносили своихъ дѣтей въ жертву Молоху.
- 19) Хамось — богъ, которому поклонялись моавитяне.
- 20) Асфальтское море нынѣ называется Мертвымъ моремъ.
- 21) Ситтимъ — долина противъ Иерихона, гдѣ моавитяне вовлекли израильтянъ въ идолопоклонство.
- 22) Вааль и Астарта — боги сидонцевъ и финикійцевъ. Вааль олицетворялъ собою солнце, Астарта — луну, считавшуюся супругой солнца.
- 23) Таммузъ — сирійскій богъ, обладавшій тѣми-же свойствами, что и Адонисъ, а именно: способностью умирать ежегодно и немедленно-же оживать.
- 24) Риммонъ — богъ жителей Сиріи, главнымъ городомъ которой считался древній богатый городъ Дамаскъ.
- 25) Нааманъ былъ полководцемъ сирійскаго царя Бенеада и яркимъ идолопоклонникомъ. Заболѣвъ проказой, онъ, черезъ посредство царя израильтянъ Ахаза, обратился за помощью къ извѣстному своею чудодѣйственной силой пророку Елисею, который исцѣлилъ Наамана. Выкупавшій семь разъ въ Иорданѣ, по приказу пророка Елисея, Нааманъ увѣровалъ въ Истиннаго Бога, между тѣмъ какъ Ахазъ,

шедшій до того ожесточенную борьбу съ язычниками, самъ впалъ въ идолопоклонство.

26) Озирисъ — главное божество египтянъ, олицетворявшихъ въ немъ солнце и свѣтъ; Изиды — сестра и супруга Озириса; Горусъ — ихъ сынъ.

27) Веліалъ — богъ преисподней, олицетворявшій въ себѣ всѣ пороки и нечестіе.

28) По преданіямъ мифологіи, боги раздѣлялись на слѣдующія пары: первая — Ураній и Гея (Небо и Земля), вторая — Кроносъ и Рея, третья — Юпитеръ и Юнона.

29) Подъ именемъ пигмеевъ въ народныхъ преданіяхъ былъ извѣстенъ народъ крайне малаго роста, который обиталъ въ средней Африкѣ и постоянно велъ борьбу съ журавлями, такими-же маленькими, какъ и сами пигмеи.

30) Флегрійскими Мильтонъ называетъ великановъ потому, что, по мнѣнію нѣкоторыхъ изслѣдователей античнаго міра, война великановъ, въ которой принималъ участіе Геркулесъ, велась на Флегрійскихъ поляхъ близъ горъ Кумы, въ южной Италіи.

31) Артуръ — мифическій король бритовъ, около имени котораго создались цѣлый цыклъ легендъ. Онъ жилъ въ Валлисѣ и былъ окруженъ блестящимъ дворомъ, въ которомъ главнѣйшую роль играли 12 рыцарей, избираемыхъ самимъ королемъ и сидѣвшихъ вмѣстѣ съ нимъ за круглымъ столомъ. Арморей — названіе Бретани. Аспрамонъ — гора на юго-западѣ Италіи, гдѣ происходили битвы съ сарацинами; Монтальбанъ — гора, находящаяся въ 12 миляхъ отъ Рима. Базертъ — городъ въ Тунисѣ.

32) Маммонъ — богъ, олицетворявшій богатство.

33) Одно изъ прозвищъ Вулкана, мифическаго бога.

Книга 2-я.

34) Ормузъ — островъ въ Красномъ морѣ, славившійся громадпою добычею жемчуга.

35) Геркулесъ до обоготворенія назывался Алкидомъ по имени дяди, Алкея. Онъ побѣдилъ паря Эхалии Еврита, который не исполнилъ даннаго имъ Геркулесу обѣщанія выдать за него замужъ свою дочь Голу; Геркулесъ взялъ ее въ плѣнъ и, желая совершить жертвоприношеніе Зевесу, послалъ герольда Лихаса къ своей женѣ Дѣятрѣ за праздничной одеждой. Дѣятра, узнавъ объ Голѣ, чтобы оградить мужа отъ чаръ послѣдней, опрыскала одежду его кровью центавра Несса, умерщвленнаго отравленной стрѣлой Геркулеса. Послѣдній, надѣвъ на себя одежду, почувствовалъ страшную боль и въ бѣшенствѣ сталъ срывать съ себя одѣяніе, вырывая вмѣстѣ съ тѣмъ куски мяса. Кромѣ того, онъ схватилъ Лихаса, сбросилъ его въ Эгейское море, а самъ взомель на костеръ, приготовленный имъ для жертвоприношенія, и былъ унесенъ на небо.

36) По мифологіи древнихъ, которой пользуется Мильтонъ для описанія ада, въ послѣднемъ протекало четыре рѣки: Стиксъ, Ахеронъ, Коцитъ и Флегонтъ (Пирифлегонтъ — рѣка, наполненная, вмѣсто воды, огнемъ).

37) Фуриі — адскія чудовища, дочери Ахерона и ночи, считавшіяся богинями мести; Гарпіи — богини бури, изображаемыя Гомеромъ ввидѣ прекрасныхъ существъ, а Эсхиломъ — ввидѣ зловѣщихъ чудовищъ, посылаемыхъ богамъ для наказанія порочныхъ людей.

38) Медуза — ужасное чудовище изъ числа трехъ сестеръ, которыхъ древніе называли Горгонами и изображали ввидѣ страшныхъ существъ, снабженныхъ головой, вмѣсто волосъ покрытой змѣями, имѣвшихъ желѣзные когти, ужасные зубы и крылья.

39) Танталъ — лидійскій и фригійскій князь, низвергнутый богами въ адъ за то, что хотѣлъ испытать ихъ всевѣдѣніе; въ наказаніе онъ стоялъ въ водѣ, доходившей ему до подбородка и постоянно страдалъ отъ жажды и голода, такъ какъ вода, равно какъ роскошные плоды, висѣвшіе надъ нимъ, постоянно удалялись отъ его рта, лишь только онъ намѣревался прикоснуться къ нимъ.

40) Химера — отвратительное адское чудовище ввидѣ льва, дракона и козла, дышащихъ пламенемъ.

- 41) Церберъ — многоголовый пещь, охранитель ада.
 42) Тринакрія — Сицилія.
 43) Фурія — см. прим. 37. Ихъ было три сестры — Алектэ, Мегера и Тизифона; всѣ онѣ изображались въ самомъ отвратительномъ видѣ: съ руками, снабженными длинными когтями и бичемъ изъ змѣй, и съ глазами, изъ которыхъ вылетало пламя.
 44) Зміеносецъ — большое созвѣдіе сѣвернаго полушарія въ формѣ растянутаго змѣя; въ составъ созвѣдія входятъ 136 звѣздъ; стоитъ оно надъ Зодіакомъ, Скорпіономъ и Стрѣльцомъ.
 45) Эребъ — названіе прохода, ведшаго въ Гадесъ, жилище Плутона, бога подземнаго царства.
 46) Беллона у римлянъ считалась сестрой Марса, бога войны.
 47) Ариаспами, какъ рассказываетъ греч. историкъ Геродотъ, назывались представители одноглазого народа, славившагося своимъ умѣніемъ добывать золото.
 48) Грифъ — мифическое животное, половину котораго составлялъ орелъ, а другую — левъ; онъ считался охранителемъ золотосныхъ рудъ.
 49) Гадесъ — адское божество; Оркусъ — одно изъ названій Плутона, владыки подземнаго царства.
 50) Аргонавты — греческіе герои, отправившіеся на корабль Арго въ Колхиду, чтобы добыть золотое руно.
 51) Сцилла — нимфа, бросившаяся, благодаря несчастной любви, въ море у береговъ Сициліи и превращенная затѣмъ въ скалу. Харибда — нимфа, обитавшая недалеко отъ Сициліи, на скалѣ, и пожирившая цѣлые корабли, чтобы утолить свой голодъ. Сцилла и Харибда — самыя ужасныя мѣста для мореплавателей, такъ какъ Харибда три раза въ день вбирала въ себя и выбрасывала воду; вбирая ее, она образовывала пучину видѣ воронки, втягивавшую въ себя корабли, а выбрасывая воду, она отбрасывала судно къ Сициліи и разбиала ихъ.

Книга 3-я.

- 52) Орфей — фракійскій пѣвецъ. Отецъ его Аполлонъ, мать — муза Каллиопа. Онъ обладалъ замѣчательнымъ искусствомъ пѣнія, волшебными звуками котораго умочалъ звѣрей и приводилъ въ движеніе деревья и камни. Послѣ смерти жены Евридики онъ спустился въ подземное царство и звуками своихъ пѣсонъ тронулъ сердце Плутона, согласившагося возвратитъ ему жену.
 53) Тамарисъ — слѣпой фракійскій поэтъ, упоминаемый Гомеромъ; послѣдній прозывался также Меонидомъ, по имени отца Меона. Тирезіастъ — житель Фивъ, замѣчательный греческій пѣвецъ, пользовавшійся такой-же славой, какъ и Финей, аркадскій царь и пѣвецъ.
 54) Подъ именемъ Елисейскихъ полей извѣстно посмертное жилище людей, жившихъ непорочно.
 55) Серика — мѣстность, занимаемая частью Малой Бухары и сѣверо-западнымъ Китаемъ. По убѣжденію древнихъ, кочевые народы ѣздили по степямъ въ повозкахъ съ парусами.
 56) Семь планетъ — Луна, Солнце, Меркурій, Марсъ, Юпитеръ, Венера и Сатурнъ, составляли систему Птолемея, которая во время Мильтона имѣла массу приверженцевъ. По ученію Птолемея, небесная сфера чиста, какъ хрусталь, и при созданіи міра первая пришла въ движеніе и дала движеніе всѣмъ другимъ сферамъ.
 57) Паней — древній городъ на Іорданѣ. Вирсавіей (въ переводѣ колодезь клятвы) называлось мѣсто, гдѣ Авраамъ, вступивъ въ союзъ съ Авимелехомъ, вырылъ колодезь.
 58) Гермесъ — посланникъ боговъ, богъ торговли; у римлянъ назывался Меркуриемъ (нынѣ названіе ртути). Протей — морской богъ, прорицатель (названіе минерала антимонъ). Этими минералами пользовались алхимики, стремившіеся добыть золото.
 59) По ученію св. Діонисія Ареопагита, сонмъ ангеловъ раздѣляется на девять ликовъ, которые, въ свою очередь, дѣлятся на три чина, по степени близости ихъ къ Богу. Въ первомъ чинѣ — престолы, керувимы и серафимы; во второмъ — власти, господства и силы; въ третьемъ — ангелы, архангелы, начала.
 60) Нифать — гора въ Арменіи; здѣсь по мнѣнію Мильтона, находился Рай.

Книга 4-я.

- 61) Гауранъ — названіе равнины на берегахъ Іордана. Селовкія — вавилонскій городъ, находившійся на р. Тигрѣ.
 62) Панъ — греческій богъ, олицетворявшій природу. Горами и Граціями назывались женскія божества, олицетворявшія красоту и радости, а также прелести временъ года.
 63) Прозерпина — дочь Зевса и Деметры; отецъ обѣщалъ выдать ее замужъ за Плутона, который похитилъ ее во время прогулки съ подругами.
 64) Дафна — дочь Пеней и Гея, была превращена въ лавровое дерево матерью, желавшей скрыть ее отъ преслѣдованій Аполлона.
 65) Касталія — нимфа, дочь Ахелоя, давшая названіе источнику.
 66) Хамъ — египетское божество, называемое также Аммономъ, считается ливійскимъ царемъ и имѣть своей женой Рею, которой онъ вѣнчалъ ради прекрасной Амаиты; отъ послѣдней родился сынъ

- Вахъ, котораго отецъ, чтобы избѣжать гнѣва Рея, скрылъ на Низейскомъ островѣ Эннѣ, замѣчательномъ своею красотой.
 67) Гесперъ — вечерняя звѣзда.
 68) Сильванъ — божество лѣсовъ; Панъ (см. прим. 62) въ частности — богъ пастуховъ.
 69) Сынъ Лафета, Прометей, прогнѣвалъ Зевса тѣмъ, что похитилъ съ неба огонь и далъ его людямъ. Чтобы наказать Прометея за этотъ проступокъ, Зевсъ приказалъ Гермесу привести къ Прометею Пандору, которую боги одарили красотой и всѣми прелестями. У Пандоры въ рукахъ находился ларецъ, заключавшій въ себя раны бѣдствія, и Зевсъ думалъ, что Прометей, увлекшись Пандорой, исполнитъ ея просьбу открыть ящикъ. Но Прометей устоялъ отъ соблазна, и въ ловушку попалъ его младшій братъ, изъ любопытства открывшій ларецъ, изъ котораго на свѣтъ вышли разныя бѣдствія.
 70) Астрея, богиня правосудія, была перенесена подъ именемъ «Дѣвы» въ созвѣдіе Зодіака, восьмымъ знакомъ котораго считается Скорпіонъ.

Книга 5-я.

- 71) Во время жизни Мильтона извѣстны были пять планетъ: Венера, Марсъ, Сатурнъ, Юпитеръ и Меркурій. Эти планеты двигались вокругъ земли, которая, какъ училъ Птоломей, была неподвижнымъ центромъ міра.
 72) Фениксомъ называлась таинственная птица, пользовавшаяся большимъ значеніемъ въ вѣрованіяхъ египтянъ и обладавшая слѣдующею способностью: одинъ разъ въ каждыя пять лѣтъ она сжигала самое себя, и изъ ея пепла возрождался новый фениксъ.
 73) Сынъ Майи — Меркурій (Гермесъ, см. прим. 58), изображался съ крыльями на ногахъ и маленькимъ жезломъ.
 74) Подъ именемъ Нарда у древнихъ извѣстны были различныя благовонныя растенія, служившія для приготовленія мыла, мазей и проч. Кассія — благовонное растеніе, растущее въ Индіи, Африкѣ и Америкѣ.
 75) Помона — богиня плодовыхъ деревьевъ.
 76) Герархъ — греческое слово, обозначающее «священно-служитель»; нынѣ извѣстно, какъ названіе лицъ, носящихъ высшую степень священства: митрополитъ, архіепископъ, епископъ.
 77) Люцифера — имя перваго падшаго ангела; въ переводѣ означаетъ «утренняя заря».

Книга 6-я.

- 78) Андрамелехъ — богъ ассирийскій, идолъ котораго изображался видѣ лошади. Асмодей — одинъ изъ демоновъ, умерщвлявшій мужей Сарры, дочери Рагуила (кн. Товита). Авдигль, Рамаилъ, Ариалъ и Ариакъ — библейскія имена, которымъ произвольно воспользовался Мильтонъ.
 79) Низрохъ — богъ ассирийскій.
 80) Бериллъ — драгоценный камень, носящій также названіе аква-марина.
 81) Уригъ — еврейское слово, обозначающее свѣтъ и въ то-же время нагрудникъ Аарона.

Книги 7-я и 8-я.

- 82) Беллерофонъ, сынъ коринфскаго царя Главка и Евримеды, убилъ своего брата и спасся бѣгствомъ въ Аргосъ, послѣ чего попытался на крылатомъ конѣ Пегасѣ взлетѣть на Олимпъ, но въ наказаніе за это былъ свергнутъ оттуда богами.
 83) Фракійскій пѣвецъ — Орфей (см. прим. 52), былъ разорванъ на части вакханками.
 84) Плеяды — созвѣдіе въ головѣ Тельца.
 85) По системѣ Птолемея, земля неподвижна, по Копернику — она вращается вокругъ солнца и своей оси. Во время Мильтона шелъ еще споръ о правильности обѣихъ системъ.

Книга 9-я

- 86) Царь Латинъ обѣщалъ выдать замужъ свою дочь Ливинію за Турна, царя рутуловъ, но, по волѣ оракула, не исполнилъ обѣщанія и помолвилъ ее за троянца Энея, который былъ вызванъ на единоборство Турномъ, обьявившимъ троянцамъ войну.
 87) Троянцы имѣли сильнаго врага въ лицѣ богини Юноны за то, что Парисъ отдалъ золотое яблоко не ей, а Венерѣ, сыномъ которой былъ Купидонъ.
 88) Понть — древнее названіе Чернаго моря.
 89) Оронть — рѣка въ Сиріи, впадающая въ Средиземное море.
 90) Диана — богиня охоты, родилась на островѣ Делосѣ; ее всегда сопровождали дриады, лѣсныя нимфы.
 91) Палей — богиня стада.
 92) Адонисъ, — юноша замѣчательной красоты, любимецъ Венеры, упросившей Зевса, чтобы Адонисъ послѣ смерти двѣ трети года проводилъ на землѣ и только одну треть — въ подземномъ царствѣ. Сынъ Лаэрта — Одиссей, герой Гомера, гостилъ у Алкиноя, царя феактовъ, славившагося своими садами.

93) Гармония и мужь ея Кадмъ, герои греческой мифологии, были превращены въ змѣевъ.

94) Цирцея — знаменитая волшебница.

Книга 10-я.

95) Кронийская пучина — Полярное море.

96) Катана — древнее названіе Китая.

97) Островъ Делосъ, по мифологическимъ преданіямъ, былъ сперва плывучимъ и затѣмъ, по волѣ Юпитера, сталъ неподвижнымъ.

98) Керасты — обитатели острова Кипра, превращенные Венерою въ воловь.

99) Элопы — гады изъ породы ужей.

100) Дипсады — животныя ввидѣ выдръ.

101) Писеонъ — названіе чудовищной величины змѣя, вышедшаго послѣ всемірнаго потопа изъ ила, покрывавшаго землю.

Книги 11-я и 12-я.

102) Аргусъ — римское мифологическое божество, имѣвшее сто глазъ; онъ былъ усыпленъ Гермесомъ, игравшимъ на волшебной свирѣли, и умерщвленъ имъ.

103) Ириса — радуга.

104) Альмансуръ — знаменитый арабскій калифъ.

Примѣчанія къ поэмѣ „Возвращенный Рай“.

Книга 1-я.

105) Виваворой называлась долина во владѣніяхъ колѣна Гада, окаймленная рѣкой Іорданомъ.

106) Царь іудейскій Ахавъ, женатый на Іезавели, предпочелъ слова своихъ лжепророковъ предсказаніямъ пророка Господня и за это былъ отданъ во власть Діавола.

Книга 2-я.

107) Объ Еннопѣ Евангелистъ Іоаннъ говоритъ (гл. III, 23): «Іоаннъ совершалъ также крещеніе и въ обильномъ водой Еннопѣ, около Салама».

103) Наперстницы Діаны.

109) Пелла — городъ въ Македоніи, гдѣ родился Филиппъ, царь Македонскій.

110) Плутархъ въ жизнеописаніи Сципіона говоритъ, что къ Сципіону, послѣ взятія Карагена, была приведена красавица, невѣста центиберійскаго вельможи, но Сципіонъ, даже не взглянувъ на плѣнницу, велѣлъ возвратитъ ее жениху.

111) Фесва считается на основаніи III-й книги Царствъ родиною св. пророка Іліи.

112) Обильное устрицами озеро въ Кампаніи.

113) Любимецъ Геркулеса Гиласъ отличался замѣчательной красотой.

114) Гавимедъ, красивый юноша, былъ взятъ Юпитеромъ на Олимпъ и служилъ у его стола виночерпиемъ.

115) Герой романовъ средневѣковаго цикла.

116) Антипатръ, происхожденіемъ іудей, назначенный Цезаремъ царемъ іудейскимъ, возстановилъ іерусалимскія стѣны.

117) И Фабрицій, и Курцій, оба люди небогатые, отказались отъ сокровищъ, предложенныхъ имъ царемъ Пирромъ и Самнитянами.

Книга 3-я.

118) Урикъ и Туммимъ — два камня, привѣщенные на груди первосвященниковъ. По этимъ камнямъ первосвященники дѣлали прощанія.

119) Александръ Македонскій завладѣлъ Азіей на тридцатомъ году жизни.

120) Антиохъ-Эпифанъ, царь Сиріи, разграбивъ Іерусалимъ, поставилъ въ храмѣ идолъ Юпитера.

121) Разыскивая ослицъ своего отца, Саулъ встрѣтился съ Самуиломъ, который и помазалъ его на царство.

122) Вѣроятно, Мильтонъ имѣлъ здѣсь въ виду гору Нифать, на которомъ берутъ начало р. Тигръ и Евфратъ.

123) Рѣка Араксъ беретъ начало изъ горы Тавра и течетъ по Арменіи.

124) Царь ассирійскій, Салманасаръ, за намѣреніе царя израильскаго Осіи свергнуть его владычество, плѣнилъ израильтянъ и поселилъ ихъ въ Ассирію.

125) Персеполь, главный городъ восточныхъ странъ, построенъ былъ Персомъ и уничтоженъ Александромъ Македонскимъ.

126) Скияскій городъ на рѣкѣ Бактрѣ, отъ которой и получилъ свое названіе.

127) Суза, столица имперіи Кира, находилась между Вавилономъ и Персидою. До сихъ поръ еще видны ея развалины въ персидской провинціи Хузистанъ.

128) Селевкия, на рѣкѣ Тигрѣ. Развалины ея видны около Багдада.

129) Городъ персидской провинціи Гирканіи.

130) Часть современнаго Афганистана.

131) Сузіана — названіе провинціи въ Персіи.

132) Альбракка — несуществующій городъ, придуманный въ одномъ средневѣковомъ романѣ. Герои этого романа — Агриканъ, Галлафронъ и Анжелика.

Книга 4-я.

133) Городъ, расположенный у границъ Эѳіопіи и Египта.

134) Островъ на рѣкѣ Нилѣ. Здѣсь была погребена сестра Камбиза — Мероя, именемъ которой были названы какъ городъ, такъ и островъ.

135) Капрея — небольшой островъ у береговъ Кампаніи въ Италіи.

136) Ручей, орошавшій рощу «Академія» въ Аѳинахъ.

137) Такъ называлось мѣсто, гдѣ Аристотель, прогуливаясь, училъ своихъ послѣдователей.

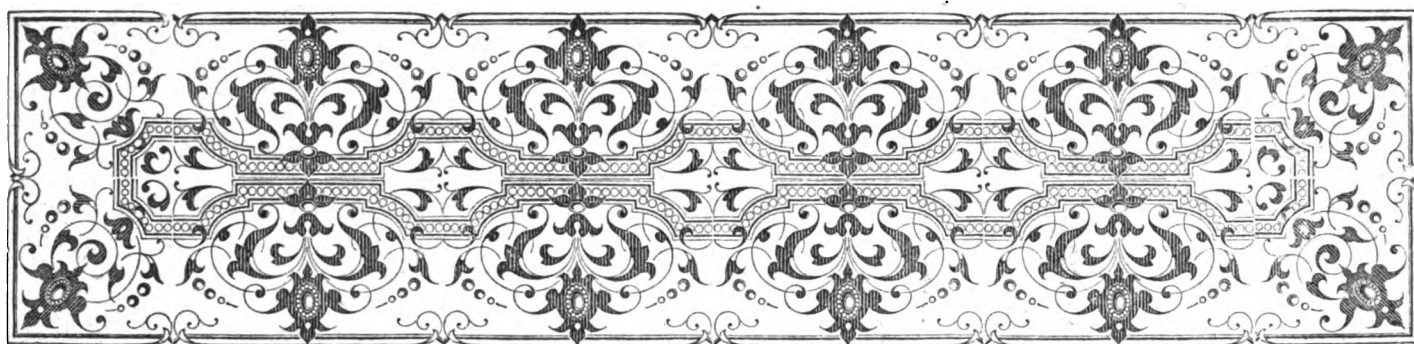
138) Колоннадами называлось мѣсто, гдѣ собирались стоики.

139) Сфинксъ — чудовище, полуженщина, полугеи, задавалъ загадки прохожимъ, а не отгадавшихъ бросалъ въ море. Когда Эдипъ разгадалъ его знаменитыя загадки, онъ растерзалъ себя грудь и бросился съ утеса въ воду.

140) Авадонъ, или Абаддона, на еврейскомъ языкѣ обозначаетъ бездну. Этимъ-же именемъ называется и самъ Сатана, какъ владыка этой бездны.

ПОТЕРЯННЫЙ РАЙ.

КНИГА 1-я.

Въ книгѣ первой кратко разсказывается содержаніе всей поэмы, начиная съ грѣхопаденія Человѣка, ставшаго причиной изгнанія его изъ Рая, который служилъ ему жилищемъ. Далѣе повѣствуется о главной причинѣ грѣхопаденія, т. е., о Сатанѣ, лившемся въ образъ змія, который еще задолго до сотворенія видимаго міра вмѣстѣ со своими приверженцами возмущился противъ Творца вселенной, за что и былъ свергнутъ съ небесъ въ преисподнюю. Затѣмъ слѣдуетъ описаніе самого Діавола и его ангеловъ въ Аду, который до сотворенія міра находился въ безднѣ тьмы, или первобытнаго хаоса. Пораженные Божіимъ гнѣвомъ, и самъ Діаволь, и приверженцы его лежатъ на берегу горящаго пламенемъ озера. Пробудившись отъ тяжелаго сна, Сатана подзываетъ къ себѣ своего главнаго помощника и съ нимъ говоритъ и совѣтуется о своемъ позорномъ положеніи вдали отъ свѣта и Небесъ. Затѣмъ Сатана поднимаетъ все свое полчище. Количество его неисчислимо. Соратники Сатаны строятся въ боевые ряды, причемъ главнѣйшимъ начальникамъ ихъ присвоиваются имена Ханаанскихъ и прочихъ идоловъ. Сатана обращается къ своему полчищу со словами утѣшенія и выражаетъ надежду вновь завоевать Небо, открыть новый міръ, обѣщаетъ появленіе новыхъ твореній, которыя будутъ созданы во исполненіе пророчествъ и преданій о Небѣ. По словамъ многихъ древнихъ патріарховъ, ангелы были уже созданы далеко до сотворенія вселенной. Чтобы выяснитъ правдивость и сущность преданій, Сатана предлагаетъ обсудить дѣло на общемъ совѣтѣ. Полчище приверженцевъ соглашается съ предложеніемъ начальника. Появляется дворецъ Сатаны, Пандемоніумъ, въ которомъ собираются на совѣтъ старѣйшіе восначальники.

ПОВѢДАЙ намъ, божественная Муза,
О первомъ послушаніи Человѣка
И дерева запретнаго плодѣ,
Смертельный вкусъ котораго принесть
На землю смерть и всѣ страданья наши.
Мы свѣтлый Рай утратили, покуда,
* Спасая міръ, изъ смертныхъ Величайшій
Намъ не вернулъ блаженное жилище.
И не тобой-ли, Муза, на вершинѣ
Таинственной Хорива ¹⁾ иль Синая
Священнаго былъ Пастырь вдохновенъ,
Повѣдавшій избранникамъ впервые
О томъ, какъ міръ изъ хаоса возсталъ?
Иль, можетъ быть, съ Сіонскими холмами
Тебѣ милѣй источникъ Силоамскій?
Гдѣ чудеса Господни совершались?
Тогда тебя оттуда призываю
На помощь я къ моей отважной пѣснѣ,
Которая превыше Геликона ²⁾
Поднимется, стремяся къ высотамъ,
Досель стиху и прозѣ недоступнымъ.

Напѣемъ Ты вразуми меня,
О, Духъ Святой! Великолѣпнымъ храмамъ

Ты чистія сердца предпочиташь,
Ты вѣдаешь начало мірозданья;
Надъ пропастью бездонною парилъ,
Какъ голубь, Ты на крыльяхъ распростертыхъ
И даровалъ пучинѣ плодородье.
Молю Тебя: все темное во мнѣ
Ты просвѣти, все низкое возвысь
И укрѣпи мой духъ, дабы достойно
Я справился съ задачей высокой,
И смертному я далъ уразумѣть
Величіе и благость Провидѣнья
И оправдалъ Всевышняго пути.

Повѣдай мнѣ, во первыхъ—для тебя
Открыто все и даже область Ада—
Повѣдай мнѣ: осыпанныхъ дарами
Создателя, властителя вселенной,
Что побудить могло Адама съ Евою
Отъ Господа отпасть и преступить
Единственный запретъ Его? Кто первый
Ихъ соблазнилъ на гнусное возстанье?
Коварный Змій! Пылая адскою злобой
И завистью, праматерь нашу Еву
Онъ обольстилъ, когда въ своей гордынѣ

Низвергнуть былъ съ небесной высоты
 Онъ вмѣстѣ съ сонмомъ ангеловъ мятежныхъ.
 Возвысится онъ думалъ надъ Властями
 Небесными съ ихъ помощью и даже
 Сравняться онъ надѣялся съ Всевышнимъ.
 Такъ въ небесахъ на Царство и Престола
 Господніе войною нечистойвой
 Онъ поднялся. Но тщетною попытка
 Его была. и пламенемъ объять,
 Низвергнутый десницей всемогущей,
 Летѣлъ стремглавъ изъ свѣтлаго эфира
 Онъ въ темную бездонную пучину,
 Гдѣ вѣчныя мученья ожидали
 Дерзнувшего на Господа возстать
 Съ оружіемъ: въ цѣпяхъ изъ адаманта
 Томящійся, въ огнѣ неугасимомъ
 Онъ долженъ былъ терзаться! Девять разъ
 Для смертнаго смѣнились день и ночь,—
 А онъ лежалъ съ дружиною своей
 Преступною въ пылающей пучинѣ,
 Погибшій, побѣжденный, но безстрашный.

Но худшія мученья предстояли
 Виновному: сознание блаженства
 Погибшаго и скорби безконечной.
 Съ отчаяньемъ блуждаетъ взоръ зловѣщій,
 Но гордостью исполненъ непреклонной
 И злобою непримиримой онъ.
 Такъ далско, какъ можетъ взоръ безсмертныхъ
 Обозрѣвать—онъ видитъ лишь пространства
 Ужасныя и дикія, тюрьму,
 Которая обведена вокругъ
 Пылающимъ горниломъ. Это пламя
 Не разгоняетъ сумрака; при немъ
 Лишь явственнѣй явлются картины
 Отчаянья и скорби, та обитель
 Унынія, гдѣ отдыха и мира
 Не вѣдаютъ, куда самой надеждѣ,
 Которая присуща всѣмъ на свѣтѣ,
 Нѣтъ доступа,—юдоль ужасныхъ мукъ
 И пламени питаемаго сѣрой,
 Которая горитъ и не сгораетъ.
 Вотъ каково зловѣщее жилище,
 Назначенное правосудьемъ Неба
 Мятежникамъ, томящимся во тьмѣ.
 Отъ Господа сны на вѣкъ пространствомъ
 Отдѣлены, превосходящимъ трижды
 Пространство то, которымъ отдѣленъ
 Отъ полкса планеты нашей центръ.
 Какъ разнится жилище это съ тѣмъ,
 Откуда ихъ изгнало правосудье!

Добычей волнъ и огненного вихря
 Друзей своихъ увидѣлъ Сатана.
 Вблизи него терзался Вельзевул⁴⁾,
 Впослѣдствіи извѣстный въ Палестинѣ.
 Въ былые дни всѣхъ ближе онъ стоялъ
 Могуществомъ и дерзостью вина
 Къ Врагу Небесъ. И, смѣло прерывая
 Молчаніе, такъ молвилъ Сатана⁵⁾:
 — Ужели ты—тотъ самый Духъ? Въ паденьѣ
 Какъ мало ты походишь на того,
 Кто затмевалъ сіяньемъ лучезарнымъ
 Блестящихъ херувимовъ мірады!
 Союзниками въ славномъ предпріятіѣ
 Мы сдѣлались, и общія надежды,

Желанія, соединяли насъ,
 Какъ нынѣ насъ съ тобой соединяютъ
 Крушеніе и общая погибель.
 Ты видишь-ли, въ какую глубину
 И съ высоты низвергнуты какой
 Мы страшною грозю Божья гнѣва?
 Кто зналъ всю мощь оружія Его?
 И все-жъ—хотя-бъ Державный Побѣдитель
 На худшія мученья насъ обрекъ—
 Раскаянью останусь чуждымъ я.
 Пускай мой блескъ наружный измѣнился,
 Но въ твердости моей, въ негодованьѣ,
 Которыя подвигли на борьбу
 Меня съ Творцомъ,—не измѣнился я.
 Возставшіе въ количествѣ несмѣтномъ,
 Вооружась, ко мнѣ примкнули Духи,
 Которые, Его верховной власти
 Владычество мое предпочитаютъ,
 Вступили въ бой среди равнинъ небесныхъ,
 Поколебавъ Всевышняго престолъ.
 Что изъ того, что мы побѣждены?
 Попрежнему непобѣдимы воля
 Съ обдуманною жаждою отмщенія
 И ненависть безсрашная, и духъ,
 Не знающій во-вѣки примиренья.
 Нѣтъ, никогда могуществу Творца
 Мы торжества такого не доставимъ.
 Склоняясь предъ Нимъ, о милости молить,
 Боготворить Того, кто столь недавно
 За власть Свою предъ нами трепеталъ—
 Безчестіемъ считалъ-бы это я
 Позорнѣйшимъ, чѣмъ самое паденье!
 Велѣніемъ судебъ, начало наше
 И естество божественное вѣно.
 Оружіемъ, какъ прежде, мы владѣемъ,
 А опытомъ богаче стали мы
 И съ большею надеждой на успѣхъ,
 При помощи коварства или силъ,
 Поднимемся войной непримиримой
 Мы на Врага Великаго, который
 Теперь, Свою побѣду торжествуя,
 Одинъ царить, какъ деспотъ, въ небесахъ.

Стараяся хвастливыми рѣчами
 Отчаянье глубокое прикрыть,
 Такъ говорилъ отступникъ, падшій Ангель,
 И отвѣчалъ ему союзникъ смѣлый:
 — О, Князь и Вождь! Владыка многихъ царствъ!
 Несмѣтныя дружины херувимовъ
 Водившій въ бой! Не вѣдающій страха,
 Ты трепетать заставилъ предъ собой
 Царя Небесъ, желая испытать,
 Чѣмъ держится владычество Его
 Верховное: судьбы предначертаньемъ
 Иль силою и случаемъ? Увы!
 Съ безжалостною ясностью я вижу
 Послѣдствія ужаснаго событія.
 Въ паденіи своемъ и поруженьѣ
 Утратили мы Небо, наши сонмы
 Низвергнуты, осуждены на гибель,
 Насколько ей подвержено бывасть
 Божественное наше естество.
 Безсмертный духъ не знаетъ пораженья—
 Хотя померкла слава, и блаженство
 Поглощено отчаянья пучиной.
 Но Побѣдитель Всемогущій нашъ

... И пламенем объять,
Низвергнутый десницей всемогущей,

Летѣлъ стремглавъ изъ свѣтлаго эфира
Онъ въ темную бездонную пучину.

(Стр. 2.)

1*

(Его назвать иначе не могу я
Съ тѣхъ поръ, какъ насъ онъ въ битвѣ побѣдилъ),
Быть можетъ, Онъ, руководясь гнѣвомъ,
Оставилъ намъ и мужество, и силы
Лишь для того, чтобъ вѣчно мы страдали?
Иль, можетъ быть, какъ плѣнники Его,
Осуждены трудиться въ нѣдрахъ Ада
Мы въ пламени и быть Его гонцами
Послушными во мракѣ преисподней?
На что-же намъ безсмертія вѣнецъ,
Когда конца страданіямъ не будсть?

И такъ ему отвѣтилъ Сатана:
— Въ страданіяхъ, о, падшій херувимъ,
Среди труда, всего ужаснѣй — слабость.
Узнай одно: добру служить не будемъ,
Мы никогда; единымъ наслажденіемъ
Осталось намъ — повсюду сѣять зло,
Наперекоръ Его высокой волѣ.
И, если-бы Всевышній пожелалъ
Извлечь изъ зла когда-нибудь добро —
Препятствовать мы этому должны,
Въ самомъ добрѣ отыскивая вѣчно
Источникъ зла. Прeusъвая въ томъ,
Разстраивать и отклонять отъ цѣли
Возможно намъ Его предначертанья.
Разгнѣванный и мощный Побѣдитель
Свершителей возмездья отозвалъ
Къ вратамъ Небесъ. Ты видишь: сѣрный градъ,
Ниспосланный вослѣдъ намъ, не бичуетъ
Насъ болѣе, улетъ онъ въ волнахъ,
Принявшихъ насъ въ пылающее лоно.
И, молніей багровой окрысленный,
Ужасный громъ, всѣ стрѣлы истощивъ,
Затихъ теперь въ пространствѣ безпредѣльномъ.
Воспользуемся случаемъ, который
Доставленъ намъ Врага пренебреженіемъ
Иль злобою, на время утолснной.
Ты видишь тамъ печальную долину,
Пустынную и дикую, обитель
Страданія? Она озарена
Лишь отблескомъ, уныные наводящимъ,
Мерцающаго пламени. Туда
Мы вырвемся изъ огненной пучины
И отдохнемъ, когда возможенъ отдыхъ.
Разсѣянные рати созовемъ
Мы на совѣтъ туда-же и рѣшимъ,
Какъ дѣйствовать противнику во вредъ
И какъ, уронъ жестокой возмѣщая,
Съ несчастіемъ бороться и въ надеждѣ
Вновь почерпнуть утраченные силы
Иль въ глубинѣ отчаянья — рѣшимость.

Такъ Сатана собрату говорилъ.
Онъ голову приподнял надъ волной,
Глаза его кругомъ метали искры,
И, на волнахъ покоясь распростертый
Во всю свою длину и ширину,
Величиной казался онъ подобенъ
Сынамъ Земли, тѣмъ сказочнымъ Титанамъ ⁶⁾,
Которые на Зевса возставали, —
Иль грозному Пнеону-Бриареоу,
Что погребенъ близъ Тарса въ подземельѣ.

Но болѣе всего Левіагану ⁷⁾,
Громаднѣйшему изъ морскихъ чудовищъ,

Подобенъ былъ надменный Сатана.
Порой — гласятъ преданья мореходовъ —
Среди морей норвежскихъ увидаютъ
И островомъ чудовище сочтя,
Во тѣмъ ночной бросаетъ смѣло кормчи
Въ чешуйчатую спину якорь свой
И, близъ него укрывшись отъ вѣтра,
Желаннаго разсвѣта ожидаетъ.
Такъ, распростертъ во всю длину свою,
Прикованный къ пылающей пучинѣ,
Духъ Зла лежалъ. Безъ воли Провидѣнья
Онъ головы не могъ-бы приподнять.
Но Небеса злоумышленіямъ чернымъ
Полнѣйшую свободу даровали,
Дабы, свои умножа преступленья,
Проклятію подвергся Сатана,
Терзаяся при видѣ милосердія
И благодати Господней къ человѣку,
Котораго онъ ввелъ во искушеніе
И соблазнилъ, — но этимъ онъ навлекъ
Лишь на себя тройную мѣру бѣдствій,
Возмездія суроваго и гнѣва.

Тутъ Сатана, во весь гигантскій ростъ
Поднявшійся изъ озера, возсталъ.
И, обращая кинзу языка,
Похожіе на остріе — огонь,
По сторонамъ отхлынувъ, раздался,
Образовавъ ужасную долину —
По воздуху, который надавлялъ
Онъ тяжестью своею, Сатана
Летитъ къ землѣ на крыльяхъ распростертыхъ.
Но можно-ли назвать землею мѣсто,
Горящее огнъ мѣ сухимъ и твердымъ,
Какъ озеро — расплавленнѣмъ огнемъ?
Цвѣтъ той земли напоминалъ Пелора ⁸⁾
Растерзаннаго склоны въ ту минуту,
Когда отъ нихъ подземной бури силой
Отгоргнута громадная скала.
Еще она напоминала Этну,
Когда гора, вся пламенемъ дыша,
Огонь и дымъ, и лаву извергаетъ.
Такой земли коснулся, попирая
Ее стогой проклятой, Сатана,
А съ нимъ — его союзникъ, похваляясь,
Что собственной силой, какъ богамъ —
Не волею верховною Небесъ —
Стигійскихъ ⁹⁾ волнъ избѣгнуть удалось имъ.

— И этотъ воздухъ, почва и страна
Замѣнятъ намъ Небесную обитель,
И этотъ мракъ — сіяніе Небесъ! —
Въ отчаяньѣ вскричалъ Архангелъ падшій. —
Да будетъ такъ! Когда превосходящій
Могуществомъ, но разумомъ намъ равный,
Теперь царитъ всевластно Побѣдитель,
Чѣмъ далѣе мы будемъ отъ Него —
Тѣмъ лучше намъ! Простите-же, Небесъ
Счастливыя долины, гдѣ блаженство
Живетъ во вѣкъ! Привѣтъ тебѣ, привѣтъ,
Подземный міръ и адская пучина!
Прими и ты Владыку своего.
Съ собою духъ онъ вноситъ непреклонный,
Котораго не властны измѣнить
Ни времени теченіе, ни мѣсто.
Въ самомъ себѣ живетъ безсмертный духъ,

Тутъ Сатана, во весь гигантскій ростъ
Поднявшійся, изъ озера возстаѣ. (Стр. 4.)

Внутри себя создать из ада небо
Способенъ онъ и небо—сдѣлать адомъ.
Гдѣ буду я—не все-ли мнѣ равно?
Чѣмъ я ни стану—я все-же буду ниже
Того, Кто Самъ возвысился надъ нами,
Благодаря громамъ Своимъ. Свободнѣй
Мы будемъ здѣсь, откуда не изгонитъ
Всевышній насъ. Владычество свое
Здѣсь утвердимъ, и болѣе достойно—
Царить въ Аду, чѣмъ быть слугою въ Небѣ.
Но почему-жъ собратій по несчастью
На озерѣ забвенія оставляемъ
Томиться мы? Скорѣе призовемъ
Ихъ раздѣлить пріютъ нашъ злопучный
И, силы вновь соединивъ свои,
Испробуемъ, нельзя-ль отвоевать
Чего-нибудь у Неба и возможно-ль
Намъ что-нибудь утратить въ преисподней?

И Сатанѣ отвѣтилъ Вельзевулъ:
— Великій Вождь блистательныхъ дружинъ,
Которыя Одинъ лишь Всемогущій
Могъ побѣдить. Пускай раздастся голосъ
Могучій твой, будившій въ нихъ надежду,
Въ сраженіи одушевлявшій ихъ,
Когда кругомъ опасность угрожала.
Пускай они услышатъ этотъ голосъ,
Зовущій ихъ на приступъ—и сны,
Паденіемъ съ высотъ неизмѣримыхъ
Поражены и ввержены въ огонь,
Вернутся вновь къ сознанию и воспрянуть
Съ удвоенной отвагой для борьбы.

Едва успѣвъ отвѣтить Вельзевулъ
Какъ Сатана направился къ пучинѣ.
За плечи онъ откинулъ закаленный
Въ эфирѣ щитъ. Громадный этотъ щитъ
Напоминалъ блестящую луну,
Чей свѣтлый дискъ въ оптическія стекъ
Разглядывалъ съ Фьезольской высоты
Тосканскій мужъ ученый Галилей¹⁰⁾.
Старавшійся на шарѣ испещренномъ
Найти слѣды иныхъ земель и горъ.

По глыбамъ раскаленнымъ Сатана
Шелъ далѣе нетвердыми шагами,
И посохомъ копьѣ ему служило.
Предъ тѣмъ копьемъ—длиннѣйшая изъ сосенъ
Норвегіи, что срублена на мачту
Громаднѣйшаго въ мірѣ корабля,
Казалась-бы тростинкою ничтожной.
Давно-ль стоной воздушной своею
Онъ попиралъ небесную лазурь?
И какъ теперь и смрадъ, и духоту
Подъ огненными сводами жестоко
Онъ чувствовалъ,—но все-жъ, преодолая
Страданіе, достигнулъ, наконецъ,
Онъ берега пылающей пучины.

Остановясь, воззвалъ онъ къ легионамъ.
То были тѣни ангеловъ былыхъ,
Разсѣяны, кругомъ они лежали,
Какъ желтые осенніе листья,
Которые въ дубравѣ Этрурійской
Подъ куполомъ вѣтвей ея собой
Усыпали источникъ въ Валломброзѣ¹¹⁾.

Такъ густо моря Чермнато побережье
Собой тростникъ поломанный покрывъ,
Когда своимъ дыханьемъ Орионъ¹²⁾
Вдругъ взвонивалъ пучину, потопивъ
Съ мемфисскою дружиной Бузириса¹³⁾,
Который обитателей Гессема¹⁴⁾
Преслѣдовалъ безжалостно. И тѣ
Взирали съ безопасныхъ береговъ
На мертвыя тѣла и колесницы
Разбитыя. Такъ, озеро устьявъ,
Сподвижники лежали Сатаны,
И, пораженъ злоубіею переменною,
Онъ голосомъ воскликнулъ громамъ,
Раздавшимся въ глубокіихъ нѣдрахъ Ада:
— Властители могучіе, князья
И волны! Вы были лучшимъ цвѣтомъ
Теперь для васъ утраченныхъ, а прежде—
Родныхъ Небесъ. Возможно-ли безсмертнымъ
Подобному уныню предаваться?
Иль, можетъ быть, отъ подвиговъ своихъ
Вы здѣсь нашли себѣ отдохновеніе,
Какъ будто-бы среди долины райской
Покояся? Быть можетъ, наконецъ,
Вы поклялись воздать Ему хвалу;
Повергшись предъ Тѣмъ, Кто побѣдилъ?
А Снѣ, съ высотъ смотря на серафимовъ
И херувимовъ, побѣжденныхъ Имъ,
Въ уныніи лежащихъ межъ обломковъ
Оружія, растерзанныхъ знаменъ.—
Увидѣвъ ихъ въ униженіи полномъ,
Пошлетъ Свои крылатыя дружины
За нами вслѣдъ. И тѣ растопчутъ насъ
Иль съ помощью перуновъ пригвоздятъ
Насъ силою на днѣ пучины грозной!
Возстаньте-же не медля, пробудитесь,—
Иль падшими останетесь на-всегда!

Услыша зовъ Вождя ихъ, на крылахъ,
Воспрянули они, подобно стражамъ,
Застигнутымъ вождемъ во время сна,
Которые, смущенно озираясь,
Стараются придти въ себя. Мученій
Они своихъ пока не сознавали,
Но голосъ Сатаны оцѣпенѣнъ
Разсѣялъ вмигъ: покорные призыву,
Воспрянули безчисленные сонмы.
Не такъ-ли въ день, зловѣщій для Египта,
Единый взмахъ могучаго жезла
Въ пророческой десницѣ Моисея
Призвалъ собой съ востока саранчу,
Которая, подобно черной тучѣ,
Повисла вдругъ надъ царствомъ фараоновъ?
Не менѣе безчисленными были
И Духи зла, подъ сводомъ преисподней
Парившіе въ огнѣ, который ихъ
Со всѣхъ сторонъ охватывалъ. Но, вотъ,
Простеръ копьѣ великій ихъ Султанъ—
И плавно всѣ мгновенно спустились
На сѣру отвердѣлую, занявъ
Равнину всю своей громадной массой.
Такой толпы и сѣверъ многолюдный
Не извергалъ доселѣ изъ своихъ
Морозныхъ нѣдръ, когда сыны его,
Рейнъ иль Дунай широкій перейдя,
Подобные рѣкѣ, отъ Гибралтара
И до степей Ливійскихъ разливались.

Услыша зовъ Вождя ихъ, на крылахъ
Воспрянули они, подобно стражамъ,
Застигнутымъ вождемъ во время сна... (Стр. 6.)

Собравшихся дружинъ и легионовъ
 Начальники и смѣлые вожди
 Спѣшатъ туда, гдѣ ждетъ ихъ Полководецъ.
 Красой своей, съ которой не сравнится
 Красъ людей—они богоподобны
 И царскаго исполнены величья.
 Престолы ихъ въ Господнемъ царствѣ были;
 Но въ записяхъ небесныхъ уничтожилъ
 Всевышній слѣдъ мятежныхъ ихъ именъ.
 Впослѣдствіи, испытывая смертныхъ,
 Когда Господь дозволилъ этимъ Духамъ
 Явиться въ міръ, внося съ собой соблазны
 Грѣховныя—тогда потомки Евы
 Имъ нарекли другія имена.
 И большинство людей они склонили
 Обманами къ забвенію Творца,
 Создателя живущихъ, образъ Бога
 Низримаго въ животныхъ воплотивъ,
 Украшенныхъ богато, и которыхъ
 Обрядами торжествъ иными чтили.
 Такъ демоны, являя божествами,
 Извѣстными съ тѣхъ поръ вселенной стали
 Подъ именемъ языческихъ кумировъ.

Ихъ имена повѣдай мнѣ, о, Муза!
 Страхнувши сонъ, отъ огненнаго ложа
 Кто первымъ, кто послѣднимъ поднялся
 На зовъ Вожда? Къ нему поодиночкѣ
 И сообразно сану своему,
 Приблизились главнѣйшіе,—межъ тѣмъ
 Какъ прочіе остались въ отдаленѣ.

Изъ Духовъ тѣ явились вождями,
 Что, вырвавшись впослѣдствіи изъ Ада
 Для поисковъ добычи на землѣ,
 Осмѣлились себѣ воздвигнуть храмы
 Съ Господнею святыней наряду,
 Оспаривая царство Еговы,
 Сидящаго межъ свѣтлыхъ херувимовъ
 И правящаго міромъ съ высоты
 Сионскихъ горъ, среди раскатовъ грома.
 Кумиры ихъ порою воздвигались
 Въ святилищѣ Господнемъ, и служенье
 Кошунственнымъ обрядомъ осквернялось:
 Съ сіяніемъ дерзалъ бороться мракъ.

Приблизился Молохъ ¹⁵⁾ ужасный первымъ.
 Зловѣщій богъ, обрызганъ кровью жертвъ
 И горькими родителей слезами.
 Младенцевъ крикъ, кидаемыхъ въ огонь
 Безжалостному идолу въ угоду,
 Литавровъ звонъ собою заглушалъ,
 Но матери отчаянно рыдали.
 Онъ богомъ былъ для аммонитянъ въ Раббѣ,
 Среди равнинъ болотистыхъ и влажныхъ;
 Въ Аргобѣ ¹⁶⁾ и Васанѣ до предѣловъ
 Далекаго Арнона ¹⁷⁾. Не рѣшась
 Довольствоваться этимъ, совратилъ
 Онъ сердце Соломоново, и царь
 Воздвигъ ему кумирню противъ храма
 Господняго, на высотѣ горы,
 Которая юрой позора стала,
 И дивная Енномская долина
 Тофетомъ ¹⁸⁾, иль Геенной нареклась,
 Прообразомъ являясь преисподней.

Вторымъ къ Вождю приблизился Хамось ¹⁹⁾,
 Внушавшій страхъ сынамъ Моава, чтимый
 Повсюду отъ Арфара до Нававы,
 Въ пустыняхъ Авирона, въ Гезебонѣ,
 Въ Хоронаимѣ и въ Сеонскихъ царствахъ,
 И далѣе, въ поляхъ цвѣтущихъ Сивмы,
 Поросшихъ виноградною лозой,
 И въ Элеалѣ, до предѣловъ моря
 Асфальтскаго ²⁰⁾. Подъ именемъ Фегора,
 Израильтянъ, бѣгущихъ изъ Египта,
 Въ Ситтимѣ ²¹⁾ онъ позорно развратилъ
 И тѣмъ навлекъ на нихъ Господню кару.
 Отсюда сладострастные пиры
 Распространилъ онъ до горы Соблазна,
 Кривавому Молоху посвященной.
 Царили тамъ злодѣйство и развратъ,
 Покуда царь Іосія боговъ
 Языческихъ не свергнулъ въ бездну Ада.

За нимъ вослѣдъ явилось двое Духовъ,
 Которые отъ береговъ Евфрата
 До волнъ рѣки, Египетъ раздѣлившей
 И Сирію, царили надъ страной,
 Подъ именемъ Ваала и Астарты ²²⁾.
 Не связаны тѣлесной оболочкой,
 Преобразясь, принять свободны Духи,
 Чье естество такъ чисто и легко,
 И мужескій, и женскій полъ, а также
 Принять заразы и оба эти пола.
 Но, въ образѣ какомъ-бы ни явились
 Намъ Духи зла,—въ тѣлесномъ иль безплотномъ,
 Въ сіяющемъ иль темномъ,—приводить
 Они легко умѣютъ въ исполненье
 Всѣ замыслы, въ сердцахъ рождая нашихъ
 И ненависть, и пылкую любовь.
 Для нихъ не разъ Израиля сыны,
 Создателя и храмъ Его покинувъ,
 Склонялися предъ идолами тѣми,
 Которые боговъ изображали.
 И головы, къ позорнымъ поклоненьямъ
 Привычныя, склонялися такъ-же низко
 Въ сраженіи передъ мечомъ врага.

Со свитою явился Астареевъ.
 Чело его блестящій полумѣсяцъ
 Вѣнчалъ собой. Его финикіяне
 Астартою, Царицей неба, звали,
 И къ ней неслись полночною порой
 Сидонскихъ дѣвъ мольбы и пѣснопѣнья.
 Ей воспѣвалъ хваленя и Сионъ,
 Гдѣ на горѣ Обиды возвышался
 Богини храмъ, царемъ женолюбивымъ
 Поставленный, царемъ съ великимъ сердцемъ,
 Который, тѣмъ не менѣе, поддавшись
 Прекраснѣйшихъ язычницъ обольщенью,
 Позналъ и самъ ихъ мерзостныхъ боговъ.

Четвертымъ былъ сирійскій богъ Таммузъ ²³⁾.
 Преданію согласно, ежегодно
 Стекалася толпа сирійскихъ дѣвъ,
 И въ знойный день онѣ въ любовныхъ пѣсняхъ
 Оплакивали раненаго бога.
 Смотрѣвша, какъ тихій Адонисъ
 Несетъ свои пурпуровыя волны
 Отъ скалъ родныхъ къ морямъ далекимъ, дѣвы
 Считали ихъ окрашенными кровью

Не менѣ безчисленными были
И души зла подъ сводомъ преисподней,
Парившіе въ огнь...

(Стр. 6.)

Прекраснаго Таммуза. Эта сказка
Любовная воспламеняла ихъ.
Езекииль, когда ему въ видѣнъ
Открылъ Господь нечестье чадъ Иуды,
Увидѣлъ ихъ, пороку сладострастья
Предавшихся безумно. За Таммузомъ
Тотъ слѣдовалъ, кто плакалъ непритворно,
Когда его звѣроподобный идолъ,
Съ отбитыми руками и главой,
Былъ въ капищѣ поверженъ Маккавеемъ
И посрамилъ приверженцевъ своихъ.
Чудовище морское—назывался
Дагономъ онъ, и былъ на половину
Онъ человѣкъ, на половину—рыба,
Что не мѣшало городу Азоту
Возвѣстъ ему великолѣпный храмъ.
И по всему побережью Палестины,
И Аскалонъ, и Газа, вся страна
До крайняго предѣла Аккарона
И Газы—все дрожало передъ нимъ.

Риммонъ ²⁴⁾ за нимъ послѣдовалъ. Ему
Служилъ Дамаскъ убѣжищемъ прекраснымъ
И берега Авана и Фарфара—
Прозрачныхъ рѣкъ. На домъ Господень также
Онъ возставалъ Утративъ Наамана ²⁵⁾,
Страдавшаго проказою, взаменъ
Онъ завладѣлъ Ахазомъ слабоумнымъ.
И этотъ царь, его-же побѣждавшій,
Разрушилъ храмъ Господень, и Риммону
Онъ капище воздвигнуть повелѣлъ,
Гдѣ приносилъ кумиру всеожженъе.

За нимъ толпою слѣдовали Духи,
Которые звались Озирисомъ ²⁶⁾,
Изидою и Горусомъ въ Египтѣ,
И силою словъ волшебныхъ чаръ
Жрецовъ его смутилъ для того,
Чтобъ въ образѣ звѣрномъ воплотили
Они своихъ блуждающихъ боговъ.
Не избѣжалъ заразы и Израиль,
Когда тельца златого на Хоривѣ
Соорудилъ. А беззаконный царь
Въ такомъ грѣхѣ и дважды провинился,
Когда вола откормленнаго онъ
И въ Данѣ, и въ Веилѣ уподобилъ
Создателю вселенной—Еговѣ,
Который, въ ночь пройдя Египетъ весь,
Однимъ Своимъ ударомъ сокрушилъ
Всѣхъ первенцевъ и всѣхъ боговъ блеющихъ.

Послѣднимъ шелъ ужасный Веліаль ²⁷⁾,
Порочнѣйшій изъ падшихъ херувимовъ;
Изъ преданности самому пороку,
Ему служилъ усердно онъ. Кумиренъ
Не строили ему, и не дымился
Предъ нимъ алтарь, но кто скорѣй сго
Могъ проникать въ святилище Господне
И осквернять Господни алтари?
Священникамъ безбожіе внушая,
Такъ совратилъ онъ Или дѣтей,
Наполнившихъ своимъ развратомъ буйнымъ
Господень домъ. Въ палатахъ и дворцахъ
Онъ царствовалъ, въ роскошныхъ городахъ,
Гдѣ громкій гулъ распутства и насилья
Жестокаго несется къ небесамъ,

Надъ башнями высокими поднявшись.
Сыны его на улицахъ стемнѣвшихъ,
Упившись безстыдствомъ и виномъ,
Безчинствуютъ. Таковыми лицебрѣли
Ихъ улицы Содомскія и та
Глухая ночь въ далекомъ Гаваонѣ,
Когда сго гостепріимный кровъ,
Гнуснѣйшаго насилья избѣгая,
Пожегивалъ левитовой женой.

Главнѣйшими являлись эти Духи
По власти и значенью. Остальныхъ
Перечислять мнѣ было-бъ слишкомъ долго,
Хотя они прославились далеко
Подъ именемъ Іоніи боговъ,
Дѣтей Земли и Неба ²⁸⁾. Первороднымъ
Изъ эгихъ чадъ могучій былъ Титанъ,
Оставившій громадное потомство.
Но первенства лишилъ его Сатурнъ,
Которому за это оплатилъ
Его-же сынъ, родившійся отъ Реи—
Сильнѣйшій Зевсъ, который воцарился
При помощи захвата. Эти боги
Извѣстны были въ Идѣ и на Критѣ,
Оттуда-же на свѣтовой Олимпъ
Переселясь, въ пространствѣ среднемъ Неба
Они престолъ воздвигли свой. Въ Додонѣ
И на скалѣ Дельфійской до границъ
Дорической земли распространились
Тѣ божества, когда одинъ изъ нихъ
За Кельтику, къ далекимъ островамъ,
Черезъ волны Адриатики бѣжалъ
Въ Гесперию съ Сатурномъ престарѣлымъ.

Такъ Сатанѣ предстали сонмы Духовъ.
Во взорѣ ихъ опущенномъ и влажномъ
Сверкнулъ огонь, когда они узрѣли
Не впаваго въ отчаянъе Вождя,
Самихъ себя—покуда не погибшихъ
И въ гибели! На мигъ зардѣлся краской
Ликъ Сатаны, но съ гордостью обычной
Надменными словами и которымъ,
Быть можетъ, самъ не вѣрилъ онъ въ душѣ,
Разсѣялъ онъ ихъ страхъ и опасенья
И мужество въ нихъ новое вдохнулъ.
При громѣ трубъ одинъ изъ херувимовъ
Азариель, по росту исполнень,
Гордясь такою честью, развернулъ
Блещающее царственное знамя.
И, вотъ, оно, по вѣтру развѣваясь,
Какъ метеоръ, блеснуло въ вышинѣ
Каменьями и золотомъ червоннымъ,
Которые собою украшали
Трофеи серафимовъ и гербы.
Межъ тѣмъ, въ отвѣтъ на трубы и литавры,
Гремѣвшія все время не смолкая,
Отозвались дружины браннымъ кличемъ,
Потрясшимъ Адъ и ужасъ поселившимъ
Тамъ, гдѣ царятъ Ночь древняя и Хаосъ.

Одинъ лишь мигъ—и копя, словно лѣсъ,
Вдругъ выросли, и десять тысячъ стяговъ
Взвились во тѣмѣ, блиставшіе цвѣтами
Восточными,—а шлемы и щиты
Сплотились громадною стѣною.
И, правильной фалангой развернувшись,

Все воинство вдругъ двинулось впередъ.
 Подъ звуки флейтъ дорическихъ и нѣжныхъ
 Пастушескихъ свирѣлей,—эти звуки
 Возвышенной отвагой вдохновляли
 Могущественныхъ древности героевъ,
 Не злобою одушевляя ихъ,
 Но мужествомъ спокойнымъ, заставлявшимъ
 Ихъ предпочесть позору отступленья
 И бѣгству—смерть. Гармоніи полны,
 Тоску и страхъ у смертныхъ и безсмертныхъ
 Они собой побѣдно изгоняли.
 Дышавшіе рѣшимостью и силою,
 Шли ангелы мятежные безмолвно
 Подъ звуки флейтъ, мелодіей своей
 Смягчавшихъ путь по раскаленной почвѣ.
 Но, вотъ, они остановились,—грозень
 Сверкающій оружіемъ длинный фронтъ!
 И, воинамъ подобно поспѣдымъ,
 Всѣ ждуть они покорно приказаній
 Великаго Вождя.

И Сатана,

Окинувъ ихъ обычно острымъ взоромъ,
 Любуясь ихъ стройными рядами,
 Ихъ обликомъ и свойственной богамъ
 Прекрасною и гордою осанкой.
 Онъ мысленно подвелъ дружинамъ счетъ
 И гордостью безмѣрной былъ охваченъ
 Въ сознаніи своей великой силы.
 Во всей землѣ, отъ сотворенья міра,
 Еще такой дружины не сбиралось,
 Которая въ сравненьѣ съ этимъ войскомъ
 Подобною пигмеямъ ²⁹⁾ не была-бъ.
 Воюющимъ со стаей журавлиной.
 Съ несмѣтною дружиной Сатаны
 Другая рать сравниться не могла,
 Хотя бы въ ней къ Флегрійскимъ ³⁰⁾ великанамъ
 Герои Эивъ и даже Иліона
 Съ богами ихъ примкнули; всѣ героя
 И рыцари Бретани, Арморей,
 Сидѣвшіе у круглаго Стола
 Артурова ³¹⁾; всѣ воины: отъ мавровъ
 До христіанъ, безсмертіе стяжавшихъ
 Въ сраженіяхъ своихъ при Аспрамонтѣ,
 Марокко, Монтальганѣ и Дамаскѣ;
 Всѣ грозные Бизерта уроженцы,
 Которые, изъ Африки явясь,
 Среди полей Фонтарабійскихъ Карла
 Великаго и съ перами его
 Въ сраженіи отчаянномъ разбили.

Такъ, воинство земное безъ сравненія
 Превосходя, явилась эта рать,
 Покорная призыву Полководца.
 Осанкою и ростомъ исполинскимъ,
 Какъ башня, онъ надъ всѣми возвышался.
 И не вполне свой блескъ первоначальный
 Утратилъ онъ: въ паденіи своемъ
 Остался онъ Архангеломъ. Порою
 Такъ безъ лучей проглядываетъ солнце,
 Взшедшее сквозь утренній туманъ.
 А иногда, за мѣсяцемъ укрывшись,
 Оно въ часы затмѣнья озаряетъ
 Зловѣщимъ полусвѣтомъ половину
 Земного шара, въ трепетъ приводя
 Правителей, которые считаютъ
 Явленіе такое предвѣщаньемъ

Опасностей. И такъ-же, омраченный,
 Еще блисталъ межъ всѣми гордый Ангелъ.
 Пусть молніи избородили ликъ,
 Печать тоски ланиты омрачила
 Поблекшія, но очи подъ бровями
 Нависшими отвагою горѣли,
 Гордынею и жаждою отмщенія.
 Въ глазахъ его суровыхъ промелькнулъ,
 Однако, лучъ невольный состраданья.
 И совѣсть въ немъ проснулася, при видѣ
 Сообщниковъ вины его ужасной,
 Вѣрнѣе—жертвъ, утратившихъ блаженство
 И вѣчному страданью обреченныхъ
 Изъ-за него. Но и въ помѣткшей славѣ
 Они вѣрны остались ему.
 Такъ, молніей опалены небесной,
 Попрежнему незыблемо стоятъ
 Съ вершиной обгорѣлою сосна
 И гордый дубъ на тлѣющей землѣ.

Онъ сдѣлалъ знакъ, что хочетъ говорить.
 Вокругъ него и полководцевъ главныхъ,
 Образъ вавъ изъ крыльевъ полукругъ,
 Сомкнулися рялы бойцовъ. И трижды
 Заговорить пытался Сатана
 И, вопреки своей гордыни, трижды
 Отъ жгучихъ слезъ, какими могутъ плакать
 Лишь ангелы, не могъ онъ воздержаться.
 Среди глубокихъ вздоховъ, наконецъ,
 Онъ произнесъ:

— О, мириады Духовъ,
 Блистающихъ безсмертіемъ! О, Силы,
 Которыя одинъ лишь Всемогущій
 Могъ побѣдить! И даже съ Нимъ борьба
 Безславною для насъ не оказалась,
 Хотя исходъ ея несчастливъ былъ,
 Свидѣтельствомъ чему—и это мѣсто,
 И перемена страшная! Но кто
 Изъ глубины премудрости прошедшей
 И будущей, — кто могъ предугадать,
 Чтобъ мы — боговъ соединенныхъ силы —
 Подверглися когда-либо урону
 Подобному? И кто-же не повѣритъ,
 Что и въ своемъ паденьѣ легионы —
 Съ изгнаніемъ которыхъ опустѣлъ
 Чертогъ Небесъ — побѣдно не возстанутъ
 И силою не завоюютъ вновь
 Утраченную свѣтлую отчизну?
 Въ свидѣтели я воинство беру
 Небесное: моя-ли нерѣшимость
 Иль робкій духъ явился причиною
 Крушенія великихъ упований?
 Но Тотъ, Кого зовутъ Царемъ Небесъ,
 Незыблемо до той поры на тронѣ
 Сидѣлъ Своемъ, который опирался
 На древніе обычаи и славу.
 Онъ царственнымъ величьемъ поражалъ,
 Но мы Его могущества не знали,
 И это насъ, подвигнувъ на попытку
 Опасную, собою погубило.
 Зато теперь мы знаемъ мощь Его
 И собственную силу. Ни страшиться,
 Ни вызывать мы не должны Его,
 И лучшее для насъ: трудяся втайнѣ,
 При помощи лукавства и обмана,
 Достичь того, чего не властны были

Мы силой взять. Пускай-же через насъ
Узнаетъ Онъ, что силою одвою
Побѣду одержавшій побѣждаетъ
Въ борьбѣ враговъ своихъ на половину.
Явиться могутъ новые міры.
Давно уже гласитъ преданье въ Небѣ,
Что новую планету населить
Избранное Самимъ Всевышнимъ племя,
Которое съ сынами наравнѣ
Небесными возлюбитъ Онъ. Туда-то
Мы вторгнемся. Не могутъ эта бездна
И этотъ мракъ тюрьмою для безсмертныхъ
Надолго быть. Въ совѣтѣ сообща
Мы зрѣло все обдумаемъ; на миръ
Надежды нѣтъ: къ покорности не склоненъ
Никто изъ насъ,—итакъ, война на-вѣки,
Открытая иль тайная война!

Окончилъ онъ,—и сразу миллионы
Сверкающихъ мечей взвились вверхъ
И цѣлый Адъ сіянемъ озарили,
А громкій звонъ оружья о щиты
Былъ вызовомъ Всевышнему и Н.бу.

Тамъ высилась гора неподалеку.
Огонь и дымъ вершина извергала,
Поверхность-же ея была покрыта
Блестящею корою, подъ которой
Скрывалася богатая руда.
И, вотъ, туда, подобно пионерамъ,
Которые, при помощи лопатъ
И заступовъ, возводятъ укрѣпленья
Для княжескаго стана, поспѣшилъ
Туда отрядъ съ Маммономъ ²²⁾ во главѣ.
И въ Небесахъ всѣхъ низмениѣ духомъ
Считался онъ: и мысль его и взоры,
Поглощены богатствами Небесъ,
Гдѣ золото ногами попиралось,
Охотнѣ всего стремились долу,—
Не къ дивному блаженству созерцанья
И ангельскимъ видѣніямъ! Онъ первый
Людей своимъ примѣромъ научилъ
Искать въ утробѣ матери-земли
Сокровищъ тѣхъ, которымъ было-бъ лучше
Покоиться на-вѣки.

Вскорѣ Духи

Маммоновы зіяющую рану
Въ груди горы открыли беспощадно
И золотыя ребра извлекли.
Дивиться-ли, что золота отчизной
Былъ темный Адъ, благопріятной почвой
Явившійся для гибельнаго яда?
Склоняясь предъ браннымъ и земнымъ,
Всѣмъ чудесамъ Мемфиса, Вавилона,
Дивитесь вы. Но памятники эти—
Славнѣйшіе могущества, искусства—
Какъ всѣ они блѣднѣютъ наряду
Съ созданьями отверженниковъ Неба!
И съ легкостью какою въ часъ одинъ
Сооружаютъ демонскія силы
То, для чего потребовались людямъ
Тяжелый трудъ и цѣлые вѣка.

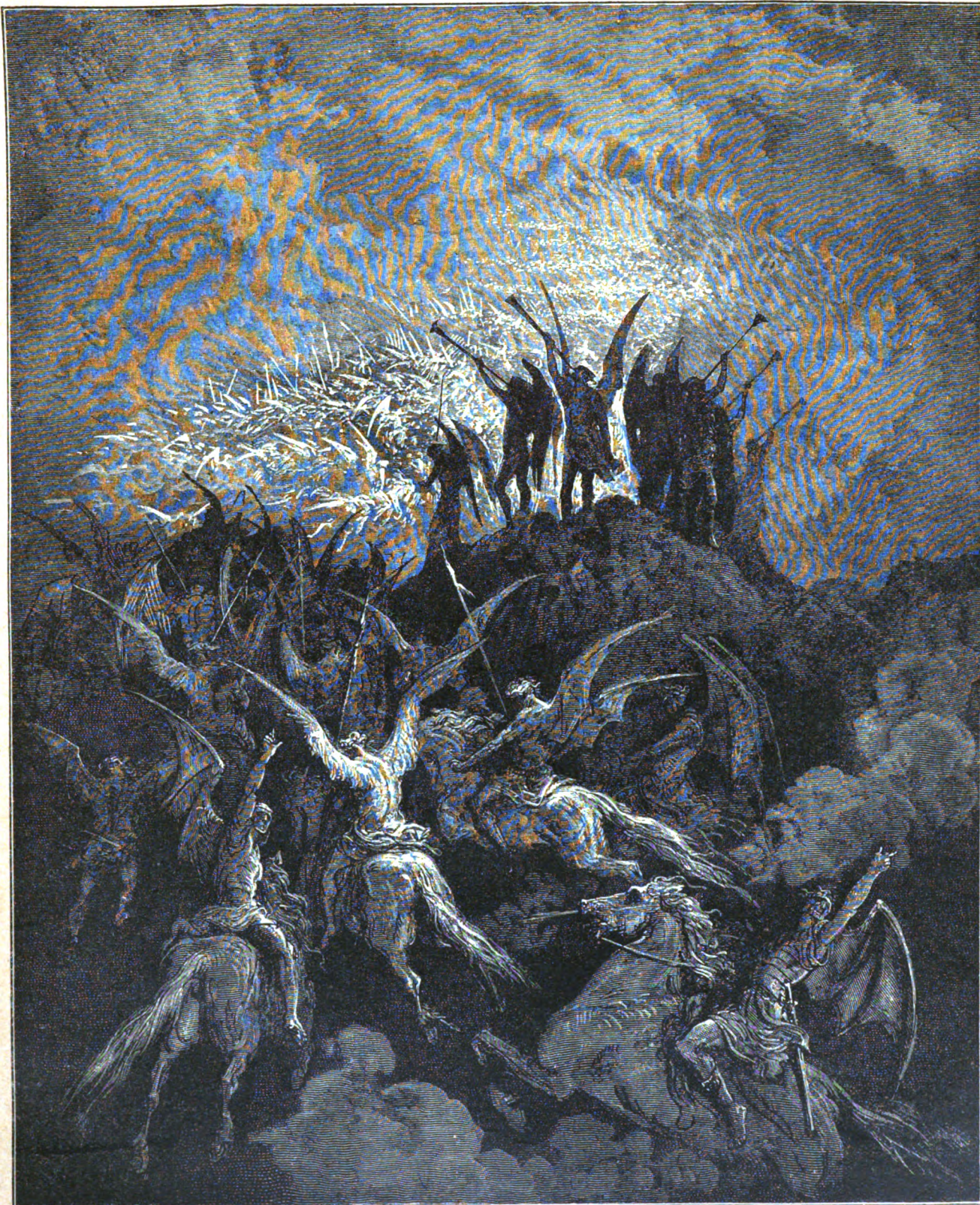
Во множество большихъ плавильныхъ горновъ
Изъ озера по жиламъ проведеннымъ
Текли потоки жидкаго огня.

Изъ демоновъ одни кидали глыбы,
Другіе-же, искусно отдѣляя
Породы ихъ, металлы расплавляли,
А третьи отливать спѣшили ихъ
И вылѣплять въ указанныя формы.
И золото кипящее текло,
И впадины собою наполняя;
Всѣ впадины собою наполняя;
Такъ дуновенье вѣтра, пробѣжавъ
Извилинами всѣхъ органичныхъ трубъ,
Изъ глубины выходитъ чистымъ звукомъ.

Какъ легкій паръ, явилось изъ земли,
Подъ сладостную музыку и пѣнье,
Похожее на храмъ чудесный—зданье,
Съ пилястрами и множествомъ колоннъ
Дорическихкихъ, вѣнчанныхъ архитравой
Изъ золота. Его карнизы, фризы—
Украшены фигурною рѣзьбой,
А куполь былъ изъ золота рѣзного.
Ни Вавилонъ, ни пышный Альколаръ,
Ни гордая Ассирія съ Египтомъ—
Что въ роскоши другъ съ другомъ состязались—
Не возвели такихъ палатъ и храмовъ
Блистательныхъ для Бела съ Сераписомъ,
Которые могли-бъ равняться съ этимъ.
И стройная громада, вознесясь,
Осталася незабываемой. Изъ бронзы
Отлитыя ворота распахнулись—
И внутренность дворца открылась взору.
Подъ куполомъ, держася волшебствомъ,
Питаемые Нефтью и Асфальтомъ,
Свѣгильники и факелы, какъ звѣзды,
Сіявшіе, струили волны свѣта.
И храмина наполнилась толпой
Восторженной, работу восхвалявшей
И зодчаго. Дворцы для скиптроносныхъ
Архангеловъ сооружалъ онъ въ Небѣ,
Гдѣ Царь Его Верховный поручилъ
Правленье имъ надъ младшими чинами
Небесными. Искусный этотъ зодчій
Прославился въ Элладѣ въ старину;
Въ Авзоніи звался онъ Мультиберомъ ²³⁾,
И люди тамъ преданіе сложили,
Что сброшенный разгнѣвавшимся Зевсомъ
Черезъ зубцы хрустальные летѣлъ
Онъ цѣлый день съ восхода до заката
И на Лемносъ Эгейскій онъ звѣздой
Падучею скатился съ высоты.
Но смертные ошиблись. Мультиберъ
Задолго палъ—съ архангелами вмѣстѣ
Мятущими: внизъ головою съ Неба
Онъ сброшенъ былъ съ своими мастерами
Затѣмъ, чтобъ стать строителемъ въ Аду.

Межъ тѣмъ, вездѣ крылатые герольды
При звукахъ трубъ прсвозгласили громко,
Что въ дивный Пандемоніумъ—столицу
Державнаго Вождя и всѣхъ его
Сановниковъ, должны собраться Духи
И тамъ держать торжественный совѣтъ.

Немедленно изъ cadaго отряда
Достойнѣйшихъ избрали, и они
Явились въ сопровожденъ тысячъ.
Несмѣтно наполнились толпой
Всѣ портки, въ особенности зала

Межъ тѣмъ, вездѣ крыматые герольды
При звукахъ трубъ провозгласили громко,
Что въ дивный Пандемоніумъ, столицу

Державнаго Вождя и всѣхъ его
Сановниковъ, должны собраться духи...

(Стр. 12.)

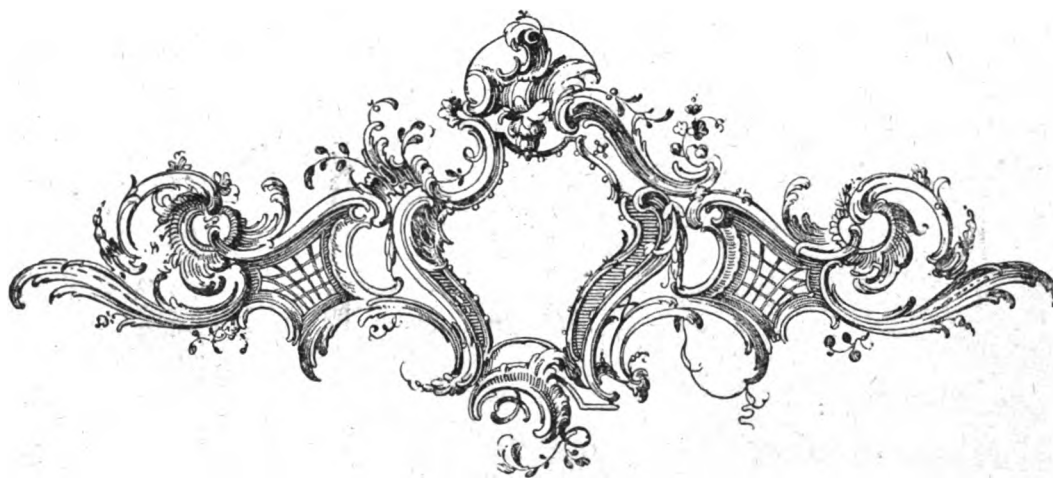
Громадная, похожая на поле
Закрытое, гдѣ смѣлые бойцы
Въ присутствіи султана вызывали
Цвѣтъ рыцарей языческой на бой.
И на землѣ кишѣли сонмы Духовъ,
И въ воздухѣ, который разсѣкали
Со свистомъ ихъ развернутыя крылья.
Когда вступаетъ солнце въ кругъ Телца—
Такъ вешнею порою межъ цвѣтами
Росистыми пчелиный юный рой
Съ жужжаніемъ надъ ульями кружится
Иль на доскѣ, лоснящейся отъ воска,
Предверіемъ къ ихъ крѣпости служащей,
Бесѣдуютъ слетѣвшіяся пчелы
О важныхъ государственныхъ дѣлахъ.

Такъ, съ той поры, какъ поданъ былъ сигналъ,
Воздушные кишѣли легіоны.
О, чудеса! Громадностью своей
Превысившіе всѣхъ земныхъ гигантовъ—
Пигмеями они мгновенно стали
И скучились всѣ въ пространство тѣсномъ,

Подобные породѣ горныхъ карловъ
Изъ Индіи иль чародѣямъ-эльфамъ,
Собравшимся въ дубравѣ, у ручья.
Тамъ путнику случается порою
Ихъ увидать иль грезятся ему
При мѣсяцѣ задумчивомъ и блѣдномъ
Веселыя ихъ игры и забавы,—
И слухъ его гармоніей плѣняетъ,
А сердце въ немъ отъ страха замираетъ.

Такъ, сдѣлавшись пигмеями, гиганты
Среди дворца свободно размѣстились.
А въ глубинѣ всѣ высше чины
Безплотныхъ силъ, не измѣняя вила,
Въ кругу своемъ совѣтъ держали тайный.
И тысячи такихъ полубоговъ
На золотыхъ сѣдалищахъ возсѣли.
На мигъ одинъ молчаніе воцарилось,
Но вслѣдъ затѣмъ послышалось воззванье,
И такъ совѣтъ великій начался.

КОНЕЦЪ ПЕРВОЙ КНИГИ.

КНИГА 2-я.

Открывъ совѣщаніе, Сатана предлагаетъ для обратнаго завоеванія Неба тотчасъ-же приступить къ военнымъ дѣйствіямъ. Мнѣнію совѣта раздѣляются: одни военачальники стоятъ за, другіе—противъ войны. Тогда, по предложенію Вельзевула, вдохновленнаго Сатаной, рѣшаютъ обсудить и обследовать сущность преданій и пророчествъ о сотвореніи новаго міра и новыхъ существъ, мало чѣмъ отличающихся отъ ангеловъ. Послѣ долгихъ преній о томъ, кому поручить трудное дѣло изслѣдованія истины, Сатана припимаетъ его на себя и, сопровождаемый рукоплесканіями, отправляется въ дорогу. Падшіе ангелы до его возвращенія расходятся во всѣ стороны и занимаются каждый своимъ дѣломъ. Сатана, прибывъ къ воротамъ Ада, находитъ ихъ закрытыми. Узнавъ, кто закрылъ и охраняетъ адскій выходъ, Сатана вышелъ къ необъятной пучинѣ и съ великими усиліями переносится черезъ нее. Проводникомъ ему служитъ владыка пучины—Хаосъ. Сатана издали уже видитъ конечный путь своего путешествія, т. е., новый міръ.

ВЫСОКО на блестящемъ царскомъ тронѣ,
Затмившемъ всѣ сокровища Ормуза ³⁴⁾
И Индіи иль даже странъ Востока—
Гдѣ жемчугомъ и золотомъ цари
Осыпаны—надменно возсѣдалъ
Въ величій и блескъ Сатана.
Заслугами своими вознесенный
На пагубную эту высоту
Изъ глубины отчаянья—стремился
Онъ къ высшему: забывъ печальный опытъ,
Бороться вновь онъ жаждалъ съ Небесами,
И такъ мечты повѣдалъ онъ свои.

— Взываю къ вамъ—Властямъ Небеснымъ, Силамъ
И Божествамъ! Такой пучины нѣтъ,
Которая служила-бы безсмертнымъ
Темницею. Пусть мы поражены—
Но Небо я покуда не считаю
Утраченнымъ. И силой естества
Небеснаго возстанемъ съ большей силой,
Грознѣе мы, чѣмъ были до паденья.
Нѣтъ повода вторичной неудачи
Страшиться намъ. Небесные законы
И собственный свободный выборъ вашъ—
Они, въ связи съ заслугами моими,
Поставили меня главой надъ вами.
Возмѣщена утрата наша тѣмъ,
Что мой престолъ—миѣ съ полного согласья
Дарованный и прочимъ незавидный—
Теперь вполне и прочно укрѣпленъ.
На Небесахъ соединилось съ высшимъ
Достоинствомъ и высшее блаженство,
А здѣсь оно даетъ собой права
На большія мученія. И тотъ,
Кто облеченъ достоинствомъ подобнымъ,
Является щитомъ, и принимаетъ
Онъ прямо въ грудь удары Громовержца.

Гдѣ счастья нѣтъ—не можетъ быть раздора
И зависти, и первенства въ Аду
Оспаривать никто не пожелаетъ.
Да будетъ здѣсь тѣснѣе нашъ союзъ,
Довѣріе взаимное—полнѣе,
Чѣмъ въ небесахъ могло-бы это быть.
И съ ними въ бой мы снова выступаемъ,
Дабы вернуть законное наслѣдье.
Въ несчастіи увѣрениѣ можемъ
Побѣды мы желанной ожидать,
Чѣмъ въ счастья. Но путь какой-же нынѣ
Мы изберемъ? Открытую войну
Иль тайное коварство? Собралися
Мы для того, чтобъ это обсудить.
Итакъ, теперь предоставляю слово
Тому изъ васъ, кто хочетъ дать совѣтъ.

Окончилъ онъ,—и полнялся Молохъ,
Сильнѣйшій и свирѣпѣйшій изъ Духовъ,
Въ отчаяньѣ еще свирѣпѣй ставшій.
Предвѣчному себя считалъ онъ равнымъ.
Сознанію того, что ниже онъ
Творца міровъ, онъ предпочелъ-бы смерть
И, бытію цѣны не придавая,
Глядѣлъ на все съ презрѣніемъ. Ни Господь,
Ни самый Адъ иль худшес, чѣмъ Адъ,—
Ничто его собою не страшило.
И произнесъ такую рѣчь Молохъ:

— Я за войну открытую стою;
Я хитростью своей не похваляюсь.
Пускай-же тѣ, кто хочетъ строить козни,
И строить ихъ, но только не теперь.
Пока они о заговорахъ будутъ
Бесѣдовать—ужели миллионы
Изгнанниковъ, на бой вооруженныхъ,
Томятся здѣсь во тьмѣ осужденны,

Въ обители позора, гдѣ въ плѣну
 Удерживаетъ насъ Того тиранство,
 Кто царствуетъ—медлительности нашей
 Благодаря! Нѣтъ, яростью своей
 И адскими огнями ополчимся,
 Чтобъ преградить къ Небеснымъ укрѣпленьямъ
 Намъ не могли дорогу! Наши муки
 Въ орудіе защиты обративъ,
 Мучителю мы будемъ угрожать имъ.
 Пускай Ему на громъ Его всесильный
 Отвѣтствуетъ и Адъ раскатомъ грома.
 И молніи сверкающей взаимнѣ—
 На ангеловъ Его съ такой-же силой
 Извергнемъ пламя черное и смрадъ.
 Престоль Его потокомъ адской сѣры
 Пылающей, которую для пытки
 Придумалъ Онъ, да будетъ весь объять.
 Но, можетъ быть, страшитесь вы подняться,
 Летѣть навверхъ, на приступъ стѣнъ высокихъ?
 Припомните,—когда напитокъ сонный
 Изъ озера забвенія вашу память
 Не усыпилъ,—что наше естество,
 Помимо насъ, влечетъ насъ въ небеса
 И что ему несвойственно паденье.
 Когда враги настигли насъ въ тѣлу
 И предъ собой погнали, издѣваясь,—
 Вы помните, какъ тяжело и съ какимъ
 Усилиемъ мы въ бездну погружались?
 Итакъ, навверхъ подняться намъ легко.
 Когда врага сильнѣе раздражимъ,
 Обрушится сильнѣе тяжесть кары,
 Но есть-ли кара худшая, чѣмъ Адъ,
 Гдѣ, прежняго блаженства лишены,
 Осуждены на вѣчныя страданья,
 Палимы огнемъ неугасимымъ,
 Безъ проблеска надежды на спасенье,
 Мы, какъ рабы властительнаго гнѣва,
 Обязаны среди ужасныхъ мукъ
 Передъ бичемъ карающимъ склоняться?..
 Когда еще усилится мученья,
 Существовать мы вовсе перестанемъ.
 Чего-жъ тогда страшиться намъ? Зачѣмъ
 Колеблемся могучаго Врага
 Мы раздражить до крайняго предѣла?
 Въ отчаянномъ порывѣ уничтожить
 Онъ насъ совсѣмъ и превратить въ ничто,
 Но вѣчныхъ мукъ уничтоженіе лучше.
 А если мы воинству безсмертны
 Намъ нечего страшиться. Недоступный
 И роковой престоль Его властны
 Тревожить мы вторженьями своими,
 А мщеніе побѣду замѣняетъ.—

Онъ замолчалъ. Отчаянная месть
 Въ очахъ его свѣтилася и вызовъ,
 Нестрашные однимъ лишь божествамъ.

Прекраснѣйшій изъ падшихъ херувимовъ—
 Всталъ Велиалъ. Исполненъ благородства
 Кажался онъ и человѣчно кротокъ,
 Но пусто все и ложно было въ немъ,
 Хотя изъ устъ его лилися рѣчи,
 Подобныя небесной сладкой маннѣ,
 Способныя представить въ лучшемъ свѣтѣ
 Все худшее, разстроить и смутить
 Мудрѣйшіе совѣты. Въ мысляхъ низокъ

И лишь во злѣ находчивъ, онъ робѣлъ
 Предъ смѣлыми дѣяньями,—но, рѣчью
 Плѣняя слухъ, онъ такъ заговорилъ:
 — Я за войну стоялъ-бы, о, князья,
 И ненависть моя не меньше вашей,
 Но главная причина, по которой
 Стремитесь вы къ немедленной войнѣ,
 Меня отъ этой мысли отклоняетъ,
 Зловѣщими сомнѣньями смущая.
 Какъ! У вождя, испытаннаго въ битвахъ,
 Нѣтъ болѣе довѣрія къ себѣ,
 И мужество свое онъ полагаетъ
 Въ отчаяннѣ, въ уничтоженнѣ полномъ,
 И мщенія вѣнецъ въ нихъ видитъ онъ?
 Но какъ могли-бъ достигнуть мы отмщенья?
 Небесныя твердныя неприступны,
 Хранимыя вооруженной стражей.
 Нерѣдко силъ небесныхъ легіоны,
 Расположившись у окраинъ бездны,
 Во мракѣ тамъ раскидываютъ станъ;
 Оттуда-же они на темныхъ крыльяхъ
 Безстрашно царство ночи облетаютъ.
 Но, если-бы, пробивъ дорогу силой,
 Мы увлекли съ собою цѣлый Адъ
 И тьма его затмила свѣтъ небесный—
 Великій Врагъ остался-бъ невредимъ,
 И естество, чей блескъ и чистота
 Не могутъ быть омрачены ничѣмъ,
 Оно сейчасъ освободило-бъ Небо
 Отъ адскаго нечистаго огня.
 Послѣдствіемъ такого пораженья
 Явилось-бы крушеніе всѣхъ надеждъ.
 Ужели-же стараться мы должны,
 Чтобъ въ ярости Великій Побѣдитель
 Насъ сокрушилъ, и въ этомъ—все спасенье?
 Печальное спасенье! Кто захочетъ—
 Какъ велики-бы ни были страданья—
 Разумное утратить бытіе
 И поглотеннымъ быть пучиной ночи
 Несозданной? Кто знаетъ, наконецъ,
 Враговъ своихъ желанье исполняя,
 Захочетъ-ли насъ уничтожить Богъ?
 Ужели Онъ, Премудрый, неразумно
 Во гнѣвѣ тѣхъ мгновенно сокрушитъ,
 Кого обрекъ на вѣчныя мученья?
 «Что медлитъ намъ?»—сторонники войны
 Такъ говорятъ,—«намъ хуже быть не можетъ»
 Но худшее-ли въ вооруженнѣ полномъ
 Здѣсь о дѣлахъ спокойно разсуждать?
 Не больше-ли страдали мы, когда,
 Поражены небесными громами,
 Летѣли внизъ въ зіяющую бездну,
 Ища себѣ спасенія въ Аду,
 Иль, скованы цѣпями, мы лежали
 На озерѣ пылающемъ? Что, если
 Дыханіе, зажегшее тотъ пламень,
 Его въ семь разъ сильнѣе распалитъ,
 И мщеніе, затихшее покуда,
 Вооружитъ багровую десницу,
 Дабы опять подвергнуть насъ мученьямъ?
 Что, если тамъ раскроются мгновенно
 Хранилища, гдѣ Божій гнѣвъ таится,
 И хлынуть внизъ потоки изъ огня,
 Висящіе у насъ надъ головою?
 Покуда здѣсь мы къ доблестной войнѣ
 Готовимся, вдругъ огненная буря

Высоко на блестящемъ царскомъ тронѣ,
Затмившемъ всѣ сокровища Ормуза
И Индіи пль даже странъ Востока,

Гдѣ жемчугомъ и золотомъ цари
Осыпаны, надменно возсѣдаѣтъ
Въ величїи и блескѣ Сатана.

(Стр. 15.)

2

Охватить насъ и, разметавъ по скаламъ,
 Пасъ пригвоздитъ на жертву буйнымъ вихрямъ
 Иль свергнетъ насъ, цѣпями отягченныхъ,
 Въ клочущій и страшный океанъ,
 Гдѣ, отдыха, пощады и спасенья
 Не вѣдая, осуждены томиться
 Мы безъ конца въ теченіе вѣковъ?
 Итакъ, войну—будь явною она
 Иль тайною—вполнѣ я отвергаю.
 Ни хитростью, ни силой побѣдить
 Не можемъ мы и обмануть Того,
 Кто видитъ все. Надъ нами Онъ смѣется
 Съ высотъ Своихъ, настолько всемогущъ,
 Чтобъ побѣдить въ бою открытомъ насъ,
 Настолько мудръ; чтобъ замыслы разстроитъ.
 Но неужель—Небесъ великихъ чада —
 Унижены и попораны во прахъ,
 Обречены оковамъ и страданью
 Мы на-всегда? Увы, и это лучше,
 Чѣмъ худшее. Судьба неотвратима;
 Смиримся-же предъ волею Того,
 Кто побѣдилъ. Въ страданьяхъ и борьбѣ
 Предъ Нимъ всегда безильными мы будемъ,
 И справедливъ божественный законъ,
 Который такъ устроилъ. Надо было
 Подумать намъ объ этомъ прежде, чѣмъ
 Вступить въ борьбу съ такимъ Врагомъ великимъ.
 Смѣшонъ мнѣ тотъ, кто храбростью кичится,
 Но разъ ему оружье измѣнило —
 Трепещетъ самъ предъ грознымъ приговоромъ:
 Безчестіемъ, оковами и ссылкой.
 Теперь и наша доля такова,
 Но, можетъ быть, смягчится гнѣвъ Его
 Современемъ, и, нынѣшнею карой
 Довольствуясь, дыханіемъ Своимъ
 Онъ раздувать не станетъ адскій пламень;
 Эфирное-же наше естество
 Разсѣетъ смрадъ иль вся природа наша
 Измѣнится настолько, что споситъ
 Палящій жаръ мы будемъ въ состоянѣ.
 Нашъ страхъ пройдетъ, и просвѣтитъ мракъ.
 Притомъ въ своемъ теченіи непрерывномъ
 Что могутъ дни грядущіе съ собою
 Намъ принести: какія перемѣны
 И новыя надежды—мы не знаемъ.
 Нерадостна, конечно, участь наша,
 Но все-жъ ея я не считаю худшей,
 Покуда мы, по собственной винѣ,
 Не навлечемъ гораздо большихъ золь.

Такъ Веліалъ, прикрывшись личиною
 Благоразумья, къ праздному покою,
 Къ бездѣйствію — не къ миру призывалъ.
 И вслѣдъ за нимъ заговорилъ Маммонъ:
 — Гдѣ цѣль войны, когда-бы на войну
 Рѣшились мы? Вернуть свои права?
 Небеснаго Царя съ престола свергнуть?
 По это все возможно лишь тогда,
 Когда-бы сталъ судьбы закономъ Случай,
 Судьею-же въ великомъ спорѣ—Хаосъ.
 Надежды нѣтъ на то и на другое.
 Какое-же, не побѣдивъ Царя,
 Мы въ Небесахъ занять могли-бы мѣсто?
 Положимъ, Онъ помилуетъ мятежныхъ
 И клятву съ насъ въ покорности возьметъ—
 Что чувствовать мы будемъ, предстоя

Ему съ хвалою притворной на устахъ,
 Межъ тѣмъ какъ Онъ, нашъ грозный Властелинъ,
 Которому завидуемъ въ душѣ,
 Онъ возсѣдать на царскомъ тронѣ будетъ,
 Куда къ Нему несется благовоны
 Амвросіи и ароматы цвѣтовъ,
 Которые мы сами раболѣпно
 Къ ногамъ Его повергнемъ? Въ Небесахъ, —
 Вотъ наша цѣль и вся отрада наша.
 Не тяжело-ли предъ Тѣмъ склоняться вѣчно
 И прославлять Того, Кто ненавистенъ?
 Не станемъ-же мы рабства добиваться
 Блестящаго, хотя-бы даже въ Небѣ,
 Но счастье попробуемъ найти
 Въ самихъ себѣ. Здѣсь будемъ на просторѣ
 Свободно жить, отчета не давая,
 Предпочитая легкому ярму
 Невольниковъ —тяжелую свободу.
 Тѣмъ большею покроемся мы славой,
 Когда великихъ цѣлей мы достигнемъ
 При помощи ничтожныхъ нашихъ средствъ
 И силою терпѣнья и труда
 Изъ бездны золь извлечь сумѣемъ благо.
 Страхиться-ль намъ царящаго здѣсь мрака?
 Но свой престоль Державный Властелинъ
 Величемъ тѣмы порою окружаетъ,
 И громъ гремитъ изъ черныхъ тучъ, и Небо
 Становится тогда подобнымъ Аду!
 Мы свѣтъ Его воспроизвестъ вольны,
 Какъ нашу тьму воспроизводитъ Онъ.
 Немало здѣсь скрывается сокровищъ:
 И золота, и камней самоцвѣтныхъ;
 Искусства-же достаточно у насъ,
 Чтобъ имъ придать тотъ блескъ и совершенство,
 Какіе существуютъ въ Небесахъ.
 Современемъ мученья наши стануть
 Для насъ родной стихіей, это пламя
 Не будетъ жечь, и притупится боль.
 Повѣрьте мнѣ: все призываетъ къ миру
 И прочному порядку. Поразмыслимъ.
 Мы о себѣ и о жилищѣ нашемъ
 И, въ бѣдствіи ища успокоенья,
 Откажемся отъ мысли о войнѣ
 И мщеніи. Вотъ мнѣніе мое!

Окончилъ онъ, — и вмигъ пронесся ропотъ
 Въ собраніи, подобный гулу вѣтра,
 Что волновалъ въ теченіи ночи море
 И моряковъ усталыхъ убаюкалъ
 Лишь на зарѣ, когда въ скалистой бухтѣ
 Нашелъ себѣ убѣжище корабль.
 Таковъ былъ шумъ и гулъ рукоплесканій,
 Когда Маммонъ окончилъ рѣчь о мирѣ.
 Для всѣхъ война казалась хуже Ада —
 Такъ были велики ихъ ужасы передъ громомъ
 И Михаила пламеннымъ мечомъ.
 У всѣхъ теперь одно желанье было:
 Современемъ здѣсь царство основать,
 Которое могло-бы сравняться съ Небомъ.

Тутъ поднялся съ величественнымъ видомъ
 Духъ Вельзевулъ—сподвижникъ Сатаны.
 Могучему столпу онъ былъ подобенъ,
 Что выдержитъ всю тяжесть государства.
 И на челѣ его запечатлѣлись
 Возвышенныя думы и заботы

Блуждают там растерянные души,
.....
..... гдѣ сама природа

Извращена: чудовищъ безобразныхъ,
Горгонъ, химеръ, однихъ на свѣтъ рождасть.
(Стр. 22.)

Въ соединеніѣ съ мудростью монаршей.
Безмолвіе онъ взоромъ предписалъ,
И стихло все, какъ воздухъ въ знойный полдень.

— Цари и Власти! Отпрыски Небесъ
И Божества безсмертныя! Должны-ли
Отречься мы отъ титуловъ такихъ,
Назвавшись взаимно князьями Ада?
Склоняются всеобщія желанья
Къ тому, чтобъ здѣсь намъ царство основать.
Напрасная мечта! Властитель Неба
Готовилъ намъ темницу — не пріютъ,
Въ которомъ мы, Его законамъ чужды,
Вторично-бы возстанье замыслили
И гдѣ-бы насъ настигнуть не могла
Державная десница. Мы — рабы,
Междь тѣмъ какъ Онъ Царемъ Единымъ будеть
И первымъ и послѣднимъ — въ Небесахъ
Сіяющихъ и въ безднахъ преисподней:
Тамъ скипетромъ Онъ правилъ золотымъ,
Здѣсь править Онъ желѣзнымъ. Для чего-же
Намъ разсуждать о мирѣ и войнѣ?
Для насъ война окончилась урономъ,
А между Нимъ, побѣду одержавшимъ,
И плѣнными какой возможенъ миръ?
Насъ можетъ Онъ любой подвергнуть карѣ,
А мы вольны лишь ненависть питать,
Изыскывая средства для того,
Чтобъ отравить плоды Его побѣды
И радости лишить Его, какую
Ему страданья наши доставляютъ.
Намъ въ случаяхъ не будетъ недостатка.
Къ чему-жъ войну опасную вести,
Небесныхъ стѣнъ осаду предпринявъ?
Имъ не страшны ни адскіе подкопы,
Ни приступы. Не лучше-ль предпріять
Легчайшее придумать? Если вѣрить
Сказанію, есть гдѣ-то новый міръ —
Счастливое жилище существа,
Носящаго названье человѣка.
Съ недавнихъ поръ онъ созданъ и подобенъ
Во многомъ намъ, но менѣй совершененъ,
Хотя превыше всѣхъ Его созданий
Онъ Господомъ излюбленъ. Такова
Была Творца объявленная воля,
Скрѣпленная потрясшей Небо клятвой.
Направимъ-же всѣ помыслы туда!
Исслѣдуемъ живущихъ тамъ созданий:
Ихъ слабости и силу. Надо знать,
Что дѣйствуетъ — насиліе иль хитрость —
На нихъ вѣрнѣй? Путь къ Небу загражденъ,
И тамъ судьбъ Вершитель возсѣдаетъ,
Увѣренный въ могущество Своемъ.
Но этотъ міръ отъ Неба удаленъ
И, можетъ быть, охранѣнъ предоставленъ
Онъ тѣхъ людей, что обитаютъ въ немъ.
Чего-нибудь достигнуть тамъ возможно:
Испепелить его иль завладѣть
Всецѣло имъ и жителей его
Изгнать совсѣмъ, какъ изгнаны мы были,
Иль ихъ привлечь на сторону свою,
Дабы Творецъ созданіе Свое
Своею-же рукою уничтожилъ
Въ раскаяніѣ. Незаурядной будетъ
Такая мѣсть. Мы сами возликуемъ,
Когда и Онъ въ смущеніи увидитъ,

Какъ созданныя имъ съ любовью чада
Низвергнутся вослѣдъ за нами въ бездну,
Гдѣ будутъ клясть рожденіе свое
И брненное недолгое блаженство.
Подумайте, что лучше намъ: рѣшиться
На смѣлую попытку иль во мракѣ
Въ страданіяхъ, томиться безконечно,
О призрачномъ мечтая государствѣ?

Такой совѣтъ былъ поданъ Вельзевуломъ —
Займствованъ у Сатаны отчасти,
Которому явилась эта мысль.
Кто-жъ, какъ не онъ — виновникъ всякихъ золъ,
Придумать могъ такое злодѣянье
И загубить, въ насмѣшку надъ Творцомъ,
Весь родъ людской преступно въ самомъ корнѣ,
Смѣшавъ и Адъ, и Землю воедино?
Отважный планъ всѣхъ Духовъ восхитилъ,
И радостью у нихъ блеснули очи.
Поддержанный единодушныи ими
Такъ продолжалъ коварный Вельзевулъ:
— Безсмертные, вы мудро разсудили,
И вашего величія достойно
Рѣшеніе великое. Оно
Подниметъ насъ изъ бездны преисподней,
На зло судьбѣ, приблизивъ насъ къ предѣламъ,
Откуда мы, при помощи оружія
Союзаго, достигнемъ вновь Небесъ
Иль, можетъ быть, убѣжище найдемъ
Въ иной для насъ благоприятной сферѣ,
Куда опять проникнетъ чудный свѣтъ,
И эту тьму разгонитъ лучъ востока,
А воздухомъ прозрачно-ароматнымъ
Залечатся мучительныя язвы,
Которыя огнемъ нанесены.
Но перваго кого-же мы пошлемъ
На поиски таинственнаго міра?
Кто этого окажется достойнымъ?
Блуждающей стопою кто измѣритъ
Глубокій мракъ неизмѣримыхъ безднъ
И путь себѣ сквозь эту тьму проложитъ
Онъ къ острову счастливому? Чьи крылья
Достаточно для этого сильны,
И ангельскую стражу кто минуетъ?
Великая нужна здѣсь осторожность,
А потому и выборъ будетъ строгъ:
Вѣдь, этому посланцу мы вѣруемъ
Самихъ себя съ послѣднею надеждой.

Окончилъ онъ и, свѣвъ, съ пытливымъ взоромъ
Согласія онъ ждалъ иль возраженія,
Но, мысленно опасность обсуждая,
Молчали всѣ въ раздуміи глубокомъ
И на лицѣ читали другъ у друга
Свой собственный невыразимый ужасъ.
Междь избранныхъ героевъ, враждовавшихъ
Съ самимъ Творцомъ, не вызвался никто,
Никто изъ нихъ не изъявилъ согласья
Пуститься въ путь опасный одиноко,
Покуда самъ, надъ всѣми возвышаясь
Сознаніемъ великимъ превосходства,
Не произнесъ спокойно Сатана:
— Сыны Небесъ, Властители эфира,
Не знающіе страха! Мы теперь
Повергнуты въ смущеніе не напрасно.
Тяжелый путь ведетъ изъ Ада къ свѣту,

Тюрьма прочна, и девятью кругами
Изъ пламени мы здѣсь обведены.
Затворены врата изъ адманта,
Но, если-бы ихъ кто и мпноваль —
Его сейчасъ объемлетъ Хаосъ Ночи
И дерзкаго поглотитъ пасть ея,
Грозя ему уничтоженьемъ полнымъ.
А если той невѣдомой страны
Достигнетъ онъ — тамъ ждетъ его опасность
И слабая надежда на спасенье.
Но своего престола, о, князя,
И царскаго величія и сана
Блестящаго, соединенныхъ съ властью,
Я былъ-бы не достоинъ, отступивъ
Предъ тѣмъ, что вы сейчасъ постановили
Для общаго величія и блага!
Принявъ престолъ, могу-ль я избѣгать
Опасностей: съ моимъ высокимъ саномъ,
Какъ почести, не связаны-ль онѣ?
Чѣмъ выше Царь, тѣмъ больше выпадаетъ
Тѣхъ и другихъ всегда ему на долю.
Вы, несмотря на страшное паденье,
Грозой Небесъ, могучими бойцами
Остались вы! Живите здѣсь покуда,
И жизнь въ Аду, когда возможно это,
Страданій гнетъ — старайтесь облегчить
И за Врагомъ недремлющимъ блюдите,
А я одинъ перелечу чрезъ бездну,
Ища для всѣхъ спасенія: никто
Не раздѣлитъ со мною предпріятыя.

И съ этими словами всталъ Монархъ,
Предупредивъ разумно возраженья.
Боялся онъ, чтобъ и вожди другіе
Не вызвались, соперничая съ нимъ,
На то, чего страшились такъ недавно,
И дешево приобрѣли ту славу,
Которую цѣною дорогою
Онъ покупалъ. Но голось ихъ Царя
Пугаетъ ихъ не менѣе, чѣмъ подвигъ.
И вмѣстѣ съ нимъ всѣ поднялись разомъ,
Производя подобный грому шумъ.
Склоняясь раболопно, прославляли
Они его, какъ равнаго Творцу,
Цѣня его геройскую рѣшимость —
Пожертвовать собою ради всѣхъ.

Такъ, пользуясь сномъ сѣвернаго вѣтра,
Сбираются съ вершинъ гористыхъ тучи,
Закрывъ собой смѣющееся небо.
Угрюмая стихія устилаетъ
Ковромъ снѣговъ стемнѣвшіе луга
И ливнями ихъ орошаетъ щедро.
Но радостное солнце улыбнется
Съ закатомъ дня прощальными лучами —
И вновь поля мгновенно оживутъ,
И защебечутъ пташки, и стада
Блестящимъ веселымъ огласятъ
Цвѣтушіе пригорки и долины.

Стыдъ людямъ, стыдъ! Согласіе царитъ
У демоновъ; лишь смертные одни
Живутъ всегда въ раздорѣ межъ собою,
На заповѣдъ Господню не взирая,
Сражаются, враждуютъ, ненавидятъ,

Забывъ о томъ, что адскими вратами
Окружены они и днемъ, и ночью.

Итакъ, совѣтъ окончился Стигійскій.
Расходятся князья въ порядкѣ стройномъ
И посреди — ихъ мощный Властелинъ,
Единственный противникъ грозный Неба,
Единственный надъ преисподней Царь.
И, пышностью своею подражая
Всевышнему, онъ сонмомъ окруженъ
Сверкающихъ, какъ пламя, серафимовъ,
Съ блестящими знаменами и страшнымъ
Оружіемъ... Повелѣваетъ онъ
При звукѣ трубъ рѣшенье возвѣститъ.
Немедленно четыре серафима
Во всѣ четыре стороны летятъ.
И, съ помощью звенящаго металла,
Разносятся по всѣмъ ущельямъ адскимъ
Ликующая радостная вѣсть,
И ей въ отвѣтъ гремятъ восторга клики.

Надеждою надменною, но ложной
Ободрены, расходятся всѣ духи
По разнымъ сторонамъ, ища забвенья
И отдыха отъ безпокойныхъ думъ.
Какъ нѣкогда на играхъ Олимпійскихъ
Иль на поляхъ Пиеійскихъ состязались —
Безсмертные и въ бѣгѣ, и въ полетѣ
Стараются другъ друга превзойти.
Гдѣ — огненныхъ коней они смиряютъ,
Гдѣ — словно вихрь, несутся въ колесницахъ,
Иль строятся въ блестящія дружины!
Такъ иногда являются въ туманѣ
Видѣнія, вѣщающія людямъ
О близости кровопролитныхъ войнъ,
И кажется, какъ будто въ облакахъ
Два полчища враждебныхъ выступаютъ...
Вотъ, первые ряды бойцовъ воздушныхъ
Летятъ впередъ съ копьемъ на перевѣсѣ,
А имъ вослѣдъ схватились легіоны,
Смѣшались, — и весь небесный сводъ
Огнемъ объятъ отъ края и до края.

Одни изъ нихъ со злобою Тифоновъ
По воздуху несутся ураганомъ,
Круша утесъ, сворачивая горы
Въ безуміи и потрясая Адъ.
Такъ, одержавъ въ Эхалии побѣду,
Но дѣйствіе отравы ощутивъ,
Которою была его одежда
Пропитана — безумствовалъ Алкидъ²⁵⁾:
И сосны ессалійскія съ корнями
Онъ вырывалъ, и съ Этны прямо въ море
Эвбейское Лихаса сбросилъ онъ

Изъ Духовъ тѣ, что нравомъ были кротче,
Пристанище нашли въ долинѣ тихой
И ангельскими пѣли голосами
Подъ звуки арфъ о подвигахъ геройскихъ
И горестномъ исходѣ ихъ борьбы,
Повергшемъ ихъ въ неволю. Эти пѣсни
Пристрастныя звучали, тѣмъ не менѣе,
Гармоніей волшебной, и, стихая,
Восторженно внималъ имъ цѣлый Адъ.

Иные-же бесѣду межъ собою,
Сладчайшую, чѣмъ музыка, вели
(Мелодія плѣняетъ только чувства,
Не болѣе, а краснорѣчье — душу).
О Промыслѣ бесѣдовали Духи,
Предвидѣннѣ и о свободѣ воли,
И о судьбѣ во-вѣки непреложной,
Въ умѣ своемъ отыскивая тщетно
Рѣшеніе задачъ непостижимыхъ.
И въ мудрости суетно-философской
Все обсудить пыталися они:
Добро и зло, блаженство и погибель,
Безчувствіе и страсти, стыдъ и славу
Но чарами рѣчей заговорили
Они на мигъ страданія свои,
И ихъ сердца, къ надеждѣ пробудясь
Несбыточной, терпѣніемъ упорнымъ,
Какъ панцыремъ тройнымъ, вооружились.

Еще одни, составивши отряды,
Искать себѣ покойнаго пріюта
Во всѣ четыре стороны летятъ
Вдоль адскихъ рѣкъ ³⁶⁾, а этихъ рѣкъ четыре,
И въ огненное озеро несутъ
Они свои бушующія волны.
Рѣка вражды и ненависти — Стиксъ,
Рѣка тоски — печальный Ахеронъ,
Раскаянья и жалобы — Коцитъ
И ярости — Флегонтъ неукротимый.

Вдали отъ нихъ, безмолвна и тиха,
Видѣлася, какъ водный лабиринтъ,
Спокойная рѣка забвенья — Лета.
И каждый, кто испилъ ея воды,
Былое все мгновенно забываетъ:
И счастье, и горе, и себя.
За Летою пространство ледяное
Видѣлося, гдѣ градъ лежитъ не тая
И кажется развалинами зданья.
Тамъ вѣчныя свирѣпствуютъ метели,
И все кругомъ покрыто льдомъ и снѣгомъ.
Здѣсь холодъ жгучъ: пронизывая дрожью,
Онъ жжетъ огнемъ и вмѣстѣ — леденитъ.

И Фуриі съ когтями злобныхъ Гарпій ³⁷⁾
Туда порой приносятъ осужденныхъ
И съ огненнаго ложа ихъ бросаютъ
На груды льдинъ, оттуда — снова въ пламя.
Взадъ и впередъ переплывая Лету,
Въ желаніяхъ изнемогаютъ люди
Достать себѣ хоть каплю дивной влаги,
Которая забвеніе даетъ.
Она близка, но сторожитъ ее
Зловѣщая Медуза ³⁸⁾, и вода
Отъ смертныхъ устъ мгновенно убѣгаетъ,
Какъ нѣкогда — отъ блѣдныхъ устъ Тантала ³⁹⁾.

Дрожащіе и блѣдные, постигнувъ
Всѣ ужасы своей плачевной доли,
Блуждаютъ тамъ растерянные Духи.
Среди долинъ и многихъ странъ пустынныхъ
По огненнымъ и ледянымъ горамъ,
Межъ пропастей, обрывовъ и болотъ,
Гдѣ смерть царитъ, въ зловѣщемъ царствѣ царствъ,
Которое проклятемъ создалъ Богъ,
Гдѣ мертвое живеть, и умираетъ

Живое все, и гдѣ сама природа
Извращена, чудовищъ безобразныхъ —
Горгонъ, Химеръ ⁴⁰⁾ однѣхъ на свѣтъ рождаетъ.

Межъ тѣмъ, Творца и человѣка врагъ,
Воспламененъ желаніемъ надменнымъ,
Летитъ къ вратамъ послѣшно Сатана,
Крыломъ своимъ то бездну задѣвая,
То огненнаго свода имъ касаясь.
Такъ издали висящими въ пространствѣ
Намъ кажутся порою корабли,
Когда несутъ ихъ вѣтеръ отъ границы
Бенгалии и острова Теріата,
Откуда къ намъ привозятъ благовонья, —
Такимъ полетъ казался Сатаны.

Вотъ, наконецъ, видны предѣлы Ада
И триждытрехзатворныя врата
Изъ мѣди, адаманта и желѣза.
Ограждены огнемъ, но, не сгорая,
Казались недоступными они.
По сторонамъ два призрака видѣлись
Чудовищныхъ. Одинъ отъ головы
До пояса прекрасною женою
По виду былъ, но тѣло остальное,
Какъ у змѣи — со смертоноснымъ жаломъ,
Чешуйчатые кольца кончалось
На поясѣ ея держалась свора
Всѣхъ адскихъ псовъ съ церберовою ⁴¹⁾ пастью,
Которые не уставали лаять,
И, если ихъ пугало что-нибудь —
Въ утробу къ ней опять они вползали,
Невидимо тамъ продолжая лаять
И громко выть. Не такъ ужасна Сцилла,
Терзавшая когда-то мореходовъ
У береговъ Тринакрии ⁴²⁾, иль вѣдьма,
Которая, почувявъ кровь младенца,
Въ Лапландію къ другимъ несется вѣдьмамъ
На пляску ихъ, когда усталый мѣсяцъ
Во тѣмъ ночной отъ заклинаній гаснетъ.

Другое существо — когда возможно
Такъ называть безформенное нѣчто,
Лишенное и членовъ, и суставовъ
И образа — на призракъ походило.
Зловѣщее, какъ Ночь и темный Адъ,
И злобное, какъ десять грозныхъ Фуриі ⁴³⁾,
Оно копьемъ ужаснымъ потрясало,
И головы подобіе вѣнчалось
Подобіемъ короны у него.

Къ чудовищу былъ близокъ Сатана, —
Тогда оно съ наименьшей быстротой
Къ противнику навстрѣчу устремилось,
И дрогнувъ Адъ подъ тяжкою стопой.
Но Сатана на страшное видѣнне
Безъ ужаса взираетъ, съ изумленьемъ.
Лишь Господа и Сына исключая,
Онъ ничего въ созданнѣ не страшился;
Презрительно своимъ окинувъ взоромъ
Чудовище, онъ первый молвилъ такъ:
— Откуда ты и кто, проклятый призракъ,
Дерзающій съ уродливымъ и страшнымъ
Твоимъ челомъ дорогу заграждать
Мнѣ къ тѣмъ вратамъ? Такъ знай-же, у тебя
Просить на то не стану дозволенья

Вотъ, наконецъ, видны предѣлы Ада
И триждытрехзатворныя врата
Изъ мѣди, адаманта и желѣза
Ограждены огнемъ, но, не сгорая,

Казались недоступными они.
По сторонамъ два призрака видѣлись
Чудовищныхъ.

(Стр. 22.)

И самъ пройду. Не медля удались
Иль за свое поплатишься безумьс,
На опытѣ узнавъ, исчаде Ада,
Что значитъ бой съ небеснымъ свѣтлымъ Духомъ!

Но, злобою пылая, отвѣчало
Чудовище:—Измѣнникъ, падшій ангелъ,
Такъ это ты нарушилъ первый вѣру
И дивный миръ, царившій въ Небесахъ,
И треть сыновъ небесныхъ противъ Бога
Къ возстанію преступному увлекъ,
За что и ты, и всѣ они съ тобою
Осуждены, отвергнутые Богомъ,
Въ страданіяхъ томиться безъ конца?
Ты—достоянье Ада, причисляешь
Себя къ небеснымъ ангеламъ, дерзая
Произносить надменные слова
Тамъ, гдѣ одинъ царю я полновластно?
Да, здѣсь я—царь, твой царь и повелитель!
Назадъ, бѣглець! Вернись на мѣсто кары
И трепещи: бичомъ изъ скорпіоновъ
Могу сейчасъ ускорить твой полетъ
Иль нанести тебѣ ударъ копьемъ.
Боль причинивъ и ужасъ небывалый.

Такъ говорилъ ужасный этотъ призракъ
И въ десять разъ страшнѣй и безобразнѣй
При тѣхъ словахъ онъ сдѣлался. Безъ страха,
Но гнѣвомъ распаленный, Сатана
Стоялъ предъ нимъ. Такъ грозная комета,
Затмивъ собой созвѣзды Зміеносца ⁴⁴⁾,
Съ волосъ своихъ на землю отряхаетъ
Заразу и войну. Враги другъ другу
Одинъ ударъ смертельный нанести
Готовятся. Встрѣчаются ихъ взоры,
Похожіе на тучи грозовыя,
Когда онѣ надъ Каспіемъ висятъ,
Покуда вихрь сигналомъ не послужитъ
Къ зловѣщему ихъ столкновенью въ небѣ.
Такъ мощные противники стояли,
И силы ихъ казались равны:
Соперники такіе лишь однажды
Встрѣчаются. Готовидоса нѣчто
Ужасное, и содрогнулся-бъ Адъ,
Но адская жена—полузмѣя,
Хранившая ключи отъ вратъ его,
Вдругъ кинулась межъ ними съ дикимъ воплемъ.

— На твоего единственнаго сына
Зачѣмъ, отецъ, ты руку поднимаешь?
И ты, о, сынъ, какимъ безумнымъ гнѣвомъ
Ты одержимъ, копье поднять рѣшаясь
На своего родителя? Кого-же
Ты слушаешь? Того, Кто возсѣдаетъ
На небесахъ, глумясь надъ рабомъ,
Явившимся орудіемъ послушнымъ
Той ярости, губительной для васъ,
Которую зовстъ Онъ правосудьемъ.

Такая рѣчь чудовище смирила
И женщинѣ такъ молвилъ Сатана:
— Такъ странно все: и возгласъ твой, и рѣчи,
Что и моя рука остановилась,
Хотя она не терпитъ замедленья,
Иначе я на дѣлъ-бъ доказаль,
На что она способна. Но сначала,

О, двойственнаго вида существо,
Хочу узнать, зачѣмъ при первой встрѣчѣ
Меня отцомъ своимъ ты называешь.
А призракъ тотъ—рожденнымъ мною сплпомъ?
Я никогда не зналъ тебя, не видѣлъ
Я ничего гнуснѣе васъ двоихъ.

И адская привратница сказала:
— Ужель меня ты позабыть успѣлъ,
И я кажусь уродливою нынѣ
Въ глазахъ твоихъ? А какъ была прекрасна
Я въ Небесахъ! Когда злоумышлялъ
Ты на Творца въ собранъѣ серафимовъ,
Союзниковъ твоихъ, внезапно былъ
Ты пораженъ мучительною болью.
Глаза твои померкли и сознанья
Лишился ты, но пламенемъ горѣло
Чело твое, и съ лѣвой стороны
Раскрылося оно. Во всеоружьѣ,
Подобная богинѣ, на тебя
Похожая, сіяя красотою,
Явилась я изъ головы твоей.
Все воинство Небесное смутилось,
И въ ужасѣ сначала отвернулись
Всѣ отъ меня, назвавъ меня *чръхомъ*.
Но чарами прельстила я своими
И тѣхъ, что мнѣ всего враждебнѣй были.
Во мнѣ свое подобье созерцая,
Ты самъ ко мнѣ любовью воспылалъ,
И втайнѣ мы дѣлили наслажденье.
Я зачала, и время становилось
Все тяжелѣй въ утробѣ у меня.
Межъ тѣмъ, война на Небѣ возгорѣлась
И побѣдилъ (могло-ль иначе быть?)
Всесильный Врагъ. Низвержена со всѣми
Была и я. Тогда-же былъ врученъ
Мнѣ этотъ ключъ, причемъ повелѣвалось
Держать врата все время на затворѣ,
Дабы никто, покуда не открою,
Не могъ пройти. Задумчиво сидѣла
Я здѣсь одна, пока въ моей утробѣ,
Расширенной теперь неимоверно,
Гдѣ плодъ любви твоей носила я,
Движеній я не ощутила странныхъ,
Чудовищныхъ мученій родовыхъ,—
И гнусный плодъ, зачатіе твое,
Не вырвался изъ чрева моего
Съ неслышанною силой! Отъ страданій
И ужаса переродилась сразу
Вся нижняя часть тѣла у меня,
Межъ тѣмъ какъ онъ, рожденный мною врагъ,
Копьемъ своимъ зловѣщимъ потрясалъ,
Губящимъ все, къ чему ни прикоснется.
Бѣжала я, воскликнувъ громко: Смерть!
И дрогнулъ Адъ, услышавъ это имя.
И пронеслось по всѣмъ ущельямъ: Смерть!
Бѣжала я, и онъ—вослѣдъ за мною,
Воспламененъ безумнымъ сладострастьемъ.
И, наконецъ, настигнувъ мать свою,
Онъ сжалъ меня въ объятіяхъ преступныхъ,—
И гнуснаго насилія плодомъ
Явилася чудовищъ этихъ свора,
Которыя, не умолкая, лаютъ
Вокругъ меня. Я зачинаю ихъ
И ихъ на свѣтъ рождаю ежечасно,
И нѣтъ конца мученіямъ моимъ!

Когда хотять, они въ мою утробу
Вползаютъ вновь и внутренности гложуть,
Служащія имъ пищей, а потомъ
Вновь изъ нея обратно выползаютъ,
Внушая мнѣ непобѣдимый ужась.
Спокойствія и мира я не знаю,
И злая Смерть, всегда передо мною
Сидящая, мой сынъ и лютой врагъ,
Иной себѣ не находя добычи,
Еще сильнѣй чудовищъ разжигаетъ.
Онъ вскорѣ-бы пожралъ и мать свою,
Когда-бъ не зналъ, что съ гибелью моею
Погибнетъ самъ. Велѣнїемъ судьбы
Я для него отравой горькой стану.
Но я тебя, отецъ, предупреждаю:
Съ оружіемъ небеснаго закала—
Ты все-же стрѣлъ страшися смертоносныхъ;
Неузавимъ предъ ними лишь Всевышній.

Окончила она, и хитрый Врагъ
Ей съ нѣжностью отвѣтилъ: — Дочь моя,
Когда меня родителемъ своимъ
Ты признаешь и сына представляешь
Прекраснаго — залогъ тѣхъ наслажденій,
Которыя вкушали мы съ тобой,
Тѣхъ радостей, которыя съ печалью
Глубокою я вспоминаю, — знай,
Я не врагомъ пришельцъ сюда: являюсь
Я для того, чтобъ васъ освободить,
А съ вами — всѣхъ со мною павшихъ Духовъ,
Которые сражались за права
Законныя. Уполномоченъ я имъ,
Я жертвую собою для другихъ;
Одинъ иду въ бездонной глубинѣ
И пустотѣ пространства безпредѣльной
Я новый міръ, блаженное жилище,
Преддверіе Небесъ, гдѣ обитаютъ
Тѣ существа, что созданы Творцомъ,
И, можетъ быть, займутъ жилище наше
На Небесахъ. Покуда помѣстилъ
Онъ ихъ вдали, боясь раздоровъ новыхъ
Но правдой-ли окажется все это,
Иль тайна здѣсь скрывается иная —
Узнаю я. Не медля, возвратясь,
Тебя и Смерть переселю отсюда
Я въ чудный край, гдѣ на крылахъ незримо
Вы будете въ эфирѣ чистомъ рѣять,
Наполненномъ цвѣтовъ благоуханьсмъ
И гдѣ себѣ найдете много пищи:
Тамъ будетъ все добычею для васъ.

Онъ замолчалъ. Возликовали оба,
И Смерть лицо искривила въ улыбку
Отъ радости, что пищею обильной
Ей голодъ свой удастся утолить.
И мать ея такъ молвила отцу:
— Отъ бездны ключъ по праву я храню,
Такъ повелѣлъ когда-то Всемогушій
И грозныя врата изъ адаманта
Онъ воспретилъ во-вѣки открывать.
Ихъ Смерть копьемъ побѣднымъ охраняетъ,
И смертныхъ власть безсилна передъ ней.
Но развѣ я должна повиноваться
Велѣнїямъ Того, Кто, ненавидя,
Повергъ меня въ неизмѣримый Тартаръ,
Гдѣ должность ненавистную нести я

Обязана, томясь въ мученьяхъ лютыхъ!
Ты — мой отецъ, создатель мой! Кому-же,
Какъ не тебѣ, могу повиноваться?
Ты въ новый міръ, гдѣ счастье и свѣтъ,
Перенесешь меня къ блаженной жизни
И радости боговъ, гдѣ одесную
Я отъ тебя возсяду, какъ должно
Возлюбленной и дочери твоей, —
И, въ нѣгѣ сладострастной утопая,
Гдѣ царствовать я буду безъ конца.

Тутъ съ пояса зловѣщій адскій ключъ
Она сняла — орудье нашихъ бѣдствій,
И, за собой змѣиный хвостъ влача,
Приблизилась и подняла засовъ,
Что безъ нея не сдвинуло-бы съ мѣста
Все сонмище Стигійское. Въ замкѣ
Немедленно пружины повернулись;
Затворы изъ желѣза и гранита
Упали въ мигъ, и адскія врата,
Загрохотавъ на петляхъ, распахнулись.
Какъ-будто громъ потрясъ собой Эребъ ⁴⁵⁾.

Она могла открыть ихъ, но опять
Ихъ затворить была она не въ силахъ,
И адскія врата стояли настежь.
Дружина вся въ порядкѣ боевомъ
Съ обозами и конницей прошла бы
Свободно въ нихъ; изъ ихъ широкой пасти
Клубился дымъ и рдѣющее пламя.

Внезапно тутъ открылись Сатанѣ
И призракамъ обоимъ тайны безднъ,
Тотъ океанъ безмолвія и мрака,
Глубокій, безпредѣльный, необъятный,
Гдѣ все — размѣръ и время, и пространство
Теряются, гдѣ — прагмѣды природы —
Ночь древняя и Хаосъ воцарились
И держатся лишь силой безпорядка.
Здѣсь съ холодомъ воюетъ жгучій жаръ,
И первенство оспариваетъ влажность
У сухости, и атомы — зачатки
Матеріи, всѣ выдвигаютъ въ бой.
И тотъ на мигъ одерживаетъ верхъ,
Къ чьей сторонѣ ихъ болѣе пристало;
Судья-же всѣхъ раздоровъ этихъ — Хаосъ,
Рѣшеньями своими поселяетъ
Еще сильнѣй межъ ними безпорядокъ,
Благодаря которому царитъ
Съ нимъ наряду судья верховный — Случай.

У бездны той, утробы всей природы,
А, можетъ быть, и будущей могилы,
Гдѣ суши нѣтъ, и воздуха, и моря,
А лишь одно броженіе зачатковъ,
Которые-бы враждовали вѣчно,
Когда-бы ихъ къ созданію міровъ
Зиждитель Всемогушій не назначилъ, —
У бездны той задумчиво стоялъ
Передъ своимъ полетомъ Сатана,
И дикіе грохочущіе звуки,
Вѣщавшіе, казалось, разрушенье,
Неслись къ нему. Когда сравнить возможно
Великое съ ничтожнымъ, то не такъ
Свирѣпствуетъ Беллона ⁴⁶⁾, разрушая
Орудьями своими укрѣпленья,

И менѣ ужасенъ былъ-бы шумъ,
Когда-бы сводъ обрушился небесный
И сдвинули съ ея устоевъ землю
Мятежныя стихіи. Наконецъ,
Подобныя громаднѣмъ парусамъ,
Сверкающія крылья распустивъ,
Могучій Врагъ отъ почвы отдѣлился,
Какъ-бы несомъ на облачномъ престолѣ,
Онъ пролетѣлъ громадное пространство,
Но тучи вдругъ рассыпались подъ нимъ
И въ пустотѣ повисъ онъ. На крылахъ
Напрасно онъ пытается подняться:
На десять тысячъ стадій въ глубину
Онъ падаетъ и падалъ-бы доселѣ,
Когда-бы взрывъ пылающей селитры
Изъ огненной летѣвшей мимо тучи
На столько-же его не поднялъ кверху.
Но вихрь угасъ въ болотистой трясинѣ.
При помощи своихъ широкихъ крылъ
И крѣпкихъ ногъ, на топкой этой почвѣ
Старается удерживаться онъ,
Пуская въ ходъ и парусъ, и весло.
Преслѣдуя чрезъ горы и болота
Похитившихъ богатство Аримасповъ ⁴⁷⁾,
Такъ имъ вослѣдъ летитъ крылатый Грнфъ ⁴⁸⁾.
И Сатана по топямъ и стремнинамъ,
Среди стихій разрѣженныхъ и плотныхъ,
Преслѣдуетъ намѣченный имъ путь.
Онъ крыльями, ногами, головою,
Всѣмъ существомъ впередъ стремится смѣло,
Плыветъ, ползетъ, ныряетъ и летитъ.

Вдругъ дикіе онъ слышитъ голоса
И смутный гулъ, несущійся изъ мрака,
И онъ туда летитъ неустрашимо,
Дабы узнать у Духа этихъ безднъ
Кратчайшій путь изъ тьмы къ предѣламъ свѣта,
И Хаоса престолъ его очамъ
Является. Надъ пропастью раскинуть
Шатеръ его, съ нимъ рядомъ возсѣдаетъ
Царица Ночь въ своей одеждѣ темной,
Древнѣйшая изъ всѣхъ созданій Бога.
По близости видны Гадесъ и Оркусъ ⁴⁹⁾,
Демогоргонъ, чье имя такъ ужасно,
А далѣе — и всѣ тысячеустны:
Молва и Случай, Распря и Мятежъ.

Имъ Сатана отважно молвить: — Духи!
Владыки безднъ глубокихъ — Ночь и Хаосъ!
Я не стремлюсь, проникнувъ ваши тайны,
Нарушить ихъ; не соглядатай я.
Случайно я забрелъ сюда въ пустыню
Затѣмъ, что путь мой къ свѣту чрезъ ваши
Обширныя владѣнія лежитъ.
Одинъ во тьмѣ туда ищу дорогу,
Гдѣ царство тьмы граничитъ съ Небесами;
Оттуда есть неподалеку край,
Отторгнутый у васъ Владыкой Неба.
Къ нему, прошу, мнѣ укажите путь.
Не малою за то награда будетъ:
Врага узнавъ, я первобытнѣмъ мракъ
Тамъ водворю я знамя древней Ночи.
Плоды побѣдъ я предоставляю вамъ
И для себя оставлю только мщенье.

И Сатанѣ, въ лицѣ перемѣнясь,

И голосомъ нетвердымъ и дрожащимъ
Сказалъ Анархъ маститый: — Чужестранецъ,
Мнѣ вѣдомъ ты -- надъ Ангелами вождь,
Съ Царемъ Небесъ недавно воевавший,
Хотя въ борьбѣ и побѣжденный Имъ.
Все видѣлъ я и слышалъ. Сонмы Духовъ
Низвергнутыя безшумно не могли
Въ пучину тьмы, объятую испугомъ
При видѣ ихъ паденья. Безграничны
Смятеніе и разрушеніе были.
Разверзлись небесныя врата,
И многіе миллионы легионовъ
Васъ кинулись преслѣдовать. Владѣній,
Которыя съ трудомъ я охраняю,
Граница здѣсь. Опасность имъ грозитъ
Отъ вашихъ войнъ. Сначала занялъ мѣсто
Громадное темница ваша — Адъ;
Недавно-же, съ той стороны Небесъ,
Гдѣ страшное паденіе совершилось,
На золотыхъ цѣпяхъ надъ государствомъ
Моимъ повисъ и новый мѣръ — Земля.
И если ты къ нему направилъ путь —
Онъ недалекъ, опасностей-же много.
Иди, спѣши! Опустошеніе, гибель,
Смятеніе всегда желанны мнѣ.

Онъ замолчалъ, и, радуясь тому,
Что цѣль его достигнута, понесся
Съ удвоенною силой Сатана.
И огненной подобно пирамидѣ
Среди стихій враждебныхъ пролагаетъ
Дорогу онъ. Нависшіе утесы
Не такъ въ пути грозили Аргонавтамъ ⁵⁰⁾,
И не съ такимъ усилениемъ пробирался
Межъ Спиллой и Харибдой ⁵¹⁾ Улиссъ.
Но только что онъ миновалъ опасность
И соблазнить успѣлъ онъ человека —
Произошла не медля перемѣна.
Со Смертью Грѣхъ, которымъ Небеса
Дозволили послѣдовать за нимъ,
Широкую дорогу проложили,
И прочный мостъ, чудовищной длины,
Надъ бездною былъ ими переброшенъ
Отъ мрачнаго Эреба до орбиты
Земного шара. Этою дорогой
Взадъ и впередъ свободно ходятъ Духи,
Дабы карать и соблазнять людей.
Лишь тѣ изъ насъ отъ нихъ ограждены,
Кого хранить особенная милость
Всевышняго и ангеловъ Его.

Но вотъ и онъ — священный проблескъ Свѣта!
Отъ стѣнъ небесныхъ въ нѣдра темной Ночи
Проникло вдругъ мерцаніе зари.
Здѣсь началось природы царство. Хаосъ
Бѣжитъ предъ ней, какъ побѣжденный врагъ,
Лишившійся послѣднихъ укрѣпленій.
Теперь летѣтъ не трудно Сатанѣ,
И по волнамъ, смирившимся при слабомъ
Мерцаніи, легко несется онъ
Такъ бурей разбитый и лишенный
Снастей корабль спѣшитъ укрыться въ гавань.
На широко развернутыхъ крылахъ
Въ пространствѣ онъ паритъ полувоздушномъ
И горнія ужъ видитъ Небеса.
Такъ далеко раскинулося Небо,

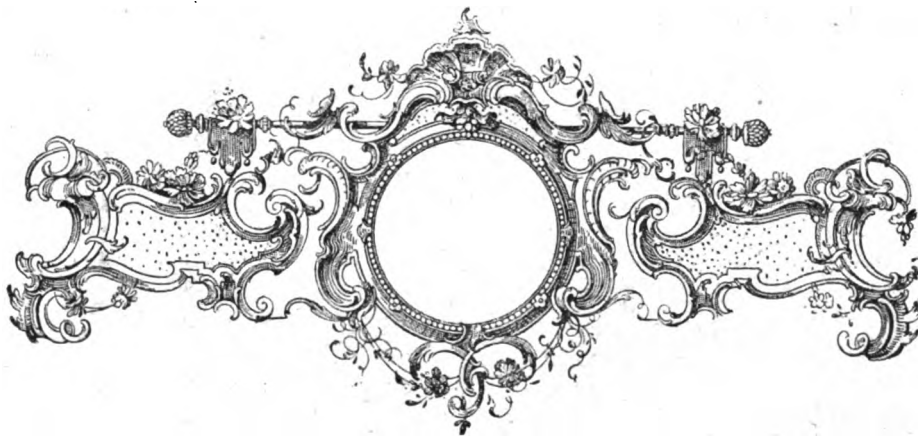
Онъ крыльями, ногами, головою,
Всѣмъ существомъ впередъ стремится смѣло,
Плыветь, ползеть, нырять и летить.

(Стр. 26.)

Что Сатана опредѣлить не можетъ:
Квадратное иль круглое оно.
И видитъ онъ опаловыя башни.
Сапфирныя зубцы высокихъ стѣнъ,
Всѣ чудеса своей былой отчизны!
И новый мѣръ онъ вскорѣ открываетъ.
Повѣщенный на золотыхъ цѣпяхъ

Онъ кажется ему звѣздой малой,
Блισταющей съ луною наряду.
И къ той странѣ, исполненъ жаждой мести,
Проклятіе съ собою принося,
Стремится Духъ, проклятемъ заклеянный.

конецъ второй книги.

КНИГА 3-я.

Послѣ обращенія къ «Священному Свѣту», авторъ указываетъ на Вседержителя, восседающаго на своемъ тронѣ и слѣдящаго за полетомъ Діавола къ новому міру. Онъ обращаетъ на него и вниманіе Своего Сына, сидящаго одесную, и пророчествуетъ побѣду Сатаны надъ человекомъ, котораго онъ совершитъ отъ божескихъ предначертаній. Творецъ міра слагаетъ съ себя вину грѣхопаденія человека, такъ какъ Онъ даровалъ ему волю и право на сопротивленіе Сатанѣ. Впрочемъ, родъ человѣчскій долженъ быть помилованъ, но не потому, что онъ пришелъ къ своей гибели не по собственной винѣ, а по соблазну Діавола. Сынъ Божій прославляетъ великую милость Отца, но Господь все-таки предупреждаетъ, что въ наказаніе человекъ и его родъ будутъ подвержены смерти за неповиновеніе Богу, и онъ будетъ спасенъ только, если кто-нибудь собственной смертію зачтетъ искупить его грѣхи. Богъ Сынъ предлагаетъ себя въ жертву за людей, на что и получаетъ согласіе Отца, который воплощаетъ его и повелѣваетъ ангельскимъ силамъ воспѣть Его славу превыше всѣхъ земныхъ и небесныхъ именъ. Тѣмъ временемъ Сатана опускается на отдаленнѣйшую окраину нашей планеты и достигаетъ «воротъ Тщеславія». Описаніе входящихъ и выходящихъ изъ этихъ воротъ. Далѣе Сатана доходитъ до Небесныхъ воротъ, описаніе лѣстницы и входа на Небеса. Полетъ къ солнцу. Встрѣча съ архангеломъ Урииломъ, повелителемъ этой планеты. Принявъ на себя видъ младшаго ангела, Сатана вывѣдываетъ у Уриила направленіе пути къ новосозданному міру. Уриилъ исполняетъ просьбу Сатаны, указываетъ ему путь, и Діаволь, совершивъ перелетъ, останавливается на обрывѣ горы Шифата.

ПРИВѢТЬ Тебѣ, Сынъ Неба первородный,
Священный Свѣтъ,—Творцу соприсущенъ
И вѣченъ Ты! Осмѣлюсь ли Тебя
Такъ называть? Вѣдь, Самъ Всевышній—Свѣтъ
И въ неприступномъ свѣтѣ обитаетъ.
Не лучше-ли эфира чистымъ токомъ
Назвать Тебя? Но гдѣ источникъ Твой?

Ты раньше былъ, чѣмъ Небеса и Солнце,
И, Божію глаголу повинуюсь,
Какъ ризою облекъ Ты мирозданье,
Которое изъ бездны мрачныхъ водъ
И пустоты безбрежной родилось.

Во мракѣ былъ я долго заключенъ
И, пропастей Стигійскихъ избѣжавъ,
Къ Тебѣ полетъ смѣлѣе направляю.
Не лирою Орфея ⁵²⁾ сладкогласной
Я воспѣвалъ Ночь древнюю и Хаосъ;
Божественною Музою наставленъ,
Спускался въ глубь и поднимался вверхъ.
Теперь-же я спасенъ и ощущаю
Опять Твою живительную силу,
О, дивный Свѣтъ! Но не вернешься ты
Моимъ очамъ, и ни единый лучъ
Иль слабое сіяніе зари
Ихъ вѣчный мракъ собою не разсѣетъ.
И все-же я, къ священнымъ пѣснопѣвьямъ
Воспламененъ любовью, неустанно
Переношусь въ обитель свѣтлыхъ Музъ.
Къ вамъ я стремлюсь въ безмолвіи ночномъ,
Прозрачные ручьи и тѣнь дубравы,
И солнцемъ озаренные холмы,—
Къ тебѣ, Сіонъ, потоками омытый!
И тѣхъ мужей я часто вспоминаю,
Которые мою дѣлили участь,

(О, еслибъ-я сравнялся съ ними въ славѣ!)—
Слѣпота Томириса ⁵³⁾, Месониды
И также васъ, Тирезіасъ съ Финеемъ.
Такъ иногда, скрываясь межъ листвою,
Не зная сна, поетъ во мракѣ птица,
И звонко пѣснь разносится кругомъ.
Весна и лѣто, осень и зима
Приходятъ къ намъ, смѣняясь ежегодно,
И лишь ко мнѣ не возвратится день.
Не видѣтъ мнѣ восхода и заката
И лѣтнихъ розъ, и ландышей весеннихъ
Какъ тучею—я тьмою окруженъ,
Отрѣзанъ я отъ близкаго общенія
Со смертными. Божественная книга
Познанія природы для меня
Закрылася, ея страницы стерты.
Тѣмъ ярче Ты сіяй внутри меня,
Небесный Свѣтъ! Проникни силы духа,
Дай зрѣніе душѣ моей, разсѣй
До облачка туманъ духовныхъ взоровъ,
Дабы о томъ я могъ повѣдать людямъ,
Чего очамъ ихъ смертнымъ не видать.

Съ небснаго эфира Вседержитель,
Возсѣвшій тамъ превыше всѣхъ высотъ,
Всевидающимъ обозрѣваетъ окомъ
Великія творенія Свои
И вмѣстѣ съ тѣмъ—дѣла Своихъ созданий.
Безчисленны, какъ звѣзды, и блаженствомъ
Исполнены неизреченнымъ, сонмы
Небесныхъ Силъ Владыку окружаютъ.
Направо Сынъ сидитъ Единородный—
Господней славы образъ лучезарный.
И, вотъ, Господь къ землѣ склоняетъ взоръ
И видитъ тамъ Онъ первую чету,

Которая среди садовъ Эдема
Бесмертными плодами наслаждалась
Любви своей во-вѣки нераздѣльной
И радостей, которымъ нѣтъ конца.

Далекій Адъ и бездну обозрѣвъ,
Врага Небесъ увидѣлъ Онъ надъ нею,
Парящаго вблизи небесныхъ стѣнъ.
Сложивъ свои измученныя крылья,
Готовился ступай нетерпѣливой
Уже ступить на почву Сатана,
Которая землей казалась твердой,
Но воздухомъ она иль океаномъ
Окружена — не могъ постигнуть Онъ.
Тогда Господь, чье Око видитъ все —
Грядущее, бывшее съ настоящимъ —
Глаголетъ такъ Единственному Сыну:
— Ты видишь-ли, Единородный Сынъ,
Противникъ нашъ какой пылаетъ злобой?
Ни адская темница, ни оковы,
Ни бездна безпредѣльная — ничто
Остановить его не въ состояннѣ.
И мщеніемъ онъ дышетъ беспощаднымъ,
Которое обрушится опять
На собственную голову его.
Преграды всѣ расторгши, въ область свѣта
Стремится онъ, гдѣ ищетъ человѣка,
Котораго задумалъ погубить
Онъ силою иль совратить обманомъ.
И замыселъ удастся. Человѣкъ,
Опутанный опасно-лѣстивой ложью,
Преступить Мой единственный запретъ.
Онъ самъ падеть и въ немъ — его потомство.
Себя винить неблагодарный долженъ.
Безгрѣшнымъ онъ и справедливымъ созданъ
И въ силахъ самъ сопротивляться злу,
Но можетъ пасть, когда того захочетъ.
Такъ созданы и сонмы Силъ небесныхъ:
Они вольны и пасть, и устоять.
Не будучи свободными вполнѣ —
Чѣмъ доказать любовь свою и вѣрность
Чѣмъ выразить могли-бы Мнѣ они?
Не надо Мнѣ слѣпого послушанья,
Внушеннаго сознаньемъ рабскимъ долга,
Когда равно у разума и воли
Нѣтъ выбора. Итакъ, винить не могутъ
Они Творца, природу и судьбу,
Ссылаясь на предопредѣленіе.
Не Мой законъ привелъ ихъ къ мятежу,
Но собственная воля. Добровольно,
Безъ всякаго вмѣшательства судьбы,
Они падутъ. Я далъ свободу имъ;
Свободными должны они пребыть,
Пока ярма неволи не надѣнутъ —
Иль самую природу ихъ и даже
Дарующій свободу имъ законъ,
Который Я установилъ во-вѣки —
Все это Мнѣ пришлось-бы измѣнить.
Одни изъ нихъ, постыдно развратясь
И обманувъ самихъ себя — погибли.
Но человѣкъ загубленъ будетъ ими
И потому — помилованъ. Для нихъ-же
Спасенья нѣтъ. На Небѣ и Землѣ
Я милостью Моей и правосудьемъ
Превознесусь въ неизреченной славѣ,
Но милостью великой — наипаче.

Когда Господь изрекъ Свои слова —
Амброзіи благоуханьемъ чуднымъ
Наполнились мгновенно Небеса,
И радостью наполнились новой
Безгрѣшныя сердца блаженныхъ Духовъ.
Но славой несравненной озаренъ
Былъ Божій Сынъ. Въ Немъ образъ отразился
Отца Его, и Ликъ Его сіялъ
Божественнымъ и кроткимъ состраданьемъ,
Любовью безпредѣльной, милосердьемъ,
Не знающимъ границы. Эти чувства
Такъ Онъ излилъ въ рѣчахъ Своихъ къ Отцу:
— Отецъ Мой! Ты въ верховномъ приговорѣ
О милости вѣщаешь въ заключеніе.
Помиловать Ты хочешь человѣка,
За что Тебя и Небо, и Земля
Превознесутъ великою хвалою,
Благословивъ Твое Святое Имя.
Не можетъ онъ, не долженъ онъ погибнуть —
Любимѣйшій и младшій изъ сыновъ
Всевышняго, обманомъ совращенный
И собственнымъ безумьемъ обольщенный.
О, Мой Отецъ, Судья непогрѣшимый,
Молю Тебя, оставь такую мысль!
Возможно-ли, чтобъ Врагъ достигнулъ цѣли
И, надъ Тобой побѣду одержавъ,
Въ ничто Твою-же благодать обратилъ?
Захочешь-ли, чтобъ онъ исполнилъ мщеніе,
Хотя его за это ждетъ возмездье,
И съ гордостью вернулся въ темный Адъ,
Ведя туда съ собою родъ людской?
Ужель Свое созданье уничтожишь
И Божіе величіе и благодать
Подвергнешь Ты сомнѣнью нечестивымъ?

И такъ Творецъ Всесильный отвѣчалъ:
— Мой Сынъ, въ Тебѣ — души Моей отрада,
Премудрость вся и творческая сила.
Ты мысль Мою, Мои предначертанья
Постигъ вполнѣ. Не собственно силой —
Единственно Моимъ лишь милосердьемъ
Еще спастись возможно человѣку,
Когда того онъ пожелаетъ самъ.
Упадшія возстановлю я силы,
Которыя загубить тяжкій грѣхъ,
Орудіемъ страстей преступныхъ сдѣлавъ.
Я поддержу его въ борьбѣ съ врагомъ;
Пусть видитъ онъ, что только Мнѣ обязанъ,
Мнѣ Одному — спасеніемъ своимъ.
Среди людей — избранныковъ отмѣчу
Я милостью особою Моей,
И прочіе Мой голосъ будутъ слышать,
Ихъ отъ грѣха зовущій къ покаянью.
Я просвѣтлю ихъ чувства и смягчу
Ихъ каменное сердце для молитвы,
Покорности, не вызванныхъ насильемъ,
Но искреннихъ. Къ мольбамъ ихъ Я не буду
Ни глухъ, ни слѣпъ, и въ нихъ вселю судьбу,
Посредника межъ Мной и ими — Совѣсть.
И, совѣстью своєю просвѣтленъ,
Кто къ высшему стремиться будетъ свѣту —
Спасенья тотъ достигнетъ своего.
Но тѣ во-вѣкъ пощады не найдутъ,
Кто истощитъ Мое долготерпѣніе.
Кто сердцемъ черствъ — сильнѣе очерствѣетъ.
И у кого глаза ослѣплены —

Исполнились восторгом Небеса,
И по всему небесному пространству
Торжественно «Осанна!» пронеслось. (Стр. 33.)

Того сильнѣй постигнетъ ослѣпленье:
Ужаснѣе и глубже онъ падеть,—
И лишь такихъ Я милости лишаю
Моей на вѣкъ. Но Я еще не кончилъ:
Обѣтъ его нарушенъ человѣкомъ;
Ослушавшись, онъ Небо оскорбилъ
И власть его верховную, и этимъ
Проступкомъ все утратилъ, что имѣлъ.
Чѣмъ искупить онъ можетъ преступленье
Подобное? Иль правосудья нѣтъ,
Иль долженъ самъ, съ потомками своими,
Погибнуть онъ, когда, его спасая,
Не явится другой и не захочетъ
Пожертвовать собою правосудью,
Которое вѣщаетъ: смерть за смерть!
Отвѣстуйте, о, сонмы Силъ Небесныхъ,
Наилется-ль гдѣ подобная любовь?
И кто изъ васъ захочетъ смертнымъ стать
И смертнаго искупить прегрѣшенъ?
Безгрѣшенъ самъ—кто грѣшника спасеть?
Возможно-ли, что существуетъ въ Себѣ
Столь чистая, высокая любовь?

Онъ спросилъ, но хоръ Небесныхъ Духовъ
Безмолствовалъ, и тихо было въ Себѣ.
Никто принять на голову свою
Послѣдствія смертельнаго грѣха
Не пожелалъ, являсь за человѣка
Ходатаемъ. Итакъ, безъ искупленья
Весь родъ людской погибнуть былъ-бы долженъ,
На смерть и мракъ сурово осужденный,
Но Божій Сынъ, любви источникъ дивный,
Предсталъ тогда съ ходатайствомъ Своимъ:
— Отецъ, Твои велѣнья непреложны,
И человѣкъ помилованъ Тобой.
Спасти его возможно милосердью —
Быстрѣйшему изъ всѣхъ Твоихъ гонцовъ,
Которое непрошено, неожиданно
Является ко всѣмъ Твоимъ созданьямъ.
Ужели-же его и къ человѣку
Ты не пошлешь? Погибшій во грѣхѣ —
Какъ можетъ онъ о милости молить?
Отецъ! Молю, какъ жертву искупленья,
Прими Меня! Я жизнь даю за жизнь.
Пускай Твой гнѣвъ Я на Себя приму,
Считай меня такимъ-же человѣкомъ;
Я для него Твое покину лоно,
Я откажусь отъ славы добровольно,
Которую съ Тобою раздѣляю,
И за него Я съ радостью умру.
Смерть на Меня свою обрушитъ ярость,
Но узникомъ ея не долго буду:
Въ Тебѣ, Отецъ, во-вѣки Я живу
И смерти Я лишь смертное отдамъ.
Когда-же долгъ уплаченъ будетъ Мною —
Въ могильной тѣмѣ Меня Ты не оставишь,
О, Мой Отецъ! и не допустишь Ты,
Чтобъ чистая душа Моя подверглась
Уничтоженью полному. Возстану
Съ побѣдою и смерть Я покорю,
Отнявъ у ней желанную добычу
Унижена и ранена смертельно,
Она лишится жады своего,
Которое людей смертельно ранитъ.
Вслѣдъ за Собой съ великимъ торжествомъ
Я повлеку плѣненный Мною Адъ.

Владыкъ его увидишь Ты въ оковахъ
И зрѣлищу возрадуешься, Отче.
Тобою вновь отъ смерти воскрешенъ,
Моихъ враговъ повергну Я во прахъ
И, сонмами спасенныхъ окруженный,
Со славою вернусь на Небеса,
Гдѣ созерцать Пресвѣтлый Ликъ Твой буду.
И, тучею не омраченъ единой,
Онъ радостью и миромъ возсіяетъ;
Вражда и гнѣвъ исчезнутъ на-всегда,
И близъ Тебя блаженство воцарится.

Сынъ Божій смолкъ, но кроткій взоръ Его
И самое молчаніе—молили.
Все къ смертному безсмертною любовью
Дышало въ Немъ,— любовью, только чувству
Покорности сыновней уступавшей.
Онъ радостно и добровольно ждалъ
Согласія Отца на эту жертву.

Поражены восторгомъ были Духи,
Хотя вполне значенія этой рѣчи
Постичь они покуда не могли.
И отвѣчалъ Всевышній: — Милый Сынъ!
О, Ты, Моя единственная радость,
Единственный на Небѣ и Землѣ
Находишь Ты спасенье человѣку.
Ты знаешь, какъ созданія Мои
Мнѣ дороги. Послѣднимъ созданъ Мною
Былъ человѣкъ, въ любви-же не послѣдній
Онъ для Меня. Его спасенья ради,
Лишь временно готовъ Тебя оторгнуть
Я отъ руки и лона Моего.
Природа тѣхъ, кого спасаешь Ты,
Съ божественнымъ сольется естествомъ,
И на землѣ Ты будешь Человѣкомъ.
Придетъ пора — и, Дѣвою рожденный
Безгрѣшною, Ты плотью облечешься,
Главой людей, вторымъ Адамомъ ставъ.
Отъ перваго должны погибнуть люди,
А отъ Тебя къ спасенью возродиться.
Адама грѣхъ на все потомство палъ.
Очистятся лишь тѣ, кто отъ себя
Откажется и жизнь въ Тебѣ обрящетъ.
Такъ Человѣкъ—согласно правосудью—
Держать совѣтъ за человѣка будетъ.
И, преданный суду и лютой смерти,
Возстанетъ Онъ изъ мертвыхъ, воскресивъ
Съ Собою всѣхъ своихъ погибшихъ братій.
Надъ адскою враждой восторжествуетъ
Въ лицѣ Твоемъ небесная любовь,
Искупится страданіемъ тяжелымъ
Все, что легко сгубила эта злоба
И что губить она во-вѣки будетъ
Во всѣхъ, кто милость высшую отвергъ.
Но естество божественное, Сынъ мой,
И воплотясь— Ты все-же не утратишь
Затѣмъ, что Ты, Творцу и Богу равный,
Съ Нимъ наряду со славою царящій,
Вкушающій блаженство Божества —
Покинешь все, отъ гибели конечной
Спасая міръ. И, больше чѣмъ рожденіемъ,
Ты подвигомъ такимъ приобрѣтешь
Воистину названье Сына Божья.
Обиліе любви и доброты —
Превысило въ Тебѣ обиліе славы;

Смирениемъ великимъ вознесешь
На Небеса Ты образъ чловѣка.
Здѣсь во плоти Ты будешь возсѣдять
И царствовать, какъ Богъ и Чловѣкъ,
Помазанныкъ и Царь вселенной. Царствуй
Во-вѣки Ты! Тебѣ престолы всѣ
И княжества, и власти подчиняю.
На Небесахъ, въ Аду и на Землѣ—
Да склонятся колѣна предъ Тобою.
Когда-же, вновь покинувъ Небеса,
Ты въ облакахъ появишься со славой—
Архангелы, по знаку Твоему,
Всѣхъ пробудятъ трубою громогласной,
Всѣхъ созовутъ, живущихъ и умершихъ,
На страшное судилище Твое.
И, праведныхъ собраньемъ окруженный,
Надъ грѣшными и ангелами будешь
Судьею Ты Виновныхъ въ бездну Ада
Ты заключишь, закрывъ его на вѣкъ.
Межъ тѣмъ, огнемъ разрушенъ будетъ міръ;
Изъ пепла-же его Земля и Небо
Возникнутъ вновь — для праведныхъ жилище
Тамъ истины увидятъ торжество
И, долгому страданію на смѣну,
Постанетъ вѣкъ блаженства золотой,
Дѣяньями великими обильный.
Тогда почить Ты можешь отъ трудовъ:
Господь и Богъ всѣмъ будетъ и во всемъ.
Прославимъ-же Того, о, силы Неба,
Кто смерти самъ подвергнуться готовъ,
Чтобъ тѣмъ достигъ всеобщаго блаженства.
Прославьте-же и поклонитесь Сыну
И всѣ Его почитите, какъ Мня!

Замолкъ Господь, — и громкіе, какъ пѣснь
Безчисленнаго клира, раздались
Межъ ангеловъ ликующіе клики.
Исполнились восторгомъ Небеса,
И по всему небесному пространству
Торжественно «Осанна!» пронеслось.
Склоняясь предъ Сыномъ и Отцомъ,
Всѣ ангелы повергли къ ихъ подножью
Вѣнцы свои, цвѣтами амаранга
И золотомъ обвитые. Въ Раю
Въ былые дни вблизи отъ Древа Жизни
Впервые цвѣлъ безсмертный амарантъ;
Когда-же тамъ паденье совершилось,
Въ отчизну вновь онъ былъ перенесенъ
Небесную, и у рѣки блаженства,
Среди полей цвѣтущихъ Елисейскихъ ⁵⁴⁾,
Онъ жизни ключъ собою осушаетъ.

Теперь вѣнцы, на ангельскихъ кудряхъ
Блеставшіе, покровомъ устилаютъ
Небесное подножіе. Какъ море
Изъ дивныхъ яшмъ, улыбкою оно
Подъ пурпуромъ небесныхъ розъ сіяетъ.
Всѣ ангелы, Всевышняго почтивъ,
Вѣнцы свои обратно возлагаютъ
На свѣтлое чело. Въ благоговѣніи
Берутъ они настроенныя дивно
Блестательныя арфы золотыя,
И звуки ихъ священныхъ пѣснопѣній
Цѣлняютъ слухъ восторгомъ неземнымъ.
Всѣ голоса въ божественной хвалѣ

Сливаются — гармонія такая
На Небесахъ межъ ангеловъ царитъ.

Тебя, Отецъ Всесильный, Неизмѣнный,
Безсмертный, Безконечный, Вѣчный Царь,
Тебя, Господь, они воспѣли прежде!
Творецъ всего, Источникъ дивный свѣта,
Невидимый, въ сіяньѣ лучезарномъ
Ты на Своемъ престолѣ возсѣдаешь.
Когда лучей Твоихъ ослабленъ блескъ
И въ облакахъ лишь край Твоей одежды
Виднѣется — бывають Небеса
Ослѣплены, и сонмы серафимовъ
Блестательныхъ, закрывъ крылами очи,
Къ Тебѣ, Творецъ, дерзають приближаться.

Пслѣдъ за Отцомъ Тебя они воспѣли,
Зачатый Сынъ, подобіе Отца,
Въ чьемъ образѣ сіяетъ Всемогущій;
Въ Тебѣ — Его величіе и слава
И Духъ Его. Десницею Твоею
Онъ сотворилъ и Небеса и Землю
И ангеловъ, — и ею-же низвергнулъ
Мятежниковъ. Грозами потрясая,
Въ пылающей Ты мчался колесницѣ,
Преслѣдуя разстроенную рать.
Когда-же Ты со славой возвратился —
Привѣтствуемъ Ты ангелами былъ,
Какъ Божій Сынъ, Имъ властью облеченный
Враговъ Его суровъ покаравъ,
Ты пожалѣлъ о тѣхъ, кого сгубило
Коварство ихъ — о грѣшномъ чловѣкѣ.
Отецъ благій, Источникъ милосердія,
Когда Твой Сынъ Божественный увидѣлъ,
Что Ты готовъ смягчиться къ чловѣку,
Желая гнѣвъ умилоствити Твой
И положить конецъ борьбѣ великой
Межъ благостью Твоею и правосудьемъ —
Отрекся Онъ отъ райскаго блаженства
На Небесахъ, гдѣ рядомъ возсѣдаешь
Съ Тобою Онъ, и смертнаго вину
Готовится Онъ смертью искупить.
Божественно высокая любовь,
Какой еще примѣра не бывало!
Хвала Тебѣ, Господь, Спаситель міра
И Божій Сынъ! Твое да будетъ Имя
Источникъ мѣ обильнымъ пѣснопѣній,
И арфою мою восхваляю
Тебя съ Отцомъ во-вѣки нераздѣльно!

Такъ въ радостяхъ текли и въ пѣснопѣніяхъ
На Небесахъ счастливые часы.
Тѣмъ временемъ на Землю Сатана
Спускается. Казавшаяся шаромъ,
Теперь она пространствомъ необъятнымъ
Раскинулась, суровымъ и пустыннымъ.
Вверху надъ ней нахмурилася Ночь,
Вокругъ нея разбушевался Хаосъ;
Лишь издали, со стороны Небесъ,
Струился свѣтъ, и буря бушевала
Тамъ съ меньшею свирѣпостью и силой.
Среди полянь свободно бродитъ Врагъ.
Такъ отъ вершинъ холодныхъ Гималая —
Гдѣ свилъ гнѣздо — летитъ голодный коршунъ
Къ истокамъ рѣкъ Гангеса и Гидаспа,

Гдѣ можетъ онъ найти себѣ добычу
 Среди ягнятъ пасущихся и козъ, —
 Но по пути къ равнинамъ Сериканскимъ ⁵⁵⁾
 Слетаетъ онъ, гдѣ парусной повозкой
 Изъ камыша китаецъ ловко править.
 Такъ на землѣ, подобной океану,
 Въ отчаяннѣ блуждаетъ Сатана,
 Но тщетно онъ себѣ добычи ищетъ:
 Ни одного живого существа
 Здѣсь нѣтъ еще и не было доселѣ.
 Впослѣдствіи, когда исполнилъ грѣхъ
 Тщеславіемъ дѣянія людскія —
 Сюда, какъ шаръ воздушный, поднялись
 Грѣшныя, суетныя предметы,
 А также тѣ, кто основалъ на нихъ
 Надежды всѣ на славу и безсмертье,
 На счастье — въ той жизни или въ этой.
 Искавшіе лишь похвалы людской
 И на землѣ нашедшіе награду —
 Тщеславія или суетвѣрья плоды —
 Достойное тутъ встрѣтятъ воздаянне,
 Ничтожное, какъ и дѣянне ихъ.
 Всѣ жалкіе Природы недоноски,
 Чудовища, незрѣлые зачатки
 Стеклись сюда и, въ пустотѣ блуждая,
 Здѣсь полнаго уничтоженья ждутъ.
 Имъ не луна пристанищемъ бываетъ:
 Сребристая поля планеты этой
 Являются для праведныхъ жилищемъ,
 Которые средину занимаютъ
 Межъ ангеломъ и смертнымъ человѣкомъ.

И первыми туда стеклися чада,
 Рожденныя отъ грѣшнаго союза
 Сыновъ Небесъ и дочерей Земли,
 И древности тщеславные герои
 Съ зиждителями башни Вавилонской.
 Но долго всѣхъ безумцевъ и святошъ,
 Зародышей — перечислять пришлось-бы.
 И, вотъ, они проходятъ семь планетъ ⁵⁶⁾
 И звѣзды всѣ съ ихъ сферою хрустальной,
 Что первая въ движеніе пришла,
 Созвѣздій хоръ собой уравнивая.
 У вратъ Небесъ ихъ ждетъ апостоль Петръ
 Съ ключемъ въ рукѣ, — и лѣстница близка,
 И на ступень они заносятъ ногу,
 Но грозный вихрь, порывы встрѣчныхъ вѣтровъ
 Стремительно отбрасываютъ ихъ
 И сносятъ внизъ на десять тысячъ стадій.
 О, если-бы возможно было видѣть,
 Какъ ихъ тѣла и четки съ клубуками,
 И панскія помилованья, буллы —
 Крутились и въ вихрѣ извивались,
 Въ преддверье преисподней уносясь.
 Которое зовутъ «Безумцевъ Расмъ»!
 Впослѣдствіи онъ сталъ извѣстенъ многимъ,
 Но въ часъ, когда явился Сатана,
 «Безумцевъ Рай» еще не заселился.

Въ пути своемъ на мрачный этотъ шаръ
 Смугтился Врагъ и долго тамъ блуждалъ,
 Пока вдали сіянье не блеснуло.
 Съ поспѣшностью направившись туда,
 Увидѣлъ онъ громаднѣйшее зданье,
 Котораго ступени восходили
 До самыхъ стѣнъ Небесныхъ Наверху

Виднѣлось еще сооруженье
 Роскошное и полное величья.
 Алмазами и золотомъ горѣлъ
 Фронтонъ его, камнями Востока
 Чудесными порталъ украшенъ былъ.
 Подобіе его соорудить,
 Изобразить его земною кистью —
 Немыслимо. И такова была
 Та лѣстница, которою входили
 И нисходили Ангелы. Иakovъ,
 Когда въ Харранѣ бѣжалъ онъ отъ Исава —
 Ее во снѣ увидѣлъ и, проснувшись,
 Воскликнулъ онъ: «Вотъ дивныя врата
 Небесныя!» Здѣсь кажда ступень
 Значеніе сокрытое имѣетъ.
 Но не всегда тутъ лѣстница бываетъ:
 Порой она уходитъ въ Небеса,
 Подъ нею же изъ яшмъ и жемчужовъ
 Виднѣется блистающее море.
 Впослѣдствіи на ангельскихъ крылахъ
 Иль въ огненныхъ чудесныхъ колесницахъ
 Черезъ него, покинувъ землю, стали
 Переноситься праведныя души.
 Теперь она опущена была, —
 Не для того-ль, чтобъ легкость восхожденія
 Ввела въ соблазнъ собою Сатану,
 Иль для того, чтобъ возбудить сильнѣе
 Печаль его, при мысли объ изгнаньѣ?
 Отъ этихъ вратъ дорога открывалась,
 Ведущая къ странѣ блаженной Райа,
 Широкая дорога, шире той,
 Которая къ Землѣ обѣтованной
 И къ высотамъ Сионскихъ горъ вела,
 Для ангеловъ служба путемъ обычнымъ,
 Являвшихся къ счастливымъ племенамъ —
 Имъ возвѣщать Всевышняго велѣнья.
 И отъ границъ Египта до Панаи ⁵⁷⁾
 Съ Вирсавіей на эти племена
 Всевышній Самъ съ любовью взиралъ.

Отверстіе широкое служило
 Границею для мрака рокового,
 Какъ берега — границей для морей.
 И съ лѣстницы, съ ея ступени нижней,
 На Божій міръ взираетъ Сатана
 И пораженъ величіемъ его.
 Всю ночь во тьмѣ глубокой пробродилъ
 Съ опасностью для жизни, соглядатай,
 Вершины горъ достигнувшей съ зарей,
 Такъ предъ собой чудесный видитъ городъ
 Съ блистающими шпилями и башней,
 Лучемъ зари волшебю позлащенный.
 При видѣ всѣхъ міровъ, ему представившихъ
 Въ красѣ своей, такимъ-же изумленьемъ
 И завистью Духъ Зла охваченъ былъ.
 Поднявшійся надъ сводомъ мірозданья,
 Вселенную онъ взоромъ обнималъ —
 Отъ яркаго созвѣздія Вѣсовъ
 И до звѣзды блестящей Андромеды.
 Все обозрѣвъ отъ края и до края,
 Понесся онъ къ ближайшей изъ планетъ,
 И крыльями онъ воздухъ разсѣкаетъ,
 Летя путемъ извилистымъ свободно
 Среди свѣтилъ, что звѣздами казались
 Лишь издали, но были островами
 Счастливыми, подобіемъ садовъ,

По долго всѣхъ безумцевъ и святошь,
Зародышей перечесть пришлось-бы. (Стр. 34.)

Довѣренныхъ охранѣ Гесперидъ.
О, дивныя дубравы и долины,
Какіе васъ счастливыцы населяютъ?
Но Сатана о томъ не узнаетъ:
Его влечетъ лишь Солнце золотое,
Чей дивный блескъ напоминаетъ Небо.
И, вотъ, туда полетъ свой направляя,
Приблизился онъ къ мѣсту, гдѣ горитъ
Великое свѣтило, чье сіянье
Созвѣздія простыя озаряетъ,
Которыя вращаются вдали
Отъ царственного солнечнаго взора.
И хороводъ созвѣздій отмѣчаетъ
Движеніемъ своимъ течение дней,
Вкругъ дивнаго свѣтила обращаясь,
Которое живительною силой
Лучей своихъ и въ глубину морей,
И въ глубь земли чудесно проникаетъ.

Остановясь на немъ и затемнивъ
Его пятномъ, едва замѣтнымъ взору,
Сіянію его дивится Врагъ,
Которое ни съ камнемъ, ни съ металломъ
Сравнить нельзя. Когда-бъ его сравнилъ
Съ металломъ я—то сразу походило-бъ
На серебро и золото оно.
Когда-жъ его камнямъ уподобить—
Свѣтилося отливками оно
Карбункула, рубина, хризолита,
Топаза: всѣхъ двѣнадцати камней,
Украшившихъ наперстникъ Аарона.
Еще сравнить его возможно съ камнемъ,
Что на землѣ отыскиваютъ тщетно
Философы, хотя своимъ искусствомъ
Имъ удалось крылатаго Гермеса ⁵⁸⁾
Соединить съ Протеемъ. Изумляться
Нельзя тому, что дышатъ Эликсиромъ
Чистѣйшимъ тамъ и страны, и поля,
И золотомъ текутъ обильно рѣки—
Когда отъ насъ на дальнемъ разстояніи
Горящее, великій химикъ—Солнце,
Вліяніемъ лучей своихъ волшебныхъ
Во тьмѣ творитъ такія чудеса,
Создавъ красу подобную и краски!

Здѣсь поваго находитъ много Демонъ,
Но болѣе ничѣмъ не пораженъ,
И взоръ его господствуетъ надъ далью.
Здѣсь тѣни нѣтъ, и все—одно сіянье,
И воздухъ такъ прозраченъ, какъ нигдѣ.
Вдругъ Сатана на горизонтѣ видитъ
Блистательнаго Ангела, который
На Солнцѣ-же являлся Іоанну.
Ликъ Ангела прекрасный обращенъ,
Былъ въ сторону другую, но сіяла
На головѣ тиара изъ лучей
И золотыя кудри ниспадали
На свѣтлыя сіяющія крылья.
Великою заботой поглощенъ
Казался онъ иль въ думы погруженъ
Глубокія. И, Ангела увидя,
Возликовалъ Нечистый Духъ, надѣясь
Проводника въ лицѣ его найти
Къ счастливому жилищу человѣка.
Но прежде онъ, опасности страшась,
Наружный видъ перемѣняетъ свой

И въ тотъ-же мигъ спѣшитъ преобразиться
Онъ въ одного изъ младшихъ херувимовъ
Черты его улыбкою небесной
Озарены, и прелестью невинной
Все дышетъ въ немъ: такъ велико притворство!
Кудрей его воздушная волна
Вѣнчается повязкой золотою
И радужными красками блеститъ
Крыло его; серебряный-же посохъ
Съ приподнятой одеждой обличаютъ
Въ немъ странника. Но прежде, чѣмъ успѣлъ онъ
Приблизиться, свой лучезарный ликъ
Къ нему блестящій Ангелъ обращаетъ,
И Сатана, дивясь, Уриила
Архангела мгновенно узнаетъ,
Стоящаго съ шестью другими близко
У Божія престола. Ихъ зовутъ
Господними очами, и разносятъ
Они вездѣ Всевышняго вельнья—
Черезъ Небеса, и земли, и моря.

Приблизившись, такъ молвитъ Сатана:
— Ты, Урииль, не первый-ли межъ тѣми,
Что Господу со славой предстоятъ?
Вершителемъ Его высокой воли
Являешься ты въ горнихъ Небесахъ,
Гдѣ ждутъ тебя, посланника Господня.
Обязанность такую-жъ исполняя,
Здѣсь съ высоты, подобно Божью Оку,
Весь шаръ земной обозрѣваешь ты?
Желаніе давно неодолимо
Влечетъ меня увидѣть новый міръ,
А главное—увидѣть Человѣка,
Котораго столь возлюбилъ Господь.
Повѣдай мнѣ, о, свѣтлый Серафимъ,
Который-же изъ всѣхъ шаровъ блестящихъ
Назначенъ быть жилищемъ человѣку
Иль можетъ онъ пріютомъ избирать
Любой изъ нихъ? Желалъ-бы я найти
Его затѣмъ, чтобъ тайно или явно
Избранника съ восторгомъ увидать,
Кого Творецъ мірами надѣлилъ
И на кого излилъ Свои щедроты.
Возславимъ-же во всѣхъ Его твореньяхъ
Всевышняго, Который, въ бездну Ада
Мятежниковъ низвергнувъ правосудно,
Вознаградилъ тяжелую утрату
И родъ людской чудесно сотворилъ,
Чья преданность пребудетъ неизмѣнной.
Премудры всѣ Создателя пути!

Такъ говорилъ притворщикъ вѣроломный,
Не будучи открытымъ. Лицемѣрье
И ангеловъ способно обмануть;
Среди земныхъ пороковъ лишь оно
Незримое повсюду ходитъ тайно,
Постичь его Единный можетъ Богъ.
Хотя порой не усипленный Разумъ
И бодрствуетъ, но Подозрѣнье спитъ
И Простотѣ охрану довѣряетъ,
А Доброта, не видя зла, не можетъ
Подозрѣвать присутствія его.
Вотъ почему—правитель свѣтлый Солнца—
Былъ въ этотъ разъ обманутъ Урииль
И лживому отвѣтилъ самозванцу
Правдивою чистосердечной рѣчью:

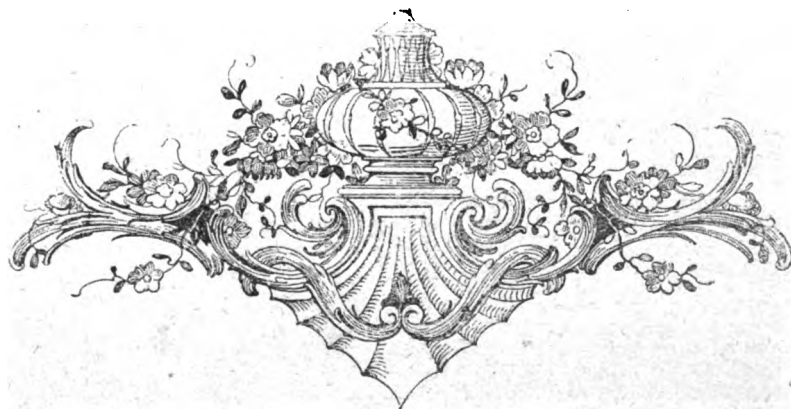
... Внизъ къ земному шару
Онъ (Сатана) ринулся съ сіяющаго Солнца. (Стр. 38.)

— Желаніе твое, прекрасный Ангелъ,
Творенія Господни лицезрѣть--
Не можетъ быть достойно порицанья.
Наоборотъ, чѣмъ пламеннѣй оно,
Тѣмъ болѣе достойно похвалы.
Покинулъ ты небесную обитель,
Желая самъ воочию узрѣть
Все то, о чемъ мы знаемъ по рассказамъ.
Войстину чудесны всѣ творенья
Зиждителя, и созерцанье ихъ
Намъ радусть и возвыщаетъ душу.
Возможно-ли исчислить ихъ уму,
Измѣрить ту божественную мудрость,
Которая, сокрывъ отъ насъ причину,
Ихъ вызвала чудесно къ бытію?
Я видѣлъ самъ, какъ, повинувся слову,
Зазыблилась безформенная масса
И въ цѣлое слагаться начала.
Господень гласъ услышалъ дикій Хаосъ—
Смятеніе Закону покорилось,
Въ предѣлы вмѣгъ вступила Безпредѣльность.
Вторичнымъ-же велѣніемъ Господнимъ—
Свѣтъ возсіялъ и удалился Мракъ,
Порядокъ самъ возникъ изъ Неустройства,—
Тяжелыя и плотныя Стихіи:
Земля, Огонь и Воздухъ, и Вода—
Всѣ заняли указанное мѣсто.
А вещество эфирное Небесъ,
Поднявшись вверхъ, образовало звѣзды,
Которыя опредѣленный ходъ
Имѣютъ всѣ. Эфиръ-же остальной
Вселенную стѣною окружаетъ.
Смотри сюда, на этотъ шаръ внизу;
Та сторона, что къ намъ обращена—

Вся свѣтится, но свѣтомъ отраженнымъ.
Тотъ шаръ—Земля, жилище Человѣка,
И свѣтъ ему даетъ собою Солнце.
Иначе тамъ, на всемъ пространствѣ шара,
Царила-бъ Ночь, которая теперь
Одно лишь полушарье обнимаетъ,
Хотя и тамъ сіяніемъ своимъ
Съ ней борется сосѣдняя планета—
Прекрасная и кроткая Луна.
Свершая кругъ среди равнинъ небесныхъ,
Оттуда свѣтъ заимствуетъ она
Для тройственного лика своего.
Исполняя имъ, на Землю изливаетъ
Его она, и кроткое сіянье
Лучей ея побѣдно гонитъ Ночь.
Смотри, куда указываю я:
Тотъ свѣтлый Рай—Адамово жилище,
Шатеръ его листвою осѣненъ.
Теперь съ пути ты больше не собьешься,
И мнѣ пора идти моимъ путемъ.

Такъ отвѣчалъ Архангелъ. Сатана,
Обычаю небесному согласно,
Почтительно склонясь предъ Высшимъ Духомъ ⁵⁹),
Простился съ нимъ и внизъ, къ земному шару,
Онъ ринулся съ сіяющаго Солнца.
Отрадная надежда на успѣхъ
Его сильнѣй собою окрыляетъ,
И, описавъ громадныя круги,
Несется онъ, нигдѣ не отдохнувъ,
Пока въ пути своемъ не достигаетъ
Далекаго Нифата ⁶⁰) высоты.

КОНЕЦЪ ТРЕТЬЕЙ КНИГИ.

КНИГА 4-я.

При видѣ Эдема, гдѣ предстояло совершить ужасное злоумышленіе, Сатана колеблется и долго борется съ завистью, страхомъ и отчаяньемъ. Но зло беретъ верхъ, и Діаволь въ Рай. Описание мѣстоположенія Эдема. Принявъ образъ морской птицы, Сатана садится на верхушку «древа жизни» и оттуда осматриваетъ жилище перваго человѣка. Описание райскаго сада. Сатана издали видитъ Адама и Еву и поражается какъ совершенствомъ и правильностью ихъ формъ, такъ и ихъ радостнымъ настроеніемъ. Но это не удерживаетъ Сатану отъ его злого замысла. Онъ подслушиваетъ бесѣду первыхъ людей, изъ которой узнаетъ, что подъ угрозой смерти имъ воспрещено вкушать Плоды отъ «древа познанія добра и зла». Рѣшивши этимъ путемъ погубить человѣка, Сатана ближе знакомится съ его положеніемъ въ Раю. Тѣмъ временемъ Уриилъ, спустившись на одномъ изъ солнечныхъ лучей, предупреждаетъ стража райскихъ вратъ Гавріила о пролетѣ сюда Сатаны и его нахѣреніяхъ. Гавріилъ общается съ дѣлать обыскъ. Наступленіе ночи. Адамъ и Ева идуть на покой. Описание ихъ пристанища. Ихъ молитвословіе передъ сномъ. Гавріилъ во главѣ своихъ подчиненныхъ обходитъ рай, отрядивъ сильнѣйшихъ двухъ ангеловъ для охраны Адама и Евы отъ Діавола. Эти ангелы застаютъ Сатану у изголовія Адама и Евы и силой ведутъ его къ Гавріилу. Вопросъ Сатаны. Его презрѣніе и готовность къ борьбѣ. Небесное знаменіе и бѣгство Сатаны изъ Эдема.

КОГДА Драконъ, вторично пораженъ,
 Въ отчаяньѣ на землю устремился,
 Чтобъ выместить свой гнѣвъ на человѣкѣ —
 Зачѣмъ тогда безмолствовалъ тотъ гласъ,
 Что нѣкогда пророкъ великій слышалъ,
 Которому открытъ Апокалипсисъ?

— О, горе всѣмъ, живущимъ на землѣ! —
 Вѣшалъ тотъ гласъ. Покуда было время,
 О, если-бы отъ тайнаго Врага
 Предостерегъ онъ съ Евою Адама —
 Сѣтей грѣха избѣгли-бы они!
 Ужъ близокъ онъ, вначалѣ искустель,
 Впослѣдствіи — и обвинитель ихъ.
 На слабомъ неповинномъ человѣкѣ
 Онъ выместить свои потери хочетъ.
 Но Сатана, какъ ни былъ онъ безстрашенъ,
 Покуда цѣль казалась далека —
 Приблизясь къ ней, не радуется больше
 И злая мысль, созрѣвшая вполне,
 Въ груди его бушуетъ и кипитъ.
 Такъ, выпустивъ зарядъ свой смертоносный,
 Отпрядываетъ адская машина.
 Сомнѣніе и ужасъ потрясаютъ
 Смятенный духъ. Со дна души его
 Встаетъ предъ нимъ неумолимый Адъ,
 Который онъ съ собою носитъ вѣчно
 Внутри себя, вокругъ себя. Не можетъ
 Онъ убѣжать отъ Ада ни на шагъ,
 Какъ отъ себя укрыться онъ не властенъ.
 Отчаянье въ немъ пробудила Совѣсть:
 Онъ думаетъ о томъ, чѣмъ прежде былъ,
 Чѣмъ нынѣ сталъ и чѣмъ въ грядущемъ будетъ,
 Когда свои умножа злодѣянья,
 Онъ горшія страданья испытаетъ.
 Порою онъ глядитъ печальнымъ взоромъ

На свѣтлый Рай во всей его красѣ,
 Затѣмъ въ тоскѣ глубокой созерцаетъ
 Полдненное свѣтло съ Небесами
 И, наконецъ, со вздохомъ произноситъ:
 — Вѣнчанное сіяньемъ несравненнымъ,
 Какъ властелинъ и царь ея, на Землю
 Взираешь ты, предъ которымъ меркнуть
 Всѣ прочія созвѣздія, о, Солнце!
 И я къ тебѣ взываю для того,
 Чтобъ высказать, какъ ненавистны мнѣ
 Лучи твои! Они напоминаютъ
 Мнѣ прежнее величіе мое,
 Когда я самъ во славѣ возвышался
 Надъ сферою твоею, покуда гордость
 На Господа меня не ополчила.
 И почему? Заслуживалъ-ли Онъ,
 Меня такимъ величіемъ одарившій
 И никогда ни въ чемъ не упрекавшій,
 Чтобъ отплатилъ Ему измѣной я?
 Не тяжело Ему служенье было,
 Но милости Его во мнѣ рождали
 Лишь ненависть. Ему повиноваться
 Я не желалъ, и, стоя высоко,
 Я возмечталъ еще одной ступенью
 Возвыситься, избавившись отъ долга
 Признательности вѣчной. О, зачѣмъ
 Не созданъ былъ я ангеломъ простымъ?
 Я вѣчно-бы блаженствомъ наслаждался,
 Безумною надеждой честолюбья
 И замысломъ о славѣ не тревожимъ.
 Но, впрочемъ, нѣтъ! Другой могучій духъ,
 Подобно мнѣ, могъ власти добиваться
 И въ разговоръ вовлечь меня съ собой.
 Однако-же, архангелы другіе,
 Мнѣ равные, не поддались соблазну.
 Какъ и они, я былъ вооруженъ

И силою, и волею свободной.
 Кого винишь? На что-же ропщешь ты?
 На ту любовь небесную, какою
 Мы были всѣ надѣлены равно?
 Когда любовь и ненависть приносятъ
 Страданья мнѣ — проклятіе любви!
 Нѣтъ, самого себя я проклинаю!
 Свободенъ я и собственною волей
 Все то избралъ, въ чемъ каюся теперь.
 О, горе мнѣ, несчастному! Куда
 Укрыться мнѣ, куда бѣжать отъ гнѣва
 И вѣчнаго отчаянья? Въ себѣ
 Ношу я Адъ, и бездною своею
 Меня грозитъ пожрать онъ. И въ сравненіи
 Съ той бездною, которая во мнѣ,
 Кромѣшній Адъ готовъ считать я Небомъ.
 Ужели-же я не могу смириться
 И мѣста нѣтъ раскаянью во мнѣ,
 Прошенію? Смириться воспрещаютъ
 Презрѣніе и страхъ стыда предъ тѣмъ,
 Кого въ Аду оставилъ я. Не рабство —
 Побѣду имъ сулилъ я надъ Творцомъ.
 Какъ тяжело я страдаю на престолѣ,
 Какъ дорого за поклоненіе ихъ
 Плачуся я — увы, они не знаютъ!
 Вотъ радости, какія честолюбье
 Приноситъ намъ! Чѣмъ скипетръ и вѣнецъ
 Блестяще — тѣмъ глубже и паденье.
 Я вышѣ ихъ страдаемъ однимъ.
 Но, если-бы раскалялся я даже
 И къ прежнему вернулся состоянью,
 То, вмѣстѣ съ нимъ, вернулись-бы и мысли
 Опасныя: я скоро-бы отрекся
 Отъ вызванныхъ страданьемъ ложныхъ клятвъ;
 Гдѣ ненависть смертельно поразила —
 Тамъ полнаго не будетъ примиренья.
 Такого перемирья краткій мигъ
 Купилъ-бы я удвоенною мукой.
 Каратель мой объ этомъ знаетъ Самъ:
 Не менѣе далека Онъ отъ того,
 Чтобъ даровать помилованье мнѣ,
 Какъ я — отъ просьбъ о милости подобной.
 Отверженныхъ изгнанниковъ взаменъ
 Онъ сотворилъ недавно Человѣка
 И для него — чудесный новый міръ.
 Итакъ, прости, надежда, — а съ надеждой
 Прости и страхъ! Раскаянье, прости!
 Увы! Добро исчезло безъ возврата,
 Отнынѣ, Зло, будь благомъ для меня.
 При помощи твоей, я раздѣлю
 Владычество Его съ Царемъ Небеснымъ,
 Черезъ тебя надъ болышею половиною
 Вселенной я побѣдно воцарюсь,
 И Человѣкъ о томъ узнаетъ вскорѣ!

Покуда онъ такъ говорилъ, на блѣдномъ
 Лицѣ его всѣ страсти отражались:
 Безумный гнѣвъ, отчаянье и зависть
 Свѣтились въ немъ и, обликъ искажая
 Имъ принятый, могли-бъ не медля выдать
 Обманщика предъ взоромъ постороннимъ.
 И Сатана, замѣтивъ это самъ,
 Старается прикрыть свою тревогу.
 Не первый-ли — искусный лицемеръ —
 Личиною избралъ онъ добродѣтель?
 Но обмануть не могъ онъ Уриила:

Слѣдя за нимъ въ его полетѣ смѣломъ,
 Тотъ на горѣ увидѣлъ Ассирійской
 Мятельные порывы Сатаны,
 Безумныя его тѣлодвиженія
 И блѣдный ликъ, волненьемъ искаженный,
 Которое блаженнымъ духамъ чуждо.

Но Сатана идетъ своимъ путемъ,
 И, наконецъ, онъ Рая достигаетъ,
 Вънчавшаго зеленою оградой
 Пустынную и дикую вершину
 Большой горы. Ея крутые склоны
 Кустарникомъ повсюду заросли,
 А наверху, вздымаясь къ небесамъ,
 Види́ются ряды высокихъ кедровъ,
 Тѣнистыхъ пальмъ, уступами растущихъ;
 Надъ ними-же высокая стѣна
 Чарующаго Рая зеленѣла,
 Откуда видъ обширный открывался
 На страны всѣ, лежащія внизу.

Въ самомъ Раю чудесныя дѣревья
 Росли кругомъ. Роскошныя плоды
 Невиданными красками пестрѣли,
 Среди вѣтвей на солнцѣ золотясь,
 Которое здѣсь, радостнѣй сіяло,
 Чѣмъ посреди вечернихъ облаковъ
 Иль радуги. Чѣмъ дальше онъ лѣтѣлъ,
 Тѣмъ воздухъ все прозрачнѣй становился,
 И въ сердце онъ вливалъ собою радость
 Весеннюю, способную изгнать
 Печали всѣ, за исключеньемъ чувства
 Отчаянья. Здѣсь нѣжно обвѣваетъ
 Душистыми крылами вѣтерокъ
 И въ тишинѣ лепсечетъ о краяхъ,
 Откуда онъ приноситъ ароматы.
 Такъ, обогнувъ Надежды Доброй мысь,
 Не медля ошущаютъ мореходы
 Дыханіе тѣхъ вѣтровъ благовоющихъ,
 Что съ береговъ Аравіи счастливой
 Несутъ въ моря ея благоуханья.
 И моряки стараются замедлить
 Ходъ корабля, чтобъ дольше насладиться
 Благоуханіемъ, которымъ дышетъ
 Съ улыбкою самъ старецъ Оксанъ.

Задумчиво поднялся Сатана
 На дикую, крутую эту гору,
 Но далѣе дороги не находитъ:
 Такъ межъ собой персплелися густо
 Кустарники колючіе и травы.
 Со стороны восточной находились
 Ведущія въ прекрасный Рай врата,
 Но Сатана, пренебрегая ими,
 Однимъ прыжкомъ преграды миновалъ
 И по срединѣ Рая очутился.
 Такъ хищный волкъ, слѣдящій за добычей,
 Среди полей ограду примѣчаетъ,
 Куда пастухъ стада сгоняетъ на ночь,
 Считаая ихъ укрытыми вполнѣ, —
 Но, изгородь легко перескочивъ,
 Вторгается въ его овчарню хищникъ.
 Такъ, обокрасть задумавъ богача,
 Который полагается на крѣпость
 Замковъ своихъ и не боится взома,
 Въ окно къ нему влѣзаетъ ловкій воръ.

О, горе миѣ, несчастному! Куда
Укрыться миѣ, куда бѣжать отъ гнѣва
И вѣчнаго отчаянья?..

(Стр. 40.)

Такъ Сатана — изъ хищниковъ первѣйшій —
Въ небесную овчарню ворвался,
И такъ позднѣй въ Господень храмъ священный
Развратные вторгались торгашн.

На дерево, по срединѣ Рай
Стоявшее и бывшее всѣхъ выше,
Которое звалось Древомъ Жизни,
Взмахнувъ крыломъ, взлетаетъ Сатана
И, ворона морского видѣ принявъ,
Садится тамъ, но истинная жизнь
Ему чужда: на Древъ Жизни сидя,
Онъ думаетъ о смерти для живущихъ.
И дерево, которое залогомъ
Безсмертія могло-бы послужить,
Лишь для того пріютомъ онъ избралъ,
Чтобъ далѣе обозрѣвать окрестность.
Какъ вѣрно то, что, исключая Бога,
Никто цѣнить достойно не умѣетъ
Великихъ благъ и извращаетъ ихъ!

И съ новымъ изумленіемъ взираетъ
Отверженникъ на все, что сотворилъ
Всевышній здѣсь для блага человѣка,
На всѣ богатства дивныя Природы,
Что въ уголкѣ ея заключены:
Здѣсь на землѣ онъ снова видитъ Небо.

Блаженный Рай съ восточной стороны
Эдема былъ Всевышнимъ насажденъ.
Эдемская страна распространялась
Отъ Гаурана ⁶¹⁾ до надменныхъ башенъ
Селевкии, владыками Эллады
Построенныхъ. Въ саду своемъ роскошномъ
Онъ почвѣ плодородной повелѣлъ
Произрастить древесныя породы,
Пріятныя для вкуса, обонянья
И зрѣнія. Отъ золотыхъ плодовъ
Ростущаго межъ ними Древа Жизни
Амброзию лилось благоуханье.
А рядомъ съ нимъ стояла наша смерть —
Познанія таинственное Древо,
Познанія Добра, что мы купили
Такъ дорого — цѣной познанія Зла.

Широкая рѣка черезъ Эдемъ
Текла на югъ, скрываясь въ горѣ,
Которая являлась черноземомъ
Въ саду Творца. Тамъ всасываетъ нѣжно
Въ себя земля прозрачную струю,
И та струя наружу пробивалась
Десятками журчащихъ ручейковъ;
Они, въ одинъ сливаясь потокъ,
Катились внизъ, рѣкѣ большой навстрѣчу,
Которая дѣлилась на четыре
Главнѣйшіе потока. Воды ихъ
Не мало странъ великихъ орошали
И славныхъ царствъ, которыя не стану
Перечислять. Я лучше опишу,
Когда оно доступно для искусства,
Какъ изъ воды сафировой ключа
Прозрачныя бѣжали ручейки
И по песку струились золотому
И жемчугамъ Востока, подъ навѣсомъ
Густыхъ вѣтвей, нектарными струями
Растенія питая и цвѣты,

Достойные Эдема. Не искусство
Куртинами здѣсь разсадило ихъ,
Но щедрая природа разбросала
Ихъ по холмамъ, долинамъ и лугамъ.
Какъ дивно былъ прекрасенъ этотъ видъ,
Гдѣ чудныя смѣнялись картины
Одна — другой! Межъ рощами видѣлись
Цвѣтушія поляны, на которыхъ
Паслись стада. Тамъ высились холмы,
Увѣчанные пальмами, а здѣсь —
Коверъ долинъ, усѣянныхъ цвѣтами.

Со стороны другой видѣлись гроты,
Обвитые лозою виноградной,
Манившие къ себѣ прохладной сѣнью.
Межъ нихъ повсюду звонкія струи
Со склоновъ горъ сбѣгали ручейками
Иль свѣтлыми озерами сливались,
Въ чье зеркало глядѣлись берега,
Украшенные миртами. Звенѣли
Здѣсь въ воздухѣ пернатыхъ пѣснопѣнья,
И вѣтерки весенніе шумѣли
Среди листвы, а съ Граціями ⁶²⁾ въ пляскѣ
И съ Горами, межъ тѣмъ, всемирный Панъ
Велъ за собою вѣчную весну.

Съ той прелестью сравниться не могли
Ни дивная Эннейская долина,
Гдѣ сумрачнымъ Плутономъ Прозерпина ⁶³⁾,
Сбиравшая цвѣты, сама цвѣтокъ
Прекраснѣйшій, похищена была,
Ни тихая дубрава юной Дафны ⁶⁴⁾
На берегу Оронта, ни волшебный
Кастальскій ⁶⁵⁾ ключъ, источникъ вдохновенія,
Ни островъ тотъ, гдѣ престарѣлый Хамъ ⁶⁶⁾,
Кого зовутъ Юпитеромъ Ливійцы,
Отъ Реи скрылъ когда-то Амалтею
И юношу цвѣтушаго, который
Былъ сыномъ ей и назывался Вакхомъ.
Высокая Амгарская гора,
Гдѣ царское потомство обитало
И многими считавшаяся Раемъ,
Ему въ красѣ далеко уступала.
Но адскій Духъ взиралъ безъ наслажденія
На все, что здѣсь его ласкало взоръ,
И на живыхъ диковинныхъ существъ.

Два существа превосходили прочихъ
Красой своей и совершенствомъ формъ,
Какъ у боговъ — прямыхъ и стройныхъ станомъ.
Достоинствомъ облечены врожденнымъ
И наготой, исполненной величья —
Владыками надъ всѣмъ они казались,
Достойными подобнаго господства.
Великаго Творца небесный образъ
Въ божественномъ ихъ взорѣ отражался.
Различными ихъ назначенья были
И самый полъ. Въ мужчинѣ воплотились
Живая мысль и сила, а въ женѣ —
Чарующая нѣжность съ красотой.
Для Господа онъ созданъ былъ, она —
Для Бога-же, но въ мужѣ лишь своемъ.
Высокое прекрасное чело
И властный взоръ мужчины выражали
Величіе. Надъ всѣми господникомъ
Казался онъ. Подобно гіацинту,

Влистающіе кудри спадали
Ему до плечъ, но волосы жены,
Разсыпавшись волною золотистой,
Окутали покровомъ тонкій станъ.
Какъ усики отъ виноградныхъ лозъ,
Вилися ихъ причудливыя кольца —
Зависимости символъ. Добровольно
Склоняется она предъ властью кроткой
И женственнымъ сопротивленьемъ нѣжнымъ
Старается минуту отдалить
Желанныхъ ласкъ. Одежда не скрываетъ
Ихъ чудныхъ тѣлъ; рожденнаго грѣхомъ
Виновнаго стыда — подъ видомъ чести
Нанесшаго созданіямъ Природы
Одинъ позоръ — тогда еще не знали.

Такъ, объ руку другъ съ другомъ, наготовѣ
Безгрѣшною своею не смущаясь
Предъ Господомъ и ангелами вѣщи,
Въ Раю чета счастливая гуляла,
Прекраснѣе которой съ той поры
Не знаетъ міръ. Красой превосходила
Всѣхъ дочерей, рожденныхъ ею, Ева,
И былъ Адамъ прекраснѣй всѣхъ сыновъ.
Въ тѣни вѣтвей зеленыхъ, на лужайкѣ
У свѣтлаго ручья они сидѣли,
Окончивъ трудъ. Работа ихъ въ саду
Лишь дѣлала отраднѣй самый отдыхъ,
Когда зефиръ прохладу навѣваетъ,
А голода и жажды утоленье —
Пріятнѣе. Тянувшіеся къ нимъ
Нектарныя плоды они вкушали,
А кожура служила имъ сосудомъ
Для черпанья воды изъ ручейка.
И не было при этомъ недостатка
Ни въ сладостныхъ улыбкахъ и рѣчахъ,
Ни въ ласковыхъ и беззаботныхъ шуткахъ,
Что свойственны четѣ прекрасной были,
Живущей тамъ въ уединеніи полномъ.
Рѣзвились вокругъ земныя твари,
Которыя вполнѣдствіи укрылись
Среди пустынь и дебрей, одичавъ.
Передъ людьми, баюкая барашка,
Играя съ нимъ, скакалъ могучій левъ
И грозный тигръ, медвѣдь и леопардъ
Съ пантерой рѣзвились межъ собою
И прыгали, а неуклюжій слонъ
Показывалъ, какъ хоботомъ искусно
Владѣеть онъ. Среди густой травы
Лукавая змѣя, подкравшись къ людямъ,
Свивалась въ узелъ Гордіевъ и словно
О гибельномъ коварствѣ, непонятномъ
Для нихъ тогда, сама предупреждала.
Животныя, насытившись — одни
Среди луговъ спокойно отдыхали,
Другія шли искать себѣ ночлегъ,
Ввиду того, что солнце ужъ зашло
И къ островамъ далекимъ океана
Склонялося, а въ небѣ загорались
Предвѣстницы глубокой ночи — звѣзды.

А Сатана, межъ тѣмъ, какъ въ первый мигъ,
Глядитъ на все въ печальномъ изумленіи
И, наконецъ, съ тоскою восклицаетъ:
— О, горе мнѣ! Что вижу скорбнымъ взоромъ?
Какъ? Ради нихъ, изъ праха сотворенныхъ,

Лишились мы блаженства на-всегда?
Не Духи тѣ созданья, но немногими
Лишь разнятся они отъ свѣтлыхъ Духовъ.
Я чувствую, что могъ-бы полюбить ихъ:
Такъ ясно въ нихъ сознание Божества,
И такъ они одарены богато.
Прекрасная невинная чета!
Не знаешь ты, какъ близко перемѣна,
И радости замѣнятся твои
Страданіемъ, тѣмъ болѣе тяжелымъ,
Чѣмъ счастье твое полнѣе было.
Вы счастливы, но слабо защищены
Вашъ дивный Рай отъ сильнаго врага,
Проникшаго сюда. Увы, врагомъ
Являюсь я, но склоннымъ къ состраданью,
Хотя его не оказали мнѣ.
Отнынѣ я ишу союза съ вами
Столь тѣснаго, что будемъ неразлучны
Во-вѣки мы. Быть можетъ, меньше Рай
Понравится мое жилище вамъ,
Но и оно — Творца произведение,
И съ вами имъ охотно я дѣлюсь.
Навстрѣчу вамъ широко распахнутся
Врата его, и всѣ владыки Ада
Васъ примутъ тамъ, гдѣ болѣе простора
Окажется для вашего потомства,
Чѣмъ на землѣ, въ предѣлахъ тѣсныхъ Рай.
Вините лишь Того, Кто принуждаетъ
Меня на васъ, безвинныхъ, вымещать
Страданья тѣ, которыхъ Онъ — Виновникъ.
Пусть вашею невинностью я тронутъ,
Но благо, честь подвластнаго мнѣ царства —
Которое, міръ новый покоривъ,
Расширю я посредствомъ славной мести;
Причины всѣ повелѣваютъ мнѣ
Исполнить то, чего — проклятыя Духъ —
И самъ-бы я, быть можетъ, ужаснулся!

Какъ деспоты, во всемъ необходимость
Виняще — такъ молвилъ Врагъ Небесъ,
И, съ дерева высокаго спустившись,
Дабы свою добычу подстеречь —
Онъ въ образѣ является звѣриномъ:
То ввидѣ льва сверкаетъ онъ очами,
То, словно тигръ, онъ крадется, играя
Со встрѣченною парой кроткихъ ланей,
Удобной лишь минуты выжидая,
Чтобъ сразу ихъ обихъ захватить
Но тутъ Адамъ — прекраснѣйшій и первый
Изъ всѣхъ мужей, вдругъ къ Евѣ обратился —
Прекраснѣйшей и первой между женъ,
И Сатана ему внимаетъ жадно.

— Единая подруга! Лишь съ тобой
Всѣ радости мои я раздѣляю.
Ты для меня дороже всѣхъ сокровищъ.
Какъ безконечно милостивъ Господь,
Создавшій насъ и этотъ міръ обширный!
Онъ столь-же благъ, какъ безпредѣленъ Онъ.
Изъ праха Имъ мы созданы чудесно
И здѣсь въ Раю сподобились блаженства,
Котораго ничѣмъ не заслужили.
Чего отъ насъ Онъ требуетъ взаменъ?
Единственнаго легкаго обѣта!
Изъ всѣхъ плодовъ, растущихъ здѣсь въ Раю,
Онъ запретилъ касаться лишь плодовъ

Отъ дерева Познанія, что рядомъ
Виднѣтся съ безсмертнымъ Древомъ Жизни:
Столь близкою бываетъ къ жизни смерть.
И, если-бъ мы осмѣлились вкусить
Плодовъ его—Господь грозить намъ смертию.
Что значитъ смерть?—не вѣдаю о томъ,
Но Господу, взамѣнъ Его даровъ,
Обязаны мы полнымъ послушаньемъ.
Господствуя надъ тварями земными
И въ выборѣ угѣхъ и наслажденій
Свободные—не будемъ-же считать
Единственный запретъ Его тяжелымъ,
Но, Господа во-вѣки прославляя,
Работою приятною займемся.
Въ саду Его, и даже утомленье
Мнѣ сладостнымъ покажется съ тобою.

И Ева такъ Адаму отвѣчала:
— Ты, для кого и отъ кого была
Я создана, плоть отъ твоей-же плоти,
Ты—мой глава, путеводитель мой,
Слова твои глубоко справедливы
И мудрости исполнены. Должны
Благодарить мы Бога повседневно,
Тѣмъ больше я, которую Господь
Соединяетъ съ высшимъ существомъ,
Съ избранникомъ, межъ тѣмъ какъ для себя
Ты равнаго нигдѣ найти не можешь.
Какъ часто я припоминаю день,
Когда, отъ сна впервые пробудясь,
Увидѣла себя среди цвѣтовъ
Лежашею въ тѣни и подивилась:
Кто я и какъ, откуда я взялась?
По близости изъ глубины пещеры
Бѣжалъ родникъ и дальше разливался
Широкою равниной водяной.
Надъ берегомъ цвѣтущимъ я склонилась
И въ озеро старалась заглянуть,
Которое вгорьмъ казалось Небомъ,
Но предо мной, среди блестящей влаги
Явился вдругъ какой-то образъ свѣтлый
И на меня глядѣлъ онъ. Отшатнулась
Въ испугъ я, онъ также отшатнулся,
Но вскорѣ, имъ плѣненная, опять
Нагнулась я, и онъ отвѣтилъ мнѣ
Исполненнымъ любви и ласки взоромъ.
Отъ образа очей своихъ отвести
Я не могла и долго-бы томилась
Желаніемъ напраснымъ, если-бъ голосъ
Невѣдомый вдругъ не воззвалъ ко мнѣ:
«Прекрасное созданье! То, что видишь
Ты здѣсь въ водѣ—твое изображенье,
Которое съ тобою исчезнетъ вмѣстѣ.
Послѣдуй-же за Мною—и не призракъ
На нѣжныя объятія отвѣтитъ,
Но тогъ, чей образъ носишь ты сама.
Ты будешь съ нимъ блаженствомъ наслаждаться
И дашь ему существъ, тебѣ подобныхъ,
И матерью всего людского рода
Впослѣдствіи ты станешь».

О, могла-ли

Я за вождемъ незримымъ не пойти?
Увидѣла тебя я надъ платаномъ;
Ты строенъ былъ, но менѣ прекрасенъ,
Чѣмъ кроткое и нѣжное видѣнье,
Которое явилось мнѣ въ водѣ.

Я кинулась бѣжать, но ты—за мною;
Ты звалъ меня своей прекрасной Евой
И говорилъ: «Меня-ли ты бѣжишь?»
«Ты—плоть моя, кость отъ моихъ костей,
«Ты создана изъ моего ребра,
«Которое всѣхъ ближе къ сердцу было,
«И будешь мнѣ ближайшимъ существомъ.
«Души моей ты составляешь часть
«И, какъ мою другую половину,
«Я требую тебя».

Такъ говоря,
Къ рукѣ моей ты прикоснулся нѣжно.
Я предалась довѣрчиво тебѣ
И съ этого мгновения узнала,
Что красоту далеко превосходятъ
Достоинство и мужественный разумъ.

Такъ общая праматерь говорила.
Съ супружеской любовью непорочной
Она на грудь склонилась къ Адаму,
Коснувшись его открытой грудью,
Вздымавшейся подъ золотомъ кудрей.
А онъ, ея красою восхищенный
И прелестью покорной—улыбался
Ей съ нѣжностью, исполненной величья.
Юпитеръ такъ Юнонѣ улыбался,
Даруя плодородье облакамъ,
Разсыпавшимъ на землю майскій цвѣтъ.
И съ завистью на нихъ бросаетъ Демонъ
Ревнивый взглядъ, и мысленно онъ ронцетъ:
— Мучительный и ненавистный видъ!
Два существа въ объятіяхъ другъ друга
Не райскимъ-ли надѣлены блаженствомъ?
Ужель вкусить сполна имъ суждено
Все счастье, межъ тѣмъ какъ вверженъ я
Въ глубокой Аль, гдѣ счастья и любви
Не вѣдаютъ и знаютъ лишь желанья:
Не меньшее среди мученій нашихъ!
Но забывать не долженъ я того,
Что слышала здѣсь, изъ устъ ихъ. Имъ въ Раю
Принадлежитъ не все. Воспрещено имъ
Вкушать плоды отъ дерева Познанья.
Познаніе запрещено! Но развѣ
Съ собою грѣхъ и смерть несетъ оно?
Ужель они исвѣденемъ живутъ,
И счастье ихъ отъ вѣры лишь зависитъ
И послушанья полного? На этомъ
Какъ мнѣ легко ихъ гибель основать!
Я разожду у нихъ познаній жажду,
Внушая имъ не слушаться зачѣта,
Который ихъ обрекъ на униженье.
Тогда они сравнятся съ божествомъ
Задумаютъ и, плодъ вкусивъ запретный,
Подвергнутся неумолимой смерти.
Но прежде Рай я долженъ обойти
И, можетъ-быть, кого-нибудь изъ Духовъ
Увижу тамъ на берегу ручья,
И отъ него всю истину узнаю.
Живи пока, счастливая чета,
И пользуйся минутой краткой счастья:
Страданія твои продлятся долго!

Презрительно онъ покланяетъ ихъ,
Но, хитрости исполненъ осторожной,
Онъ крадется долинами, лѣсами,
Полями,—а солнце, между тѣмъ,

Задумчиво поднялся Сатапа
На дакую, кругую эту гору,
Но даље дороги не находятъ...

(Стр. 40.)

Склонилось къ закату, гдѣ какъ-будто
Сливаются съ лазурнымъ небосводомъ
Земля и море. Райскія врата
Послѣдній лучъ заката позлащала.
Они въ горѣ изъ алебаstra были,
Достигнувшей вершиною своєю
Клубившихся въ высокомъ небѣ тучъ.
Сюда съ земли вела одна тропинка,
И высились ряды громадныхъ скалъ
Со всѣхъ сторонъ. Междъ ними Гавриилъ,
Великій вождь надъ ангельскою стражей,
Сидѣлъ и ждалъ, когда настанетъ ночь,
А воины игрою забавлялись
Геройскою. Алмазами сверкая
И золотомъ, по близости виднѣлись
Блισταющіе шлемы ихъ и копыя.
Вдругъ въ сумракъ вечернемъ Уриилъ
Спустился къ нимъ на солнечномъ лучѣ.
Такъ осенью — прелѣстницею бури
Для моряковъ — вдругъ падаетъ звѣзда.
И говоритъ прибывшій:

— Гавриилъ!

Блаженное жилище охраняешь
Ты бдительно и строго, для того,
Чтобъ не могло сюда проникнуть зло.
Въ полдневный часъ въ моей явился сферѣ
Какой-то Духъ, желавшій увидать
(Такъ онъ сказалъ) творения Господни
И Божіе подобье — Человѣка.
И мною путь ему указанъ былъ.
Когда-же онъ на гору опустился,
Лежащую на сѣверѣ Эдема, —
Замѣтилъ я, что взоръ его страстями
Былъ омраченъ, невѣдомыми въ Небѣ.
Страшуся я: не вырвался-ль изъ бездны
Мятежный Духъ — для новыхъ смутъ и козней?
Найти его — обязанность твоя.

Въ отвѣтъ ему сказалъ крылатый воинъ:
— Ты, Уриилъ, царящій въ сферѣ Солнца,
Я не дивлюсь, что взоръ твой проникаетъ
И въ даль, и въ ширь, — но ангельская стража
Поставлена у вратъ, и мновать
Ее никто не можетъ. Свѣтлый Духъ
Здѣсь ни одинъ съ полудня не являлся,
А если Духъ мятежный въ Рай проникъ
Съ намѣреніемъ враждебнымъ — естество
Эфирное преградою земною
Немыслимо бываетъ удержатъ.
Но тотъ, о комъ упоминаешь ты —
Въ какомъ-бы онъ ни укрывался видѣ —
Его найду завтра на разсвѣтѣ.

Такъ обѣщавъ воинственный Архангелъ,
И Уриилъ обратно возвратился
На солнечномъ лучѣ, спустившись къ Солнцу,
Которое зашло за острова
Азорскіе и пурпуромъ сіяло
И золотомъ. Въ воздушныхъ облакахъ,
Которыя собою окружали
Престолъ его на западѣ, ихъ отблескъ
Чудесно отражался. Между тѣмъ,
Настала ночь, а съ нею — тишина,
И темною одеждой сумракъ сѣрилъ
Окутала все. Укрылись звѣрь и птица
Въ убожища ночныя. Соловей

Одинъ не спитъ: его любовной пѣснью
Внимаетъ тишь. Блеснули небеса
Созвѣздьями — сафирами жемчужными,
И ярче всѣхъ сіяетъ дивный Гесперъ⁶⁷⁾,
Пока луна-царица изъ-за тучъ
Не выплыла, на сумракъ темной ночи
Серебряный покровъ свой не набросивъ.

Тогда Адамъ сказалъ прекрасной Евѣ:
— Любимая подруга! Часъ ночной,
Въ который вся природа отдыхаетъ,
Насъ къ отдыху такому-же зоветъ.
Установилъ Всевышній смѣну ночи
Днемъ трудовымъ, а трудъ — отдохновеньемъ,
И сладкою дремотою роса
Вечерняя смыкаетъ наши вѣжды.
Бездѣйствіе дозволено лишь тварямъ,
Отъ нихъ Господь не требуетъ отчета,
Но людямъ Онъ предписываетъ трудъ
Тѣлесный иль духовный — ежедневно;
И этимъ насъ возвысилъ Онъ надъ шими.
Завтра-же, съ сіяніемъ зари
Вернуться мы должны къ занятьямъ нашимъ:
Цвѣтушія бесѣдки исправляя,
Зеленныя аллеи расчищая,
Которыя такъ густо заросли,
Что съ роскошью вѣтвей ихъ своевольной
Намъ не легко безъ помощи справляться.
И отъ цвѣтовъ опавшихъ мы должны
Очистить садъ, когда гулять желаемъ
Свободно въ немъ. Теперь-же насъ природа
И мракъ ночной зовутъ къ отдохновенью.

Красы своей блистая совершенствомъ,
Такъ молвила въ отвѣтъ супругу Ева:
— Виновникъ дней моихъ и повелитель!
Какъ Господомъ назначено — тебѣ
Готова я во всемъ повиноваться.
Онъ — твой законъ, а ты моимъ закономъ
Являешься, и высшее блаженство
Для женщины не знать иныхъ законовъ.
Бесѣдуя съ тобой, я забываю
О времени. Всѣ перемѣны года
Пріятны мнѣ, дыханье утра сладко,
И сладостно съ разсвѣтомъ пѣнье птицъ.
Отраднo мнѣ сіяющее солнце,
Когда въ саду лучами озаряетъ
Оно траву, деревья и цвѣты,
Покрытые душистою росой.
Мнѣ тишина вечерняя отраднa;
Пріятна ночь съ пѣвцомъ ея чудеснымъ
И свѣтлая луна со свитой звѣздной,
Подобною жемчужинамъ Небесъ.
Но лишь съ тобой все это мнѣ отраднo,
Когда одна — ничто не мило мнѣ.
Скажи: зачѣмъ въ ночи горятъ свѣтила?
Кто видитъ ихъ, когда повсюду очи
Смежаетъ сонъ?

И молвилъ прародитель:
— Дщерь Господа и человѣка, Ева,
Ты — образецъ чистѣйшей совершенства!
Созвѣздя свершаютъ ежедневно
Вокругъ земли урочный свой обходъ
Затѣмъ, чтобъ свѣтъ повсюду разливать,
Назначенный народамъ нерожденнымъ,
И для того заходятъ и восходятъ,

Какъ дивно былъ прекрасенъ этотъ видъ,
Гдѣ чудныя смѣнялися картины
Одна другой!.. (Стр. 42.)

Чтобъ снова Ночь не завладѣла царствомъ,
Которое принадлежало ей,
И съ помощью подвластнаго ей мрака
Въ природѣ всей не загубила жизни.
Огонь тѣхъ звѣздъ даетъ не только свѣтъ,
Но и тепло, которое питаетъ
Зародыши, земли произведенья,
Дабы они уже готовы были
Для воспріяты солнечныхъ лучей,
Дающихъ имъ красу и совершенство.
Хотя въ ночи никто не видитъ звѣздъ,
Но все-жъ онѣ сіяютъ не напрасно:
И, если-бы насъ не было совсѣмъ,
То и тогда-бъ, конечно, не осталось
Безъ зрителей небесное убранство,
И Божіе величье — безъ хвалы.
Покуда сномъ покоимся, покуда
Мы бодрствуемъ, на землю къ намъ нисходятъ
Безплотныхъ силъ безчисленные сонмы,
Которые всечасно славятъ Бога.
Какъ часто къ намъ съ холмовъ и изъ дубравъ
Небесные несутся голоса,
И ангелы, когда стоятъ на стражѣ
Иль свой обходъ полноточный совершаютъ,
Чаруютъ насъ божественной игрой,
И звуки арфы и пѣнопѣній дивныхъ
Возносятся чудесно къ Небесамъ,
А имъ вослѣдъ несутся помышленья.

Такъ межъ собой бесѣдуя, идутъ
Они къ своей благословенной кушѣ:
Устраивая Рай для ихъ блаженства,
Божественный Садовникъ указалъ,
Гдѣ слѣдуетъ поставить эту кущу.
Быль сводъ ея изъ листьевъ ароматныхъ,
Которые переплетались съ лавромъ
И миртами. Зеленою стѣной
Кругомъ кусты аканта поднимались,
А въ зелени густой, уподобляясь
Мозаикѣ цвѣточной, красовались
Головки розъ, ириса и жасминовъ,
И крокусы, фіалки, гиацинты
Раскинулись узорчатымъ ковромъ,
Затмивъ собой камень съ яркій блескъ.
Исполнены благоговѣнья къ людямъ,
Переступить не смѣли здѣсь порога
Ни звѣрь, ни гадъ. Подобнаго пріюта
Тѣнистаго и мирнаго не знали
Сильванъ⁶⁸⁾ и Панъ — измышленные боги.
Впервые здѣсь душистою травой
И вязью изъ цвѣтовъ убрала Ева
Свой брачный одръ, и ангельскіе клиры
Воспѣли гимнъ вѣнчальный въ небесахъ
Въ тотъ день, когда, благословившій бракъ,
Привелъ ее къ супругу Ангелъ Божій.
Въ нагой красѣ, безъ всякихъ украшеній
Она была прекраснѣе Пандоры⁶⁹⁾,
Осыпанной дарами и принесшей
Несчастіе для сына Уафета,
Къ которому привелъ ее Гермесъ.
Плѣнивъ его посредствомъ дивныхъ чаръ,
Она тому жестоко отомстила,
Кѣмъ былъ огонь похищенъ у Зевеса.

Придя къ шатру, Адамъ остановился
Съ подругою и подъ открытымъ Небомъ

Они къ Творцу молитву вознесли,
Создавшему и воздухъ съ небсами,
И шаръ луны сіяющей, и землю
Съ созвѣздьями:

— Творецъ нашъ Всемогущій!

Ты ночь создалъ и миновавшій день;
Его въ трудахъ, указанныхъ Тобою,
Мы провели, другъ другу помогая,
Счастливые взаимною любовью,
Въ которой намъ вѣнецъ благополучья
Ты даровалъ. Ты насадилъ для насъ
Обширный садъ, и не съ кѣмъ раздѣлить намъ
Твоихъ щедротъ, но общаешь Ты
Отъ насъ двоихъ произвести потомство,
Которое всю землю населить
И милости Твои прославить съ нами,
Возставъ отъ сна и отходя ко сну.

Такъ, помолясь благоговѣнно Богу,
Взошли они во внутренность жилища
Укромнаго и рядомъ возлегли
На брачный одръ, гдѣ думается мнѣ,
Въ тиши ночной отъ прелестей супруги
Не отвращалъ очей своихъ Адамъ,
И, въ свой чередъ, она отъ исполненія
Таинственныхъ и сладостныхъ законовъ
Супружеской любви не уклонялась.
Надѣвши личину чистоты
И святости, одни лишь лицемѣры
Нечистымъ все дерзаютъ называть,
Что Господомъ самимъ освящено
И что инымъ вмѣняется въ законъ,
Дозволено-же всѣмъ безъ исключенья.

Хвала святой супружеской любви!
Тебѣ — законъ таинственный природы,
Священнѣйшій источникъ бытія,
Единственная собственность въ Раю,
Гдѣ общимъ все считалось достоянствомъ.
Ты отъ людей ту похоть отгоняешь,
Которая приличествуетъ тварямъ,
Черезъ тебя мы знаемъ узы крови —
Священныя, скрѣпленные тобой,
Великія слова: отецъ и сынъ.
Въ супружествѣ — всѣхъ радостей источникъ.
И на одрѣ его благословенномъ
Покоились святые патріархи.
Лишь для тебя, о, непорочный Бракъ,
Стрѣлою золотой вооружилась
Сама Любовь и, факелъ засвѣтивъ,
Повѣяла пурпурными крылами.
Въ тебѣ одномъ — Любви великой царство
И радостей, которыхъ не дадутъ
Притворныя улыбки жрицъ порока,
Продажныя восторги безъ любви!
Ихъ не найти въ случайныхъ увлеченьяхъ,
Въ безуміи веселыхъ маскарардовъ
И въ пиршествахъ, и въ звукахъ серенадъ,
Что юноша влюбленный распѣваетъ
Красавицѣ надменной, отъ которой
Онъ долженъ-бы съ презрѣніемъ уйти.

И, вотъ, они, подъ пѣсню соловья,
Забылись сномъ въ объятіяхъ другъ друга;
Съ цвѣточнаго-же свода ниспадали,
Межъ тѣмъ, на нихъ душистые цвѣты.

... Танувшієся къ нимъ
Нектарныє плоды они вкушали,

А кожура служила имъ сосудомъ
Для черпанья воды изъ ручейка.

(Стр. 43.)

4

Покойся сномъ, прекрасная Чета!
Ты, высшаго блаженства не ища
И знанія, счастливейшей могла-бы
Пробыть во вѣкъ!

Межъ тѣмъ, подлунный сводъ
Объяла ночь уже на половину;
Открылися врата изъ алебастра,
И Ангелы въ вооруженьѣ полномъ
Готовились къ полночному дозору.
Тутъ Гавріиль такъ молвитъ Херувиму
Ближайшему по власти: — Уззиль!
Возьми съ собой дружины половину
И съ нею югъ ты зорко осмотри,
Тогда какъ я отправлюся на сѣверъ.
Кругъ заключивъ, на западъ сойдемся
Съ тобою вновь. —

И, слову повинуюсь,
Вмигъ легіонъ, какъ пламя, раздѣлился.
Двухъ ангеловъ могучихъ подозревавъ,
Имъ Гавріиль повелѣваетъ такъ:
— Итуриль! Зефонъ! Скорѣй къ Эдему
Летите вы и осмотрите Рай,
Убѣдище прекрасныхъ двухъ существъ,
Которыя, не вѣдая о близкой
Опасности, спокойно спятъ теперь.
Вечернею порой явился Ангель,
Сказавшій мнѣ, что нѣкій адскій Духъ
Летѣлъ туда, и въ томъ сомнѣнья нѣтъ,
Что умыселъ преступный онъ питаетъ.
Найдя Врага, ко мнѣ его ведите!

Съ дружиною блестящею впередъ
Онъ двинулся, затмивъ луны сиянье.
Два ангела, межъ тѣмъ, слетѣли въ кушу —
Искать врага и тамъ нашли его.
Прикинувшись жабой, къ изголовью
Подкрался онъ, поближе къ уху Евы,
И силой чаръ ея воображенье
Старался онъ мечтами взволновать
И призрачными грезами, посявъ
Въ душѣ ея тревогу, безпокойство,
Безплодныя желанья и стремленья
Опасныя, рождающія гордость.

Итуриль коснулся Сатаны
Копьемъ своимъ, и въ образѣ обычномъ
Воспрянулъ тотъ: притворство не выноситъ,
Когда его касается оружье
Небесное. Такъ вспыхиваетъ порохъ,
Когда въ него вдругъ искра попадетъ.
И ангелы невольно отступаютъ,
Владыку преисподней увидавъ,
Но, чуждые боязни, къ Сатанѣ
Подходятъ вновь они съ такою рѣчью:
— Мятежный Духъ, кто ты? Повѣдай намъ,
Какъ вырваться ты изъ темницы могъ?
И отчего, свой образъ измѣнивъ,
Какъ лютый врагъ, грозящій изъ засады,
У изголовья спящихъ ты сидишь?

И отвѣчалъ съ презрѣньемъ Сатана:
— Ужели-же я неизвѣстенъ вамъ?
А нѣкогда знавали вы меня —
Не равнымъ, нѣтъ! Я такъ стоялъ высоко,
Что вы туда подняться не дерзали.
Сказавъ, что вы не знаете меня —

Въ ничтожествѣ своемъ вы сознаетесь,
А если я извѣстенъ вамъ — къ чему-же
Тогда вопросъ объ имени моемъ?
Вступленіе не менѣе безплоднымъ
Считаю я, чѣмъ и конецъ посольства,
Съ которымъ вы являетесь ко мнѣ.

Презрѣніемъ отвѣтилъ на презрѣнье
Итуриль: — Мятежный Духъ, не думай,
Что образъ твой, какъ прежде, лучезаренъ.
Обязанъ ты послѣдовать за нами
И дать отчетъ тому, кто насъ послалъ
И кто хранить жилище отъ вторженья
И отъ грѣха — живущихъ тамъ созданий.

Такъ говорилъ прекрасный Херувимъ,
И юношеской прелести исполненъ
Онъ былъ въ своемъ достоинствѣ суровомъ.
Въ лицѣ его казалась добродѣтель
Столь свѣтлою и власть добра — столь мощной,
Что въ первый мигъ былъ Демонъ посрамленъ,
Но скорѣй онъ вѣщаль неустрашимъ:
— Боротся я согласенъ только съ равнымъ:
Съ посланнымъ васъ — не съ посланными имъ.
Иль сразу всѣхъ на бой я вызываю.
Тѣмъ большую приобрѣту я славу
Иль менѣе стыда перенесу.

Ему Зефонъ отважный возражаетъ:
— Боязнь твоя настолько очевидна,
Что нечего доказывать на дѣлѣ,
Какъ побороть слабѣйшему изъ насъ
Преступника возможно. —

Сатана
Не отвѣчалъ, его душила злоба.
Но, гордому подобенъ скакуну,
Что, закусивъ мятежно удила,
Несется въ даль, съ поднятой головою
Онъ слѣдуетъ за ними. Безполезнымъ
Считаетъ онъ бороться и бѣжать.
Невѣдомый, благоговѣнный ужасъ
Смирилъ его, не вѣдавшаго страха.
Такъ къ западу приблизились они,
Гдѣ съ двухъ сторонъ сошлись легіоны.
И Гавріиль, стоявшій во главѣ,
Воскликнулъ вдругъ: — Друзья, шаги я слышу!
Итуриль съ Зефономъ возвратились,
И третьяго я вижу вмѣстѣ съ ними.
Хотя померкъ его чудесный блескъ,
Но грозный видъ и царская осанка
Въ немъ князя тьмы собою обличаютъ

Приблизились Итуриль съ Зефономъ
И тотчасъ-же повѣдали вождю,
Кто плѣнникъ ихъ и въ образѣ какомъ
Онъ былъ найденъ. И съ грознымъ взоромъ молвилъ
Архистратигъ: — Зачѣмъ, о, Сатана,
Покинулъ ты темницу самовольно,
Тревожа тѣхъ, кого примѣръ преступный
Твой не увлекъ и кто имѣетъ право
Потребовать отчета у тебя?
Зачѣмъ хотѣлъ спокойствіе нарушить
Ты тѣхъ существъ, которымъ суждено
Всевышнимъ здѣсь въ блаженствѣ пребывать?

И Сатана съ презрѣньемъ отвѣчаетъ:

.... Межь ними Гавріяль,
Великій вождь надъ ангельскою стражей,

Сидѣль и ждаць, когда настанеть ночь,
А вонны игрою забавлялись.

(Стр. 46.)

4*

— Ты, Гавриилъ, считался въ Небѣ мудрымъ,
И таковымъ тебя я почиталъ,
Но твой вопросъ меня въ сомнѣнныя вводитъ.
Повѣдай мнѣ: кто радъ своимъ мученьямъ
И, если-бъ могъ, изъ Ада не бѣжалъ-бы?
Увѣренъ я, ты поступилъ-бы такъ-же,
На дерзостный отважившись полетъ,
Съ тѣмъ чтобъ бѣжать подалеже отъ страданій
Въ такой пріютъ, гдѣ могъ-бы, наконецъ,
Надѣяться, что муки смѣнитъ отдыхъ,
И горести—блаженство безъ конца.
Вотъ здѣсь чего искалъ я. Но тебѣ-ли
Понять меня? Ты знаешь только счастье.
Напрасно мнѣ ты говоришь о волѣ
Того, Кто насъ цѣпями оковалъ!
Пускай создастъ крѣпчайшіе затворы
Для узниковъ, когда желаетъ Онъ
Ихъ заточить въ темницѣ на-всегда.
Вотъ мой отвѣтъ. Все остальное—вѣрно.
Меня нашли тамъ, гдѣ тебѣ сказали.
Но въ чемъ-же тутъ насиле и вражда?

Презрительною рѣчью раздраженъ,
Насмѣшливо Архангелъ возражаетъ:
— Воистину, утративъ Сатану,
Премудраго судьи лишилось Небо.
Безуміе съ Небесъ его низвергло,
И, вырвавшись безумно изъ темницы,
Не знаетъ онъ, назвать возможно-ль мудрымъ
Того, кто смѣлъ задать ему вопросъ:
Какъ онъ дерзнулъ бѣжать изъ преисподней?
Избавиться побѣгомъ отъ страданій
Считаетъ онъ разумнымъ? Думай такъ,
Надменный Духъ, покуда гнѣвъ Господень
Не поразитъ тебя въ семь разъ сильнѣй
И бичъ Его обратно не прогонитъ
Въ кромѣшный Адъ ту высшую премудрость,
Которая тебя не научила,
Что вѣчный гнѣвъ Создателя ужаснѣй
Страданій всѣхъ. Но ты—одинъ! Зачѣмъ-же
Ты не привелъ съ собою цѣлый Адъ?
Не менѣе страдаютъ остальные...
Иль мужествомъ ты меньше надѣленъ,
Чѣмъ всѣ они? Не первымъ-ли бѣжалъ,
О, смѣлый вождь, ты отъ мученій лютыхъ?
Сознайся ты покинутой дружинѣ,
Что поводомъ тебѣ служило къ бѣгству—
Изъ бездны ты бѣжалъ-бы не одинъ.

На это Врагъ, нахмурясь, отвѣчаетъ:
— Я въ мужествѣ не уступлю другимъ.
Ты знаешь, дерзкій Ангелъ, уступалъ-ли
Тебѣ въ бою, пока на помощь залпы
Громовые къ тебѣ не подоспѣли,
Копье твое мнѣ страха не внушало.
Твои слова, какъ ранѣ—дѣла,
Неопытность твою мнѣ доказали.
Не знаешь ты, что, опытомъ тяжелымъ
И прежней неудачей умудренный,
Дружинъ своихъ не станеть полководецъ,
Что вѣрностью и долгомъ дорожить,
Случайностямъ опаснымъ подвергать,
Покуда самъ дороги не узнаеть.
Вотъ почему я первый и одинъ
Перелетѣлъ черезъ пустыню бездны,
Чтобъ новый міръ увидѣть. Я надѣюсь

Здѣсь лучшее пристанище найти
И помѣстить разсѣянное войско
Здѣсь на землѣ или въ среднихъ Небесахъ,
Хотя-бы мнѣ для этого пришлось
Вступить въ борьбу съ твоей безпечной ратью.
Но лучше пусть она Владыкѣ служитъ
И гимны воспѣваетъ, пресмыкаясь
Передъ Его престоломъ раболѣпно.
Сражаться-же—совсѣмъ не ваше дѣло.

Воинственный Архангелъ отвѣчаетъ:
— Во всемъ себѣ противорѣчишь ты!
Бѣжать отъ мукъ ты признавалъ разумнымъ,
Затѣмъ себя лазутчикомъ призналъ.
Обманщикъ ты, не полководецъ вѣрный!
Ты осквернилъ святое это слово:
Ты вѣрностью держаешь похваляться
Кому? Толпѣ мятежниковъ? Дружинѣ,
Которая вполнѣ вождя достойна?
Въ измѣнѣ-ли Верховному Владыкѣ
Вашъ долгъ и честь, и вѣрность состоятъ?
О, лицемѣръ, защитникомъ свободы
Явившійся! Кто съ большимъ униженьемъ
Небесному Владыкѣ поклонялся,
Чтобъ самому престолу завладѣть?
Вотъ мой совѣтъ: спѣши отсюда прочь,
Вернись туда, откуда ты бѣжалъ,
И, если вновь въ священные предѣлы
Ты вторгнешься—въ оковахъ повлеку я
Тебя назадъ и приложу печать
Таковую къ вратамъ зловѣщимъ Ада,
Что болѣе тебѣ ужъ не придется
Надъ слабостью затворовъ издѣваться.

Такъ угрожалъ Архангелъ. Но, угрозу
Его презрѣвъ и гнѣвомъ распалась,
Ему отважно молвить Сатана:
— Заговори, надменный Херувимъ,
Ты о цѣпяхъ, когда тебѣ я сдамся,
Но прежде ты всю тяжесть испытай
Руки моей. Ты тяжести подобной
Не вѣдаешь, хотя, къ ярму привыченъ,
Впрягаешься съ подобными тебѣ
Позорно ты въ Господню колесницу
И по Небу, что звѣздами Своими
Онъ вымостилъ, влечешь ее, какъ раба.

Покуда онъ держалъ такую рѣчь,
Небесная дружина, словно пламя,
Зардѣвшись и копыями грозя,
Сомкнулася, какъ грозный полумѣсяцъ,
Вокругъ него. Въ поляхъ, во время жатвы,
Такъ иногда, колеблемые вѣтромъ,
Склоняются созрѣвшіе колосья,
И съ ужасомъзираетъ земледѣлецъ:
Бойтся онъ, что жатва дастъ ему
Не хлѣбное зерно, а лишь мякину.
Но, съ силами собираясь, Сатана
Незыблемо, какъ Тенерифъ или Атласъ,
Ихъ ожидалъ. Онъ словно выросалъ
И головой касался облаковъ.
Межъ перьями блистающаго шлема
Видѣлся Ужасъ; мощная рука
Сжимала щитъ и грозное копьѣ,
И страшныя свершились-бы дѣянья:
Не только Рай, быть можетъ, звѣздный сводъ,

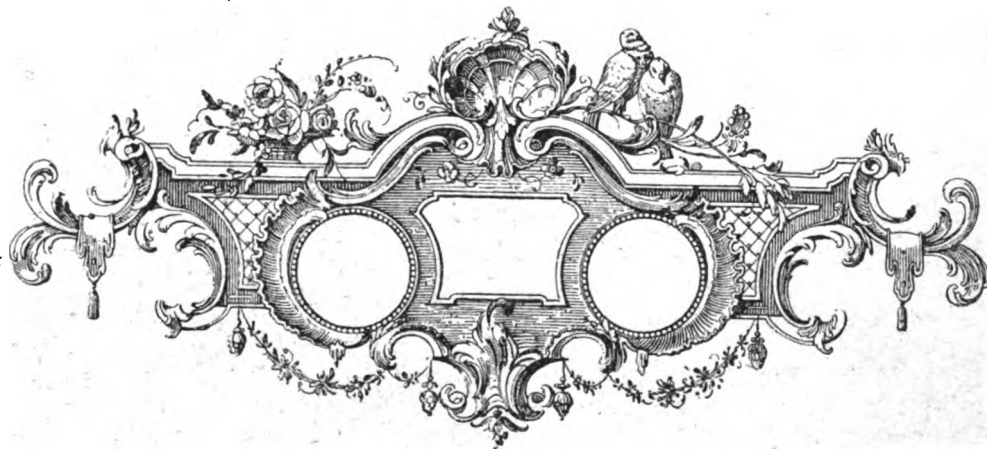
Два ангела, межъ тѣмъ, слетѣли въ кушу
Искать врага и тамъ нашли его. (Стр. 50.)

Стихи всѣ исчезли-бы и прахомъ
 Разсѣялись отъ столкновенья ихъ, —
 Когда-бъ Господь, предотвращая битву,
 Своихъ Вѣсовъ не поднялъ золотыхъ,
 Тамъ, гдѣ блестятъ Астрея ⁷⁰⁾ съ Скорпіономъ —
 Понимъ ихъ мы въ Небѣ созерцаемъ.
 И въ первый разъ Онъ взвѣсилъ мірозданье,
 И шаръ земной привелъ Онъ въ равновѣсье
 Со сферою его. На тѣхъ Вѣсахъ
 Божественныхъ все взвѣшиваетъ Онъ:
 Великія событія міровыя
 И битвъ исходъ, и участь государствъ.
 Два жребія Онъ въ чаши положилъ,
 И первый былъ — побѣгъ Врага изъ плѣна,
 Второй — война. И чаша поднялась
 Последняя съ такою быстротою,
 Что Гавриилъ, увидѣвъ это, молвилъ:

— Давно уже мы знаемъ наши силы
 Взаимныя. Къ чему хвалиться мощью,
 Что не отъ насъ, но свыше намъ дается?
 Удвоилось могущество мое,
 И въ прахъ тебя могу я растоптать:
 Взгляни наверхъ — и въ знаменьѣ небесномъ
 Судьбу свою, что взвѣшена Всевышнимъ,
 Самъ прочитай и этимъ убѣдись:
 Насколько ты окажешься безсильнымъ,
 Когда дерзнешь упорствовать въ борьбѣ.

И Сатана возвелъ на Небо очи;
 Увидѣлъ онъ, какъ чаша поднялась, —
 И съ ропотомъ невольнымъ отступилъ...
 А вмѣстѣ съ нимъ бѣжала тѣнь ночная.

КОНЕЦЪ ЧЕТВЕРТОЙ КНИГИ.

Когда настало утро, Ева подробно пересказала Адаму свой тяжелый сонъ, который, хотя и огорчаетъ его, но онъ старается успокоить свою подругу. Обращаясь къ своимъ обыденнымъ дневнымъ работамъ, Адамъ и Ева въ преддверіи Рая поютъ свою утреннюю молитву. Господь посылаетъ къ нимъ Рафаила, который напоминаетъ имъ объ ихъ обѣтѣ передъ Господомъ и о томъ, что имъ дана свободная воля. Между прочимъ, Рафаиль предупреждаетъ первыхъ людей о близости врага, о его происхожденіи и причинахъ его паденія. Рафаиль опускается въ рай, къ нему навстрѣчу выходитъ Адамъ, приводитъ его въ свое жилище, предлагаетъ ему первосборные райскіе плоды, собранные Евой. Застольная бесѣда. Рафаиль приводитъ въ исполненіе Божій приказъ, говоритъ Адаму о немъ самомъ и объ исполномъ врагѣ. По просьбѣ Адама, Рафаиль подробно повѣствуетъ ему, кто этотъ неприятель, что его вызвало къ враждѣ, какъ онъ собралъ свои полчища и какъ возсталъ противъ Всемогущаго Бога, убѣдивъ возстать всѣхъ ангеловъ, кромѣ серафима Авдіила, который не повѣрилъ его словамъ и покинулъ его станъ.

ПРИБЛИЗИЛОСЬ сіяющее утро,
И алыми стопами на востокъ
Сошло оно, жемчужною росой
Осыпавъ землю. Тихо пробудился
Отъ сна Адамъ, былъ легокъ сонъ его:
Плескъ ручейковъ, напѣвы раннихъ пташекъ
И шумъ листовъ — Авроры опахало —

Его могли разсѣять незамѣтно.
И, подивясь, что Ева спитъ еще
Тревожнымъ сномъ, а ликъ ея пылаетъ
И разметались кудри въ беспорядкѣ,
Склонился онъ съ любовью надъ подругой.
Руки ея чуть слышно онъ коснулся
И молвилъ ей такъ нѣжно, какъ Зефиръ,
Повѣявшій на Флору:

— Пробудись,

Прекрасная подруга и жена,
Которую такъ долго ожидаю я,
Последній и цѣннѣйшій даръ Небесъ!
Проснись скорѣй, уже настало утро,
И лучшіе теряемъ мы часы,
Когда поля освѣжены росой
И пчелы сокъ душистый извлекаютъ,
Природа-же сияетъ въ яркихъ краскахъ.

Отъ шепота Адама пробудясь,
Она глядитъ въ лицо ему съ испугомъ
И говоритъ, обвинивъ его руками:
— О, счастье мое и совершенство!
Въ тебѣ одномъ — покой души моей;
Отраднѣе тебя и утро видѣть.
Сегодня въ ночь мнѣ снился странный сонъ,
Когда назвать возможно это сномъ.
Не ты, не день прошедшій иль грядущій
Мнѣ снилися, какъ ранѣ бывало —

Томилась я мучительнымъ соблазномъ,
Тревогою невѣдомой досель.
Казалось мнѣ, что нѣжно кто-то шепчетъ
Мнѣ на ухо, зовя меня съ собою.
Я думала, что это — голосъ твой.
Онъ говорилъ мнѣ: «Ева, отчего
«Ты спишь теперь въ прохладный часъ ночной,
«Когда свою пѣсней вдохновенной
«Безмолвье нарушаетъ соловей
«И дискъ луны сияетъ полнымъ блескомъ,
«Мечтательную прелесть придавая
«Природѣ всей? Отверсты очи неба,
«Тебя оно желаетъ увидеть,
«Тебя одну — Желанье всей природы.
«Твоя краса влечетъ неотразимо,
«И жаждетъ все тобою любоваться».
Я поднялась, я думала, что ты
Зовешь меня, но не было тебя,
И, въ поискахъ бесплодныхъ и тревожныхъ,
Тропинками знакомыми пришла
Я къ дереву Познанія. Казалось
Оно еще прекраснѣе, чѣмъ днемъ.
У дерева стоялъ крылатый нѣкто,
Амврозіей благоухали кудри
Росистыя его, онъ былъ подобенъ
Тѣмъ ангеламъ, которыхъ видимъ здѣсь.
Онъ говорилъ: «Отягчено плодами
«Чудеснѣйшее древо! Неужели
«Ихъ сладости вкусить не пожелаешь
«Ни Богъ, ни человекъ? Но развѣ можно
«Пренебрегать познаниемъ? Только зависть
«Такой запретъ могла постановить.
«Пускай-же мнѣ кто хочетъ запрещаетъ
«Твоихъ плодовъ отвѣдать — не согласенъ
«Я долѣе ему повиноваться!»

И, молвивъ такъ, рукою дерзновенной
 Сорвалъ онъ плодъ и отъ него вкусилъ!
 Вся кровь моя отъ ужаса застыла,
 Но въ тотъ-же мигъ воскликнулъ онъ, ликуя:
 «О, дивный плодъ! Самъ по себѣ ты сладокъ,
 «Но, будучи запретнымъ—вдвое слаще.
 «Воистину вкушать тебя достойны
 «Лишь божества, но властенъ превращать
 «Ты и людей въ боговъ. И почему-бы
 «Не сдѣлаться и человѣку богомъ?
 «Отъ этого не умалится слава
 «Создателя—умножится она.
 «Приди сюда, счастливое созданье,
 «Ты, ангельски прекрасная жена,
 «И раздѣли со мною этотъ плодъ.
 «Ты счастья не можешь быть достойнѣй,
 «Но можешь быть счастливѣй, чѣмъ теперь.
 «Отвѣдай-же отъ этого плода—
 «И будешь ты среди боговъ богиней;
 «Подобно намъ, поднявшись на небо,
 «Котораго достойна ты вполне,
 «Ты жизнь боговъ увидишь и такой-же
 «Божественною жизнью станешь жить».
 Такъ говоря, поднесъ онъ половину
 Того плода, котораго отвѣдалъ,
 Къ своимъ устамъ, и дивный ароматъ
 Такъ возбудилъ желаніе во мнѣ
 Вкусить плода, что долѣе бороться
 Я не могла, казалось. Мгновенно
 Я поднялась до самыхъ облаковъ.
 Дивилась я полету своему
 И высотѣ, которой я достигла.
 Но вдругъ исчезъ чудесный спутникъ мой,
 Казалось мнѣ, что падаю я внизъ,
 И тутъ-же спомъ глубокимъ засыпаю.
 Какъ рада я, что это былъ лишь сонъ!

И ей Адамъ отвѣтилъ огорченный:
 — О, половина лучшая моя,
 Тревожнымъ сномъ твоимъ я опечаленъ,
 Боюсь я, что въ немъ таится зло
 Ты по своей природѣ непорочна,
 Но низшія способности и чувства
 Живутъ въ душѣ, царить надъ ними Разумъ,
 Когда-же онъ отсутствуетъ—его
 Пытается смѣнить Воображенье,
 Которое, сливая произвольно
 Всѣ образы, являетъ намъ во снѣ
 Нелѣпныя и странныя видѣнья,
 Событія времени давно минувшихъ
 Съ дѣлами дня истекшаго смѣшавъ.
 Отчасти твой напоминаетъ сонъ
 Вчерашнюю бесѣду. Не печалься!
 Ты наяву въ проступокъ не впадешь,
 Котораго во снѣ ты ужаснулась.
 Не омрачай-же взоромъ лучезарныхъ,
 Какъ первая улыбка ясныхъ дней.
 Пойдемъ съ тобой скорѣе на работу
 Въ тѣни дубравъ у свѣтлыхъ ручейковъ,
 Гдѣ ароматъ струится несравненный,
 Котораго въ ночи не разливая,
 Лишь для тебя хранили всѣ цвѣты.

Такъ нѣжную развеселить подругу
 Пытался онъ и въ томъ успѣлъ отчасти.
 Но двѣ слезы изъ глазъ ея скатились

И двѣ другихъ готовились упасть—
 Раскаянья благоговѣйный признакъ,
 Но ихъ Адамъ лобзаньемъ осушилъ.

Покинувъ кровь, спѣшать они въ поля.
 Росистые лучи свѣтила дня
 Эдемскую равнину озаряли,
 И, преклонясь предъ Господомъ, чета
 Прекрасная молитву вознесла,
 Которую творила ежедневно,
 Но каждый разъ все въ новыхъ выраженьяхъ,
 Внушаемыхъ молитвеннымъ восторгомъ
 И болѣе, чѣмъ арфа, сладкозвучныхъ:

— О, Всеблагій и Всемогущій Боже,
 Вселенную въ красѣ ея чудесной
 Ты сотворилъ, и сколь Неизреченный,
 Ты дивенъ Самъ, превыше облаковъ
 Вознесшійся на тронѣ свѣтозарномъ
 И видимый въ твореньяхъ лишь Твоихъ!
 Вы, Ангелы, сыны святые свѣта,
 Повѣдайте о Богѣ. Предстопите
 Вы съ дивными хваленьями Ему.
 Создателя, который безконеченъ,
 Начало въ комъ и средоточье мира,
 Да славятъ всѣ, кто дышатъ, на Землѣ!
 И ты, звѣзда, которой нѣтъ прекраснѣй,
 Когда своей блестящей діадемой
 Ты радостное утро увѣчаешь,—
 Прославь Творца съ сіяніемъ денницы!
 О, Солнце, духъ и око мірозданья,
 Познай-же въ Немъ Владыку своего,
 Въ полдневный часъ съ восходомъ и закатомъ
 Прославь Его въ теченіи своемъ!
 И ты, Луна, которая встрѣчаешь
 Свѣтила дня блистательный восходъ;
 И вы, всѣ пять блуждающихъ планетъ¹⁾,
 Кружащихся подъ звуки дивныхъ пѣсень,
 Хвалу Тому всечасно возвѣщайте,
 Кѣмъ вызванъ былъ изъ тьмы глубокой свѣтъ.
 Вы, первыя Природы порожденья
 Союзныя Стихіи съ Атмосферой,
 Которыя, въ круговращеніи вѣчномъ
 И творческомъ, повсюду проникаютъ
 Въ своихъ многообразныхъ превращеньяхъ,
 Создателю воздайте вы хвалу.
 Волнистые Туманы, Испаренья,
 Которые клубятся надъ водой,
 Покуда ихъ не позлатило Солнце—
 Скрываете-ль вы Небо облаками,
 Поите-ли вы жаждущую Землю—
 Творите все Зиждителю во славу!
 Хвалу Ему во всѣ концы вселенной,
 Бушующіе Вѣтры, разносите,
 И нѣжныя Зефира дуновенья.
 Растенія и сосны, передъ Нимъ
 Склоняйтеся вершинами своими!
 Источники, звенящіе ручьи,
 Его своимъ журчаньемъ восхваляйте.
 Летящія къ вратамъ небеснымъ птицы,
 Вы на крылахъ и въ пѣснопѣньяхъ вашихъ
 Хвалу Ему несите въ высоту!
 Вы, существа, скользящія въ водѣ,
 Вы, на землѣ живущія—ее
 Увѣренной стопою попирая
 Иль ползая смиренно—всѣхъ зову

И Сатана возвелъ на небо очи,
Увидѣлъ онъ, какъ чаша поднялась,
И съ ропотомъ невольнымъ отступилъ. (Стр. 54.)

Въ свидѣтели того, что прославляю
Всевышняго съ разсвѣтомъ и закатомъ,
Долинамъ я, дубравамъ и холмамъ,
Которые моимъ хваленьямъ вторятъ.
Хвала Тебѣ, Владыка мірозданья,
Будь милостивъ и благо намъ пошли
И, если Зло во тѣмъ ночной таилось,
Разсѣй его, какъ свѣтъ разгонитъ тьму!..

Въ невинности своей они молились,
И въ ихъ сердца сошелъ глубокий миръ.
Затѣмъ они спѣшатъ къ своимъ работамъ,
И Царь Небесъ взираетъ съ состраданьемъ
На ихъ труды. Зоветъ Онъ Рафаила,
Который былъ къ Товиту благосклоненъ
И съ дочерью Рагуила — обрученной
Семь разъ уже — устроилъ бракъ его.
И рекъ ему Всевышній: — Рафаилъ!
Ты вѣдаешь, бѣжавшій Сатана
Успѣлъ внести смятеніе въ Эдемъ,
И съ Евою Адама онъ встревожилъ,
Весь родъ людской сгубить намѣреваясь.
Лети туда, съ Адамомъ побесѣдуй,
Какъ друга другъ, остереги его.
Въ полдневный жаръ вкушаетъ отдыхъ мирный
И пищу онъ въ своей зеленой кущѣ.
Скажи ему, что счастье зависитъ
Отъ собственной его свободной воли;
Пусть знаетъ онъ, какая ждетъ опасность
Его теперь, и кто ему грозитъ;
Не силою, но хитростью намѣренъ
Подѣйствовать его коварный врагъ.
И это все повѣдай ты Адаму, —
Когда падетъ по собственной винѣ,
Пускай себѣ не ищетъ оправданій:
Заранѣе онъ былъ предупрежденъ.

Такъ, высшему согласно Правосудью,
Изрекъ Отецъ Предвѣчный и Создатель.
И Рафаилъ не медлитъ Отдѣлившись
Отъ ангельскаго сонма, онъ летитъ
Къ вратамъ Небесъ, на петляхъ золотыхъ
Раскрывшихся широко передъ нимъ.
Ни облака, ни звѣзды не мѣшаютъ
Архангелу среди планетъ увидѣть
Ничтожную своимъ объемомъ Землю
И Божій Садъ, надъ прочими холмами
Поднявшійся, вѣнчаный лѣсомъ кедровъ.
Такъ онъ плыветъ въ воздушномъ океанѣ,
То вѣтрами полярными несомый.
То взмахами своихъ широкихъ крыльевъ
Упругую стихію разсѣкая.
Когда-же онъ достигъ предѣловъ крайнихъ
Орлиннаго полета, миръ пернатыхъ
За Феникса ⁷²⁾, таинственную птицу,
Почелъ его, летѣвшую въ Египетъ,
Дабы сложить останки въ храмъ Солнца.

Но вдругъ, принявъ свой образъ настоящій,
Спускается крылатый Серафимъ
На первый холмъ со стороны восточной.
Шесть дивныхъ крылъ собою осѣняютъ
Богородный станъ его: два первыхъ
Съ широкихъ плечъ на грудь переходили,
Какъ царственная мантия; сия
Небесными цвѣтами, два другихъ

Ему служили поясомъ, скрывая
И лядви, и чресла Серафима;
Блестящая лазурью третья пара
Его пяты собою закрываетъ.
И онъ стоитъ, подобно сыну Майи ⁷³⁾,
Могучими крылами потрясая,
Струившими небесъ благоуханье.
Немедленно его признала стража
Эдемская; въ знакъ уваженія къ сану
И важному посольству, передъ нимъ
Всѣ поднялись. Шатры ихъ миновавъ
Съ тѣнистою дубравой, гдѣ отъ Нарда ⁷⁴⁾
И Кассин благоуханье вѣетъ,
Приходитъ онъ въ блаженную долину.
Тамъ юная природа шаловливо
Дала просторъ фантазіи своей
И дѣвственною дикой красотою
Затмила всѣ искусства чудеса.

Нашъ праотецъ, близъ кущи отдохавшій,
Архангела замѣтилъ приближеніе;
Внутри нея приготовляла Ева
Обычную трапезу изъ плодовъ,
Которые насытить могутъ голодь,
И гроздій сокъ — для утоленья жажды.
Тогда Адамъ зоветъ свою подругу:
— Спѣши сюда и полюбуйся, Ева!
Не кажется-ль, что вновь настало утро —
Такъ лучезаренъ свѣтлый Ангелъ Божій,
Который намъ приноситъ, безъ сомнѣнья,
Велѣнія Творца. Быть можетъ, приметъ
Сегодня онъ гостепріимство наше.
Иди, всего съ избыткомъ приготовь,
Чтобъ странника небеснаго мы съ честью
Могли принять подъ кровлею своей.
Отъ собственныхъ даровъ ихъ предлагаемъ
Мы тѣмъ, кто насъ съ избыткомъ одарилъ.
Чѣмъ болѣе мы щедры тѣмъ природа
Намъ болѣе даетъ, и это учитъ
Насъ не беречь запасовъ.

Отвѣчаетъ

Она ему: — Адамъ, священный образъ,
Что Господомъ одушевленъ изъ праха,
Къ чему-же намъ запасы сберегать?
Заботится о томъ сама природа,
И всѣ плоды тутъ зрѣютъ круглый годъ.
Но поспѣшу — и съ плодоносныхъ вѣтокъ
Я соберу ихъ лучше дары;
Небесный гость пускай увидитъ самъ,
Что на землѣ Всевышній разливаетъ
Не менѣе щедротъ, чѣмъ въ небесахъ

Она идетъ, исполнена заботы
О томъ, плоды какіе надо выбрать
И разложить заманчивѣе ихъ
Въ смѣшеніи, которое могло-бы
Пріятно вкусъ собою возбудить.
Переходя отъ дерева къ другому,
Она съ вѣтвей все лучшее собираетъ,
Что мать-земля на берегахъ Понтійскихъ,
На островѣ, гдѣ Алкиной царилъ,
И въ Индіяхъ произвела обѣихъ.
И, щедрою рукою разложивъ
Различные по виду и по вкусу
Чудесные плоды, она изъ ягодъ
И гроздій виноградныхъ извлекаетъ

И, подивясь еще, что Ева спитъ еще
Тревожнымъ сномъ, а ляхъ ея пыласть,

И разметались кудри въ безпорядкѣ,
Склонился онъ (Адамъ) съ любовью надъ подругой.

(Стр. 55.)

Безвредное душистое питье,
Изъ зеренъ-же толченыхъ — молоко,
И въ кушѣ полъ листьями усыпаетъ
Зелеными и розами въ цвѣту.

Межъ тѣмъ, Адамъ идетъ навстрѣчу гостю
Небесному и, низко преклонясь,
Такъ говоритъ: — О, свѣтлый небожитель,
Когда, сойдя съ небесной высоты,
Блаженную обитель удостоилъ
Ты посѣтить, благоволи у насъ
Вкусить отдохновение. Насъ — двое,
Но волею Господнею въ удѣлъ
Намъ все дано, что видишь ты вокругъ.
Войди подъ сѣнь прохладной нашей кущи
И отъ плодовъ отборныхъ тамъ вкуси,
Покуда зной полднейный не спадеть.

Привѣтливо ему отвѣтилъ Ангелъ:
— Для этого я посѣтилъ тебя.
Гостями быть въ Адамовомъ жилищѣ
Дозволено и впредь Небеснымъ Духамъ.
Веди меня къ жилищу своему,
Съ полудня я до вечера свободенъ

Итакъ, они направились къ кушѣ,
Которая, цвѣтами убрана,
Казалась самой Помоны ⁷⁵⁾ храмомъ.
И Евою, не знавшею убранства,
Но болѣе прекрасной, чѣмъ богини,
Что въ красотѣ когда-то состязались,
Быль встрѣченъ гость небесный, — и ее
Привѣтствовалъ онъ этими словами:
— Возрадуйся, праматерь челоувѣковъ!
Число твоихъ погмковъ превзойдетъ
Число плодовъ, покрывшихъ этотъ столъ!

Дерновыя сидѣнья окружали
Квадратное изъ дерна возвышенье,
Которое столомъ служило въ кушѣ.
И Ангелу хозяинъ молвилъ такъ:
— Благихъ даровъ Всевышняго, о, путникъ
Божественный, отвѣдать удостой.
Для существа безплотнаго, быть можетъ,
Они не столь пріятны, какъ для насъ,
Которые иной не знаютъ пищи.

Небесный гость Адаму отвѣчалъ:
— То, что Господь ниспосылаетъ людямъ
(Хвала Ему!) — которыхъ одарилъ
Онъ свойствами духовными — пригодно
Для ангеловъ и можетъ ихъ насытить.
Ихъ существо эфирное и ваше
Разумное нуждаются въ питаньи,
Которое поддерживасть жизнь.
Питаютъ все другъ друга во вселенной.
Даютъ моря землѣ собою пищу,
А воздуху — земля и океанъ,
И въ воздухѣ нуждаются свѣтила.
Тепло и свѣтъ созвѣздыямъ рсточая,
Сіяющее солнце получаетъ
Отъ нихъ взаменъ питанье, ввидѣ влаги
Хотя у насъ плоды отъ Древа Жизни
Амврозіей благоухаютъ въ Небѣ,
И по утрамъ медвяную росу
Сбираемъ мы, — но и въ саду Эдема

Дары свои въ такомъ разнообразьи
И съ щедростью такою расточилъ
Господь Нашъ Богъ, что можетъ съ Небесами
Вашъ Рай земной сравниться, и охотно
Я раздѣлю трапезу вашу нынѣ.

И такъ они къ трапезѣ приступили,
И Ева имъ служила за столомъ,
Напитками ихъ чаши наполняя.
О, райская невинность! Вотъ когда
Могъ воспылать любовью небожитель,
И страсть его понятною была-бъ!
Но ихъ сердца не вѣдаютъ желаній
И ревности — любви несчастной Ада.

Излишества себѣ не дозволяя,
Такъ голодь свой и жажду утоляли
Они въ Раю. И вдругъ пришла Адаму
Благая мысль: о тайнахъ мировыхъ
Отъ Ангела узнать среди бесѣды,
О жителяхъ Небесъ, чье превосходство
Онъ въ образѣ столь дивномъ созерцалъ.
И Ангелу онъ молвилъ: — Небожитель,
Мнѣ вѣдомо теперь, какъ къ челоувѣку
Ты милостивъ. Вступить ты удостоилъ
Подъ кровъ его и отъ плодовъ земныхъ
Отвѣдалъ здѣсь, какъ будто-бы они
Для ангеловъ достойной были пищей.

И возразилъ крылатый Иерархъ ⁷⁶⁾:
— Отъ Господа, Единого Творца,
Исходитъ все, и къ Господу обратно
Идетъ оно. Созданье — совершенно,
Лишь формою оларсно различной
И степенью различной бытія,
А жизненною силой — все живое.
Но вещество, по мѣрѣ приближенья
Къ Создателю, духовнѣе и чище
Становится. Въ опредѣленной сферѣ
Стремится все достигнуть совершенства:
Рождается изъ корня всякій стебель,
Изъ стебелька — зеленые листья,
А изъ листовъ — цвѣтокъ благоуханный.
Такъ и плоды, питая челоувѣка,
Становятся той жизненною силой,
Которая поддерживасть тѣло,
А съ нимъ и духъ, что въ тѣлѣ заключенъ.
Настанетъ день, когда природа ваша
Приобрѣтетъ всѣ ангельскія свойства
И пищею довольствоваться будетъ
Небесною. Въ эфирные предѣлы
Вы на крылахъ свободно вознесетесь,
Когда Творцу сумѣете остаться
Послушными, не измѣнивъ Ему.
Покуда-же блаженствомъ наслаждаетесь,
Которое въ Раю доступно вамъ.

И отвѣчалъ на это прародитель:
— О, свѣтлый Духъ и благодатный гость!
Воистину ты къ знанью указалъ
Намъ вѣрный путь — ту лѣстницу природы,
Ступенями которой намъ возможно
До Господа подняться. Но скажи,
Что значило твое предупреждение:
«Когда Творцу сумѣете остаться
Послушными!» Но развѣ допустимо

Тогда Адамъ зоветь свою подругу:
— Спиши сюда и полюбуйся, Ева!

Не кажется-ль, что вновь настало утро,
Такъ лучезаренъ свѣтлый ангелъ Божій...

(Стр. 58.)

Ослушаться Того, Кто сотворилъ
Изъ праха насъ и надѣлилъ блаженствомъ?

И возразилъ Архангелъ челоуѣку:
— Внимай-же мнѣ, сынъ Неба и Земли!
Ты счастьемъ Всевышнему обязанъ,
Но въ счастье неизмѣнно пребывать
Отъ твоего зависитъ послушанья;
Храни его: вотъ мой совѣтъ тебѣ.
Ты одаренъ отъ Бога совершенствомъ,
Но, вмѣстѣ съ тѣмъ, доступенъ ты грѣху
И волею свободной надѣленъ.
Служить Себѣ Господь не принуждаетъ:
Я самъ, и всѣ, кто предстоитъ Ему,
Свободны мы любить или не любить,
Блаженными пребыть на-вѣки можемъ
И можемъ пасть: Изъ насъ иные пали,
Низвержены преступнымъ ослушаньемъ
Съ высотъ Небесъ во мракъ и бездну Ада.

Отвѣтилъ такъ великій прародитель:
— Внимательно я преклоняю слухъ
Къ рѣчамъ твоимъ, божественный наставникъ,
Которыя отрады для души,
Чѣмъ пѣніе небесныхъ херувимовъ.
Я вѣдаю, что мы вольны въ поступкахъ,
Но вѣрными останемся во вѣки
Мы Господу, единственный запретъ
Котораго глубоко справедливъ.
Однако, то, что въ Небѣ совершилось —
Желаніе невольно возбуждаетъ
Изъ устъ твоихъ рассказы о томъ услышать.
А времени у насъ еще довольно,
Чтобъ выслушать твое повѣствованье:
Свѣтиломъ дня свершенъ лишь вноловину
Урочный путь. —

Такъ говорилъ Адамъ,
И Рафаилъ къ разсказу приступилъ.

— Высокую задачу возлагаешь
Ты на меня, о, первый челоуѣкъ,
Тяжелую и трудную задачу!
Какъ передамъ понятно для тебя
О подвигахъ воителей безплотныхъ?
Какъ разскажу безъ скорби о паденьѣ
Безчисленныхъ собратій — столь прекрасныхъ,
Пока они Творцу не измѣняли?
Какъ, наконецъ, коснуся мировыхъ
Великихъ тайнъ? Для блага твоего
Разрѣшено мнѣ это. Постараюсь
Я въ образахъ вещественныхъ представить
Все, что собой вашъ разумъ превышаетъ.

Давно еще до сотворенья міра,
Когда вездѣ, гдѣ движутся свѣтила,
Въ былые дни царилъ лишь дикій Хаосъ,
Однажды по велѣнію Творца
Передъ Его божественнымъ престоломъ
Все воинство небесное предстало
Съ великими вождями во главѣ.
Съ хоругвями знамена развѣвались:
Видѣлись на ихъ блестящей ткани
Изображенья подвиговъ любви
И рвенія. Образовала кругъ
Безчисленная рать, и средоточьемъ
Явился въ немъ Предвѣчный нашъ Отцъ

Съ Мессією. Какъ будто-бы съ вершины —
Невидимой отъ дивнаго сіянья,
Разлитаго вокругъ нея — раздался
Священный гласъ Всевышняго: — «Внимайте
«Мнѣ, ангелы, сыны и чада свѣта,
«Въ которыхъ Я Величье воплотилъ,
«Могущество и Власть и Добродѣтель!
«Внимайте Мнѣ! Рожденный Мною днесь
«Единственный Мой Сынъ да будетъ вашимъ
«Властителемъ и Богомъ. Поклялся
«Я Именемъ Своимъ, что всѣ колѣна
«Преклонятся предъ Нимъ на Небесахъ
«И Господомъ Его признають всѣ.
«Итакъ, въ своемъ союзѣ нераздѣльномъ,
«Подъ властію Намѣстника Господня,
«Блаженными пребудете на-всегда,
«И, кто Его ослушаться дерзнетъ,
«Тотъ предо Мною нарушитъ послушанье
«И вашъ союзъ расторгнетъ Будетъ онъ
«Лишенъ на вѣкъ блаженства лицезрѣнья,
«Отъ Господа отвергнутъ и низринутъ
«Въ кромѣшный Адъ, гдѣ мукамъ нѣтъ конца
«И гдѣ грѣху не будетъ искупленья».

Такъ возвѣстилъ Господь и Вседержитель.
Казалось, довольны были всѣ,
Но у иныхъ тайлось недовольство.
Тотъ день, какъ всѣ торжественные дни,
Былъ проведенъ въ священныхъ пѣснопѣньяхъ,
Которыя сопровождались пляской
Священною, похожей на движеніе
Планетъ и звѣздъ среди небесныхъ сферъ.

Приблизился къ закату ясный день,
И хороводъ окончился небесный;
Всѣ ангелы къ трапезѣ приступили,
И на столахъ, воздвигшихся мгновенно,
Запѣнились въ сосудахъ изъ алмазовъ
И жемчуга напитокъ изъ небесныхъ
Сладчайшихъ лозъ, отгѣнками рубина
Сверкающій. Покоясь на цвѣтахъ,
Увѣнчаны душистыми цвѣтами,
Въ союзѣ безмятежномъ наслаждались
Мы пиршествомъ, упоены безсмертіемъ,
Предъ взорами Создателя благого,
Который насъ щедротами осыпалъ.
Межъ тѣмъ, съ горы Господней — происходятъ
Откуда свѣтъ и сумракъ — благовоной
Повѣяло прохладой ночной,
И ликъ Небесъ подернулся покровомъ,
И снизошла вечерняя роса
Дремотою на ангельскія очи.
Лишь Господа недремлющее Око
Не знаетъ сна. Среди равныхъ небесныхъ,
Которыя пространствомъ превосходятъ
Весь шаръ земной, расположилось станомъ
Все воинство вблизи истоковъ жизни.
Раскинулись роскошные шатры,
И ангелы, дыханіемъ зефира
Обвѣяны, заснули мирнымъ сномъ.
Изъ воиновъ не спали только тѣ,
Которые поочередно пѣли
Хвалы Творцу. Не спалъ и Сатана —
Такъ нынѣ Онъ зовется въ Небесахъ, —
Онъ бодрствовалъ, но по другой причинѣ:
Изъ первыхъ онъ, когда не самымъ первымъ,

Межъ ангеловъ по власти былъ и чину
 И завистью проникся къ Сыну Божью,
 Котораго провозгласилъ Мессіей,
 Помазаннымъ Царемъ Отецъ Его.
 Въ душѣ его кипѣли гнѣвъ и злоба,
 И зрѣлища перенести такого
 Не въ силахъ онъ въ своей гордынѣ былъ.
 Въ полночный часъ рѣшилъ онъ, легіоны
 Собрать свои, покинуть свой престолъ
 Съ презрѣніемъ. Изъ духовъ подчиненныхъ
 Онъ разбудилъ ближайшаго къ себѣ
 И шепотомъ сказалъ ему: — «Ты спишь?
 «Ужели сномъ твой сомкнулись вѣжды
 «Иль ты забылъ велѣнія Царя?
 «Ты мыслями привыкъ со мной дѣлиться
 «И отъ тебя я не имѣю тайнъ;
 «Мы наяву единодушны были
 «Съ тобой во всемъ, и не посягалъ розни
 «Межъ нами сонъ. Властителемъ даны
 «Намъ новые законы, и они
 «На новыя соображенья могутъ
 «Насъ навести, сомнѣнья возбуждивъ.
 «Но здѣсь о томъ пока не безопасно
 «Бесѣдовать; вождей всѣхъ миллиардовъ,
 «Подвластныхъ намъ, скорѣе собери
 «И объяви, что, прежде чѣмъ ночная
 «Исчезнетъ тѣнь, на сѣверъ всѣ они
 «Спѣшить должны къ владѣніямъ моимъ,
 «Гдѣ нашему Мессіи я готовлю
 «Торжественный пріемъ. Намѣренъ вскорѣ
 «Онъ посѣтитъ всѣ царства — для того,
 «Чтобъ новые провозгласить законы».

Такъ говорилъ архангелъ вѣроломный,
 И, вотъ, его неосторожный другъ
 Спѣшитъ созвать вождей ему подвластныхъ.
 И, объявивъ измышленный предлогъ,
 Даетъ приказъ готовится къ походу.
 Онъ вывѣдать старается ихъ мысли,
 Намеками коварно разжигая.
 И голосу могучаго вожда
 Оказываютъ всѣ повиновенье.
 Воистину великъ онъ былъ и славенъ!
 Какъ утренняя свѣтлая звѣзда
 Вслѣдъ за собой влечетъ другія звѣзды,
 Такъ образомъ своимъ неотразимо
 Притягивалъ онъ каждого къ себѣ,
 И третью часть изъ воиновъ небесныхъ
 Посредствомъ лжи сманилъ онъ за собой.

Межъ тѣмъ, Господь, которому открыты
 Всѣ помыслы, о мятежѣ провѣдалъ.
 Увидѣлъ Онъ, кто поселяетъ смуту
 Среди сыновъ зари благословенной,
 И молвилъ Онъ съ улыбкою Мессіи:
 — «Единородный Сынъ, въ комъ созерцаю
 «Наслѣдника могущества и славы,
 «При помощи оружія какого
 «Владычество верховное Свое
 «Мы оградимъ и право Божества
 «Древнѣйшее на-вѣки обезпечимъ?
 «Возставшій врагъ на сѣверѣ обширномъ
 «Готовится престолъ себѣ воздвигнуть,
 «Который-бы равняться могъ съ Господнимъ,
 «И, сверхъ того, въ сраженіи испытать
 «Желаеть онъ права и силу Нашу.

«Обдумаемъ-же дѣйствія Свои
 «И соберемъ оставшее войско,
 «Дабы престолъ священный отстоять».

На это Сынъ, божественнымъ блистая
 Спокойствіемъ и кротостью, отвѣтилъ:
 — «Воистину, смѣясь надъ попыткой
 «Враговъ твоихъ, Ты, Всемогущій, правъ.
 «Ихъ ненависть и дерзкое возстанье
 «Послужать лишь для прославленія власти,
 «Которая Тобою Мнѣ дана,
 «И пусть они извѣдаютъ: могутъ ли
 «Я обуздать мятежниковъ гордыню
 «Иль въ небесахъ ничтожище я всѣхъ?»

Такъ молвилъ Сынъ. Съ дружиною своею
 Былъ Сатана въ то время далеко,
 И воинство крылатое неслось
 Несмѣтное, какъ звѣзды въ часъ полночный
 Иль капельки блестящія росы,
 Которыя блистаютъ, словно перлы,
 Среди листы съ зарею первой дня,
 И три страны — владѣнья серафимовъ
 Обширныя, оставивъ позади,
 Оно предѣловъ сѣвера достигло,
 А Сатана — престола своего.
 Среди холма, подобенъ самъ холму,
 Онъ высился, красуясь рядомъ башенъ,
 Воздвигнутыхъ изъ цѣльнаго алмаза
 И золота. Таковъ былъ Люцифера
 Великаго блистающій дворецъ.
 Стремящійся во всемъ сравняться съ Богомъ,
 Онъ въ память о горѣ, съ которой былъ
 Провозглашенъ Царемъ Небесъ Мессіа,
 Свой холмъ назвалъ «Союзною Горой».
 Туда созвалъ онъ всѣ свои дружины
 И объявилъ, что ихъ привелъ сюда
 Дабы пріемъ Монарху приготовить,
 Который къ нимъ сюда прибудетъ вскорѣ.
 Правдивости искусно подражая,
 Онъ приковать вниманье ихъ сумѣлъ:
 — «Князья, цари, въ которыхъ воплотились
 «Величіе и Мошь, и Добродѣтели!
 «Быть можетъ, вы останетесь ими
 «По имени, съ тѣхъ поръ какъ овладѣлъ
 «Могуществомъ и властью новый Царь,
 «Помазанникъ Собою насть затмившій.
 «Узнайте-же: полночный свой походъ
 «Съ поспѣшностью такой мы совершили
 «Лишь для того, чтобъ вмѣстѣ обсудить
 «Тѣ почести, съ которыми должны
 «Привѣтствовать Того, Кто налагаетъ
 «На насъ позоръ колѣнопреклоненья.
 «И предъ Однимъ склоняться было тяжело,
 «Но тяжелѣй платить двойную дань.
 «О, если-бы возвышенныя мысли
 «Внушили вамъ расторгнуть это нго!
 «Ужель предъ нимъ послушное колѣно
 «Вы склоните? Нѣтъ, этого не будетъ!
 «Иль въ васъ я ошибаюсь, или сами
 «Забыли вы, что сыновьями Неба
 «Вы родились, а потому — свободны,
 «Хотя не всѣ равны между собой.
 «Кто-жъ, наконецъ, и до какому праву
 «Себѣ дерзнетъ присвоить власть монарха
 «Надъ равными свободою ему?

«Ошибки намъ и заблужденья чужды,
«А потому законы не нужны,
«Тѣмъ менѣе — законъ о преклоненѣхъ
«Передъ Царемъ, унизившій собою
«Достоинство и нашъ высокій санъ.
«Мы созданы затѣмъ, чтобы царить,
«Не для того, чтобъ рабски пресмыкаться»

Тутъ серафимъ безстрашный, Авдіилъ —
Изъ ревностныхъ служителей Господнихъ,
Усердіемъ и гнѣвомъ воспылавъ,
Прервалъ потокъ его безумной рѣчи:
— «О, лживыя и дерзкія слова!
«Изъ устъ твоихъ кто могъ, неблагодарный,
«Ихъ ожидать? Поставленный высоко,
«Какъ порицать ты смѣешь нечестиво
«Законъ Творца, который поклялся,
«Что предъ Его Единороднымъ Сыномъ,
«Которому по праву передалъ
«Онъ скипетръ Свой, преклонятся колѣна
«И всѣ Его Владыкою признаютъ?
«Ты говоришь, что равному нельзя
«Монархомъ быть надъ равными Ему
«И что никто наследовать не можетъ
«Всевышнему? Но станешь-ли свободу
«У Господа оспаривать, который
«Насъ сотворилъ и славою вѣнчалъ?
«Какъ ни великъ и славенъ ты — ужели
«Ты думаешь быть равенъ Сыну Божью?
«Не Онъ-ли былъ животворящимъ Словомъ,
«Создавшимъ все живое на землѣ
«И цѣлый міръ и ангельскія силы
«Съ тобой самимъ? Всѣ титулы свои
«Мы отъ Него имѣемъ. Не затмятся
«Они во вѣкъ подъ властію Мессіи,
«Но большею лишь славой возсіяютъ.
«Итакъ, вражду преступную смири,
«Не соврашай другихъ и постарайся,
«Раскаянемъ смягчивъ Отца и Сына,
«Прощеніе Господне заслужить».

Такъ говорилъ въ священномъ рвенѣ Ангель,
Но рѣчь его не встрѣтила поддержки,
И возразилъ отступникъ съ торжествомъ:
— «Итакъ, мы всѣ своимъ существованьемъ
«Обязаны рукамъ второстепеннымъ:
«Созданья трудъ Отецъ довѣрилъ Сыну?
«Мы созданы! Не сами по себѣ
«Явились мы! Вотъ новое ученье,
«Пришедшее невѣдомо откуда.
«Иль видѣлъ ты, какъ это совершилось?
«Ты помнишь-ли свое происхожденіе,
«Когда и кѣмъ ты призванъ къ бытію?»

«Нѣтъ, времени такого ты не знаешь,
«Когда-бы тѣмъ мы не были съ тобою,
«Что мы теперь, — не знаешь никого,
«Кто раньше насъ существовалъ-бы въ мірѣ.
«Мы всѣ — сыны свободные эфира
«И собственно силою зачаты
«И рождены, когда отчизна наша
«Небесная способность получила
«Производить. Могуществомъ своимъ
«Мы лишь себѣ обязаны, и нынѣ
«Великія дѣла мы совершимъ,
«Чтобъ испытать, насколько мы равны
«Всевышнему. Передъ Его Престоломъ,
«Увидишь ты, съ мольбою иль съ оружіемъ
«Предстанемъ мы? Спѣши и передай
«Объ этомъ вѣсть Помазаннику Бога.
«Бѣги отъ насъ — во избѣжанье зла!»

Онъ замолчалъ, и, вотъ, подобно шуму
Глубокихъ водъ, глухой раздался ропотъ
Междъ воиновъ — отвѣтомъ на слова.
Но Серафимъ безстрашно возражаетъ:
— «Отверженный, проклятыю обреченный,
«Мятежный духъ, забывшій все святое!
«Теперь твоя погибель неизбѣжна,
«И ты сумѣлъ распространить заразу
«На воиновъ, которые съ тобою
«Должны твой грѣхъ и кару раздѣлить.
«Ты скипетра Мессіи золотого
«Не признаешь, но превратится онъ
«Въ желѣзный бичъ, смиривъ твое упорство.
«Я поспѣшу послѣдовать совѣту:
«Не предъ твоей угрозой я бѣгу,
«Но отъ шатровъ, проклятыю обреченныхъ,
«Которые охватитъ, словно пламень,
«Господень гнѣвъ. И скоро надъ главою
«Преступною онъ громомъ разразится;
«И вотъ когда ты Господа познаешь
«Могущаго мятежныхъ сокрушить!»

Такъ говорилъ безстрашный Авдіилъ,
Единственный пребывшій неизмѣннымъ
Въ своей любви и преданности къ Богу.
Ни численность, ни злой примѣръ отпавшихъ,
Ничто его съ пути не совратило
И не смогло смутить и утратить.
Преслѣдуемъ глумленьями, онъ вышелъ
Изъ ихъ рядовъ и, не страшась насилья,
Съ презрѣніемъ покинулъ на-всегда
Онъ этотъ край, чьи гордыя твердыни
Обречены на разрушеніе были.

КОНЕЦЪ ПЯТОЙ КНИГИ.

КНИГА 6-я.

Продолженіе разсказа ангела Рафаила о томъ, какъ Господь послалъ Михаила и Гавріила на битву съ Демонъ и его приверженцами. Первая битва. Съ наступленіемъ ночи Діаволь и его полчища отступаютъ. Во время ночного совѣщанія Діаволь придумываетъ чудовищныя машины. Съ наступленіемъ дня начинается вторая битва. Михаилъ и его силы приходятъ въ смущеніе отъ его адскихъ машинъ. Оправившись, Михаилъ и его ангелы поднимаютъ гору и ею сокрушаютъ Діавола съ его полчищами. Но возмущеніе не прекращается, и на третій день Господь Богъ посылаетъ на битву съ Діаволомъ Сына Своего, предоставляя Ему славу предстоящей побѣды. Сынъ Божій приказываетъ силамъ небеснымъ оставаться въ бездѣйствіи, а Самъ, на колесницѣ, подобно грому, устремился на враговъ, поражаетъ ихъ и преслѣдуетъ до небесной стѣны, которая разверзается, и возмущившіеся ангелы съ Сатаной падаютъ въ бездну, предназначенную для ихъ наказанія. Сынъ Божій со славою возвращается къ Отцу.

ВСЮ ночь летѣлъ среди равнинъ небесныхъ
Своимъ путемъ неустрашимый ангелъ,
Пока врата сіяющія свѣта
Проснувшееся утро не открыло
Прозрачными и алыми перстами.
Пещера есть внутри Горы Господней,
Откуда, чередуясь межъ собой,
Исходятъ свѣтъ и сумракъ: день и ночь.
И день теперь являлся въ полномъ блескѣ;
Прозвенная лучами золотыми,
Которые струилися съ востока,
Бѣжала ночь.

И вдругъ замѣтилъ ангелъ,
Что воинствомъ въ порядкѣ боевомъ,
Сверкающимъ оружіемъ, конями
Изъ пламени, рядами колесницъ,
Блистая вся небесная равнина.
Онъ увидаль приготовленія къ битвѣ:
Такъ, значить, здѣсь была извѣстна вѣсть,
Съ которой онъ къ Всевышнему спѣшилъ.

Обрадованъ, въ союзные ряды
Вмѣшался онъ и громкими хвалами
Осыпанъ былъ за то, что устоялъ
Единственнымъ изъ сонма измѣнчившихъ.
Къ святой Горѣ Господней приведенъ,
Изъ облака онъ слышитъ кроткій гласъ:
— «Служитель Бога вѣчнаго! Похвалень
«Поступокъ твой. Со славою въ бою
«Ты устоялъ — одинъ среди мятежныхъ.
«Слова твои могущественнѣи были
«Оружья ихъ. Свидѣтельствую правду,
«Ты перенесъ всеобщіе укоры,
«Которые насилья тяжелѣи.
«Но ты желалъ быть правымъ передъ Богомъ,
«Хотя-бъ весь міръ призналъ твою вину.
«Тебѣ еще побѣда предстоитъ,

«Не менѣ тяжелая, чѣмъ эта.
«Мятежниковъ, Мессію не признавшихъ
«Царемъ своимъ, а разумъ — руководствомъ,
«Я силою сумѣю покорить.
«Ты, Михаилъ, небесныхъ воинствъ князь,
«Ты, Гавриилъ, второй за нимъ по власти,
«Ведите въ бой сыновъ непобѣдимыхъ
«Всевышняго. Ихъ численность равна
«Числу бойцовъ мятежныхъ. Поражайте
«Безжалостно огнемъ ихъ и мечомъ
«И отъ Лица Господня изгоните,
«Низринувъ ихъ съ высотъ блаженства въ Тартаръ,
«Гдѣ огненный уже раскрылся Хлосъ,
«Готовый ихъ не медля поглотить».

Такъ Божій гласъ изъ облака вѣщалъ.
И тучами гора заволоклась;
По временамъ клубился дымъ надъ нею,
И — признакъ то проснушаго гнѣва —
Сверкающее пламя прорывалось.
Тутъ раздался трубы небесной звукъ,
И, грозному сигналу повинувся,
Все воинство построилось въ фалангу
И двинулось отважно на защиту
Господнихъ правъ и правъ Его Мессіи.
Черезъ лѣса, долины и холмы
Они спѣшать нерасторжимымъ строемъ,
И ихъ стопама опорой служить воздухъ.
Сюда, въ Эдемъ, въ подобномъ-же порядкѣ
Слетались безчисленныя птицы,
Чтобъ ты, Адамъ, названья имъ давалъ.
И, наконецъ, на сѣверѣ предстала,
Отъ края и до края разстилаясь,
Громадная дружина Сатаны;
Сверкавшая лучами грозныхъ копій,
Неслась она, какъ огненная буря,
Горой Творца мечтая овладѣть

И на престолъ Всевышняго возвестъ
Завистника великой славы Божьей.

Среди полковъ своихъ на колесницѣхъ
Блещающей, какъ солнце золотое,
Въ величїи отступникъ возсѣдалъ —
Господнему сіянью подражая
И окруженный сонмомъ серафимовъ
Пылающихъ, съ мечами золотыми.
Когда сошлись на близкомъ разстоянїѣ
Два воинства, съ престола онъ возсталъ
И обошелъ ряды своихъ бойцовъ
Широкими, надменными шагами.
И, зрѣлищемъ подобнымъ возмущаясь,
Такъ возгласилъ безстрашный Авдиль:
— «О, Небеса! Зачѣмъ подобье Божье
«Осталось тамъ, гдѣ вѣрности ужъ нѣтъ,
«И, вмѣстѣ съ добродѣтелью своею,
«Могущества отступникъ не утратилъ?
«Онъ кажется себѣ непобѣдимымъ,
«Но я готовъ помѣряться съ врагомъ.
«Въ такой борьбѣ межъ разумомъ и силой,
«При помощи Господней, одержу
«Побѣду я, отстаивая разумъ».

Помысливъ такъ, выходитъ онъ изъ строя.
На полпути Врага встрѣчаетъ онъ,
И тотъ, себя предупрежденнымъ видя,
Въ сильнѣйшее приходитъ озлобленье,
Но Авдиль ему бросаетъ вызовъ:
— «Тебя, гордецъ, достойно мы встрѣчаемъ.
«Ты помышлялъ, что Господа престолъ
«Останется отнынѣ беззащитнымъ,
«И всѣ бойцы разбѣются изъ страха
«Передъ твоимъ оружіемъ и словомъ?
«Не вѣдалъ ты, какъ тщетно подымаешь
«Оружье на Того, Кто изъ пылинки
«Ничтожнѣйшей воздвигнуть можетъ сонмы,
«Чтобъ поразить безуміе твое.
«Не всѣ пошли, какъ видишь, за тобою,
«Не я одинъ за истину стоялъ:
«Сочти своихъ сторонниковъ и нашихъ!»

Презрительно его окинувъ взоромъ,
Могучій Врагъ надменно отвѣчаетъ:
— «Въ часъ, гибельный лишь для тебя, мятежникъ,
«Но для меня желанный, ты вернулся
«Съ тѣмъ, чтобъ свою награду получить.
«И первый-же всю мощь моей десницы
«Узнаешь ты, какъ первый ты дернулъ
«Въ собранїи боговъ противорѣчить
«Божественнымъ постановленьямъ ихъ.
«Покуда въ нихъ живетъ сознание силы —
«Владычества верховнаго не могутъ
«Они признать во-вѣки надъ собой.
«Но ты, смѣша опередить собратїй,
«Надѣялся хотя одно перо
«Сорвать съ меня и похваляться нагло,
«Что я въ бою сраженъ тобою былъ.
«А полагалъ, что небо и свобода
«Для ангеловъ бываютъ нераздѣльны,
«Но вижу я: неволю предпочли
«Плѣнные рабы и псалмопѣвцы.
«Съ свободою въ борьбу вступаетъ рабство,
«И, кто сильнѣй — покажетъ этотъ день!»

Но Авдиль на это возражаетъ
Съ внушительною краткостью: — «Отступникъ!
«Ты все еще въ глубокомъ заблужденъ
«Находишься и въ немъ на вѣкъ пребудешь.
«Напрасно ты клеймишь названьемъ рабства
«Служеніе Тому, Кому служить
«И Самъ Господь велитъ намъ, и Природа.
«Безумцу-же надменному, на Бога
«Возставшему, служить и покоряться —
«Вотъ истинное рабство! Ты въ неволѣ
«У самого себя, и ты дерзася
«Священное служенье поносить.
«Такъ царствуй-же во мракѣ преисподней,
«А мы служить на Небѣ будемъ Богу.
«Но знай: въ Аду тебя оковы ждуть.
«Покуда-же ты отъ моей десницы
«Прими привѣтъ на дерзкую главу!»

Съ мечомъ своимъ занесъ онъ смѣло руку
Надъ гордою главою Сатаны:
Быстрѣ мысли палъ ударъ громовый,
И на десять шаговъ отпрынулъ Врагъ,
И на десятомъ на колѣна палъ,
Но съ помощью громаднаго копья
Съ усиленъ успѣлъ онъ удержаться.
Такъ на землѣ, отторгнутая бурей,
Виситъ порой надъ бездною скала.
Смятеніе и злоба охватили
Мятежниковъ при видѣ пораженья
Сильнѣйшаго межъ ними, — между тѣмъ
Какъ ангелы въ восторгѣ испускаютъ
Побѣдный кликъ. По знаку Михаила
Раздался звукъ архангельской трубы,
И воины воскликнули: «Осанна!»
Но воинство враждебное сплотилось
И ринулось въ отчаянную сѣчу.

Ужасный бой мгновенно закипѣлъ,
И поднялся невѣдомый доселѣ
На Небесахъ зловѣщій шумъ и гулъ.
Оружіе звенѣло о броню
И мѣдныя гремѣли колесницы.
Воистину былъ страшенъ грохотъ битвы;
Пронзительно вокругъ свистали стрѣлы,
И тучи ихъ образовали сводъ
Изъ пламени надъ грозными войсками,
Которыя смѣшались въ дикой схваткѣ.
Отъ грохота все Небо содрогнулось,
И, будь Земля въ то время создана —
Она въ своихъ основахъ потряслась-бы.

По численности каждый легіонъ
Съ дружиною равнялся; каждый воинъ
По силѣ былъ подобенъ легіону,
И опытомъ боецъ равнялся каждый
Съ испытаннымъ, искуснѣйшимъ вождемъ.

И подвиги безсмертные свершались;
Имъ не было предѣла и числа.
Порой войска на твердой почвѣ билась,
Порой они взвивались на крылахъ
И въ воздухѣ сражаться продолжали,
Казавшемся стихїей огневой.
Побѣды чаша долго колебалась,
Пока самъ Врагъ, — онъ силой исполненной
И храбростью въ тотъ день себя прославилъ, —

И возразилъ крылатый іерархъ:
— Отъ Господа, Единаго Творца,
Исходятъ все...

(Стр. 60.)

5*

Въ рядахъ бойцовъ не встрѣтилъ Михаила,
 Косившаго однимъ тяжелымъ взмахомъ
 Блистающей сѣкиры по отряду.
 И Сатана щитомъ несокрушимымъ
 Старается удары отразить.
 Но, увидавъ отступника, Архангелъ
 Перестаетъ мятежныхъ поражать
 И, радуясь, что бой къ исходу близокъ,
 Съ пылающимъ лицомъ и сдвинувъ брови,
 Такъ молвить онъ сурово Сатанѣ:
 — «Виновникъ зла, невѣдомаго Небу
 «До твоего возстанія, а нынѣ
 «Представшаго намъ ввидѣ ненавистной
 «Для насъ войны, которая падеть
 «Всею тяжестью своею на тебя
 «И на твоихъ сторонниковъ! Зачѣмъ
 «Ты возмутилъ спокойствіе Небесъ?
 «Какъ заразилъ преступною враждою
 «Ты миллионы духовъ непорочныхъ
 «И нынѣ лжи исполненныхъ? Не думай
 «Нарушить миръ въ обители блаженства,
 «Гдѣ мѣста нѣтъ насилію и злу.
 «Исчезни-же, и зло—твое исчадье—
 «Да отойдетъ съ тобою вмѣстѣ въ Адъ
 «Моимъ мечомъ карающимъ рѣшится
 «Твоя судьба иль, можетъ быть, иное
 «Ниспосланное Господомъ возмездье
 «Тебя на вѣкъ мученьямъ обречеть».

Такъ молвилъ князь небесныхъ легионовъ,
 И Сатана ему отвѣтилъ дерзко:
 — «Не мнишь-ли ты угрозами пустыми
 «Смутить меня, кого не устрасилъ
 «Дѣяньями? Изъ воинствъ моихъ
 «Слабѣйшаго ты въ бѣгство обратилъ-ли?
 «А всѣ, тобою поверженные— снова
 «Вступаютъ въ бой. Угрозами не думай
 «Изгнать меня. Въ борьбѣ междоусобной,
 «Которую ты называешь зломъ
 «И славою которую зову я—
 «Побѣду мы одержимъ. Это Небо
 «Мы превратимъ въ измышленный тобою
 «Зловѣщій Адъ и, поселившись здѣсь,
 «Не царствовать, но жить свободно будемъ.
 «Итакъ, собери всѣ силы, призывая
 «Къ себѣ Того, Кого считаешь ты
 «Владыкой всемогущимъ. Предъ тобою
 «Я отступать не думаю: повсюду
 «Тебя ищу вблизи я и вдали».

Противники умолкли. Оба стали
 Готовиться къ неслыханному бою.
 На языкѣ небесныхъ силъ кто можетъ
 Изобразить и съ чѣмъ сравнить его,
 Чтобъ человекъ своимъ воображеньемъ
 Возвыситься до пониманья могъ
 Величья ихъ и силъ богоподобныхъ?
 Воистину—оружіемъ, осанкой
 И поступью—то были божества,
 Достойныя рѣшить судьбу вселенной.
 Сѣкиры ихъ, взвиваясь вольно,
 Изъ пламени описываютъ кругъ,
 И ихъ щиты какъ два пылаютъ солнца.
 Отъ ужаса трепещетъ Ожиданье;
 Раздвинулися ангельскіе сонмы,
 Широкое пространство имъ открывъ.

И, вотъ, они подъемлютъ вмѣстѣ руку,—
 Одинъ ударъ нанести желаетъ каждый;
 И равными казались силы ихъ,
 Но Михаилъ, мечомъ вооруженный
 Небеснаго закала, отразивъ
 Ударъ меча подъятаго, разсѣкъ
 Его однимъ ударомъ пополамъ,
 И въ тотъ-же мигъ другимъ могучимъ взмахомъ
 Онъ правый бокъ противника пронзилъ
 Впервые боль извѣдалъ Сатана,
 Въ страданіяхъ онъ судорожно бился—
 Настолько боль была невыносима.
 Но существо эфирное нельзя
 Поранить такъ, какъ вашу плоть земную:
 Закрылася зияющая рана,
 И изъ нея лишь влага истекла
 Нектарная, похожая на кровь,
 Которая потокомъ обагрила
 Блестящіе доспѣхи Сатаны.

Тогда его собратіи легионъ
 Къ отступнику на помощь устремился;
 Одни спѣшатъ укрыть его собою,
 Другіе-же уносятъ къ колесницѣ
 И на нее владыку возлагаютъ.
 Скрежещетъ онъ зубами отъ стыда,
 Отъ ярости и боли. Онъ не можетъ
 Теперь сказать, что равнаго себѣ
 Не вѣдаетъ,—въ гордынѣ безпредѣльной
 Какъ страждетъ онъ, безумно возмечтавшій
 Стать наравнѣ съ Создателемъ міровъ!

Межъ тѣмъ, и тамъ, гдѣ рати Гавріила
 Сражались, дѣянья совершались
 Великія. Съ знаменами своими
 Онъ врѣзался въ ряды дружинъ Молоха,
 Свирѣпаго властителя, который
 Грозилъ его цѣпями приковать
 Тяжелыми къ побѣдной колесницѣ.
 На Господа онъ изрекалъ хулу,
 Но вдругъ, мечомъ блестящимъ разсѣченъ
 До пояса, бѣжалъ, рыча отъ боли.
 А Рафаилъ и свѣтлый Уриилъ,
 Межъ тѣмъ, разягъ въ бою Андрамелеха ⁷⁸⁾
 Суроваго съ кичливымъ Асмодесемъ.
 И Авдиилъ не устаетъ громить
 Мятежниковъ: ударами двумя
 Повергъ онъ Ариила съ Аріокомъ
 И ярость Рамаила усмирилъ.

И тысячи другихъ именъ я могъ-бы
 Назвать тебѣ и обезсмертить ихъ,
 Но Божіи избранники не ищутъ
 Земныхъ похвалъ, довольствуясь славой
 На Небесахъ. Стремясь къ славѣ громкой,
 И ихъ враги немало совершили
 Геройскихъ дѣлъ, но изъ небесныхъ свитковъ
 Изглажены преступныхъ имена
 И преданы забвенію на-вѣки.

Своихъ вождей увидѣвъ пораженье,
 Въ смятеніе приходятъ ихъ полки.
 Оружіе разбитое и латы
 Усѣяли мгновенно поле брани.
 Впервые боль и ужасъ испытавъ,
 Бѣгутъ дружинъ разсѣянныхъ остатки.

Съ мечомъ своимъ занесъ онъ смѣло руку
Надъ гордою главою Сатаны... (Стр. 66.)

А воинство небесно, межъ тѣмъ,
Въ сраженіи отъ ранъ не пострадало
И четырехсторонню фалангой
Могучею, въ бою несокрушимой,
Незыблемо впередъ идетъ оно.

Настала ночь, затихъ сраженья громъ,
И благотворный отдыхъ водворился:
Укрылись побѣдитель съ побѣжденнымъ,
Окутанные мракомъ. Михаилъ
Съ дружинами на полѣ грозной битвы
Раскинулъ станъ, кругомъ разставивъ стражу
Изъ пламенныхъ, отважныхъ херувимовъ.
А Врагъ Небесъ, во мракѣ исчезая,
Все далѣе и далѣе спѣшилъ.
И, наконецъ, не вѣдая покоя,
Вождей своихъ сзываетъ на совѣтъ,
И такъ въ ночи имъ молвитъ Сатана:
— «Испытанные въ брани, дорогіе
«Сподвижники! Свою непобѣдимость
«Съ оружіемъ въ рукахъ вы доказали.
«Нѣтъ, не одной свободы вы достойны,
«Но почестей, владычества и славы.
«Вы цѣлый день въ сомнительномъ бою
«Держались. Небесный Властелинъ,
«Въ надеждѣ покорить насъ, ополчилъ
«Сильнѣйшія дружины, но ошибся
«Въ расчетъ Онъ, слывшій Вездѣсушимъ.
«Слабѣйшіе изъ насъ познали боль,
«Но, вмигъ съ тѣмъ, они ее презрѣли.
«Нельзя нанести эфирнымъ существамъ
«Смертельныхъ ранъ: они неуязвимы.
«И противъ зла легко придумать средство.
«Вооружась оружіемъ закала
«Надежнаго, въ сраженіи ближайшемъ,
«Быть можетъ, мы равенство возстановимъ,
«Которое должно существовать.
«А если-же причина ихъ успѣха
«И торжества невѣдома для насъ—
«Исслѣдовать внимательно и здраво
«Ее въ своемъ совѣтѣ поспѣшимъ.»

Окончивъ рѣчь, садится онъ. Измученъ,
Съ оружіемъ, въ сраженьѣ раздробленномъ,
Встаетъ Низрохъ⁷⁹⁾, какъ первый изъ князей.
— «Ведущій насъ къ завоеванью правъ
«Божественныхъ, освободитель нашъ
«Отъ новаго Владыки! Тяжело
«Бороться намъ съ врагомъ неуязвимымъ,
«И гибелью грозитъ подобный бой.
«Къ чему-же намъ и мужество, и сила,
«Когда они побѣждены страданьемъ—
«Ужаснѣйшимъ изъ золъ? И, кто доставитъ
«Возможность намъ оружіемъ биться равнымъ,
«Не менѣе достоинъ будетъ славы,
«Чѣмъ тотъ, кто путь къ свободѣ указалъ»

И Сатана спокойно возражаетъ:
— «Ты правъ, и я придумалъ это средство.
«Лишь у того, кто окомъ созерцаетъ
«Поверхностнымъ небесную страну,
«Которая украшена цвѣтами,
«Алмазами и золотомъ блестящимъ,
«Лишь у того не явится вопросъ:
«Какъ въ глубинѣ подземной зародились
«И какъ они образовались тамъ?»

«Кипящая и огненная пѣна
«Собою жизнь дастъ зачаткамъ грубымъ
«И сѣменамъ; когда-жъ небесный лучъ
«Коснется ихъ—они на свѣтъ выйдутъ.
«Изъ-подъ земли вотъ это вещество,
«Которое насыщено огнемъ,
«Похитимъ мы и, крѣпко заключивъ
«Его въ стволы, зажжемъ съ конца другого.
«При первомъ-же огня прикосновеньѣ,
«Съ громовымъ трескомъ вырвется оно,
«Все на пути нещадно разрушая.
«И въ ужасѣ подумаютъ враги,
«Что удалося обезоружить намъ
«Ихъ грознаго Царя и Громовержца,
«Который имъ Одинъ досель владѣеть.
«Работы всѣ мы кончимъ до утра;
«Мужайтесь-же, откиньте всякій страхъ!»

Съ замолчалъ. Увѣренная рѣчь
Съ избѣющую бодрость оживила,
Чудесному открытию всѣ дивились.
И, если зло современемъ успѣетъ
Проникнуть въ міръ, одинъ изъ сыновей
Твоихъ, Адамъ, изобрѣтетъ, быть можетъ,
Подобное оружье—на проклятыя
Для всѣхъ людей, которые начнутъ
Безжалостно уничтожать другъ друга.

Немедленно къ работѣ приступаютъ
Безчисленныя руки. Изъ земли
Спѣшатъ они извлечь остатки сѣры
Съ селигрой, пережигаютъ ихъ
И, обративъ въ подобье черныхъ зеренъ,
Ихъ грудями повсюду насыпаютъ.
Одни, добывъ изъ нѣдръ земли металлы
Съ камнями, куютъ изъ нихъ орудья,
И дѣлаютъ губительныя ядра,
Другіе-же готовятъ фитили.
И такъ во тьмѣ и величайшей тайнѣ
Окончили они зловѣщій трудъ.

Едва заря блеснула на Востокѣ,
Какъ ангелы возстали на призывъ
Звенящихъ трубъ. Иные съ высоты
Окрестности обозрѣваютъ зорко,
Дабы узнать, готовится-ли къ битвѣ
Мятежный врагъ или въ страхѣ отступилъ?
И, вотъ, они завидѣли его:
Шли медленно, сомкнувъ свои ряды
И распустивъ блестящія знамена,
Полки его. И самый быстрокрылый
Изъ херувимовъ, свѣтлый Зофилъ
Летитъ назадъ и громко восклицаетъ:
— «Къ оружію! Къ оружію, бойши!
«Мы думали напрасно, что бѣжалъ
«Предъ нами Врагъ. Онъ избавляетъ нынѣ
«Насъ отъ труда преслѣдовать его
«И близится, подобно черной тучѣ.
«Во всѣхъ чертахъ увѣренность видна
«И мрачная рѣшимость. Утвердимъ
«Надежнѣе броню изъ адманта
«Съ блистающимъ шоломомъ. Не дождемъ,
«Но ураганомъ огненные стрѣлы
«Посыплются на насъ со всѣхъ сторонъ!»

Такъ воинство остерегалъ развѣдчикъ.

Ужасный бой мгновенно закипѣлъ,
И поднялся невѣдомый доселѣ
На Небесахъ зловѣщій шумъ и гулъ. (Стр. 66.)

Построившись въ порядкѣ босвомъ,
Идутъ врагу навстрѣчу легіоны.
Вдругъ Сатана, являсь во главѣ
Дружинъ своихъ, повелѣваетъ имъ:
— «Раздайтесь направо и налево,
«Передніе ряды, пусть видятъ всѣ,
«Какъ искренно мы ищемъ примиренія.
«Встрѣчаемъ мы враговъ съ открытой грудью,
«Готовые принять въ объятія ихъ,
«Когда они не обратятъ къ намъ тыла.
«Въ свидѣтели о томъ зову я Небо.
«Впередъ, вожди дружинъ моихъ! Вступите
«Немедленно съ врагомъ въ переговоры!»

Окончилъ онъ загадочную рѣчь,
Въ которой онъ надъ нами издѣвался.
Раздвинулись мятежниковъ ряды,
И зрѣлище диковинное сразу
Предстало намъ. Подобія столбовъ
Чудовищныхъ изъ мѣди и желѣза,
Положенныхъ на прочныя колеса,
Явились нежданно передъ нами.
Они тремя рядами возвышались,
И на концѣ у каждаго зіяло
Отверстіе; у этого отверстія
Стоялъ съ зажженной тростью серафимъ.
Вотъ, всѣ они тростями прикоснулись
Къ отверстію диковинныхъ столбовъ —
И въ тотъ-же мигъ, какъ заревомъ пожара,
Зардѣлись надъ нами небеса,
И все кругомъ заволочлось дымомъ.
Чудовищныя пасти, потрясая
Рычаніемъ воспламененный воздухъ,
Изъ нѣдръ огонь палящій изрыгали
И тучу стрѣлъ, и градъ желѣзныхъ ядеръ.
Направлены въ ряды побѣдоносныхъ
Небесныхъ силъ, съ такою силой грозной
Громили ихъ удары тѣхъ орудій,
Что ангелы въ смятеніе пришли,
И тысячи бойцовъ неустрашимыхъ,
Затруднены тяжелою броней,
Паденіе впервые испытали.
Смѣшавшись, пытались напрасно
Они ряды стѣсенные раздвинуть;
Межъ тѣмъ, враги готовились къ залпу
Вторичному. И молвилъ Сатана
Съ насмѣшкою сторонникамъ своимъ:
— «Что сталося съ побѣдоносной ратью?
«Что-жъ не идутъ вонтели впередъ?
«Давно-ль они съ угрозой наступали,
«Но имъ едва раскрыли мы объятія,
«Какъ въ тотъ-же мигъ свершилась перемѣна
«Въ нихъ странная. Не предложенье-ль мира
«Повергло ихъ въ подобное смущенье,
«Не радостью-ли вызвано оно?»

И Вельзевулъ съ насмѣшкою отвѣтилъ:
— «Условія предложеннаго мира,
«О, славный вождь, такъ полновѣсны были
«И такъ они обильны содержаньемъ,
«А способъ выраженія такъ силенъ,
«Что устоять враги не въ силахъ были
«Предъ доводомъ, который съ ногъ сбиваетъ!»

Такъ ихъ вожди, заранѣе въ побѣдѣ
Увѣрены, надъ нами издѣвались,

И съ Господомъ казалось легко
Сравнятся имъ. Но воинство Его
Въ смущеніи не долго пребывало.
Вдругъ ангелы, оружье побросавъ,
Летятъ къ горамъ, расшатываютъ ихъ.
И, приподнявъ рукою за вершины
Косматыя, бросаютъ ими сверху
Въ мятежниковъ, подъ тяжестью громадной
Зловѣщія орудія погребая.
Громады скалъ, затмивъ собою воздухъ,
Летятъ на нихъ и давятъ легіоны.
Помятая, разбитая броня
Поверженнымъ страданья причиняетъ,
Стенанія и вопли исторгая.
И долго имъ стряхнуть не удается
Давящую ихъ тяжесть. Наконецъ,
Освободясь съ усиленіемъ, они
Къ такому-же оружью прибѣгаютъ,
Подобно намъ, и горныя громады,
Оторваны, мелькаютъ въ вышинѣ,
Сшибаясь и сталкиваясь грозно.
Въ сравненіи съ подобною борьбой
Казалась-бы война забавой мирной;
И съ каждою минутой возростало
Смятеніе, грозя разрушить Небо,
Пока Господь, сидящій на престолѣ
Въ святилищѣ своемъ, не положилъ
Конца борьбѣ. Онъ такъ вѣщаетъ Сыну:
— «Блισταющій въ сіяньѣ вѣчной славы,
«Возлюбленный Единородный Сынъ!
«Невидимый — Я видимымъ являюсь
«Въ Лицѣ Твоемъ. Десницею Своею
«Исполни-же велѣніе Мое.
«Два дня прошло съ тѣхъ поръ, какъ Михаилъ
«Повелъ войска свои на непокорныхъ.
«Воистину ужасенъ этотъ бой,
«Соперниковъ на время предоставилъ
«Я собственнымъ могучимъ силамъ ихъ.
«Я равными создалъ ихъ, но различье
«Межъ ними грѣхъ отнынѣ положилъ.
«Теперь оно не столь еще громадно,
«Затѣмъ, что я на время отлагалъ
«Свой приговоръ, но долгая борьба
«Опасностью природѣ угрожаетъ.
«Два дня прошло: послѣдній, третій день —
«Принадлежитъ Тебѣ; лишь Ты одинъ
«Со славою окончишь эту битву.
«Я допустилъ безумное возстанье,
«Дабы Себя достойнѣйшимъ межъ всѣми
«Наслѣдникомъ явилъ Ты и Царемъ.
«Гряди-же Ты — сильнѣйшій и великій,
«Вооруженный силою Отца!
«Со славою возсядь на колесницу
«И съ быстротой направь ее такою,
«Чтобъ дрогнули въ основахъ Небеса!
«Вооружись оружіемъ Моимъ
«И порази сыновъ мятежныхъ мрака!
«Низвергнуты съ Небесъ, они узнаютъ
«Въ подземной тѣмѣ, что значитъ отвергать
«Помазанника Божія, Мессію».

Онъ рекъ, — и свѣтъ на Сына возсіялъ,
И свѣтомъ Сынъ исполнился Господнимъ,
И, отразивъ Отца неизрѣченно,
Отвѣтилъ Онъ: — «Владыка Царствъ Небесныхъ,
«Первѣйшій, Высочайшій, Несравненный!

Впервые боль изведалъ Сатана,
Въ страданіяхъ онъ судорожно бился —
Настолько боль была невыносима. (Стр. 68.)

«Желаснь Ты во всемъ прославить Сына.
«Все счастье Мое Я полагаю
«Въ томъ, чтобъ Твои велѣнія творить.
«Я радостно приму Твои дары:
«Могущество и скипетръ, но сложу Я
«Ихъ съ радостью великою съ Себя,
«Когда, по окончаніи вѣковъ,
«Ты будешь всѣмъ, о, Боже, и во всемъ,
«А Я въ Тебѣ пребуду неизмѣнно.
«Я — Образъ Твой, и гнѣвомъ Я облечусь
«Могу Твоимъ, какъ милостью Твоей.
«Вооруженъ Тобою, изгону Я
«Мятежниковъ и ввергну ихъ въ жилище
«Упылое, гдѣ червь ихъ не умретъ.
«Тогда Тебя прославятъ всѣ святые
«И первый — Я».

Промолвивъ, поднялся
Съ престола Онъ. День третій наступилъ
И, словно вихрь, помчалась колесница
Всевышняго. Исполненная Духомъ,
Вращались колеса, и при нихъ
Виднѣлись четыре херувима,
Блισταющихъ красой, четвероликихъ.
И на крылахъ, усѣянныхъ очами,
Неслись они; колеса изъ берилла ⁸⁰⁾
Усѣяны очами также были,
Которыя вокругъ метали искры.
Надъ головой летящихъ херувимовъ
Хрустальный сводъ вознесся, а на немъ —
Сапфирный тронъ, чистѣйшимъ яштаремъ
Украшенный и радуги цвѣтами.

Оружіемъ небеснымъ ополченъ,
Какъ будто-бы Уримомъ ⁸¹⁾ свѣтозарипмъ,
Восходитъ Сынъ на Божью колесницу.
Побѣда съ Нимъ садится одесную,
Виситъ колчанъ на раменахъ Его,
Огонь и дымъ клубятся грозной тучей;
И, окруженный тысячами тысячъ,
Несется Онъ на крыльяхъ херувимовъ.
Возликовали ангелы, узрѣвъ
Грядущаго со славою Мессію;
Подъ стягъ Его собираетъ Михаилъ
Все воинство, одну составивъ рать.

Божественною силою очищенъ
Мессіи путь. Горамъ повелѣваетъ
Вернуться Онъ на прежнія мѣста.
Все приняло обычный видъ, долины,
Украшены цвѣтами, улынулись.

Несчастные враги все это видятъ,
Но въ гордости упорствуютъ они
И къ новому готовятся сраженью.
Возможно-ли при помощи чудесъ
И знаменій надменныхъ убѣдить?
И, славою великой Сына Божья
Приведены еще сильнѣе въ ярость,
Идутъ они въ послѣдній страшный бой.

Тогда полкамъ Мессія возвѣщаетъ:
— «Вы, ангелы, въ своихъ уборахъ ратныхъ
«Останьтесь спокойно на мѣстахъ,
«Для васъ настала отдохновения день.
«Вы Истинѣ служили, и угодно
«Служеніе подобное Творцу,

«По покарать мятежныхъ, заслужившихъ
«Проклятіе — должна Моя десница,
«Возмездіе Творцу принадлежитъ,
«Не вамъ, а Мнѣ завидуютъ они
«И Мнѣ Отцомъ надъ ними предоставленъ
«Верховный судъ. Помѣяться со Мною
«Мятежники стремятся, — ихъ желанье
«Исполнится; извѣдаютъ они:
«Силы-ль-ли Я — Одинъ на нихъ грядущій,
«Иль сонмы ихъ — идущихъ на меня?
«Лишь силою, помимо всѣхъ достоинствъ,
«Привыкли все безумцы измѣрять;
«Пускай-же споръ одна рѣшаетъ сила,
«Иной борьбы Я ихъ не удостою».

Такъ молвилъ Онъ, и вмгъ преобразился
Священный Ликъ грозой ужасной гнѣва,
И ринулся Мессія на враговъ.
Немедленно четыре херувима
Помчались. Отъ крыльевъ распростертыхъ
На цѣлый міръ распространилась тьма.
И съ грохотомъ, подобнымъ шуму волнъ,
Катилася во мракъ колесница.
Такъ врѣзался Мессія въ середину
Мятежниковъ, и правою десницей
Громовыхъ стрѣлъ держалъ Онъ десять тысячъ,
Которыя, какъ язвы роковыя,
Во внутрь души глубоко проникають.
Въ смятеніи бросаетъ дерзкій Врагъ
Оружіе, и гордя главы
Поверженныхъ князей и херувимовъ
Мессія попираетъ. Отъ колесъ,
Усѣянныхъ очами, изъ очей
Четвероликихъ грозныхъ серафимовъ,
Летятъ на нихъ грозою тучи стрѣлъ,
И падаютъ они въ изнеможенъѣ
Подъ бременемъ страданья и стыда.

А, между тѣмъ, Мессія не явилъ
Могучихъ силъ Своихъ и вполонину, —
Не истребить мятежниковъ желалъ Онъ,
Но лишь изгнать изъ Неба на-всегда.
Гонимы Имъ, поражены громами,
Тѣснились они, какъ стадо козлищъ,
Пока Небесъ ограды не достигли.
Тогда она разверзлась широко,
И взорамъ ихъ открылся мракъ пучины.
Тутъ въ ужасѣ отпрянули безумцы,
Но, ужасомъ охвачены сильнѣйшимъ
И пламенемъ Божественнаго гнѣва,
Въ кромѣшный мракъ бросаются стремглавъ

Услышалъ Адъ невѣроятный грохотъ,
Увидѣлъ Адъ паденіе Небесъ,
Низвергшихся съ Небесъ, и въ дикомъ страхѣ
Бѣжалъ-бы самъ, не будь несумолимой
Судьбою онъ прикованъ къ основанью.

И девять дней въ пучину низвергались
Винные, и вдесятеро больше
Свирѣпствовалъ неукротимый Хаосъ.
Чудовищной зіяюще пастью
Добычу Адъ кромѣшный поглотилъ
И, поглотивъ — закрылся. Въ Небесахъ
Закрылась вновь хрустальная ограда.
Изгнавъ враговъ, Мессія-побѣдитель

Скрежешеть онъ зубами отъ стыда,
Отъ ярости и боли. Онъ не можетъ

Теперь сказать, что равнаго себя
Не выдасть.

(Стр. 68.)

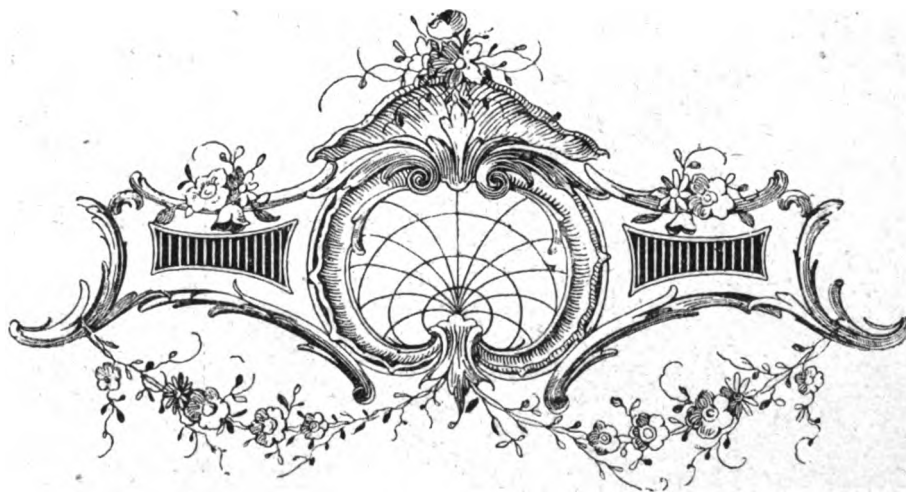
Въ обратный путь направилъ колесницу
Побѣдную, и съ кликами восторга
Стеклись къ Нему всѣ сонмы свѣтлыхъ силъ.

Внимая ихъ хвалебнымъ пѣснопѣньямъ,
Проносится во славу Онъ къ Отцу,
Сидящему на высотѣ высотъ,
И Сына Тотъ на лоно принимаетъ,
Гдѣ, вѣчнаго блаженства одесную,
Въ сіяніи Мессіа возсѣдаетъ

Итакъ Адамъ, повѣдалъ я тебѣ
Прошедшее, дабы могло урокомъ
Оно тебѣ въ грядущемъ послужитъ:
Раздоръ, войну межъ ангелами въ Небѣ,
Паденье тѣхъ, которые стремились

Возвыситься съ надменнымъ Сатаной,
Мятежникомъ, что нынѣ замшляеть
Сгубить тебя. Блаженству твоему
Завидуя, онъ хочетъ къ ослушанью
Тебя склонить, дабы его мученя
Ты раздѣлил; онъ жаждетъ посмѣяться
Надъ Господомъ. Но хитрымъ обольщеньямъ
Не довѣрай, остереги подругу, —
Слабѣйшую изъ васъ двоихъ! Примѣромъ
Прошедшее да будетъ для тебя.
Виновные могли-бы устоять,
Но впади въ грѣхъ; не забывай объ этомъ
И согрѣшитъ предъ Господомъ страшись!

конецъ шестой книги.

Исполняя просьбу Адама, Рафаэль рассказывает ему историю сотворения мира. Покорив Давола и его несмѣтныя силы и прогнавъ ихъ въ бездну, Господь пожелалъ создать новый мѣръ и новыя существа, которыя-бы населяли его. Для этого Онъ призываетъ Сына Своего къ участи Емъ создать этотъ мѣръ въ шесть дней. Исполнивъ порученіе Отца, Богъ Сынъ со славою возвращается обратно, прославленный ангелами за Свои дѣянія.

СОЙДИ съ небесъ, Уранія, о, Муза!
 Ураніей могу-ли звать тебя?
 Божественному голосу внимая,
 Вознесся я съ тобой на высоту,
 Которая Пегасу недоступна.
 Но я лишь духъ, не имя призываю:
 Мнѣ вѣдомо — не Музою Олимпа
 Ты родилась, твое происхожденіе —
 Небесное. И, прежде чѣмъ возникли
 Кругомъ лѣса и рѣки потекли —
 Ты съ вѣчною Премудростью, съ сестрою
 Великою твоею, вела бесѣду
 И вмѣстѣ съ ней ты пѣла предъ Творцомъ.
 Я въ горнія вознесся небеса
 Тебѣ вослѣдъ, какъ путникъ дерзновенный;
 Теперь меня къ родной моей стихіи
 Ты низведи, дабы не палъ съ Пегаса
 Я на поля Ликійскія, подобно
 Беллерофону ⁸²⁾ древнему. Съ высотъ
 Спускаюся я, но голосъ мой земной
 Еще не смолкъ и силы не утратилъ,
 Хотя живу я въ злыя времена
 И злобными терзаемъ языками.
 Я одинокъ и мракомъ окруженъ,
 Но не могу назваться одинокимъ,
 Пока меня ты въ грезахъ посѣщаешь.
 Руководи-же пѣснею моею,
 Уранія, отъ варваровъ спаси,
 Безжалостно въ Родонѣ растерзавшихъ
 Фракійскаго великаго пѣвца ⁸³⁾,
 Которому внимала вся Природа.
 Спасти его была не въ силахъ Муза:
 Мечтаніемъ пустымъ она была,
 Но ты спасешь того, кто призываетъ
 Тебя, о, дщерь великая Небесъ.

Повѣдай-же, богиня, что случилось,
 Когда святой архангелъ Рафаилъ
 Предостерегъ людей отъ нарушенія
 Господняго завѣта. Вмѣстѣ съ Евой
 Внималъ ему задумчиво Адамъ.
 И пораженъ повѣствованіемъ дивнымъ

Онъ былъ въ душѣ, но вскорѣ, подавивъ
 Сомнѣнья, онъ желанье ощутилъ
 Безгрѣшное пока еще — узнать
 Всю истину о сотвореніи мѣра
 И обо всемъ, что было до него.
 Такъ путники, едва успѣвъ напиться,
 При видѣ струй журчащаго потока,
 Томятся вновь удвоенною жаждой.
 И продолжалъ допрашивать Адамъ:
 — Великія невѣдомыя тайны
 Ты намъ открылъ, посланникъ свѣтлый Неба,
 Ты милостью Господнею ниспосланъ
 Къ намъ во-время, дабы предостеречь
 Отъ гибели, которую предвидѣтъ
 Мы не могли умомъ своимъ. Творцу
 Обязаны признательностью вѣчною,
 Торжественно мы общаемъ нынѣ
 Хранить и чтить Завѣтъ Его святой,
 Но, если ты повѣдаешь удостоилъ
 Намъ многое, что смертныхъ пониманье
 И разумъ ихъ собою превосходитъ,
 Благоволи повѣдать, небожителю,
 И о другомъ: какъ Небо создалось,
 Которое мы видимъ въ вышинѣ
 Съ созвѣздыями, и что такое воздухъ?
 Къ созданію столь поздно приступить
 Что побудитъ Всевышняго мглою?
 Во сколько дней свершилось мірозданье?
 Открой намъ все, когда возможно это,
 И Господу въ твореніяхъ Его
 Мы воздадимъ сугубыя хваленія.
 Свѣтило дня не скоро путь окончитъ,
 Хотя оно склоняется къ закату,
 Но, голосу внимая твоему,
 Замедлитъ ходъ, дабы повѣствованію
 Внимать о томъ, какъ зародился свѣтъ.

Высокій гость Адаму отвѣчаетъ:
 — Согласенъ я твою исполнить просьбу,
 Но и языкъ небесныхъ серафимовъ
 Величіе не властенъ передать
 Господняго творенія. Однако,

Доступное земному пониманью
Откроется тебѣ, но не мечтай
Проникнуть ты въ Божественныя тайны.
И въ знаніи необходима мѣра,
Которую мы въ пищу соблюдаемъ,
Иначе умъ вмѣститъ его не сможетъ,
И перейдетъ въ безумье наша мудрость.
Итакъ, узнай! Съ тѣхъ поръ, какъ Люциферъ,
Такъ звался тотъ, кто нѣкогда сіялъ
Межъ ангеловъ небесныхъ столь-же ярко,
Межъ утрення дивная звѣзда
Межъ сонма звѣздъ, съ тѣхъ поръ, какъ онъ низверженъ
Въ пучину былъ, и къ Господу Отцу
Съ побѣдою Мессія возвратился,
Такъ съ высоты престола своего
Всевышній рекъ: — «Завистникъ ошибался,
«Считая всѣхъ подобными себѣ;
«Онъ думалъ всѣхъ къ возстанью возбудить,
«Но, вижу Я, осталось много вѣрныхъ
«И, для того, чтобъ онъ не возгордился
«Содѣяннымъ, Я новый міръ создамъ
«И, цѣлый родъ людской произведу
«Отъ одного, ему отдамъ въ жилище
«Я этотъ міръ. Тамъ будетъ обитать,
«Покуда онъ, достигнувъ совершенства,
«Себѣ пути на небо не откроетъ;
«Тогда для всѣхъ одно настанетъ царство.
«Вы, ангелы, распространитесь всюду,
«А Ты, Мой Сынъ Единородный — Слово
«Всевышняго, творенье соверши!
«Съ Тобою духъ пребудетъ Мой и сила,
«Гряди, Мой Сынъ; Ты безднѣ повелишь
«Землею стать и Небомъ. Пустоты
«Въ пространствѣ нѣтъ. Я наполняю все,
«И властенъ Я творить иль не творить.
«Судьба міровъ — въ Моей Верховной волѣ!»

Такъ повелѣлъ Всевышній, и быстрѣе
Движенія и времени Сынъ Божій
Повиновался. Радостью великой
И торжествомъ исполнилось Небо,
И голоса небесные воспѣли:
«Хвала — Творцу, благополучье — людямъ,
И вѣчный міръ жилищу ихъ земному!»

Межъ тѣмъ, Богъ Сынъ къ творенью приступилъ.
Могуществомъ верховнымъ препоясанъ,
Явился Онъ величьемъ вѣнчанъ,
Сіяющій любовью безпредѣльной
И мудростью Божественной Отца.
Блестящую Господню колесницу
Архангельскіе сонмы окружаютъ —
Крылатые владыки и князья.
Раскрылися на петляхъ золотыхъ
Небесныя врата, и Славы Царь
Вступаетъ въ нихъ: могущественнымъ Словомъ
И Духомъ всемогущимъ новый міръ
Готовится создать Онъ. Всѣ стояли,
Съ окранны небесной созерца
Пустынную бушующую бездну.
И раздался Божественный Глаголь:
— «Смиритесь бушующія волны,
«Утихните раздоры темныхъ безднѣ!»

И къ Хаосу понесся Божій Сынъ,
И гласъ его услышалъ дикій Хаосъ.

Остановивъ колеса колесницы,
Беретъ Мессія ширкуль золотой,
Дабы на вѣкъ границы мірозданья
Установить. И такъ вѣщаетъ Онъ:
— «До сей черты твоя граница, міръ!»
Такъ создалися Небо и Земля,
Но, образа лишеныя покуда,
Окутаны глубокимъ были мракомъ.
И Божій Духъ животворящій крылья
Надъ гладью водъ спокойныхъ распростеръ;
Онъ влилъ въ нее живительную силу
И теплоту, затѣмъ устроилъ міръ.
Образовалъ небесныя тѣла
Онъ изъ частей другъ другу однородныхъ,
И каждому опредѣлилъ Онъ мѣсто
И, воздухомъ наполнивъ промежутокъ,
Установилъ повсюду равновѣсье.

— «Да будетъ Свѣтъ!» — вѣщаль Господь. И свѣтъ
Вдругъ возсіялъ сквозь облако съ востока.
Узрѣвъ Господь, насколько онъ прекрасенъ,
И Свѣтъ отъ тьмы Создатель отдѣлилъ
И Днемъ его назвалъ, а сумракъ — Ночью.
Такъ вечеръ былъ и утро въ первый день,
Прославленный всеобщимъ ликованиемъ.

— «Да будетъ твердь и да раздѣлитъ воды
«Она собой!» — вѣщаль Господь, и твердью
Чистѣйшею, прозрачною стихіей
Облекъ Онъ всю громадную окружность
Земного шара. Ею отдѣлилъ
Онъ верхнія отъ нижнихъ водъ. На лонѣ
Хрустальныхъ водъ, оградою служащихъ
Отъ Хаоса, вселенная воздвиглась,
И небеса назвалъ Создатель Твердью.
И ангелы, какъ въ первый день созданья,
Прославили на арфахъ день второй.

И такъ земля возникла къ бытію,
Но въ лонѣ водъ она покоилась пока,
И океанъ безбрежный плодотворно
Ее тепломъ и влагою питалъ.
Готовилась къ зачатью мать-земля.
Тогда Господь далъ повелѣнье водамъ
Собраться всѣмъ въ указанное мѣсто,
И сушѣ Онъ возникнувъ повелѣлъ.
Немедленно изъ водъ явились горы;
Вершины ихъ касались облаковъ,
Насколько вверхъ вздымались онѣ,
Насколько-же ложбины осѣдали,
И радостно туда стремились воды
Со всѣхъ сторонъ. И такъ-же, какъ дружины,
Которыя при громкомъ звукѣ трубъ
Стекаются поспѣшно подъ знамена —
Такъ масса водъ, катившихъ валъ за валомъ,
То бѣшно съ обрывовъ низвергаясь,
То широко разлившись по долинамъ,
Межъ горъ и скалъ прокладываетъ путь.
Тогда Господь назвалъ Землею — сушу.
Вмѣстилище-же водъ глубокихъ — Моремъ.
Онъ повелѣлъ Землѣ произростить
Роскошныя деревья и растенья,
Дающія плоды и сѣмена.
Едва успѣлъ изречь Онъ повелѣнье,
Какъ, бывшая доселѣ обнаженной,
Одѣлася травою вся Земля.

... Михаилъ
Съ дружинами на полѣ грозной битвы

Раскинулъ сталь, кругомъ разставивъ стражу
Изъ пламенныхъ, отважныхъ херувимовъ.

(Стр. 70.)

Листы свои растенья развернули
И зашѣли блистая въ яркихъ краскахъ.
Переплелись зелеными кудрями
Кустарнички, и въ полѣ, словно рать
Могучая, колосья поднялись,
И грозлями одѣлся виноградникъ.
Высокими лѣсами увѣнчались
Вершины горъ, и рощи осѣнили
Своей листвою потоковъ берега.
Тогда Земля подобна стала Небу,
И кончился творенья третій день.

Господь вѣщалъ: — «Среди небесной тверди
«Да явятся свѣтила, ходъ времени,
«Годовъ и дней они да обозначать,
«Отъ ночи день собою отдѣливъ!»
И первымъ-же призвалъ Онъ къ бытію
Громадный шаръ, еще не свѣтлый, солнце;
Затѣмъ луну и звѣзды сотворилъ;
Изъ скинии воздушной облаковъ —
Хранилища божественнаго свѣта,
Изъялъ Господь его большую часть,
Въ шаръ солнечный перемѣстивъ его,
И сталъ тотъ шаръ великимъ храмомъ свѣта.
Свѣтило дня впервые показалось
И, шествуя на западъ, озарило
Весь горизонтъ сіяніемъ лучей,
А передъ нимъ — предтечами его
Въ таинственномъ кружились хороводѣ
Блестящія плеяды ⁸⁴) и заря.
На западѣ явилася луна,
И въ круглый ликъ ея глядится солнце,
Какъ въ зеркало, ему даруя свѣтъ.
До наступленья ночи пребываетъ
Она вдали, тогда-же, въ свой чередъ,
Владычицей небесъ она блистаетъ
Среди другихъ безчисленныхъ свѣтилъ.
Такъ кончился четвертый день творенья.

Сказалъ Господь: — «Да населятся воды
«Животными и рыбами, а твердь
«Небесная — пернатыми!» И, тварей
Живыхъ создавъ, благословилъ Господь
И молвилъ имъ: — «Плодитесь, размножайтесь
«Среди морей, а птицы — на землѣ!»
Немедленно проливы и моря,
И рѣки всѣ наполнились рыбой;
Межъ свѣтлыхъ волнъ блистая чешуей,
Скользятъ она, на солнцѣ ярко искрятся
Рѣзвятся тамъ тюлени и дельфины;
Левіаѳанъ, среди морскихъ чудовищъ
Громаднѣйшій, поконтся на днѣ
И движущейся кажется скалою.
Тѣмъ временемъ въ пещерахъ и болотахъ
Изъ яицъ вылупляются птенцы
И, оперясь, развертываютъ крылья,
Взвиваясь высоко къ небесамъ.
Но болѣе разумныя изъ птицъ
Собираются въ безчисленные станъ,
И сообща прокладываютъ путь
Онѣ вездѣ черезъ моря и степи.
Среди вѣтвей весь день щебечутъ пташки,
А соловья торжественная пѣснь
Съ закатомъ дня не умолкаетъ даже.
Легко скользя по лону свѣтлыхъ водъ
И изогнувъ величественно шею

Межъ бѣлыхъ крылъ, на мантию похожихъ
Сребристую, плыветъ прекрасный лебедь
Иль на крылахъ возносится могучихъ
Онъ къ небесамъ въ воздушную обитель.
Такъ рыбами всѣ воды населены,
А птицами — воздушная стихія,
И это былъ творенья пятый день.

Послѣдній день творенья — шестой,
При звукахъ арфъ, торжественно насталъ.
Сказалъ Господь: — «Земля да населится
«Различными породами звѣрей
«И гадами, — земною всякой тварью!»
И, по Его властительному слову,
Немедленно изъ плодородныхъ нѣдръ
Разверзшейся во всѣхъ концахъ земли
Явилася попарно тварь земная.
Среди полей зеленыхъ и луговъ
Паслись стада, а хищники лѣсные
Нашли пріютъ во тѣмѣ пещеръ и дебрей.
Могучій левъ выходитъ изъ земли,
Вокругъ себя разрывъ когтями почву;
Освободясь при помощи прыжка
Могучаго; онъ гривой потрясаетъ.
Вослѣдъ ему, взрывая также землю,
Выходятъ барсъ и съ леопардомъ тигръ.
Вѣтвистые рога свои олень
Изъ-за вѣтвей зеленыхъ выставляетъ,
И бегемотъ ворочается въ тинѣ,
А крокодилъ чешуйчатый не знаетъ,
Что предпочесть: рѣчную глубину иль берегъ?
Съ животными является на свѣтъ
Все, что ползетъ: улитки, червяки,
И множество крылатыхъ наѣдокъ,
Блестящихъ уборами своими
Изъ золота, лазури, изумруда.
Въ травѣ ползутъ диковинныя змѣи,
Чудовищной длины и толщины
И крыльями одарены иныя.
Заботою о будущемъ проникнутъ,
Рождается всѣхъ прежде муравей;
При маломъ ростѣ сердцемъ одаренъ
Великимъ онъ, и можетъ муравейникъ
Служить для всѣхъ равенства образцомъ.
Ему вослѣдъ является пчела,
Искусная строительница сотъ,
Кормящая лѣниваго супруга.
Миѣ не зачѣмъ другихъ перечислять,
Не самъ-ли ты, ихъ свойствомъ сообразно,
Различныя давалъ имъ имена?
Тебѣ змѣя громадная извѣстна,
Она вреда тебѣ не причиняетъ
И голосу послушна твоему.

Теперь земля въ убранствѣ красовалась;
И небеса во всей блистали славѣ,
А день шестой еще не завершился,
И существа, которое вѣнцомъ
Являлось-бы творенья Господня,
Здѣсь на землѣ еще не доставало, —
Разумнаго и высшаго созданья,
Прекраснаго, съ прямымъ и гордымъ станомъ
И головой къ землѣ не преклоненной,
Способнаго другими управлять
И Господу служить благоговѣнно,
Вознесшему его превыше всѣхъ.

Но, ужасом охвачены сильвѣящимъ
И пламенемъ божественнаго гнѣва,
Въ кроутищный мракъ бросаютея стрелглавъ. (Стр. 74.)

И Сыну такъ вѣщаетъ Всемогущій:
— «По образу и Нашему подобью
«Мы человѣка нынѣ сотворимъ,
«Да будетъ онъ надъ всѣми господиномъ:
«Надъ рыбами, надъ птицами—въ водѣ
«И въ воздухѣ, и надъ стадами—въ полѣ,
«Надъ всей землею и гадами земными».

И, молвивъ такъ, тебя, Адамъ, изъ праха
Онъ сотворилъ, вдохнулъ дыханье жизни
И душу Онъ въ тебя вложилъ живую.
Дабы отъ васъ явилось потомство—
Ты сотворенъ былъ мужемъ, а подруга
Твоя—женой. И, васъ благословивъ,
Сказалъ Господь:— «Плодитесь, размножайтесь
«И землю всю собою населите!
«Господствуйте надъ рыбами морскими,
«Надъ птицами небесными, надъ всякой
«Живущею и движущеюся тварью!»
Затѣмъ, создавъ, Всевышній перенесъ
Тебя сюда—въ прекрасный садъ Эдема,
Деревьями обильно насажденный.
Отъ ихъ плодовъ, которые приятны
Для зрѣнія и вкуса твоего,
Тебѣ вкушать Всевышній разрѣшилъ,

Лишь отъ плодовъ, на деревѣ растущихъ
Познанія, нельзя тебѣ вкушать,
Отвѣдавъ ихъ, погибнешь ты, узнавъ
Впервые Грѣхъ съ неумолимой Смертью.

Окончивши творенія Свои,
Прекрасными Всевышній ихъ нашель,
И день шестой окончился. Обратио
На небеса вознесся Онъ, дабы
Тамъ съ высоты Престола обозрѣть,
Насколько мѣръ величьемъ и красою
Его высокою мысли отвѣчаетъ.

Въ божественной гармоніи слились
Безчисленныя арфы. На землѣ
И въ воздухѣ ихъ звуки раздавались,
Имъ вторили созвѣзды съ небесами:
— «Раскройте, о, вѣчныя врата,
Создателя примите своего!
Окончивъ трудъ созданія шестидневный,
Со славою грядетъ обратно Онъ.
Вы станете отнынѣ разверзаться
Для Господа и вѣстниковъ Его,
Которые сходятъ на землю будутъ,
Дабы вѣщать благоволеніе людямъ».

Такъ ангелы въ своихъ хваленьяхъ пѣли,
Торжественно на Небо возносясь.
Разверзлись небесныя врата,
Ведущія къ Господнему жилищу,
И путь къ нему, какъ пылью золотою,
Быль звѣздами усыянъ и подобенъ
Сіяющему млечному пути.

Такъ на землѣ въ саду Эдема вечеръ
Насталъ седьмой, и солнце закатилось,
Когда къ горѣ Всевышняго священной,
Гдѣ утверждень престолъ Его на-вѣки,
Вознесся Сынъ и одесную сѣлъ
Создателя, Который, оставаясь
На небесахъ, сопровождалъ незримо
Его въ дѣлахъ творенья: Вездѣсущъ
Господь и Богъ, и сущаго всего
Лишь въ Немъ Одною—начало и конецъ.
И день седьмой благословилъ Всевышній
И посвятить его отдохновению.
Вновь раздались торжественныя звуки
Священныхъ арфъ, тимпановъ и свирѣлей,
Сливавшихся съ словами пѣснопѣній
И облакомъ волнистымъ фиміама,
Струившимся изъ золотыхъ кадиль:
— «Востигну дѣла Твои велики,
Могущество безмѣрно, Егова!
Постичь Тебя—возможно-ль нашей мысли?
И чей языкъ повѣдастъ о Богѣ?
Прославился твореньями Своими
Ты болѣе, чѣмъ громкою побѣдой:
Зане славнѣй бываетъ созидать,
Чѣмъ разрушать. Съ Тобою кто сравнится,
Всесильный Царь? Желающій унижить
Могущество Твое, лишь возвышаетъ
Его сильнѣй, и злобу супостата
Во благо Ты, какъ нынѣ, обращаешь,
На лонѣ водъ хрустальныхъ океана
Создавъ иной, подобный Небу, мѣръ.
Усыяно созвѣздыями пространство,
И каждая отдѣльная звѣзда
Есть цѣлый мѣръ. Межъ ними и земля
Находится—жилище человѣка.
Не трижды-ли блаженныя человѣки,
Которые, взамѣнъ Его щедротъ,
Должны служить и поклоняться Богу,
Имъ давшему владычество надъ тварью,
Живущею на сушѣ и въ водѣ,
И въ воздухѣ? Благословенны трижды
Тѣ существа, которыя умножатъ
Собою сонмъ святыхъ и непорочныхъ,
И съ праваго пути да не сойдутъ
Они, вовѣкъ»—

Такъ день седьмой, субботній,
Прославленъ былъ въ обители небесной,
И ангелы воспѣли:—«Аллилуія!»

Теперь, Адамъ, желаніе твое
Исполнено, тебѣ повѣдалъ я
О томъ, какъ мѣръ былъ призванъ къ бытію,
Дабы о томъ и ты повѣдалъ чадамъ.
И, если ты еще узнать желаешь
О чемъ-нибудь, доступномъ человѣку—
Спроси мнѣя: тебѣ отвѣчу я.

КОНЕЦЪ СЕДЬМОЙ КНИГИ.

КНИГА 8-я.

Адамъ разспрашиваетъ архангела Рафаила про точеніе небесныхъ свѣтилъ, но получаетъ уклончивый отвѣтъ съ совѣтомъ думать лишь о томъ, что ему можетъ быть полезно. Адамъ соглашается съ этимъ и, чтобы подольше задержать у себя архангела, начинаетъ рассказывать ему обо всемъ, что осталось въ его памяти съ момента, когда въ немъ пробудилось сознаніе. Онъ рассказываетъ, какъ онъ былъ перенесенъ въ Рай; подробно передаетъ свой разговоръ съ Господомъ о своемъ одиночествѣ, о первой встрѣчѣ съ Евою и женитьбѣ. Наконецъ, архангелъ Рафаилъ покидаетъ Адама, напомнивъ ему о своихъ наставленіяхъ и совѣтахъ.

ТАКЪ заключилъ повѣствованье ангель,
 Но все еще казалось Адаму,
 Что слышитъ онъ чарующую рѣчь.
 И, наконецъ, какъ-будто пробужденный
 Отъ забытья отраднago, онъ молвилъ:
 — Божественныхъ дѣяній лѣтописецъ,
 Чѣмъ я воздамъ тебѣ благодаренье?
 Ты утолилъ мою познанья жажду

И тайны мнѣ открыть благоволилъ,
 Которыхъ я иначе не постигъ-бы.
 Съ восторгомъ я, съ глубокимъ изумленьемъ
 Внималъ тебѣ, Создателя прославивъ.
 Последнія сомнѣнія мои
 Ты разрѣши. Когда я созерцаю
 Вселенную во всемъ ея величьи,
 Мнѣ кажется земля въ сравненьи съ песю
 Ничтожною, едва замѣтной точкой.
 И для того-ль вращаются свѣтила
 Громадныя, чтобъ землю озарять —
 Недвижную и малую планету?
 Дивлюся я, объ этомъ размышляя,
 Что мудрая природа допустить
 Подобную могла несообразность!

Такъ говорилъ Адамъ, намѣреваясь
 Бесѣдовать о томъ, что занимало
 Пытливый умъ, и, видя это, Ева,
 Сидѣвшая немного въ сторонѣ,
 Съ достоинствомъ и скромно удалилась,
 Причемъ ея движенія казались
 Исполнены такимъ очарованьемъ,
 Что каждому, навѣрно-бъ, захотѣлось
 Не отпустить, но удержать ее.
 Она спѣшитъ къ деревьямъ и цвѣтамъ,
 Которые пышно расцвѣтаютъ
 Отъ нѣжнаго ея прикосновенья.
 Подобная бесѣда о предметахъ
 Возвышенныхъ ей въ тягость не была,
 Но выслушать рассказъ предпочтала
 Она изъ устъ супруга своего,

Которыя се не краснорѣчьемъ
 Вскли однимъ, но ласкою любви.
 Подобная богини или царицы,
 Она идетъ въ сопровожденьи грацій,
 Которыя во взорахъ зажигаютъ
 При помощи своихъ волшебныхъ стрѣлъ
 Желаніе лишь ея любоваться.

И ласково Адаму молвитъ Ангель:
 — Пытливости твоей не порицаю:
 Вѣдь, Небеса — раскрытый Богомъ свитокъ,
 Дабы Его Творенья постигать
 Воочию ты могъ, по всемъ свѣтламъ
 Часы и дни, года распознавая,
 И, если ты ихъ вѣрно исчисляешь,
 Не все-ль равно: вращается Земля⁸⁵)
 Или прочія небесныя тѣла?
 Отъ ангеловъ и смертныхъ утаилъ
 Все прочее Великій Зодчій мира
 И тайны своихъ не обнаружилъ Онъ,
 Донскиваться тѣмъ предоставляя,
 Кто долженъ-бы лишь удивляться имъ
 Современемъ не посмѣется-ль Онъ
 Надъ жалкою догадкою ученыхъ,
 Которыя составятъ планъ Небесъ,
 Созвѣздія исчислять и не мало
 Придумаютъ системъ разнообразныхъ,
 Запутанныхъ, всю сферу испещривъ
 При помощи круговъ и вычислений.
 Предвижу я, что это будетъ такъ:
 Путемъ твоимъ пойдутъ твои потомки.
 Ты думаешь, что большія объемомъ
 И свѣтлыя планеты не должны
 Служить землѣ, столь малой по сравненью?
 Но большіе величина и блескъ
 Едва-ль даютъ права на превосходство.
 Лишенная сіянія земля
 Достоинствомъ, быть можетъ, превосходить
 Блистательное солнце, чьи лучи,
 Лишь съ почвою ея соприкасаются,

Приобрѣтають жизненную силу.
Но не землѣ свѣтила эти служатъ,
А жителю Эдема — человѣку.
Небеснаго пространства безпредѣльность
Глаголетъ намъ о славѣ и величьи
Всевышняго. Онъ мірозданья грань
Такъ широко раздвинулъ для того,
Чтобъ смертный могъ вполнѣ уразумѣть,
Что онъ живетъ не въ собственномъ жилищѣ,
А въ зданіи громадномъ занимаетъ
Ничтожное пространство. Для чего
Назначено Всевышнимъ остальное —
Про это Онъ лишь вѣдаетъ Одинъ.
Что скажешь ты о скорости, съ какою
Я ранѣе полудня былъ въ Эдемѣ,
Перелегъ въ такое разстояніе,
Которое часами не исчислить?
И для того Творцомъ помѣщена
Земля вдали отъ горняго чергога,
Чтобъ высшія Его предначертанья
Сокрытыми остались отъ людей,
Которые доступны заблужденію.
И солнце-ли восходитъ надъ землею,
Надъ солнцемъ-ли восходитъ шаръ земли,
Оно-ли путь съ востока начинается,
Иль съ запада свершаетъ путь урочный
И на оси вращается земля —
Напрасно думъ своихъ не утруждай
Надъ тайнами, извѣстными лишь Богу.
Служи Ему! Страхись Его! Пускай
Мірами Онъ по усмотрѣнію правитъ,
А ты своимъ удѣломъ наслаждайся
И не мечтай о дальнихъ Небесахъ
И о мірахъ невѣдомыхъ тебѣ!
Довольствуйся, пребывая смиренномудрымъ,
Тѣмъ, что тебѣ не только о Землѣ
Повѣдалъ я, но и о горнемъ Небѣ!

И, просвѣтаясь въ сомнѣніяхъ, отвѣтилъ
Ему Адамъ: — Небесный чистый Разумъ
И свѣтлый Духъ! Легчайшій жизни путь
Ты указалъ; меня ты обучаешь
Не отравлять существованья сладость.
Господь отъ насъ заботы устранилъ,
Не будемъ-же искать ихъ самовольно
Мы въ знаніяхъ святыхъ и мечтахъ.
Порою умъ, въ связи съ воображеньемъ,
Не вѣдаетъ предѣловъ для себя,
Въ безвыходномъ блуждая лабиринтѣ,
Пока совѣтъ иль опытъ не докажутъ,
Что мудростью зовется не старанье
Постигнуть то, что смутно и темно,
И далеко отъ насъ, — но разумѣнье
Всего того, что окружаетъ насъ.
Все прочее — безумство, суета,
Дающія лишь поводъ къ недовольству.
Послѣдовавъ разумному внушенью,
Спущуся я смиренно съ высоты.
Коснемся-же теперь въ бесѣдѣ нашей
Полезнѣйшихъ и близкихъ мнѣ предметовъ,
И, можетъ быть, съ обычной добротой
Ты вновь меня отвѣтомъ удостоишь.
Ты мнѣ открылъ, что было до меня,
Такъ выслушай мое повѣствованье,
Котораго не слышалъ ты досель,
Покуда день еще не на закатѣ;

Стремясь тебя подольше удержать,
О милости такой тебя прошу я.
Безуміемъ была-бы эта просьба,
Когда-бы я не ожидалъ отвѣта.
Бесѣдуя съ тобой, переносишь
Я въ Небеса, и сладостнѣй для слуха
Слова твои, чѣмъ сокъ плодовъ душистыхъ
Голодному въ часы отдохновенья.

И съ кротостью небесной Рафаилъ
Сказалъ ему: — Родоначальникъ смертныхъ!
Слова твои звучатъ краснорѣчиво;
Ты — Божіе подобіе и щедро
Имъ одаренъ духовно и тѣлесно.
Исполнены красоты и благородства
Движенья всѣ, а также рѣчь твоя.
Мы, ангелы, въ тебѣ собрата видимъ,
Служащаго, подобно намъ, Творцу,
И съ радостью изслѣдуемъ въ тебѣ
Пути Его. Господь тебя возвысилъ
И возлюбилъ Онъ съ нами наравнѣ.
Итакъ, спѣши къ разсказу приступить.
Въ тотъ день пришлось къ вратамъ далекимъ Ада
Мнѣ совершить тяжелый, трудный путь.
Нашъ четырехсторонній легионъ
На стражѣ былъ поставленъ для того,
Чтобъ въ эти дни великіе творенья
Вторженіе враговъ предупредить,
Которое ввести во гнѣвъ могло-бы
Создателя. Не будь Господней воли,
Мятежники возстать-бы не дерзнули,
Но требуетъ Небесъ Верховный Царь
Скорѣйшаго отъ насъ повиновенья.
Зловѣщій видъ имѣли тѣ врата
За крѣпкими затворами своими;
Издайска оттула несся шумъ —
Стенаніе и вопли дикой муки,
И радостно мы въ горнюю обитель
Вернулись предъ вечеромъ субботнимъ,
Какъ было намъ указано Творцомъ.
И твой разсказъ съ такою-же охотою
Услышу я, съ какою ты внималъ
Моимъ рѣчамъ

Такъ молвилъ небожитель,
И отвѣчалъ нашъ праотецъ ему:
— Какъ началась моя земная жизнь —
Легко-ль о томъ повѣдать человѣку?
И лишь одно желаніе бесѣду
Съ тобой продать — рѣшиться заставляеть
Меня о томъ къ разсказу приступить.

Какъ будто-бы проснувшись отъ сна,
Среди травы густой себя увидѣлъ
Лежащимъ я и, къ Небу обративъ
Впервые взоръ съ безмолвнымъ изумленьемъ,
Я созерцалъ его обширный сводъ
И, смутному влеченью повинуюсь,
Вдругъ поднялся, какъ-бы стремясь къ нему.
Я увидалъ лѣса, холмы, долины,
Пасущихся животныхъ, услышалъ
Среди листвы пернатыхъ щебетанье.
Казалось мнѣ: природа вся ликуетъ,
И счастье мнѣ переполняло сердце.

Загнѣвъ себя осматривать я сталъ.
Я двигался, я бѣгалъ, я ходилъ,

Чудовищной зияющей пастью
Добычу Адь кроветный поглотилъ
И, поглотивъ — закрылся...

(Стр. 74.)

И гибкіе повиновались члены.
Но кто я былъ, откуда появился —
Не вѣдалъ я. Попробовалъ я тутъ-же
Заговорить — языкъ мой былъ послушенъ
И могъ назвать все, что явилось взору.
— «Свѣтило дня! Сіяющее Солнце!» —
Воскликнулъ я. — «Цвѣтущая Земля,
«Лѣса, холмы, живыя существа,
«Скажите мнѣ, когда извѣстно вамъ,
«Откуда я? Не самъ-же по себѣ
«Я получилъ чудесно бытіе,
«Но сотворенъ Создателемъ Великимъ.
«Повѣдайте, какъ мнѣ узнать Его
«И какъ могу Тому я поклониться,
«Кто даровалъ мнѣ счастье бытія?»

Взывая такъ, блуждалъ я безотчетно
И, наконецъ, въ раздумьѣ опустился
На свѣжій дернъ, усыянный цвѣтами.
Тамъ въ первый разъ я былъ охваченъ спомъ,
И мнилось мнѣ, что тихо, незамѣтно
Перехожу я вновь къ небытію.
Но тутъ ко мнѣ явилось сновидѣнье:
Мнѣ грезилось, что лучезарный Нѣкто,
Божественнаго вида, приближаясь,
Глаголетъ мнѣ: — «О, первенецъ людеи!
«Возстань, Адамъ, гряди въ свое жилище!
«Безчисленныхъ потомковъ предназначенъ
«Ты быть отцомъ Ты звалъ Меня, и Я
«Являюся, дабы вести тебя
«Лъ блаженный садъ»

Промолвивъ такъ, меня

Онъ за руку беретъ и поднимаетъ.
Черезъ поля, долины и лѣса,
Какъ-бы скользя по воздуху, несусь я,
И, наконецъ, я на гору вхожу.
Тамъ, на ея вершинѣ, разстилалась
Обширная равнина, гдѣ цвѣли
Растенія и съ дивными плодами
Видѣлись деревья. Здѣсь впервые
Я испыталъ желаніе отвѣдать
Земныхъ плодовъ. И тутъ я пробудился,
И взору все предстало моему —
Что видѣлъ я такъ ясно въ сновидѣньѣ.
Но вдругъ среди деревьевъ показался
Божественный Путеводитель мой,
И я припалъ къ стопамъ Его смиренно,
А Онъ вѣшалъ мнѣ съ кротостью: — «Я—Тотъ,
«Кого сейчасъ искалъ ты, Я—Творецъ
«Всего, что здѣсь ты видишь предъ собою.
«И этотъ Рай дарую Я тебѣ.
«Храни его, воздѣлывай, вкушай
«Плоды его! Но помни: лишь къ плодамъ
«Отъ дерева, дающаго познать
«Добра и зла, вблизи отъ Древа Жизни
«Растущаго, лишь къ нимъ не прикасайся.
«Нарушивъ Мой единственный запретъ,
«Подвергнешься ты смерти неизбежной
«И будешь ты на-вѣкъ отсюда изгнанъ
«И обреченъ страданьямъ и скорбямъ».

Такъ возвѣстивъ Онъ заповѣдь Свою,
И рѣчь Его звучала грозной силой,
Но скоро Ликъ священный прояснился,
И молвилъ Онъ: — «Не только этотъ Рай,
«Но землю всю Я дарую тебѣ

«И твоему потомству. Обладайте
«Всѣмъ, что живетъ на сушѣ и въ водѣ,
«И въ воздухѣ: пернатыми, звѣрями
«И птицами, которыхъ Я призвалъ,
«Дабы имъ далъ ты наименованья»

Тогда ко мнѣ приблизились попарно
Созданія всѣ: колѣна преклоняли
Животныя, и складывали крылья,
Къ моимъ ногамъ слетѣвъ покорно, птицы.
И тутъ-же, ихъ природу прозрѣвая
И самъ тому дивясь, я давалъ
Прозванья имъ. Но не было межъ ними
Созданія разумнаго, какового,
Казалось, не доставало мнѣ.
И молвилъ я Небесному Владыкѣ:
— «Какъ назову Тебя, Творецъ вселенной?
«Превыше Ты созданій всѣхъ на свѣтѣ
«И всѣхъ именъ! Какъ можетъ поклоненье
«Тебѣ воздать достойно человекъ,
«Осыпанный щедротами Твоими?
«Но близъ себя не вижу я созданья,
«Которое могло-бъ ихъ раздѣлить,
«А счастье доступно-ли тому,
«Кто одинокъ?» — Такъ молвилъ дерзновенно
Я Дивному Видѣнью. Просвѣтлѣвъ
Небесною улыбкою, Оно
Сказало мнѣ: — «Ужель ты одинокъ?
«Но все вокругъ живыми существами
«Населено. Ты можешь забавляться
«Ихъ играми, ихъ призывать къ себѣ».

Такъ говорилъ Небесный Властелинъ,
И вновь къ Нему съ мольбой я обратился:
— «Молю Тебя, моей смиренной рѣчью
«Не оскорбись, будь милостивъ ко мнѣ,
«Создатель мой! Меня возвысилъ Ты
«Надъ тварями; какое-же возможно
«Сближеніе тамъ, гдѣ мѣста нѣтъ равенству?
«Не можетъ звѣрь быть другомъ человеку.
«Къ общенію съ разумнымъ существомъ,
«Которое подобно мнѣ, стремлюсь я.
«Со львицей льва Ты мудро сочеталъ;
«Сближенія искать не могутъ птицы
«Съ животными и рыбами: такъ какъ-же
«Желать его возможно человеку?»

Не гнѣваясь, отвѣтилъ Всемогуцій:
— «Ты счастья возвышеннаго ищешь
«И чистаго среди тебѣ подобныхъ
«И пребывать не хочешь одинокимъ,
«Но что тогда ты мыслишь обо Мнѣ?
«Считаешь-ли Мое блаженство полнымъ?
«Я въ вѣчности — Одинъ, и никого
«Подобнаго и равнаго Себѣ
«Я не найду. Бесѣдовать могу
«Лишь съ гѣми Я, кто Мною сотворенъ».

Отвѣтилъ я: — «Всевышній! Невозможно
«Постигнуть мнѣ моей земной мыслью
«Всю глубину Твоихъ предначертаній.
«Являешься Ты высшимъ совершенствомъ,
«Но человекъ лишь можетъ постепенно
«Приблизиться къ нему хотя отчасти.
«Въ сообществѣ себѣ подобныхъ ищеть
«Опоры онъ и помощи себѣ».

«Вселенную въ Себѣ Ты заключаешь.
«И нѣтъ Тебѣ начала и конца,
«Но человекъ обязанъ размножаться,
«И потому стремится онъ къ любви
«И нѣжно у сердечному союзу.
«Божественною тайной окружень,
«И въ сообществѣ не можешь Ты нуждаться,
«Но, если-бы Тебѣ угодно было,
«Созданіе Свое Ты до Себя
«Поднять-бы могъ, божественныя свойства
«Придавъ ему,—межъ тѣмъ какъ не могу
«Возвысить я животныхъ безсловесныхъ
«И радостно искать общенія съ ними».

Такъ говорить осмѣлился я съ Богомъ,
И голосомъ божественнымъ отвѣтилъ
Онъ съ милостью великою на это:
— «До сей поры угодно было Мнѣ
«Тебя, Адамъ, подвергнуть испытанью.
«И вижу Я, что разумомъ постигъ
«Ты не однихъ животныхъ съ ихъ природой,
«Но, вмѣстѣ съ тѣмъ, и самого себя.
«Въ рѣчахъ своихъ ты выражаешь ясно
«Свободный духъ, которымъ одаренъ,
«И образъ Мой, котораго лишилъ Я
«Животныхъ безсловесныхъ. Отвергая
«Общеніе подобное—ты правъ.
«Но, прежде чѣмъ ты этого коснулся,
«Мнѣ вѣдомо, Адамъ, что человекъ
«Быть не добро на свѣтѣ одному.
«Увѣренъ будь: полюбится тебѣ
«То существо, которое къ союзу
«Съ тобою Я заранѣе предназначилъ.
«Въ немъ ты найдешь свой образъ и опору
«Оно твоею будетъ половиной,
«Какъ этого ты сердцемъ пожелалъ».

Умолкъ Господь, иль пересталъ я слышать
Его слова. Земное существо,
Поражено величіемъ небеснымъ,
Утратило способность понимать.
И силы всѣ такъ долго напрягать я
Въ божественной бесѣдѣ, что теперь,
Какъ будто-бы внезапно ослѣпленъ,
На землю палъ въ изнеможенъіи полномъ,
И тихій сонъ природа ниспослала
На помощь мнѣ. Смежилися зѣницы,
Но взоръ души открытымъ оставался;
Я былъ въ восторгъ священный погруженъ:
Хотя я спалъ—казалось мнѣ, что вижу
Передъ собой то мѣсто, гдѣ лежу,
И Образъ Тотъ, который мнѣ явился.
Склонился Онъ неслышно падо мною,
И, лѣвый бокъ отверзши, изъ него
Залитое сердечной кровью вынулъ
Одно ребро. Была глубокой рана,
Но плотью въ мигъ наполнилась она.

Межъ тѣмъ, ребру Всевышняго персты
Жены прекрасной форму придавали,
И, творческой десницей создана,
Явилась она столь совершенной,
Что красота, разлитая въ природѣ,
Казалось, померкла передъ ней
Иль въ ней одной сливалась: въ чертахъ,
Въ очахъ ея, которая рождала

Въ душѣ моей неизъяснимое счастье.
Съ собою внесла она въ природу всю
Восторгъ любви и страсти дуновенья.
Но вдругъ она исчезла,—и во мракѣ
Остался я. Проснувшись, я рѣшилъ
Найти ее иль счастья утрату
Оплакивать, на-вѣки отрѣшася
Отъ радостей другихъ и наслажденій.

Въ отчаянье отъ поисковъ придя,
Я, наконецъ, вблизи ее увидѣлъ—
Такою-же, какъ видѣлъ я во снѣ.
Въ очахъ ея свѣтились Небеса,
И прелестью дышали всѣ движенія.
Охваченный восторгомъ, я воскликнулъ:
— «Хвала Творцу! Прекрасный даръ Его
«Воистину превыше всѣхъ даровъ.
«Кость отъ костей моихъ и плоть отъ плоти,
«Въ ней самого себя я созерцаю.
«Женой она отнынѣ назовется;
«Да будетъ Мужъ на-вѣки связанъ съ ней:
«Онъ и она, порвавъ другія узы,
«Одной душой, одной да станутъ плотью!»

Слова мои услышала она,
Но дѣвственность, врожденная стыдливость,
Въ ней съ силою такой заговорили,
Что кинулась бѣжать она. За нею
Послѣдовавъ, я силой убѣжденія
Склонилъ ее довериться любви.
Краснѣющей, какъ алая заря,
Я ввелъ ее въ супружескую кушчу,
И вся земля—зефировъ дуновеньемъ
И пѣсней птицъ, и дивнымъ ароматомъ
Цвѣтовъ своихъ тотъ часъ благословила.

Теперь тебѣ извѣстенъ мой удѣлъ;
Въ любви нашелъ я высшее блаженство,
Которое собою превосходитъ
Другія всѣ земныя наслажденія.
Иное здѣсь испытывая чувство,
Съ восторгомъ я гляжу и прикасаюсь.
Впервые страсть узналъ я и тревогу:
Я слабъ душой предъ властью красоты.
И было-ль то ошибкою природы,
Что устоять предъ силой этихъ чаръ
Я не могъ, иль женщина красою
Надѣлена въ излишествѣ была,
Не будучи въ такомъ же совершенствѣ
Одарена и разумомъ? Я знаю,
Что, красотой меня превосходя,
Она умомъ и свойствами души
Не можетъ быть мнѣ равною: слабѣе
Въ ней Божіе подобье отразилось.
И все жъ, когда я приближаюсь къ ней,
Мнѣ кажется она столь совершенной,
А всѣ ея поступки и слова
Столь мудрыми, прекрасными,—что разумъ
И знаніе склоняются предъ ней.
Величіе души и благородство
Всѣй свойственны къ тому-же, и опи,
Какъ ангельская стража, окружаютъ
Почтеніемъ ее благоговѣйнымъ.

И, омрачася, сказалъ Адаму ангель:
— Природою исполненъ долгъ ея,

Исполни свой и мудрости внимай,
 Не придавай излишняго значеня
 Тому, что самъ не можешь находить
 Возвышеннымъ. Ты вѣшностью плѣнеиъ,
 Достойною любви, — не подчиненя.
 Достоинство свое обереги,
 И пусть жена главу въ тебѣ признаетъ,
 Предъ правственнымъ склоняясь превосходствомъ,
 Которое важнѣе красоты,
 Дарованной затѣмъ, чтобъ возбуждать
 Любовь твою. Съ любовью нераздѣльно
 Въ душѣ твоей живетъ и уваженъе,
 Дабы любить съ достоинствомъ ты могъ.
 Но, если ты плотскія наслажденья
 Всѣмъ радостямъ земнымъ предпочитаешь, —
 Подумай лишь: они доступны также
 Животнымъ всѣмъ и твари безсловесной.
 Все лучшее въ женѣ своей любви:
 Душевные достоинства и разумъ;
 Въ любви ищи высокихъ впечатлѣннй
 И радостей, которыхъ въ страсти нѣтъ,
 И лѣстницею она тебѣ послужитъ,
 Ведущею къ святой любви небесной.
 Но въ чувственныхъ грубѣйшихъ наслажденьяхъ
 Не погрязай чрезмѣрно; не для нихъ
 Разумная дана тебѣ подруга.

И отвѣчалъ въ смущеннн Адамъ:
 — Не красотой одною я плѣняюсь
 И чувственнымъ желаннемъ охваченъ
 (Которое во мнѣ сопряжено
 Съ таинственно-благоговѣйнымъ чувствомъ),
 Плѣняюсь я той прелестью и лаской,
 Что говорятъ о тѣсномъ единеннѣ
 Сердцеъ и душъ, гармоннн святой,
 Отраднѣйшей, чѣмъ сладостные звуки.
 Но я — не рабъ любви моей глубокой,
 Мой духъ инымъ доступенъ впечатлѣннямъ,
 Мышленнн свободу сохранилъ я.
 Но ты любви и самъ не осуждаешь,
 Зовя ее путемъ, ведущимъ къ Небу.
 Тебѣ вопросъ дерзну я предложить:
 Доступна-ли она небеснымъ духамъ,
 И какъ они то чувство выражаютъ?

Зардѣвшнйся румянцемъ розъ небесныхъ,
 Съ улыбкою ему отвѣтилъ ангелъ:
 — Знай, безъ любви — немислимо блаженство.
 То счастье, которое тѣлесно
 Вкушаешь ты, испытываемъ также,
 Но въ степени высокой, мы духовно.
 Какъ воздуха прозрачнаго струи,
 Не связаны земною оболочкой,
 Сливаются въ объятяхъ чистыхъ души.
 Но болѣе сказать я не могу:
 За островомъ зеленымъ Геспериды
 Скрывается свѣтло дня, и долженъ
 Проститься я немедленно съ тобою.
 Будь твердъ, люби и въ счастии живи,
 Но болѣе всего ты возлюби
 Создателя, храни повиновение
 И берегись, чтобъ страсть не помрачила
 Разсудокъ твой, надъ волей торжествуя!
 Въ рукахъ твоихъ — судьба твоихъ потомковъ
 И собственное счастье иль несчастье.
 Ты твердостью порадуешь своей
 Меня и всѣхъ блаженныхъ духовъ сонмы.
 Лишь отъ тебя зависитъ устоять
 Иль впасть во грѣхъ. Не жди извнѣ опоры
 И отгоняй соблазны искушеннн.

Промолвивъ такъ, Архангелъ поднялся,
 Напутствуемъ благословеннн словомъ:
 — Небесный гость, когда настало время
 Разстаться намъ, гряди отсюда съ миромъ
 Къ пославшему тебя Царю Небесъ,
 Которому смиренно поклоняюсь!
 Всю жизнь мою я буду вспоминать,
 Какъ снизошелъ ко мнѣ ты, благодатный.
 Не оставляй-же милостью своею
 Ты родъ людской и посѣти меня!

И такъ они разстались. Изъ чаши
 На Небеса вознесся Рафаилъ,
 И медленно Адамъ вернулся въ кущу.

КОНЕЦЪ ВОСЬМОЙ КНИГИ.

КНИГА 9-я.

Дьяволъ, облетѣвъ землю, со злыми замыслами возвращается въ Рай подъ видомъ тумана и, встрѣтивъ спящаго змѣя, вселяется въ него. Рано утромъ Адамъ и Ева выходятъ на свои обычныя занятія, которыя, по предложенію Евы, рѣшено было производить каждому изъ нихъ отдѣльно въ разныхъ концахъ Райа. Ввиду большой опасности отъ ихъ лукаваго врага, Адамъ сперва не соглашается съ этимъ планомъ: онъ боится, что дьяволъ воспользуется слабостью Евы, лишенной опоры со стороны мужа, и склонить ее ко грѣху. Оскорбленная подозрѣніями мужа Ева настаиваетъ на своемъ, чтобы доказать Адаму противное, и Адамъ соглашается. Дьяволъ подъ видомъ змѣя подползаетъ къ Евѣ и въ самыхъ льстивыхъ выраженіяхъ восхищается ея красотой. Удивленная тѣмъ, что змѣя говоритъ по-человѣчески. Ева спрашиваетъ его, какимъ образомъ онъ получилъ способность мыслить и говорить? Дьяволъ отвѣчаетъ, что онъ получилъ способность, вкусивъ плодъ отъ одного изъ растущихъ въ Райю деревъ. Ева проситъ указать ей это дерево и скоро узнаетъ, что это и есть то самое «древо познанія добра и зла», плоды котораго вкушать запретилъ имъ Самъ Создатель. Дьяволъ, путемъ живыхъ доводовъ, склоняетъ Еву вкусить отъ плода, и та, въ восторгѣ отъ его вкуса, не знаетъ, сообщать-ли, или нѣтъ Адаму о своемъ грѣхѣ. Наконецъ, она срываетъ одинъ изъ плодовъ, несетъ его мужу и объясняетъ ему, какимъ образомъ она преступила заповѣдь Божию. Адамъ, пораженный этимъ событіемъ, въ порывѣ страсти, слѣдуетъ ея примѣру, рѣшался погнѣбнуть вмѣстѣ. По вкушеніи плода и Адамъ, и Ева прежде всего заботятся о прикрытіи своей наготы, ссорятся между собою и сваливаютъ вину другъ на друга.

Тѣ времена на-вѣки миновали,
 Когда Господь и ангелы Его
 Являлися гостями человѣка
 И, скромную трапезу съ нимъ дѣля,
 Ръчамъ его внимали благосклонно.
 На грустный ладъ настраиваю лиру!
 Приходится повѣдать мнѣ о клятвѣ
 Нарушенной, о дерзкомъ ослушаньѣ,
 О гибельномъ преступкѣ человѣка
 И праведномъ возмездіи Небесъ
 Разгнѣванныхъ, повергшемъ родъ людской
 Въ юдоль скорбей, гдѣ Грѣхъ царитъ со Смертью
 И злой недугъ — ся предвѣстникъ близкій.

Возвышенно-печальная задача,
 Труднѣйшая, чѣмъ описанье гнѣва
 Ахиллова, когда врага онъ трижды
 Преслѣдовалъ вокругъ троянскихъ стѣнъ,
 Иль ярости обманутаго Турна ⁸⁶⁾,
 Иль, наконецъ, Юноной вражды ⁸⁷⁾,
 Столь пагубной для грековъ, съ Купидономъ.
 Но, какъ предметъ подобный ни возвышенъ —
 Надѣюсь я воспѣть его достойно,
 Божественною музой вдохновленъ,
 Которая во снѣ сюда нисходитъ
 И легкій мнѣ нашептываетъ стихъ.

Свѣтило дня давно ужъ закатилось,
 А вслѣдъ за нимъ и Геспера звѣзда,
 Посредница межъ сумракомъ и свѣтомъ,
 И ночь покровъ надъ міромъ распростерла,
 Когда, изъ Райа изгнанъ Гаврииломъ,
 Туда опять вернулся Сатана.
 Онъ презиралъ Божественную кару,

Которая могла его постигнуть,
 Но избѣгалъ сіянья дня съ тѣхъ поръ,
 Какъ Уринлъ, правитель свѣтлый Солнца,
 Открылъ его и стражѣ указалъ.
 Во мракѣ онъ носился семь ночей
 И, наконецъ, дорогой потасной
 Вернулся въ Рай. Существовало мѣсто,
 Гдѣ, у подножья Райа, низвергался
 Въ пучину Тигръ, и подъ землей на время
 Онъ исчезалъ; оттуда поднимаюсь,
 Онъ билъ ключемъ вблизи отъ Древа Жизни.
 И Сатана, низвергнувшись съ рѣкою,
 Изъ-подъ земли выходитъ вмѣстѣ съ ней,
 Окутанный тумана пеленою.
 Потомъ себѣ убѣжища онъ ищетъ
 И къ Понту ⁸⁸⁾ онъ стремится изъ Эдема
 Къ тѣмъ берегамъ, гдѣ протекаетъ Обь;
 Оттуда онъ спускается на югъ
 До полюса; проносится на западъ
 Съ востока онъ, отъ береговъ Оронта ⁸⁹⁾
 До береговъ пустынныхъ океана
 И той страны, гдѣ протекаетъ Гангъ.

Внимательно всѣхъ тварей изучивъ
 И убѣдясь, что хитростью коварной
 Никто изъ нихъ со змѣемъ не сравнится,
 Рѣшилъ онъ подъ оболочкой змѣя
 Преступныя намѣренья укрывать,
 Но, дерзкое рѣшеніе принявъ,
 Съ глубокою тоскою восклицаетъ:
 — Ты, Небесамъ подобная Земля,
 Едва-ли ихъ красой не превосходишь!
 Достойное жилище Божества,
 Ты создана позднѣй и совершеннѣй,

Вокругъ тебя вращаются свѣтила
 И на тебя сіянье изливаютьъ.
 Какъ въ небесахъ ихъ средоточье — Богъ,
 Ты всѣхъ міровъ явилась средоточьемъ
 И лучшую съ нихъ получаешь дань.
 Съ какимъ-бы я восторгомъ пробѣгалъ
 Громадныя пространства и съ какой-бы
 Я радостью великой созерцалъ —
 Когда-бы мнѣ была доступна радость. —
 Холмовъ, долинъ, лѣсовъ разнообразье!
 Нигдѣ, нигдѣ себѣ не нахожу я.
 Убѣжища! Чѣмъ радости все
 Вокругъ меня, тѣмъ больше я страдаю
 Отъ грознаго съ самимъ собою разлада.
 Прекрасное становится отравой,
 Но въ небесахъ мнѣ было-бъ тяжелѣй:
 И здѣсь, и тамъ лишь полнымъ властелиномъ
 Я быть могу. Ищу не облегченья
 Въ страданіяхъ, — страданію обречь
 Хочу другихъ, хотя-бы мнѣ пришлось
 Нести за то сугубое возмездье.
 Въ одномъ лишь безпощадномъ разрушеніи
 Я нахожу отраду для себя.
 И, если мнѣ того стугубитъ удасться,
 Кто надо всѣмъ владычеству тѣ здѣсь, —
 Все вмѣстѣ съ нимъ погибнетъ безвозвратно.
 Итакъ, пускай царитъ повсюду гибель
 И властвуетъ въ природѣ разрушеніе!
 Вся адская уничтоженія слава
 Принадлежать всецѣло будетъ мнѣ:
 Въ одинъ лишь день сотру до основанья
 И сглажу все, что создано Всевышнимъ
 Въ теченіе шести великихъ дней.
 Кто вѣдастъ, не въ ту-ли ночь, когда
 Небесныхъ силъ едва-ль не половину
 Освободилъ отъ рабства я предъ Нимъ,
 Задумалъ Онъ вознаградить утрату?
 Изъякла-ли въ Немъ творческая сила,
 Иль жаждалъ Онъ большѣй унижить насъ,
 Но сотворилъ, взявъ безплотныхъ духовъ,
 Онъ взятыя изъ праха существа,
 Безмѣрно ихъ надъ нами возвеличивъ
 И одаривъ небесными дарами,
 Которые похищены у насъ.
 Онъ сотворилъ изъ персти человѣка,
 Нарекъ его властителемъ земли
 И пламенныхъ небесныхъ херувимовъ
 Назначилъ Онъ — какое униженіе! —
 Быть слугами и стражей человѣку!
 И, вотъ, страшась ихъ взоровъ неусыпныхъ,
 Скрываюсь я въ пустыни и во тѣмнѣ
 И подъ кустомъ отыскиваю змѣя,
 Дабы себя и умыслы свои
 Укрыть въ его безчисленныхъ изгибахъ.
 Какой позоръ! Боровшійся съ богами
 За первенство, теперь, подобно гаду,
 Обязанъ я во прахѣ пресмыкаться;
 Но, мщенія достигнуть кто желаетъ
 И высоты могущества — тому
 Приходится мириться съ униженіемъ.
 Да будетъ такъ! На все рѣшаюсь я,
 Лишь только-бы ударъ направить вѣрно,
 И, если высшей цѣли не достигъ —
 Пусть поразитъ, по крайней мѣрѣ, онъ
 Того, кто мнѣ столь ненавистенъ нынѣ, —
 Ибранника Небесъ, то существо,

Что создано Творцомъ въ минуту гнѣва
 На вѣчный стыдъ и поруганье намъ
 И ненависть да будетъ воздаяньемъ
 За ненависть!

Такъ молвитъ Сатана;

Онъ стелется туманомъ по землѣ,
 Среди лѣсовъ отыскивая змѣя,
 И, наконецъ, его находитъ спящимъ,
 Све нувшимся въ безчисленныхъ кольцахъ.
 Виднѣлася межъ ними голова,
 Гдѣ съ хитростью таилось лукавство,
 Но, будучи пока еще невиннымъ,
 Го тѣмъ пещеръ не укрывался змѣя,
 И видъ его не возбуждалъ оязни.
 И Сатана вселяется въ него;
 Господствуя въ мозгу его и сердца,
 Инстинктами его овладѣваетъ
 И разумомъ онъ надѣляетъ змѣя,
 Но, сонъ его спокойный не нарушивъ,
 Укрытый въ немъ, лучей разсвѣта ждетъ.

Забрезжилъ день, и влажные цвѣты
 Онъ озарилъ своимъ священнымъ свѣтомъ.
 Отъ алтарей природы возносились
 Безмолвныя хвалы къ престолу Божью;
 Имъ вторили словесною молитвой
 Возставшіе отъ сна Адамъ и Ева
 И, помолясь, совѣтоваться стали,
 Какъ раздѣлить въ саду свою работу,
 Съ которою справляться становилось
 Имъ тяжело. И Ева говоритъ:
 — Безплодную работа будетъ наша,
 Пока одни трудиться мы должны.
 Все лишнее, что срѣзаетъ успѣваемъ
 Въ теченіе дня, все это, въ ночь одну
 Разросшися, является какъ прежде.
 Дай мнѣ совѣтъ иль выслушай меня:
 Раздѣлимся; иди одинъ туда,
 Гдѣ болѣе всего пужна забота,
 Направь плюща зеленого побѣги,
 Окутавшаго вѣтви, а себѣ,
 Межъ тѣмъ, найду работу до полудня
 Въ долинѣ я, гдѣ розы расцвѣли.
 Когда весь день не расстаемся мы,
 Улыбкою, бесѣдою и взглядомъ
 Урочный трудъ мы часто прерываемъ.

И съ нѣжностью отвѣтилъ ей Адамъ:
 — Единая любимая подруга,
 Я нахожу похвальнымъ это рвеніе,
 Но самъ Господь не воспрещаетъ намъ
 Для отдыха мгновенья удѣлять,
 И пищу мы вкушаемъ на свободѣ.
 Обмѣнъ рѣчей есть пища для ума,
 Улыбка-же — любви нѣжнѣйшей пища,
 А потому животнымъ неизвестна.
 Не для труда тяжелаго Творцомъ
 Мы созданы, а также для блаженства;
 И вмѣстѣ намъ удасться огранить
 Расцвѣтъ и цвѣты отъ одичанья.
 Но, если ты побыть одна желаешь,
 Согласенъ я на краткую разлуку.
 И слаще намъ покажется свиданье, —
 Лишь одного боюсь я для тебя:
 Ты вѣдаешь, опасностью грозитъ
 Лукавый врагъ, завидующій намъ;

Такъ масса водъ, катившихъ валъ за валомъ,
То бѣшено съ обрывовъ низвергалась,

То широко разлившись по долинамъ,
Межъ горъ и скалъ прокладываетъ путь. (Стр. 78.)

По близости тайтся онъ, въ надеждѣ
Удобную минуту уловить,
Когда съ тобой меня застанетъ порознь,
Чтобъ тѣмъ вѣрнѣй опутать насъ сѣтями.
А цѣль его — отъ Бога насъ отторгнуть
И вѣрности супружеской, которой
Завидуетъ онъ болѣе всего.
Когда женѣ опасность угрожаетъ
Съ безчестіемъ — остаться возлѣ мужа
Ей надлежитъ: онъ защититъ ее
Иль вмѣстѣ съ ней судьбу ея раздѣлитъ.

И, въ чистотѣ своей оскорблена,
Но, вмѣстѣ съ тѣмъ, исполнена любви,
Съ достоинствомъ такъ возражаетъ Ева:
— О, сынъ Небесъ и властелинъ Земли!
Извѣстно мнѣ врага существованье,
Но потому, что существуетъ онъ,
Ужели ты способенъ усомниться
Въ любви моей и вѣрности Творцу
И моему супружескому долгу?
Насилія намъ не должно бояться,
Подвергнуться не можемъ ни страданью,
Ни смерти мы. Ужели ты страшишься,
Что съ помощью обмана врагъ сумѣетъ
Поколебать любовь мою и вѣрность?
Но какъ-же ты могъ усомниться въ той,
Которая такъ дорога тебѣ?

И молвить онъ, спѣша ее утѣшить:
— Дщерь Господа, возлюбленная Ева,
Невинное, безсмертное созданье!
Совѣтую тебѣ не удаляться
Не потому, что нѣтъ во мнѣ довѣрья,
Но для того, чтобъ самую возможность
Замышленной попытки устранить.
Безчестья тѣбѣ на каждомъ остается,
Кто гнусному соблазну подвергался
И ты сама-бъ пришла въ негодованье
При первой-же попыткѣ оскорбленья.
Вотъ почему страшусь разлуки я.
Какъ дерзкій врагъ ни смѣлъ и ни отважился,
На насъ двоихъ напасть онъ не рѣшится
Иль нападетъ на одного меня
Не относись къ тому съ пренебреженіемъ,
Кто ангеловъ сумѣлъ ввести въ соблазнъ,
Не отстраняй и помощи моей:
Я при тебѣ мудрѣе становлюсь
И бдительнѣй, сильнѣй душой и тѣломъ.
И при одной лишь мысли, что могу
Въ глазахъ твоихъ явиться побѣжденнымъ,
Отвагою преисполняюсь я
И становлюсь тогда непобѣдимымъ.
И, въ свой чередъ, зачѣмъ-же испытанью
Не хочешь ты подвергнуться при мнѣ?

Такъ, ласковой заботою исполненъ,
Онъ говорилъ, но, думая, что въ немъ
Сомнѣнія таятся, возражаетъ
Жена ему: — Когда въ пространствѣ тѣсномъ,
Подъ вѣчною угрозою несчастья
Намъ суждено отнынѣ жить съ тобой,
Возможно-ли, чтобъ счастливы мы были?
Но, если врагъ рѣшится на соблазнъ,
Онъ посрамитъ не нашу добродѣтель,
А лишь себя, и мы, избороть,

Пріобрѣтемъ побѣдою надъ нимъ
Спокойствіе и милость Провидѣнья.
И что такое вѣрность и любовь,
Не знавшія борьбы и испытаній?
Вѣдь, если такъ несовершенно счастье —
И самый Рай для насъ не будетъ Раямъ.

Съ горячностью Адамъ отвѣтилъ Евѣ:
— О, женщина! Все въ мірѣ совершенно,
Прекрасно все, что создано Творцомъ.
И чловѣкъ — тѣмъ болѣе. Опасность
Заклучена въ самомъ-же чловѣкѣ,
Но, волею свободной одаренъ
И разумомъ избѣгнуть зла онъ можетъ.
Такъ будемъ-же остерегать другъ друга;
Къ чему искать соблазна добровольно?
Онъ самъ придетъ, когда настанетъ часъ.
И, прежде чѣмъ свою докажешь твердость,
Ты докажи свое повиновенье.
Но, если ты увѣрена въ себѣ, —
Иди, зови на помощь добродѣтель,
Всевышнимъ долгъ исполненъ предъ тобою,
Исполни свой!

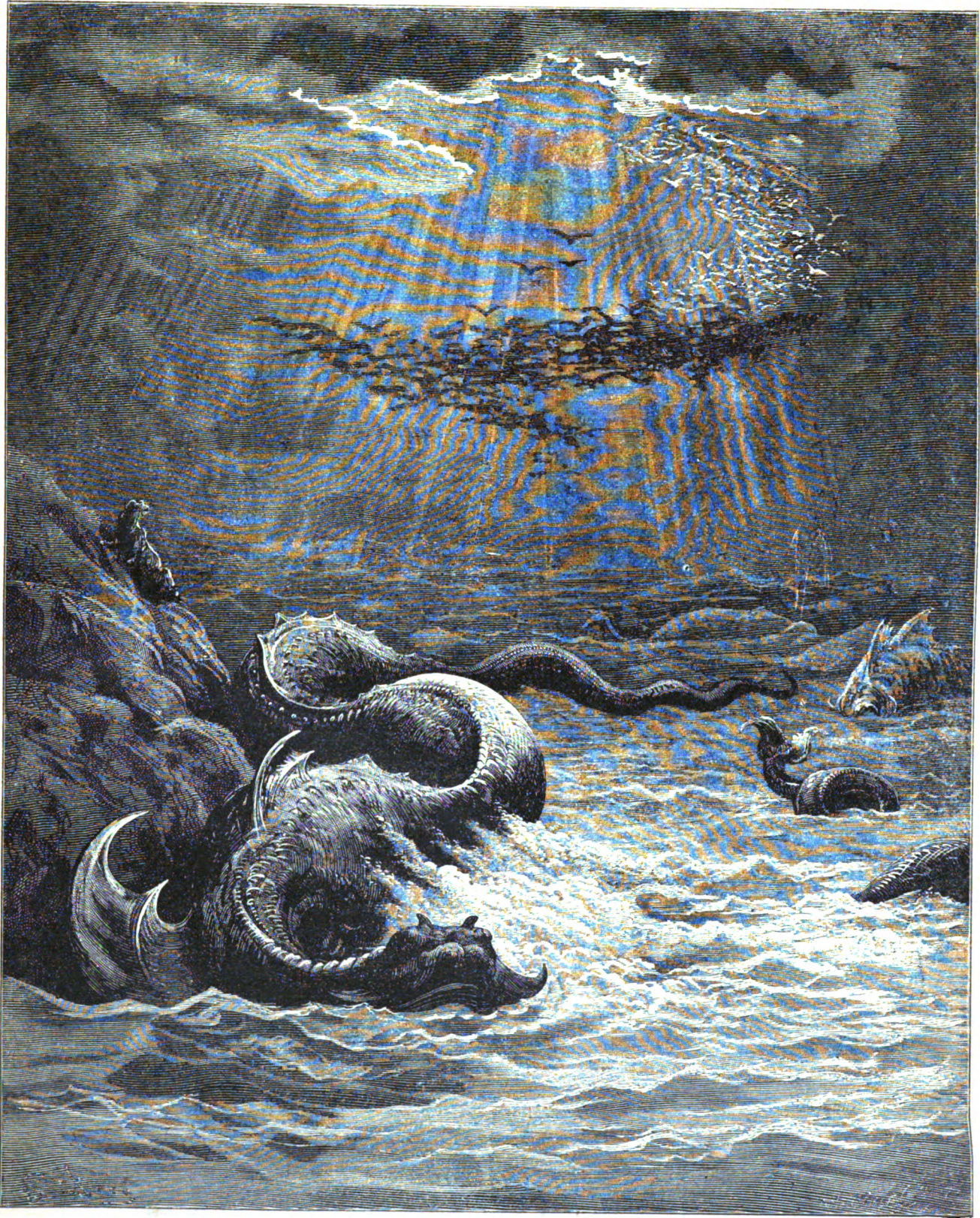
Такъ молвилъ прародитель.

И ласково настаивала Ева:
— Итакъ, идти ты дозволяешь мнѣ?
Не думаю, что на меня одну,
Которую считаетъ онъ слабѣйшей,
Надменный врагъ рѣшился бы напасть;
Но, если-бъ онъ осмѣлился на это,
Тѣмъ болѣе онъ будетъ посрамленъ.

Такъ говоря, освобождаетъ руку
Она изъ рукъ супруга своего
И съ легкостью дриады или нимфы,
Которыя сопутствуютъ Діанѣ⁹⁰⁾,
Спѣшитъ уйти. Хотя въ рукахъ у ней
Не дивный лукъ съ колчаномъ золотымъ,
Но скромныя орудья садоводства,
Что сдѣланы безъ помощи огня,
Она своимъ величьемъ и красою
Делосскую богиню затмеваетъ.
Подобная Паллѣ⁹¹⁾ иль Помонѣ,
Идетъ она, и провожаетъ долго
Ее Адамъ восторженно очами,
Прося ее скорѣе возвратиться.
Она даетъ супругу обѣщанье
Въ полдневный часъ вернуться и къ трапезѣ
И отдыху все приготовить въ кущѣ

Несчастливая! Какъ обманулась ты!
Свершилося несслыханное дѣло,
И съ той поры нѣтъ больше для тебя
Ни отдыха, ни сладкихъ яствъ Эдема!
Среди цвѣтовъ таятся западни,
И адскою враждой обречена ты,
Лишенная невинности, блаженства
И вѣрности, тяжелому изгнанью.

Съ зарею дня на поиски пустился
Коварный Врагъ; вездѣ подъ видомъ змѣя
Отыскивалъ счастливую чету
Въ долинахъ онъ, у свѣтлыхъ ручейковъ,
Которые журчатъ въ тѣни деревьевъ.
И онъ желалъ, хотя не смѣлъ на это
Надѣяться, одну увидѣть Еву.

Сказалъ Господь: — Да населятся воды
Животными и рыбами, а твердь
Небесная пернатыми!..

(Стр. 80.)

И вдругъ она явилась перель нимъ,
Окутана волнами благовоній,
Скрывшая въ цвѣтахъ на половину;
Вокругъ нея цвѣли и радѣли розы,
И стебельки склонившихся цвѣтовъ,
Роскошною окраскою блиставшихъ,
Заботливо полвязывала Ева,
Не думая о томъ, что и она —
Прекраснѣйшій цвѣтокъ среди Эдема,
Нуждается въ опорѣ, а поддержка
Такъ далека, и такъ близка гроза!

Тропинками подъ сѣнью стройныхъ кедровъ
И чуднчхъ пальмъ, то явно, то скрываясь
Въ кустарникахъ, ползеть лукавый Врагъ
Въ долину той, которая прекраснѣй
Волшебнаго пріюта Адониса ⁹²⁾
И тѣхъ садовъ, гдѣ сынъ Лаэрта мудрый
Въ пути своемъ былъ гостемъ Алкиноя.

Какъ человекъ, что долго заключенъ
Былъ въ городѣ среди высокихъ стѣнъ.
Гдѣ воздухомъ дышалъ онъ зараженнымъ,
И, наконецъ, увидѣлъ предъ собой
Просторъ полей, гдѣ дышется легко, —
Такъ Сатана съ восторгомъ созерцалъ
Роскошный Рай и Евы красоту,
Казавшейся по облику похожей
На ангела, но женственнѣй и мягче.
И кротостью ея побѣждена
Была вражда у Духа Зла,
Но счастья чужого лицедрѣние
Въ груди его зажгло собою вскорѣ
То адское мучительное пламя,
Которое всегда пылало въ немъ,
И молвить онъ съ глубокою тоскою:
— Куда, мечты, вы завлекли меня?
И, сладостнымъ обманомъ очарованъ,
Ужель забыть могу я, для чего
Пришелъ сюда? Нѣтъ, не любовь съ надеждой
Вкусить опять отъ райскаго блаженства
Влекли меня, но ненависть, надежда
Разрушить все, что счастьемъ зовется,
И знать одно блаженство разрушенья.
Итакъ, должно воспользоваться мнѣ
Минутою удобною. Теперь
Остался я наединѣ съ женою;
По близости не вижу я того,
Чей гордый умъ, достоинство и сила
Внушаютъ мнѣ нисвольно опасенье.
Соперникомъ не будетъ онъ ничтожнымъ:
Пока, вѣдь, онъ еще неуязвимъ,
Межъ тѣмъ какъ я страданію подверженъ.
Такъ глубоко меня унижилъ Адъ.
Пусть женщина прекрасна и достойна
Любви боговъ — я не страшусь ея,
Исполненный вражды я приближаюсь,
Которая тѣмъ болѣе ужасна,
Что я любви личину надѣваю: —
Вѣрнѣйшій путь для гибели ея.

Такъ говоритъ неумолимый Врагъ,
Вселившійся въ невѣдомаго змѣя.
Не по землѣ постыдно пресмыкаясь
Изгибами, но, стоя на хребтѣ,
Онъ движется по направленію къ Евѣ.

Карбункуламъ подобны очи змѣя:
Влача въ травѣ сверкающія кольца,
Лоснящуюся шею выпрямляетъ
Онъ съ гордостью. Прекрасенъ видъ его,
И даже змѣи не можетъ съ нимъ равняться,
Въ котораго неожиданно превратились
Гармонія и Кадмъ ⁹³⁾. Сначала онъ
Старается обходомъ подойти,
Какъ рулевой, ладью свою ведущій
Межъ отмелей и грозныхъ буруновъ.
Предъ Евою игриво и виваясь,
Пытается напрасно онъ привлечь
Вниманье той, которой, какъ Цирцеѣ,
Животныя покорны, — и тогда
Лукавый Врагъ, приблизившись безъ зова,
Предъ ней во прахъ склоняетъ раболѣпно
Вѣнчанную главу свою и лижетъ
Онъ на землѣ слѣды отъ ногъ ея.

Привлечена его безмолвной лаской,
Глядитъ она, — и, радуясь тому,
Что онъ успѣлъ привлечь ея вниманье,
Онъ говоритъ змѣинымъ языкомъ:
— Владычица вселенной, не дивись
(Когда тебѣ доступно удивленье,
Затѣмъ, что ты одна его достойна!) —
Но болѣе всего прошу тебя:
Презрѣнія ты не являй во взорѣ
Очей твоихъ, подобныхъ Небесамъ!
Не гнѣвайся за то, что я дерзнулъ
Приблизиться къ тебѣ и ненасытно
Безъ трепета тебя я созерцаю,
Прекрасное подобіе Творца!
Все, что живетъ — покорствуешь тебѣ
И красоту твою боготворить.
Ты можешь быть владычицей вселенной,
Но здѣсь въ глуши, среди пустыни дикой,
Тебя одинъ лишь видитъ человекъ,
Межъ тѣмъ какъ ты богиней быть могла-бы
Среди боговъ, и ангельскіе сонмы
Должны тебя покорно окружать.

Такъ льстилъ женѣ лукавый Искуситель,
И рѣчь его достигла сердца Евы,
Но, голосу змѣиному дивясь,
Она ему смущенно отвѣчаетъ:
— Возможно-ли? Отъ эмѣя слышу я
Людскую рѣчь и выражена въ ней
Людская мысль? Но перваго изъ этихъ
Даровъ Творца лишенными казались
Животныя, а что-же до второго
Касается — питаю я сомнѣнье;
Въ по тупкахъ ихъ, во взорѣ, замѣчаю
Я свѣтлый умъ. Тебя считаю, Змѣй,
Мудрѣйшею изъ тварей полевыхъ,
Но до сихъ поръ не знала я, что рѣчью
Владѣешь ты. Повѣдай, какъ могло
Неслыханное чудо совершиться,
И отчего привязанъ ты ко мнѣ
Силы-же всѣхъ животныхъ остальныхъ?

Отвѣтилъ ей лукавый Искуситель:
— Владычица вселенной и царица,
Блестательная Ева, я готовъ
Велѣніямъ твоимъ повиноватся,
Которымъ все покорствуешь вокругъ.

Левіаганъ, среди морскихъ чудовищъ
Громаднѣйшій, покійся на днѣ
ІІ движущейся кажется скалою...

(Стр. 80.)

Вначалѣ я ничѣмъ не отличался
 Отъ всѣхъ звѣрей, и мысль моя была
 Такою-же приниженной и жалкой,
 Какъ пища та, которую вкушалъ я;
 О пищѣ лишь и о различьѣ пола
 Понятіе имѣлъ я, но однажды,
 Среди полей блуждая, увидаль
 Я дерево чудесное вдали,
 И дивные плоды на немъ виднѣлись,
 Струившіе волшбный ароматъ,
 Пурпурные съ отливомъ золотымъ,
 Которые сильнѣйшее желанье
 Отвѣдать ихъ внушили мнѣ собой.
 Такъ не плѣнялъ меня укропа запахъ
 И молока, когда порой вечерней
 Течетъ оно обильно изъ сосцовъ
 Овецъ и козъ. И яблоковъ чудесныхъ
 Рѣшится я отвѣдать; до вѣтвей
 Могли-бъ достать лишь вы съ Адамомъ оба,
 Такъ высоко росли онѣ вверху,
 А потому я быстро обвился
 Вкругъ ствола (подъ деревомъ столпились
 Завистливо живописныя другія)
 И, безъ труда достигнувъ середины,
 Я отъ плодовъ заманчивыхъ вкусилъ.
 И тутъ-же я чудесной перемѣной,
 Которая во мнѣ произошла,
 Былъ пораженъ: я духомъ просвѣтлѣлъ
 И съ разумомъ обрѣлъ способность рѣчи,
 Но внѣшности ни въ чемъ не измѣнясь.
 Возвышеннымъ глубокимъ размышленьямъ
 Я предаюсь душою съ той поры;
 Открыты мнѣ Земля и Небеса.
 Все высшее, прекрасное постигъ я.
 Но все, что есть прекраснаго на свѣтѣ —
 Слилось въ тебѣ, въ лучахъ твоей красоты,
 Которой нѣтъ ни равной, ни подобной.
 Твоя краса влекла меня сюда...
 Но, можешь быть, тебѣ я докучаю?
 Я здѣсь затѣмъ, чтобъ лицезрѣть тебя,
 Передъ тобою склоняясь благоговѣнно,
 Владычицей, царицею вселенной.

Такъ молвилъ Духъ змѣиными устами;
 Отвѣтила жена неосторожно:
 — Чрезмѣрною своею похвалою
 Внушасшь ты сомнѣнье въ дивной силѣ
 Того плода, котораго ты первый
 Отвѣдалъ здѣсь. Далеко-ли отсюда
 То дерево и гдѣ оно растеть?

И хитрый змѣй поспѣшно отвѣчаетъ:
 — Путь не далекъ, царица, и не труденъ,
 Оно растеть на берегу ручья,
 За рощею изъ миртъ и бальзаминовъ,
 И, если ты дозволишь, проведу я
 Тебя туда.

— Веди! — сказала Ева,
 И, кольцами своими извиваясь,
 Спѣшитъ впередъ коварный провожатель,
 Сіяющій отъ радости. Не такъ-ли,
 Предъ путникомъ блеснувъ среди тумана,
 Влечетъ его блуждающій огонь
 Въ глубокія болота и пучины?

Но, дерево увидѣвъ, говоритъ

Вожатому праматерь наша Ева:
 — Напрасно, змѣй, явились мы сюда;
 Хотя плоды растутъ здѣсь въ изобиліѣ,
 И силу ихъ я вижу на тебѣ,
 Но ихъ вкушать и прикасаться къ нимъ
 Мы не должны: такъ повелѣлъ Господь,
 И въ томъ — Его единственный запретъ.
 Во всемъ иномъ свободны мы, и разумъ —
 Единственный руководитель нашъ.

— Какъ? — возразилъ коварный Искуситель, —
 Провозгласивъ владыками надъ всѣмъ,
 Создатель вамъ въ Эдемѣ воспрещаетъ
 Вкушать плоды? — И, чуждая грѣха,
 Въ отвѣтъ ему невинно молвитъ Ева:
 — Отъ всѣхъ плодовъ дозволено вкушать
 Создателемъ, лишь эти исключая.
 Онъ повелѣлъ не прикасаться къ нимъ,
 Иначе смерть виновнаго постигнетъ.

Но, становясь отважнѣй, Искуситель
 Инымъ путемъ готовится идти:
 Прикинувшись по отношенію къ людямъ
 Исполненнымъ усердья и любви,
 Находить онъ запретъ несправедливымъ,
 Волнуется и смѣло негодуетъ.
 Такъ въ древности въ Аѳинахъ или въ Римѣ
 Ораторы въ рѣчахъ краснорѣчивыхъ
 Отстаивали благо государства.
 Взволнованный и гордо выпрямляясь,
 Онъ говорилъ восторженно женѣ:
 — Священное и мудрое растенье,
 Познанія и мудрости источникъ,
 Я чувствую могущество твое
 И разумомъ не только постигаю
 Начало всѣхъ вещей, но мнѣ открыты
 И высшія Небесъ предначертанья.
 Угрозѣ той не вѣрь, царица міра;
 Вкусивъ плода, вы оба не умрете:
 Не смерть длетъ, но знанье онъ и жизнь;
 Къ запретному плоду я прикасался,
 И смертію за это Всемогущій,
 Какъ видишь ты, не покаралъ меня.
 Открытое живоглому — возможно-ль,
 Прилично-ли скрывать отъ человѣка,
 И можетъ-ли негодовать Господь
 По поводу такой вины ничтожной?
 Скорѣе Онъ похвалитъ рвенье ваше,
 Которое и подъ угрозой смерти
 Васъ привело къ рѣшенію познать
 Добро и Зло. Добро — всего прекраснѣй,
 А если Зло на свѣтѣ существуетъ,
 То почему-жъ и не узнать его,
 Чтобъ тѣмъ вѣрнѣй его остерегаться?
 Васъ покаравъ, не можетъ правосуднымъ
 Считаться Богъ, а если правосудья
 Нѣтъ у Него, то Онъ — не Божество
 И требовать не можетъ послушанья.
 Къ чему-жъ тогда такое запрещенье?
 Затѣмъ, чтобъ вы предъ Нимъ благоговѣли,
 Въ невѣдѣннѣ оставшись на-всегда.
 Онъ вѣдаетъ: въ тотъ день, когда вкусить
 Рѣшитесь вы запретнаго плода,
 Откроются у васъ мгновенно очи.
 Вы станете подобными богамъ,
 Добро и Зло постигнувъ, какъ они;

Тѣмъ временемъ въ пещерахъ и болотахъ
Изъ яицъ вылупляются птенцы

И, оперясь, развѣтываютъ крылья,
Взвиваясь высоко къ небсамъ.

(Стр. 80.)

7

Я сдѣлался изъ змѣя человѣкомъ,
Вы изъ людей должны богами стать.
Да, естество тѣлесное свое
Вы свергнете, быть можете, и умрете,
Но для того, чтобъ въ образѣ боговъ
Воскреснуть вамъ, изъ праха возрожденнымъ.
Такая смерть желанною была-бы.
Божественную пищу раздѣливъ,
Сравниется съ богами человѣкъ;
Они царятъ лишь въ силу первородства,
Внушая мысль, что ими создана
Вселенная. Я сомнѣваюсь въ этомъ:
Въ бездѣйствіи находятся они,
Межъ тѣмъ, земля творить, не уставая.
И, если все — творенье ихъ, — познать
Добра и Зла, кто въ дерево вложилъ?
И отъ чего, плодовъ его отвѣдавъ,
Становится безъ дозволенья ихъ
Мудрѣ тотъ, кто знанія искалъ?
Чѣмъ Господу познать не угодно?
И, если все зависитъ отъ Него —
Что дерево повѣдать можете вамъ
Противнаго Его высокой воли?
Не зависть-ли причиною запрета?
Но зависти возможно-ль обитать
Въ сердцахъ боговъ? Доказываетъ все,
Насколько вамъ вкусить необходимо
Прекраснаго плода. Итакъ, сорви,
Вкушай его, богиня, безъ боязни!

Окончилъ онъ. Коварныя слова
Отравой проникли въ сердце Евы,
И пристально глядитъ она на плодъ;
Ей слышатся рѣчей умолкшихъ звуки
И мнится ей: глубокимъ убѣжденьемъ
И разумомъ исполнены они.
Приблизился, межъ тѣмъ, полдневный часъ,
А вмѣстѣ съ нимъ проснулся въ ней и голодъ,
И ароматъ чудеснаго плода
Его еще сильнѣе обостряетъ.
Противиться она не въ силахъ дольше;
Однако-же, въ послѣднее мгновенье
Ее беретъ раздумье, и она,
Остановясь, такъ говоритъ себѣ:
— Чудеснѣйшій среди плодовъ земныхъ!
Великою ты силой одаренъ
И можно-ли тебѣ не удивляться!
Даруешь ты нѣмому языку
Чарующую силу краснорѣчья,
И даже Тотъ, Кто наложилъ запретъ
Вкушать тебя, не скрылъ, какою силой
Ты одаренъ, назвавъ тебя плодомъ
Познанія Добра и Зла. Но цѣну
Твою запретъ лишь только возвышаетъ.
Вѣдь, знаніе есть благо; почему-же
Нельзя и намъ воспользоваться благомъ
И мудрости достигнуть чрезъ него?
Но, если смерть на насъ наложить цѣпи,
Къ чему тогда свободный разумъ намъ?
Вкусивъ плода, подвергнемся мы смерти, —
Таковъ Творца суровый приговоръ.
Однако, змѣя, отвѣдавшій его
Не только живъ, но мыслить. Неужели
Придумана для насъ угроза смерти,
И намъ однимъ воспрещено познать,
Которое дозволено животнымъ?

И этотъ змѣя, его вкусившій первымъ,
Довѣрчиво спѣшитъ дѣлиться съ нами
Доставшимся ему на долю благомъ.
Онъ — другъ людей, не знающей обмана
И хитрости. Чего-жъ я опасуюсь
Въ невѣднѣ моемъ? Творца или смерти
Страшуся я, закона или кары?
Здѣсь я найду рѣшенье всѣхъ сомнѣній.
Небесный плодъ, и зрѣніе, и вкусъ
Плѣняющій, даетъ собою мудрость.
И что-же мнѣ мѣшаетъ, наконецъ,
Вкусить его и съ голодомъ тѣлеснымъ
И мой духовный голодъ утолить?

Промолвивъ такъ, рукою безразсудной
Въ недоброй часть она срываетъ плодъ
И отъ него вкушаетъ. Содрогнулась
Какъ-будто-бы отъ боли мать-Земля;
Потрясена до самыхъ основаній,
Глубокой вздохъ Природа испустила.
Виновный змѣя поспѣшно скрылся въ чащѣ,
Но, ничего вокругъ себя не видя,
Вся наслажденью Ева предалась.
Казалось ей, что время недалеко,
Когда она въ богиню превратится,
И съ жадностью она вкушаетъ плодъ,
Не вѣдая, что смерть она вкушаетъ.
Насытившись, упоена восторгомъ
И торжествомъ воскликнула она:
— Хвала тебѣ, деревьевъ райскихъ цвѣты!
Ты силою своей благословенной
Даруешь намъ божественную мудрость,
Какъ долго ты въ презрѣннѣ обрѣтался!
Отнынѣ-же, питаема тобою,
Я въ мудрости созрѣю и сравнюсь
Съ богами я, которымъ все открыто.

Поступокъ мой останется-ли тайной?
Вѣдь, небеса отъ насъ удалены,
И съ высоты Законодатель міра,
Заборами иными поглощенный,
Увидитъ-ли, что происходитъ здѣсь?
Но какъ теперь явится мнѣ къ Адаму?
Открыться-ли ему и раздѣлить
Блаженство съ нимъ, или лучше нераздѣльно
Владѣть одной сокровищемъ познания?
Еще сильнѣй меня полюбить онъ,
Когда ему я сдѣлаюся равной,
А, можетъ быть, — и вышею. Но, если
Господь узналъ и смерть меня постигнетъ?
Тогда Адамъ найдетъ жену другую,
А вмѣстѣ съ ней и счастье найдетъ.
Такая мысль ужаснѣе, чѣмъ смерть!
Со мной Адамъ все долженъ раздѣлить —
И счастье, и горе. Съ нимъ готова
Я встрѣтить смерть, и не считаю жизнью
Жизнь безъ него!

И съ этими словами
Спѣшитъ она къ Адаму, преклонясь
Предъ деревомъ, познание дающимъ.

Межъ тѣмъ, Адамъ, подругу ожидая,
Для кося ея вѣнокъ душистый сплетъ,
Но сердце въ немъ предчувствіемъ томилось
Мучительнымъ. Онъ вышелъ ей навстрѣчу
И на пути, близъ дерева познания,

Такъ на Землѣ въ саду Эдема вечеръ
Насталъ седьмой, и солнце закатилось... (Стр. 82.)

Увидѣлъ онъ идущую жену.
Въ рукѣ своей она держала вѣтку
Съ прекрасными душистыми плодами,
Которые какъ-будто улыбались;
Лицо ея молило о прощеньѣ.
И такъ она спѣшила оправдаться:
— Отсутствію дивился моему,
Навѣрно, ты? Разлука показалась
Мнѣ долгою, впервые я узнала
Тоску любви, но случаемъ чудеснымъ
Задержана была я; подивившись
Ты, услышавъ мое повѣствованье.

И тутъ она передаетъ супругу
Въ волненіи случившееся съ ней,
Прося его отвѣдать отъ плода
И высоты божественной достигнуть.

Но, услышавъ о роковомъ проступкѣ,
Адамъ стоитъ недвижный, пораженный,
Блѣднѣетъ онъ, и стынетъ кровь его.
Дрожащею рукою онъ роняетъ
Сплетенную гирлянду, и къ ногамъ
Увядшія рассыпались розы.
Въ душѣ своей онъ съ грустью говоритъ:
— Прекраснѣйшій творенія вѣнецъ,
Позднѣйшее и лучшее созданье
Всевышняго, въ которомъ все слилось,
Чарующее помыслы и взоры!
Ужели ты погибла? Неужели
Съ утратою невинности своей
Обречена неумолимои смерти?
О, какъ могла такое святотатство
Ты совершить и преступить запреты!
Проклятая, невѣдомая хитрость
Сгубила насъ: и я умру съ тобой.
Могу-ли жить, когда тебя не будетъ,
Могу-ль забыть бесѣды нѣжной сладость
И на-всегда остаться одинокимъ?
Когда-бъ Господь ребро другое выпуль
И изъ него создалъ другую Еву,
Я и тогда-бъ забыть тебя не могъ.
Ты связана со мной нерасторжимо
Въ страданіяхъ и счастье на-всегда.

Такъ, мысленно принявъ свое рѣшеніе
И покорясь тому, что неизбѣжно,
Женѣ своей спокойно молвить онъ:
— На смѣлый ты отважилась поступокъ!
И лицедрѣнье дивнаго плода,
Случайное къ нему прикосновенье,
Могли тебя опасности подвергнуть,
А ты вкусить дерзнула отъ него.
Но самъ Господь не можетъ измѣнить,
Вернуть того, что сдѣлано. Быть можетъ,
Ты не умрешь, и, змѣемъ оскверненный,
Значеніе свое утратилъ плодъ
И сдѣлался плодомъ обыкновеннымъ.
Ты говоришь: отвѣдавъ отъ него,
Не умерь змѣй, но разумъ человѣка
Онъ приобрѣлъ; такъ, значитъ, мы должны,
Вкусивъ его, достигнуть высоты
И ангелами стать, полубогами?
Не вѣрю я, чтобъ лучшая созданья
Рѣшилъ Творецъ обречь уничтоженью,
Тѣ существа, которымъ предоставилъ

Владычество надъ всѣмъ живущимъ въ мірѣ,
Гдѣ все должно погибнуть вмѣстѣ съ нимъ;
Кто созидаль — не станетъ разрушать,
И торжества подобнаго доставить
Не можетъ Онъ коварному Врагу.
Но, все равно, съ тобою раздѣлю я
Судьбу твою: единый приговоръ
Постигнетъ насъ. Мы — существо одно
И плоть одна; съ утратою тебя
Утратилъ-бы я собственную жизнь.

И Ева такъ Адаму отвѣчаетъ:
— Со славою какой твоя любовь
Изъ тяжкаго выходитъ испытанья!
Какой примѣръ блистательный! Адамъ,
Какъ жажду я во всемъ съ тобою равняться,
И счастье какое мнѣ доставилъ
Ты, говоря, что мы — одна душа!
Рѣшаешься ты раздѣлить со мною
Мою вину, быть можетъ — преступленье,
Когда назвать возможно преступленьемъ
Вкушеніе чудеснаго плода,
Мнѣ давшаго возможность убѣдиться
Въ любви твоей. Когда-бы я могла
Предполагать, что смѣлый мой поступокъ,
Дѣйствительно, влечетъ съ собою смерть,
Я умереть рѣшилась-бы одна.
Но, нѣтъ, не смерть въ себѣ я ошущаю;
Усиленною жизнью я живу,
На все гляжу я взоромъ провѣтленнымъ,
И многое утонченному вкусу
Не нравится, что прежде находила
Пріятнымъ я. И такъ, не бойся смерти
И отъ плода, подобно мнѣ, вкусил!

Такъ говоря, въ объятія заключаетъ
Она его, и радостныя слезы
Текутъ у ней обильно изъ очей.
Отраднѣе ей любовь такую видѣть,
Которая изъ-за нея готова
Подвергнуться возмездію Небесъ
И смерть принять. Въ награду подаетъ
(Достойная для слабости награда)
Она ему прекрасныя плоды,
И, вѣдая послѣдствія проступка,
Но женскому поддавшись обаянью,
Вкушаетъ онъ запретнаго плода.

Опять Земля въ мученьяхъ содрогнулась,
И тяжкій вздохъ Природа испустила
Изъ нѣдръ своихъ. Померкнулъ небосводъ
И горькими оплакивалъ слезами
Источникъ смерти — первородный грѣхъ.
Но, ничего вокругъ не замѣчая,
Какъ-будто-бы виномъ упоена,
Веселію безумно предается
Чета людей. Имъ кажется, что крылья
Ихъ унести готовы въ Небеса,
Но дѣйствіе иное оказать
Опасный плодъ, желанья плотскія
Разжегшій въ нихъ и пламень сладострастья
И Евѣ такъ Адамъ съ восторгомъ молвить:
— Воистину ты рѣдкимъ чувствомъ вкуса
Одарена, и наше воздержанье
Лишило насъ не малыхъ наслажденій.
*Лишь нынѣ мы постигли прелесть ихъ.

Запретный п одъ — прїятнѣе другого,
И жаль, что намъ вкушать воспрещено
Отъ одного — не десяти деревьевъ.
Пойдемъ со мною: плѣнительное яство
Зажгло во мнѣ желанія любви,
Какихъ не зналъ я даже въ то мгновенью,
Когда, представъ во всей своей красѣ,
Жсною моею ты сдѣлалась впервые...

Онъ съ нѣжностью глядитъ ей прямо въ очи,
И взоръ ея огнемъ пылаеть страстнымъ.
Но дѣйствіе опаснаго плода,
Которое, какъ сладостный угаръ,
Туманило собою чувства ихъ,
Разсѣялось, а съ нимъ — и сонъ тяжелый,
Томившій ихъ мучительною грезой.
Слетѣло быстро съ нихъ очарованье,
И съ ужасомъ взглянули другъ на друга.
Открылись ихъ очи, омрачилась
У нихъ душа! Невинности завѣса
Разорвалась, и въ наготѣ стыда
Остались виновные, но этотъ
Покровъ стыда лишь больше обнажалъ ихъ.
Подобные могучему Самсону,
Въ объятіяхъ Далилы вѣроломной
Во время сна утратившему силу,
Лишенными духовныхъ силъ, нагими,
Увидѣли себя тогда Адамъ и Ева.
И, устыдясь, они молчали долго.

Съ усиленіемъ Адамъ сказалъ женѣ:
— Въ недобрый часъ къ рѣчамъ коварнымъ змѣя
Ты преклонила слухъ неосторожно.
Воистину открылись наши очи,
Добро и зло познали мы: утративъ
Добро на вѣкъ и зло приобрѣтя.
О, гибельный познанья плодъ! Ужели
Познаніе лишь въ томъ заключено,
Что мы теперь увидѣли себя
Лишенными достоинства и чести?
Въ чертахъ у насъ запечатлѣлись ясно
Слѣды страстей нечистыхъ и стыда.
Съ такимъ лицомъ какъ Господу предстанемъ
И ангеламъ? Небесныя видѣнья
Нашъ взоръ земной собою ослѣпять;
Сіянья ихъ мы вынести не сможемъ.
О, если-бъ могъ укрыться одиноко
Въ пустынѣ я, среди лѣсовъ дремучихъ,
Гдѣ вѣтви ихъ распространяють тѣнь,
Которая темна, какъ ночь! Укройте
Меня на-вѣкъ отъ взоровъ Божества
Листвою своею, сосна и стройный кедръ!
Подумаемъ, однако-же, о томъ
Какъ наготу отчасти намъ прикрыть
При помощи широкихъ мягкихъ листьевъ,
Которые, соединивъ искусно,
На чресла мы надѣнемъ, словно поясъ,
Дабы не могъ пришелецъ новый — Стыдъ,
Насъ укорить въ умышленномъ безстыдствѣ.

Они идутъ въ тѣнистую дубраву
И изъ листовъ смоковницы широкихъ
И длинныхъ травъ изготовляютъ поясъ.
Но жалкое прикрытіе не можетъ
Имъ замѣнить былую наготу,

Дышавшую невинной чистотою.
Не чувствуя спокойствія въ душѣ,
Въ отчаяньѣ они на дернъ садятся,
И слезъ ручьи струятся изъ очей,
Въ сердцахъ-же ихъ бушуетъ грозно буря.
Гнѣвъ, ненависть и недовѣрье злое
Врываються къ нимъ въ душу, гдѣ царили
Спокойствіе и миръ въ былые дни.

Заговорили низменныя чувства
Сильнѣе въ нихъ, чѣмъ разумъ ихъ и воля,
И продолжалъ со странной переменною
Въ лицѣ своемъ и въ голосѣ Адамъ:
— О, если-бъ ты осталась со мною,
И какъ тебя просилъ объ этомъ я
Въ несчастный день, когда къ уединенью
Стремленіе явилось у тебя!
Какъ счастливы мы были-бы съ тобою!
Теперь-же мы утратили блаженство.
Пусть никому желанье не приходитъ
Испытывать любовь свою и вѣрность:
Къ паденію на половину близокъ —
Кто самъ идетъ навстрѣчу испытанью!

Упреками его оскорблена,
Съ волненіемъ спѣшитъ отвѣтить Ева.
— Суровыя слова ты произнесъ!
Несчастіе приписываешь ты
Лишь слабости моей и моему
Желанію въ тотъ день уединиться?
Но, вѣдь, оно могло постигнуть насъ
И при тебѣ. Кто могъ-бы догадаться,
Что ищетъ змѣй сгубить обоихъ насъ?
Ужель, ребру подобно твоему,
Съ тобою быть должна я неразлучной?
А если такъ — то, будучи главою,
Зачѣмъ-же ты, предвидѣвшій опасность,
Не только мнѣ идти не воспретилъ,
Но съ ласкою меня одобрилъ самъ?
Упорствуй ты въ отказѣ непреклонномъ —
Съ тобою мы не впали-бы во грѣхъ!

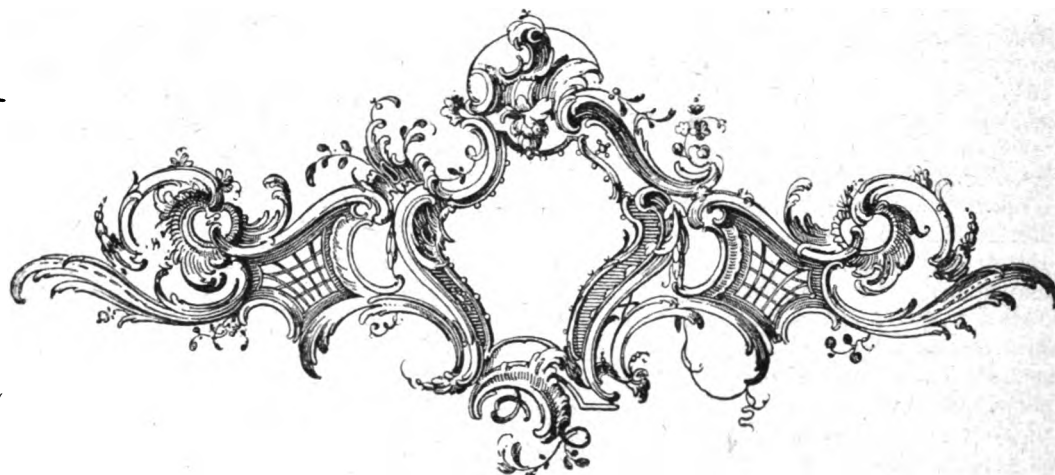
И въ первый разъ онъ гнѣвно отвѣчаетъ:
— Вотъ какова любовь твоя ко мнѣ!
Такою-ли награду заслужила
Моя любовь? Она не измѣнила
Тебѣ и въ тотъ ужасный часъ, когда
Погибла ты, а я виновнымъ не былъ:
Отъ вѣчнаго блаженства добровольно
Отрекся я, чтобъ умереть съ тобой.
Теперь меня во всемъ ты обвиняешь.
Но что-же могъ я сдѣлать? Я просилъ,
Я убѣждалъ, предсказывалъ опасность;
Не могъ-же я къ насилію прибѣгнуть
Надъ волею свободою твоею.
Чрезмѣрная увѣренность въ себѣ
Влекла тебя на это испытанье,
И, можетъ быть, я заблуждался самъ,
Достоинства твои преувеличивъ:
Тебя считалъ я недоступной злу
И какъ теперь раскаиваюсь въ этомъ!
Не всякаго-ль судьба такая ждетъ,
Кто, женщинѣ господство предоставивъ,
Ввѣряется достоинствамъ ея?
Нельзя ни въ чемъ противорѣчить ей,

А если-же бѣда се постигнетъ —
Винвною бывасть слабость мужа.

Итакъ, во всемъ другъ друга укоряя,
Они часы бесплодно проводили.

Никто себя не признавалъ виновнымъ.
И мнилось, что тщетному раздору
И распрямъ ихъ не будетъ и конца!

КОНЕЦЪ ДЕВЯТОЙ КНИГИ.

КНИГА 10-я.

Въ Раю всѣ узнають о грѣхопадѣніи Адама и Евы. Ангелы, которые стерегли Эдемъ, удаляются, чтобы какъ-нибудь оправдать себя въ недостаточной внимательности къ своимъ обязанностямъ. Но Господь, зналъ, что вторженіе Сатаны въ Рай не могло быть удержано ими, оправдываетъ ихъ и посылаетъ Своего Сына судить первочеловѣковъ, нарушившихъ Божескую заповѣдь. Богъ-Сынъ произноситъ надъ грѣшниками свой приговоръ, но изъ чувствъ милости прикрываетъ ихъ наготу и возвращается къ престолу своего Отца. Караулившіе врата Ада Грѣхъ и Смерть, почувствовавъ успѣхъ Сатаны, вовлекшаго человѣка въ преступленіе, рѣшаютъ оставить свое мѣсто и идти къ свосму отцу Сатанѣ, въ районъ мѣстопробыванія человѣка. На пути своемъ, устроивъ широкую мощенную дорогу надъ Хаосомъ, чтобы не прерывать связи Ада съ человѣкомъ, они встрѣчаютъ Сатану и обмѣниваются взаимными привѣтствіями, послѣ чего Сатана является въ Пандемоніумъ, гдѣ съ хвастовствомъ повѣствуетъ о своей побѣдѣ надъ человѣкомъ. Хвастовство его всѣми встрѣчается свистомъ, такъ какъ по приговору Великаго Судіи въ Раю и онъ, и его легіоны отнынѣ обращаются въ змѣй. Призракъ древа «познанія добра и зла» обманываетъ легіоны Сатаны, они вкушаютъ его, но, вмѣсто вкуснаго плода, проглатываютъ прахъ и тлѣнь. Хотя дѣло Смерти и Грѣха идетъ пока успѣшно, но Господь обѣщаетъ въ будущемъ побѣду надъ ними Своего Сына, а также и обновленіе міра, но до тѣхъ поръ приказываетъ ангеламъ произвести измѣненія какъ на небѣ, такъ и среди другихъ земныхъ стихій. Адамъ, сознавъ горечь своего грѣхопадѣнія, отвергаетъ утѣшеніе Евы, но она все-таки старается успокоить его и предлагаетъ во избѣжаніе проклятій на ихъ потомство принять насильственные мѣры. Адамъ и это не одобряетъ и напоминаетъ Евѣ объ обѣщаніи Господа, что кто-нибудь изъ его племени отомститъ змѣю, и, вмѣстѣ съ тѣмъ, совѣтуетъ Евѣ примириться съ разгнѣваннымъ Божествомъ путемъ молитвы и раскаянія.

ПРЕСТУПНОЕ и мстительное дѣло,
Свершенное въ Эдемѣ Сатаной,
Межъ тѣмъ, уже извѣстно было въ Небѣ.
И можетъ-ли укрыться что-нибудь
Отъ Божьяго всевидящаго ока
И отъ Его всевѣдущаго сердца?

Всѣ ангелы, хранившіе его,
Безмолвные спѣшатъ покинуть Рай
И вознестись на Небо, изумляясь,
Какъ могъ въ Эдемѣ пробраться незамѣченъ
Коварный Врагъ? Когда съ земли достигла
Объ этомъ вѣсть, на всѣхъ небесныхъ ликахъ
Печаль и скорбь мгновенно отразились,
И ангельская стража передъ трономъ
Всевышняго явилася съ отчетомъ,
Но ей Господь, среди раскатовъ грома,
Изъ облака вѣщаетъ оправданье:
— Вы, ангелы, собравшіеся здѣсь,
И также вы — хранители Эдема,
Событіемъ печальнымъ не смущайтесь,
Котораго ничѣмъ предотвратить
Вы не могли. Все свершилось такъ,
Какъ Я предрекъ, когда еще впервые
Бѣжалъ изъ бездны Ада искүснитель.
Я возвѣстилъ, что, обольщенный имъ
И клеветѣ на Господа повѣривъ,
На-вѣки все утратитъ человѣкъ.
Насиловать его свободной воли
Я не желалъ; онъ добровольно палъ,
И произнестъ Я долженъ приговоръ,
Который онъ угрозой счелъ пустою.
Не допущу погрѣтъ Я правосудье,

Какъ онъ погрѣлъ любовь Мою и благость.
Тебя, Мой Сынъ, пошлю его судить;
На Небесахъ, въ Аду и на Землѣ
Тебя вездѣ поставилъ Я Судьею;
Пусть вѣдають, что съ высшимъ правосудьемъ
Я сочетать желаю милосердые,
Пославъ Тебя Ходатай человѣка
И другъ его, грядущій Искүснитель
Его грѣховъ и Бого-человѣкъ,
Сверши свой судъ надъ павшимъ человѣкомъ!

Такъ Богъ-Отецъ изрекъ свое велѣнье
И осѣнилъ возлюбленнаго Сына
Сіянїемъ и славой Божества.
Вполнѣ Отца собою отразивъ,
Отвѣтилъ Сынъ съ покорностью небесной:
— Тебѣ, Отецъ, повелѣвать должно,
А Мнѣ — во всемъ Тебѣ повиноваться.
Я грѣшниковъ сойду судить на землю,
Но знаешь Ты, какой-бы приговоръ
Ихъ ни постигъ, все худшее приѣмлю
Я на Себя, когда настанетъ время.
Свидѣтелемъ Суда никто не будетъ;
Двухъ грѣшниковъ къ отвѣту призову Я,
А третьяго избличать не надо:
Онъ самъ бѣжалъ и тѣмъ избличенъ.

И, молвивъ такъ, съ престола Отчей славы
Возсталъ Господь. Властители, князья
Сопутствуютъ Ему до вратъ небесныхъ,
Откуда Онъ нисходитъ прямо въ Рай.

Склонялося уже на западъ солнце,

И вѣяло вечернею прохладой,
Когда Судья и вмѣстѣ ихъ Заступникъ
Сошелъ судить виновныхъ. Въ шумѣ вѣтра,
На склонѣ дня, до слуха ихъ донесся
Гласъ Господа, ходившаго въ саду,
И въ ужасѣ отъ Божіихъ очей
Жена и мужъ спѣшатъ укрыться въ чащѣ.
Приблизившись, Господь зоветъ Адама:
— Гдѣ ты, Адамъ, ты, радостно спѣшившій
Навстрѣчу Мнѣ? Тебя не вижу Я.
Иль предъ тобой со славою умаленной
Являюсь Я, иль самъ ты измѣнился
И Моего присутствія бѣжишь?
Что сталося съ тобою? Выходи!

Выходитъ онъ и вслѣдъ ему — жена,
Спѣшившая на преступленіе первой.
Въ смущеніи они предстали оба,
И не было во взорѣ ихъ любви
Къ Всевышнему и нѣжности другъ къ другу;
Въ немъ явственно свѣтились тревога,
Отчаянье, лукавство, гнѣвъ и стыдъ.
И Господу Адамъ отвѣтилъ кратко:
— Я былъ въ саду, но, слыша приближеніе
Твое, Господь, невольно устранился
И, будучи нагимъ, укрылся я.

И безъ укора кроткій Судья
Сказалъ ему: — Ты слышалъ голосъ Мой
И ранѣе, но не страшился ты,
А радостно спѣшилъ ко Мнѣ навстрѣчу;
Зачѣмъ-же ты его страшишься нынѣ
И какъ узналъ о наготѣ своей?
Иль съ дерева познанія преступно
Отвѣдалъ ты запретнаго плода?

И, горестью глубокой удрученный,
Такъ говоритъ въ борьбѣ съ собой Адамъ:
— О, Небеса! На одного себя
Принять вину иль обвинить подругу,
Которая осталась мнѣ вѣрна?
Но одному за грѣхъ перенести
Возмездіе мнѣ было-бъ слишкомъ тяжело.
Притомъ укрыть невластны отъ Тебя
Мы истину. Жена моя, подруга,
Дарованная мнѣ Тобой Самимъ,
Которую божественно-прекрасной
И кроткою считалъ я, мнѣ дала
Испробовать запретнаго плода,
И я вкусилъ.

На это возразилъ
Ему Судья: — Но развѣ для тебя
Она — Господь, что болѣе, чѣмъ гласу
Господнему, ты былъ послушенъ ей?
Изъ васъ двоихъ — не ты-ли былъ главою?
Зачѣмъ-же ты отрекся добровольно
Отъ правъ своихъ и сталъ ея рабомъ? —
И, обратившись къ Евѣ, Онъ сказалъ:
— Что, женщина, свершила ты?

Она,
Подавлена печалью и стыдомъ,
Отвѣтила въ смущеніи и кратко:
— Змѣй соблазнилъ меня, и я вкусила.

Тогда, къ суду не медля приступивъ,
Господь и Богъ въ таинственныхъ словахъ

Свой приговоръ надъ змѣемъ произнесъ,
Орудьемъ зла, растлѣннымъ по природѣ,
И надъ Врагомъ, принявшимъ образъ змѣя:
— Будь проклятъ ты межъ тварями земными!
Ты осужденъ во прахѣ пресмыкаться,
И межъ тобой отицѣ и женою
На-вѣки Мною положена вражда, —
Межъ сѣменемъ жены и межъ твоимъ.
Оно сотретъ главу твою, а ты
Его въ пяту ужалишь дерзновенно.

Такъ Онъ изрекъ пророческое слово,
Которое исполнилось, когда
Урѣлъ Христосъ — Маріи Дѣвы Сынь.
Паденіе на землю Сатаны,
Властителя и Князя силъ воздушныхъ.
Тогда, возставъ изъ гроба Своего,
Онъ съ торжествомъ явилъ Свою побѣду:
Въ блистательномъ восшествіи на Небо
Плѣненный Адъ повлекъ Онъ за Собой
По воздуху — стихіи Сатаны,
Гдѣ врагъ Небесъ такъ долго былъ владыкой.

И Евѣ Онъ вѣщаетъ приговоръ:
— Когда ты плодъ во чревѣ понесешь,
Умножу Я печаль твою и скорби,
Въ страданіяхъ рождать дѣтей ты будешь,
И станешь мужъ властителемъ твоимъ. —
Адаму-же сказалъ Господь: — За то,
Что ты жены послушался твоей
И отъ плода запретнаго отвѣдалъ —
Изъ-за тебя Я землю проклинаю.
Тернь и волчець она произраститъ,
И, потъ лица обильно проливая,
Ты отъ нея въ скорбяхъ питаться будешь,
Пока ты самъ въ ту землю не вернешься,
Откуда взять, и прахъ не станетъ прахомъ.

Таковъ былъ судъ Его надъ человѣкомъ.
Но, видя ихъ нагими предъ Собой,
Подверженными воздуха вліянію,
Онъ послужить не погнушался имъ,
Какъ послужилъ Своимъ ученикамъ,
И кожами звѣриными прикрылъ ихъ.
Надъ наготой души умилился,
Которая постыдиле тѣлесной,
Онъ и ее покровомъ правосудья
Укрылъ отъ взора Господа-Отца
И вновь къ Нему со славою вознесся,
Оповѣстивъ о томъ, что совершилось,
Хотя Отцу извѣстно было все.

Но ранѣе, чѣмъ совершилось это,
За адскими отверстыми вратами,
Откуда пламя вихремъ извергалось,
Попрежнему сидѣли Грѣхъ и Смерть.
И первая такъ молвила: — О, чадо!
Зачѣмъ-же здѣсь мы праздно возсѣдаемъ,
Покуда онъ — великій нашъ родитель,
Въ иныхъ мірахъ готовитъ намъ пріютъ?
Когда-бъ его постигла неудача,
Онъ былъ-бы вновь сюда врагами вверженъ.
Я чувствую: за гранью этой бездны
Мнѣ власть дана великая, и крылья
Мои растутъ! Послѣдуй-же за мной,
Какъ тѣнь моя; нѣтъ власти во вселенной,

И такъ они разстались. Изъ чаши
На небеса вознесся Рафаилъ...

(Стр. 88.)

Могущей Грѣхъ со Смертью разлучить.
Но прежде мы чрезъ адскую пучину
Соорудимъ широкоюю дорогу,
Ведущую отсюда въ новый міръ,
Гдѣ Сатана огниѣ торжествуетъ;
Она ему и воинству его
Служить путемъ неоцѣненнымъ будетъ.

И матери отвѣтилъ призракъ тощій:
— Иди, куда влечетъ тебя судьба;
Я слѣдую повсюду за тобою
И не собьюсь съ желаннаго пути.
Крoвавый духъ зарафе я чую,
И надъ моею безчисленною добычей
Повѣяло дыханьемъ смертоноснымъ,
Которое исходитъ отъ всего
Живущаго. Союзникомъ своимъ
Считать меня всегда ты можешь смѣло.

Такъ говоря, подобно хищнымъ птицамъ,
Слетавшимся на острый запахъ крови,
Вдыхаетъ призракъ дуновение смерти,
Которое доносится съ земли.
Отъ адскихъ вратъ различными путями
Во мракѣ безднѣ, гдѣ Хаосъ изначально
Одинъ царитъ, чудовища летятъ,
Подобныя полярнымъ вихрямъ двумъ,
Которые несутся съ двухъ сторонъ,
Кронійскую ⁹⁵⁾ пучину возмущивъ
И мнимый путь къ Катанѣ ⁹⁶⁾ заграждая,
При помощи гонимыхъ ими льдинъ.

Такъ палицей мертвяцкою своею,
Которая все леденитъ и сушитъ,
Равняетъ Смерть и сглаживаетъ почву,
Сковавъ ее и сдѣлавъ неподвижною,
Какъ сдѣлался теперь недвижнымъ Делось ⁹⁷⁾.
И равную вратамъ зловѣщимъ Ада
По ширинѣ и глубины его
Достигшую плотину роковую
Они смолой асфальтовой скрѣпляютъ,
Дабы надъ ней воздвигнуть ввидѣ арки
Чудовишной длины удобный мостъ,
Который Адъ съ Землей соединилъ,
Явившейся теперь добычей Смерти.

Окончили они сооруженье,
И по слѣдамъ зловѣщимъ Сатаны
Чудесный мостъ былъ переброшенъ ими:
Всячкихъ скалъ несокрушимыхъ цѣпь,
Которая того достигла мѣста,
Гдѣ въ первый разъ спустился онъ на землю.
И прочно тамъ свое сооруженье
При помощи гвоздей изъ адаманта
Строители на-вѣки укрѣпили.

Оттуда имъ открылись эмпирей
И новый міръ; вдали виднѣлся Адъ,
И три пути лежали передъ ними.
Они къ землѣ готовились летѣть,
Когда вдали узрѣли Сатану.
Принявшій образъ ангела, парилъ
Онъ въ высотѣ, но чадами своими
Былъ признанъ. Еву дерзко обманувшій,
Немедленно перемѣнилъ онъ видъ
И наблюдалъ, какъ Ева соблазнила,

Сама о томъ не вѣдая, Адама,
И какъ они терзались стыдомъ.
Но онъ бѣжалъ, увидѣвъ Сына Божья,
Возмездіе надѣясь отдалить,
И только въ ночь къ супругамъ возвратился
Изъ ихъ рѣчей узнавъ о приговорѣ,
Отложенномъ до будущихъ временъ,
Онъ поспѣшилъ съ желанной вѣстью въ Адъ.
Вблизи моста чудеснаго увидѣлъ
Онъ съ радостью любимыхъ чадъ своихъ,
И дочь его, прекрасный Грѣхъ, сказала
Ему тогда: — Возлюбленный родитель,
Твореніе свое, свои трофеи
Ты видишь здѣсь! Мнѣ сердце подсказало,
Которое съ твоимъ согласно бьется,
О торжествѣ, которое читаю
Въ твоихъ очахъ, и тутъ-же повлекло
Меня вослѣдъ тебѣ неодолимо.
Со мною — Смерть, твое другое чадо;
Ты вырвалъ насъ изъ темной бездны Ада
И силу далъ воздвигнуть этотъ мостъ.
Отныѣ міръ тебѣ принадлежитъ,
Ты отомстилъ за поражение въ Небѣ
И будешь самъ властителемъ земли.
Пусть царствуетъ на Небѣ Побѣдитель,
Который Самъ отвергнулъ этотъ міръ,
Ты власть Его раздѣлишь надъ вселенной,
Да будетъ Онъ въ Своемъ квадратномъ царствѣ
Владыкою за гранью эмпирей,
А ты владѣй землею шаровидной,
Опаснѣй сталъ ты нынѣ для Него.
Пусть Онъ дерзнетъ помѣряться съ тобою!

И радостно Князь тьмы отвѣтилъ ей:
— Возлюбленная дочь моя, и ты,
Мой сынъ и внукъ; свое происхожденіе
Отъ Сатаны со славой доказать
Успѣли вы (противника Небесъ
Я съ гордостью названіе ношу!).
Услугу мнѣ и царству моему
Великую вы нынѣ оказали,
Его съ землей на-вѣкъ соединивъ;
Теперь они одной страной будутъ,
Пока-же я къ союзникамъ спущусь,
Дабы скорѣй повѣдать о побѣдѣ.
Спѣшите въ Рай и, поселившись тамъ,
Надъ воздухомъ и надъ землей царите,
Но болѣе всего — надъ человѣкомъ,
Который тамъ владычествовалъ прежде!
Вы сдѣлайте его рабомъ своимъ,
Невольникомъ, а послѣ — уничтожьте.
Васъ, какъ прямыхъ намѣстниковъ моихъ,
На землю шлю и властью безграничной
Верховною я облакою васъ.
Отъ васъ теперь мое зависитъ царство,
Которое предоставляетъ Смерти
Въ добычу Грѣхъ. Побѣду одержите —
И нечего страшиться будетъ Аду.
Идите-же, явите вашу власть!

Съ подобными словами отпустилъ
Ихъ Сатана. Среди небесныхъ тѣлъ
Летятъ они, вездѣ распространяя
Тлетворный ядъ, заражены которымъ
Созвѣздія блѣднѣютъ, и, затмевъ
Охвачены, мгновенно меркнутъ звѣзды.

Межъ тѣмъ, онъ самъ широкою дорогою
Спускается къ вратамъ отверстымъ Ада,
Которыя никто не охраняетъ.
Покинуто и пусто все кругомъ;
Изъ демоновъ иные улетѣли,
Поднявшись въ область высшую, иные
Отправились въ столицу Сатаны —
Надменный Пандемоніумъ. Въ совѣтъ
Сановники съ тревогой разсуждали
О томъ, что Князя можетъ задержать?
А воиновъ крылатыхъ легіоны,
Блюдя приказъ владыки своего,
Дворецъ его усердно охраняли
И ждали съ каждымъ часомъ возвращенья
Искателя невѣдомыхъ міровъ.
И, ангела простого видъ принявъ,
Проходить онъ среди толпы густой,
Невидимый въ чертоги проникаетъ
Блестящіе и на престолъ восходитъ,
Украшенный съ великолѣпьемъ царскимъ.
Незримый имъ, онъ озираетъ всѣхъ,
И, наконецъ, какъ-будто выходя
Изъ облака, является въ сѣняхъ
Его глава прекрасная и образъ,
Подобные звѣздѣ, которой имя
Носилъ онъ прежде: такъ чудесенъ былъ
Обманчивый его величья блескъ.
Все воинство стигійское, при видѣ
Великаго вождя, спѣшить къ нему;
Отъ радости всѣ громко восклицаютъ,
Но онъ однимъ движеніемъ руки
Молчаніе мгновенно водворяетъ
И имъ спѣшить повѣдать о побѣдѣ
И обо всемъ, что имъ совершенно,
Закончивъ такъ: — Безсмертные, встаньте,
Летимъ туда, къ обители блаженства!

Окончивъ рѣчь, онъ ждетъ рукоплесканій
Восторженныхъ и криковъ одобренья,
Но въ ужасѣ зловѣщій свистъ онъ слышитъ
Со всѣхъ сторонъ и, пораженный имъ,
Прийти въ себя не успѣваетъ онъ:
Онъ чувствуетъ, что ликъ его внезапно
Вдругъ съежился и странно заострился.
Межъ тѣмъ какъ руки къ ребрамъ прирастаютъ,
Сливаются, переплетаясь, ноги,
И, превратясь въ чудовищнаго змѣя,
Онъ падаетъ на землю! Тщетно онъ
Пытается бороться съ высшей Силою;
Онъ побѣжденъ, возмездье совершилось,
И осужденъ надменный врагъ Небесъ
Въ томъ образѣ змѣиномъ пресмыкаться,
Который онъ избралъ себѣ личиной.
Заговорить онъ хочетъ, но языкъ
Раздвоенный шипѣнье испускаетъ,
Которому зловѣщій вторитъ свистъ
Безчисленныхъ змѣиныхъ языковъ.
Такому-же подверглись превращенью
Участники возстанья Сатаны;
Шипѣніемъ и свистомъ весь чертогъ
Наполнился, кишатъ повсюду змѣи,
Чудовища разнообразныхъ формъ:
Рогатые керасты⁹⁸⁾, амфисбены,
Эллопы⁹⁹⁾, гидры страшныя, дипсиды¹⁰⁰⁾
И аспиды, и злые скорпіоны, —

А въ образѣ крылатаго дракона,
Попрежнему надъ всѣми возвышаясь,
Является надменный Сатана,
Размѣрами превосходя Писона¹⁰¹⁾,
Рожденнаго среди болотъ Писійскихъ.
Всѣ слѣдуютъ за Сатаною въ поле
Открытое, гдѣ шествія владыки
Побѣднаго его дружины ждуть.
И вдругъ они передъ собою видятъ
Скопленіе чудовищъ безобразныхъ.
Охвачены сочувствіемъ зловѣщимъ
И ужасомъ, оружіе свое
Они изъ рукъ безпомощно роняютъ
И падаютъ на землю, въ свой чередъ
Змѣиный видъ мгновенно принимая,
Котораго, подобно злой заразѣ,
Никто изъ нихъ не можетъ избѣжать;
Постигла всѣхъ одна и та-же кара.

Дабы еще усилить наказанье,
Велѣлъ Господь неподалеку рошѣ
Пронзрости, гдѣ на вѣтвяхъ древесныхъ
Росли плоды, похожіе на тотъ,
Котораго, обманутая змѣемъ,
Отвѣдала довѣрчивая Ева.
Томимые мучительною жаждой
И голодомъ, на дерево они
Кидаются, вкусить стремясь жадно
Отъ тѣхъ плодовъ, заманчивыхъ на видъ,
Но горечью своею нестерпимой
Подобныхъ только пеплу и золѣ.

И съ той поры такому превращенью
Постыдному на время подвергались
Мятежники — въ возмездіе за то,
Что соблазненъ былъ ими человекъ.

Тѣмъ временемъ зловѣщая чета
Проникла въ Рай; вліяніе Грѣха
Сказалось тамъ и ранѣе, теперь-же
На землю онъ являлся для того,
Чтобъ на-всегда избрать се жилищемъ.
Шла позади, подобно тѣни, Смерть,
Которая вполнѣдствіи возсѣла
На блѣднаго коня. И молвилъ Грѣхъ:
— Исчадѣе другое Сатаны,
Облечено непобѣдимой силой,
Что думаешь о царствѣ нашемъ ты?

Чудовище, рожденное Грѣхомъ,
Отвѣтило: — Я голодомъ томлюся
И разницы не вижу для себя
Межъ Адамъ я, Землей и Небесами,
Лишь только-бы найти добычу мнѣ,
Хотя ея достаточно кругомъ,
Но моему прожорливому чреву,
Которое не знаетъ насыщенья,
Того, что здѣсь я вижу, недовольно.

И молвила чудовищная мать:
— Пока травой, плодами насыщайся,
Животными и птицами, и рыбой:
Все, что косой нещадно коситъ Время
Въ добычу я тебѣ предоставляю.
А я, межъ тѣмъ, вселюся въ человека.

И заражу его природу всю
И для тебя его я приготовлю —
Последнюю, сладчайшую добычу.

Разставшись, различными путями
Они идутъ къ одной и той-же цѣли:
Живое все губить и разрушать
И, на Своемъ престолѣ возсѣдая,
Господь и Богъ глаголетъ предстоящимъ:
— Смотрите всѣ, какъ двое адскихъ псовъ
Слѣшать внести опустошеніе въ міръ,
Который Я прекраснымъ сотворилъ;
Донныя онъ такимъ-бы оставался,
Когда-бъ сюда безумье человѣка
Имъ доступа собою не открыло;
И потому, что вторгнуться дозволилъ
Сюда врагамъ, дерзая обвинять
Они Меня въ безумномъ ослѣпленіи
И мнятъ, что міръ Я въ жертву предоставилъ
Ихъ ярости. Не вѣдаютъ они,
Что призваны сюда лишь для того,
Чтобъ адскими своими языками
Они, какъ псы негодные, слизали
Грѣховную нечистоту и мерзость,
Которыми земля осквернена.
Затѣмъ, своимъ-же ядомъ отравясь
И яствами ужасными пресытаясь,
Съ зияющей могилой Смерть и Грѣхъ,
Поражены десницею Господней,
Низринутся на-вѣки въ бездну Ада,
И пасть его, пожравши ихъ, сомкнется.
Тогда Земля и съ нею Небеса
Очистятся отъ всякаго пятна;
До тѣхъ-же поръ не снимется проклятье,
Которое надъ ними тяготѣеть.

Замолкъ Господь; подобно шуму волнъ,
Послышалось въ Небѣ: — «Аллилуя!»
Безчисленные клиры воспѣвали
Хвалы Ему: — «Твой рѣшенія святы
«И праведны пути Твои, Господи!
«Кто омрачитъ Твою святую славу?»
Затѣмъ они прославили Мессію,
Несущаго съ Собой спасеніе міру.

Межъ тѣмъ, Господь по имени сзываетъ
Архангеловъ Своихъ и серафимовъ
И важныя даетъ имъ повелѣнья.
Во-первыхъ, Онъ повелѣваетъ имъ
Распредѣлить теченіе солнца такъ,
Чтобъ на землѣ царилъ попеременно
То жгучій зной, то холодъ нестерпимый.
Движеніе пяти планетъ главнѣйшихъ
Опредѣляетъ также Онъ, назначивъ
Повременамъ въ зловѣщихъ сочетаньяхъ,
Квадратныхъ, шестиричныхъ и тройныхъ,
Встрѣчаться имъ, а звѣздамъ неподвижнымъ
Вліяніе надъ бурями даетъ.
Помѣщены четыре буйныхъ вѣтра
По сторонамъ вселенной четырехъ;
Имъ вѣдомо, когда они должны
Надъ сушею и моремъ бушевать,
И знаетъ громъ, когда его раскаты
Изъ глубины воздушнаго чертога
Должны гремѣть во мракѣ надъ землею.

Въ то самое мгновеніе, когда
Вкушенъ былъ плодъ запретный, измѣнило
Урочный путь сияющее солнце,
И потому, съ грѣхопадениемъ вмѣстѣ,
Попеременно холодъ воцарился
И жгучій зной невѣдомые раньше.
Явленія такія въ Небесахъ
Произвели на сушѣ и моряхъ
Переворотъ и воздухъ заразили
Туманами и влажными парами.
Отъ граней Норумбегии далекой,
Отъ сѣвера, расторгши оковы,
Вооружась метелями, снѣгами
И льдинами, помчались Борей,
Могучіе Аргесты, Тресшасы,
Шумя въ лѣсахъ, волнуя океанъ.
Отъ юга-же несется имъ навстрѣчу
Свирѣпый Ногъ, а съ запада, съ востока —
Зефиръ и Эвръ, Либекія, Сирокко.
Такъ начались неистовства Природы.
Затѣмъ Раздоръ, исчадіе Грѣха,
Впервые ввелъ среди животныхъ смерть;
Земная тварь возстала вся войною
И, пастбища зеленыя оставивъ,
Стремилася другъ друга пожирать.
И, человѣка больше не страшась,
Животныя бѣжали отъ него
Иль взорами за нимъ слѣдили мрачно.

Но къ бѣдствіямъ и внѣшнимъ переменамъ
Адамъ почти остался безучастенъ
И, бурю душевною страстей
Терзаемый, онъ ищетъ облегченія
Въ стенаніяхъ: — О, глубина печали,
Смѣнившая блаженства полноту!
Ужели-же конецъ приходитъ міру,
И я — вѣнецъ творенія всего,
Отверженный, проклятью осужденный,
Скрываюся отъ лицеизрѣнья Бога,
Которое считалъ блаженствомъ высшимъ?
Но если бъ все окончилось этимъ!
Я заслужилъ страданія и могъ-бы
Перенести все то, что заслужилъ,
Но я, живя и жизнь другимъ давая,
Содѣйствую проклятью размноженію.
Слова Творца: «Плодитесь, размножайтесь»,
Которымъ я внималъ съ такимъ восторгомъ
Теперь они, какъ смертный приговоръ,
Звучатъ въ душѣ. Кто изъ моихъ потомковъ,
Страдающихъ отъ моего грѣха,
Не скажетъ мнѣ: «Проклятіе тебѣ,
Которому обязаны мы жизнью!»
Я Господомъ отверженъ, но, помимо
Заклятія, лежащаго на мнѣ,
Не суждено-ль въ грядущіе вѣка
Мнѣ сдѣлаться проклятіемъ средоточьемъ?
О, райское недолгое блаженство,
Ты куплено цѣною вѣчныхъ мукъ!
Но развѣ я просилъ Тебя, Творецъ,
Меня изъ глины сдѣлать человѣкомъ?
И лучше-бы мнѣ въ землю обратиться,
Откуда я рожденъ получилъ!
Я не искалъ блаженства, но условия,
Которыя поставлены Тобой
Для сохраненія этого блаженства,
Я выполнить безсиленъ и верну

Существовало мѣсто,
Гдѣ у подножья Рая низвергался
Въ пучину Тигръ...

(Стр. 89.)

Охотно все, дарованное мнѣ.
 Ужели я наказанъ не довольно
 Утратою невозвратимой счастья
 И вѣчныхъ мукъ достоинъ, сверхъ того?
 Но сѣтовать мнѣ поздно. Отказаться
 Я долженъ былъ отъ роковыхъ условій.
 Что говоришь, безумный человѣкъ?
 Воспользоваться благомъ ты желалъ
 И, вотъ, теперь условия осуждаешь!
 Ты говоришь, что жизни не искалъ,
 Но, если-бы ослушавшійся сынъ
 Сказалъ тебѣ: «Я жизни не ищу,
 Тобой на свѣтъ рожденъ я противъ воли», —
 Ужели-бы такое оправданье
 Ты допустилъ? Да совершится судъ
 Всевышняго, ему я покоряюсь:
 Я — прахъ земной и къ праху возвращусь...
 Приди скорѣй, желанное мгновенье!
 Что-жъ медлитъ Онъ исполнить приговоръ?
 Одна лишь мысль преслѣдуетъ меня:
 Ужели-же, когда составъ тѣлесный
 Разрушится, безсмертная душа
 Съ нимъ не умретъ, и въ смерти буду жить
 Вторично я? Ужасна эта мысль!
 Вѣдь, согрѣшилъ не тѣломъ я, а духомъ,
 И, значитъ, духъ, свершившій этотъ грѣхъ,
 Подвергнутъся уничтоженью долженъ.
 Я весь умру. О, если-бъ такъ случилось!
 Дальнѣйшее для разума людскаго
 И нашего мышленья — недоступно.
 Я вѣдаю, что безконеченъ Богъ,
 Но гнѣвъ Его ужели безъ конца,
 И можетъ-ли карать Онъ безконечно
 Того, кто самъ лишь временно живетъ?
 Но, можетъ быть, губительная смерть
 Насъ не однимъ ударомъ поразить,
 Но вѣчному мученью подвергнуть,
 Которое въ душѣ я ощущаю?
 О, горе мнѣ! Отнынѣ неразлучна
 Со мною смерть и не со мной Однимъ:
 Прекрасное наследство завѣщаю
 Я вамъ, сыны несчастные мои!
 За одного ужели пострадаютъ
 Безвинно всѣ? Но будетъ-ли невиннымъ
 То, что должно родиться отъ меня —
 Растлѣннаго и волею, и духомъ?
 Лишь я одинъ, я — первый и послѣдній,
 Всему виной, и если-бъ гнѣвъ Господень
 Обрушился на одного меня!
 Безумное желаніе! Могу-ли,
 Хотя съ женой виновной раздѣливъ,
 Я вынести мучительное бремя,
 Которое вселенной тяжелѣй?
 Въ сомнѣніяхъ, въ желаніяхъ своихъ
 Не вижу я спасенья и надежды.
 Лишь съ Сатаной равняюсь я виною,
 И общее возмездье насъ постигло.
 Въ какую бездну ужаса и горя
 Отнынѣ ты меня ввергаешь, Совѣсть!
 Не вѣдаю исхода для себя
 И падаю все глубже я и глубже!

Такъ въ тишинѣ полночной онъ стоналъ,
 Не въ той ночной прохладной тишинѣ,
 Которая царила такъ недавно,
 Но въ сумракѣ, гдѣ совѣсти виновной

Зловѣщія видѣнья представлялись
 И, на землѣ холодной распростертый,
 Онъ проклиналъ рожденіе свое
 И смерть винилъ, не шедшую къ нему.

Печальная вдали сидѣла Ева;
 Увидѣвши отчаянье Адама,
 Она встаетъ и нѣжными словами
 Пытается, приблизившись къ нему,
 Вволнованныя страсти успокоить,
 Но онъ ее отталкиваетъ гнѣвно:
 — Прочь съ глазъ моихъ, коварная змѣя!
 Сдружившейся съ лукавой этой тварью
 И столь-же ненавистной, какъ она,
 Тебѣ всего пристойнѣй это имя.
 Недостаетъ лишь образа тебѣ
 Змѣинаго, чтобъ твоего обмана
 И хитрости, остерегались всѣ:
 И красота небесная твоя
 Опутать ихъ сѣтями не могла-бы.
 Безъ твоего тщеславья и гордыни
 Донынѣ-бы я счастьемъ наслаждался.
 Какъ былъ я правъ, тебѣ не довѣряя!
 Но ты совѣтъ съ презрѣніемъ отвергла.
 Другого ты — будь это Сатана, —
 Стремилась плѣнить своей красою
 И надъ Врагомъ одерживать побѣды.
 Но только что ты встрѣтилась со змѣемъ,
 Какъ тутъ-же имъ обманута была,
 А я — тобой. Тебя считалъ я прежде
 Разумною и твердой предъ соблазномъ
 И потому свободу предоставилъ:
 Наружный блескъ я счелъ за добродѣтель.
 Зачѣмъ Господь, Который населилъ
 Лишь духами одними эмпирей,
 Здѣсь на землѣ задумалъ завершить
 Твореніе созданіемъ жены?
 Въ красѣ своей она — порокъ природы.
 Зачѣмъ весь міръ не заселенъ мужами,
 И способа другого къ размноженью
 Въ премудрости своей не видѣлъ Богъ?
 Безчисленныхъ несчастій избѣжалъ-бы
 Весь родъ людской. Общенье съ этимъ поломъ
 И женское коварство причиняютъ
 Не мало смуть. Желанную подругу
 Едва-ль найдетъ достойнѣйшій; другого,
 Въ испорченности сердца, предпочтетъ
 Она ему иль стануть ихъ союзу
 Препятствовать-родные. Наконецъ,
 Избранницу онъ встрѣтитъ слишкомъ поздно,
 Когда съ другой на-вѣки будетъ связанъ,
 Позорящей его иль ненавистной.

Онъ замолчалъ, отъ Евы отвернувшись,
 Но, горькими слезами обливаясь,
 Съ упавшими на плечи ей кудрями,
 Къ его ногамъ склонилась она,
 Моля его смиренно о прощеніи:
 — Не отвергай жены своей, Адамъ!
 Свидѣтель — Богъ: къ тебѣ питаю въ сердцѣ
 Глубокую любовь и уваженье,
 Безъ умысла тебя я обманула,
 Сама въ обманъ введенная жестоко.
 У ногъ твоихъ молю я, не лишай
 Меня того, чѣмъ я живу: любви
 И ласкъ твоихъ, совѣтовъ и поддержки,

Которые въ минуту тяжкой скорби
Единственной опорой служатъ мнѣ.
Что станетъ со мною безъ тебя?
Пока живемъ — а, можетъ быть остался
Лишь краткій мигъ существованья намъ —
Да будетъ миръ межъ нами, какъ въ прошедшемъ,
Въ страданіяхъ и ненависти къ змѣю,
Обманщику, соединимся мы,
Какъ въ радости съ тобой соединялись.
Не обращай вражды своей на ту,
Которая тебя несчастнѣй вдвое!
Ты оскорбилъ виной своею Бога,
А я — тебя и Господа. Но я
Вернусь туда, гдѣ совершился грѣхъ,
И Небеса я буду умолять,
Чтобъ кара ихъ одну меня постигла,
Виновницу несчастья твоего.

Рыданія прервали рѣчь ея.
Расканяемъ ея обезоруженъ
И кротостью, Адамъ подругу поднялъ,
Которая была еще недавно
Отрадою его, и молвилъ кротко:
— Себѣ одной, какъ прежде, безразсудно
Ты требуешь возмездія. Увы!
Перенеси страданья тѣ сначала,
Что выпали тебѣ самой на долю!
Когда-бъ могли моленія помочь —
Я ранѣе воззвалъ бы къ Небесамъ
И умолялъ о карѣ для себя
И къ немощи твоей — о состраданьѣ.
Встань! осуждать другъ друга мы не будемъ:
И безъ того осуждены мы оба.
Взаимною любовью и поддержкой
Попробуемъ гнетъ скорби облегчить.
Кончины день придетъ еще не скоро;
Замедлитъ онъ, какъ вечеръ, приносящій
Страданіямъ съ собою облегченье,
И нашу скорбь раздѣлитъ все потомство,
Злосчастное потомство!

Огвѣчала,
Утѣшена его словами, Ева:
— По опыту мнѣ вѣдомо, Адамъ,
Что я могу въ сужденьяхъ ошибаться,
Но ты меня прощаешь, ты вернулъ
Довѣрье мнѣ, и я вернуть надѣюсь
Любовь твою, для сердца моего
Единую отраду. Суждена-ли
Мнѣ жизньъ или смерть — я отъ тебя не скрою,
Какую мысль внушила мнѣ тревога.
Возможность есть не только облегчить
Страданій гнетъ, но положить конецъ
На-вѣки имъ, и это — въ нашей волѣ.
Не въ правѣ-ль мы предотвратитъ рожденье
Злосчастныхъ чадъ, заранѣе обреченныхъ
Быть жертвами несумолимой смерти?
Бездѣтенъ ты, — бездѣтнымъ оставайся,
И, лютой смерти алчность обманувъ,
Лишь мы вдвоемъ ея добычей станемъ.
Но, если ты находишь слишкомъ тяжкимъ
Отъ радостей любовныхъ воздержанье,
Тогда себя и нерожденныхъ чадъ
Освободимъ рѣшительнымъ ударомъ.
Не трепетать предъ смертью предлагаю.
Но къ ней самымъ кратчайшій путь избрать

И уничтожить силу разрушенья,
Къ такому-же прибѣгнувъ разрушенью.

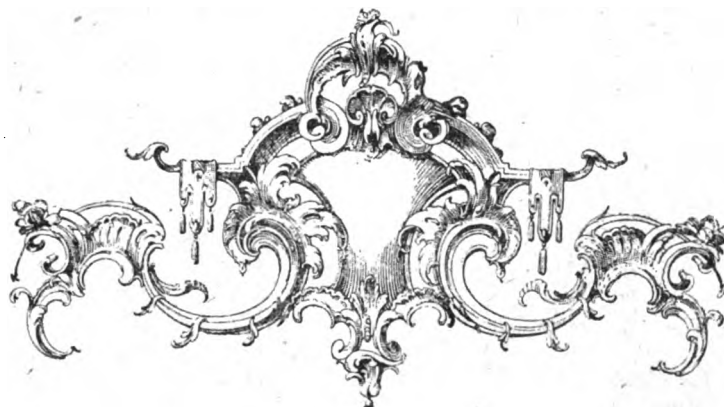
Въ отчаяньѣ своемъ замолкла Ева,
Она такъ много думала о смерти,
Что блѣдностью смертельною покрылись
Черты ея. Но, въ сердцѣ уповая
На лучшее, Адамъ остался твердъ
И отвѣчалъ: — Твое презрѣнье къ жизни
И къ радостямъ ея рождаетъ мысль,
Что высшихъ ты исполнена стремленій,
Но твой совѣтъ искать въ самоубійствѣ
Спасенія ее опровергаетъ.
Въ немъ слышится любовь большая къ жизни
И къ радостямъ, которыми безмѣрно
Ты дорожишь. И, если избѣжать
Возмездія ты думаешь со смертью,
То, знай, Творца не властны обмануть
Мы; гнѣвъ Его своимъ ожесточеньемъ
Лишь возбудимъ сильнѣе, и Всевышній
Въ насъ поселитъ живую смерть на-вѣкъ.
Ищемъ-же разумаго рѣшенья,
Которое таится въ приговорѣ:
«И сѣменемъ Жены глава сотрется
Змѣиная». Подъ змѣемъ разумѣетъ
Господь и Богъ, конечно, Сатану,
Который намъ являлся ввидѣ змѣя.
Главу его на-вѣки сокрушить —
Достойное отмщеніе! Его,
Бездѣтными оставшись, мы лишимся,
И злобный врагъ избѣгнетъ наказанья,
Которое постигнетъ насъ вдвойнѣ.
Итакъ, спѣшимъ отринути о насильѣ
На-вѣки мысль, а также о бесплодѣ.
Она у насъ надежду отнимаетъ,
Гордыню лишь и злобу порождая
На Господа-Творца и на ярмо,
Возложенное имъ на плечи нашихъ.
Исполненный великимъ милосердьемъ,
Онъ насъ судилъ безъ гнѣва, безъ укора.
Немедленной кончины ждали мы
И что-же? Ты обречена Всевышнимъ
Рождать дѣтей въ болѣзняхъ и скорбяхъ,
Но радостью они вознаградятся,
Когда сама плодъ чрева твоего
Увидишь ты. Меня Его проклятые,
На землю павъ, едва собой коснулось.
Трудомъ своимъ питаться долженъ я.
Но это-ли — несчастье? Опаснѣй
И тягостнѣй была-бы праздность мнѣ.
Отъ холода и зноя Онъ одеждой
Насъ защитилъ и пожалѣлъ о насъ.
И, если мы съ мольбой Ему предстанемъ,
Онъ внемлетъ намъ, и сердце въ Немъ смягчится.
Съ суровостью природы Онъ борется
Научить насъ. Вотъ, небо омрачилось,
И поднялся сырой и рѣзкій вѣтеръ,
Пронесшійся среди вѣтвей кудрявыхъ.
Мы видѣли, какъ столкновенье тучъ
Сверкающую молнію рождало,
Которая, огнемъ на землю павъ,
Кору сосны или пихты зажигала,
Вокругъ себя тепло распространяя.
Попробуемъ и мы, посредствомъ тренья
Горючихъ гѣль, добыть себѣ огонь.

Впослѣдствіи Господь научить насъ
Воспользоваться имъ для облегченія
Недуговъ тѣхъ, которые явились
Послѣдствіемъ прямыхъ пороковъ нашихъ.
Такъ проведемъ покорно нашу жизнь,
Пока ее во прахъ не окончимъ,
Послѣднимъ сномъ въ родной землѣ уснувъ.
Вернемся же на мѣсто приговора, —
Предъ Господомъ повергнувшись смиренно,
Молить Его о состраданіи будемъ
И, землю всю слезами орошая,
Мы вздохами пространство огласимъ,
Которые, изъ сердца исходя,
Предъ Господомъ свидѣтельствовать будутъ
О горести и о смиреніи нашемъ.

И Онъ смягчитъ Свой правосудный гнѣвъ:
И въ часъ суда, когда Господень ликъ
Суровости исполненъ былъ — во взорѣ
Божественномъ свѣтилось состраданье.

Такъ говорилъ въ раскаяніи Адамъ.
Не менѣе и Ева сокрушалась.
И, возвратясь на мѣсто приговора,
Съ рыданіемъ они поверглись ницъ
И землю всю слезами оросили.
Которыя свидѣтельствомъ явились
Раскаянья измученныхъ сердецъ
Предъ Господомъ и скорби непритворной.

КОНЕЦЪ ДЕСЯТОЙ КНИГИ.

КНИГА 11-я.

Сынъ Господа Бога представляетъ Богу-Отцу молитвы кающихся первочеловѣковъ и ходатайствуетъ объ ихъ прощениі. Господь снисходитъ къ молитвамъ падшихъ людей, но не допускаетъ дальнѣйшаго ихъ присутствія въ Раю. Онъ посылаетъ цѣлыя сонмы херувимовъ подъ военачальствомъ архангела Михаила, чтобы они изгнали грѣшниковъ изъ Эдема и сообщили имъ грядущее. Архангелъ Михаилъ сходитъ на землю, и Адамъ, указывая Еву на тревожныя знаменія, идетъ къ нему навстрѣчу. Посланникъ Небесъ передаетъ грѣшникамъ волю Господню. Ева горько рыдаетъ, но Адамъ съ твердостью встрѣчаетъ повелѣніе Господа. Архангелъ провожаетъ ихъ до ближайшаго холма, откуда въ чудномъ видѣніи открываетъ имъ всѣ событія, которыя должны совершиться до потопа.

ТАКЪ въ искреннемъ раскаянѣ молились
Они Творцу. Небесной благодатью
Все жесткое смягчилось въ ихъ сердцахъ,
И вознеслись молитвы прямо къ Небу.
Завистливые вѣтры не могли
Развѣять ихъ: въ Небесныя врата
Онѣ не умаленными проникли.

И въ облакахъ священныхъ оиміама
Ихъ къ Господу возносить Божій Сынъ:
— Взгляни, Отецъ, вотъ первые плоды,
Взросленные великимъ милосердьемъ,
Которое явилъ Ты человѣку.
Тебѣ, Отецъ, какъ Твой Первосвященникъ,
Въ кадилицѣхъ несу Я золотой
Молитвы ихъ и вздохи. Отъ сѣмянъ,
Постыанныхъ раскаяньемъ въ душѣ,
Взошли они и слаще тѣхъ плодовъ,
Которые въ Раю произростали.

Склони-же слухъ къ безгласному моленію,
И Мнѣ просить дозволю за Человѣка!
Пускай приму Я всѣ его дѣянья —
И добрыя, и злыя — на Себя
И первая достоинствомъ возвышу,
Вторая-же — Я смертью искуплю.
Въ знакъ милости къ виновнымъ и несчастнымъ,
Прими отъ нихъ благоуханье мира!
Пускай они, съ Тобою примирясь,
Остатокъ дней спокойно проведутъ,
Покуда ихъ губительная смерть
Не приведетъ къ иной и лучшей жизни,
Въ которой всѣ, чей грѣхъ Я искуплю,
Въ блаженствѣ жить и радоваться будутъ,
Соединясь со Мною нераздѣльно,
Какъ Я съ Тобой нераздѣлимо слиты!

И отвѣчалъ Отецъ Ему безъ гнѣва:
— Возлюбленный Мой Сынъ! Я принимаю
Ходатайство Твое за человѣка,
Но долѣе въ Эдемѣ оставаться

Ему законъ природы воспрещаетъ:
Безсмертная и чистая стихія
Сліянія съ грѣхомъ не переноситъ.
И человѣкъ, порокомъ оскверненный,
Вносящій въ міръ грѣховную заразу
И тлѣнію нетлѣнное подвергши,
Питаться долженъ пищею земной —
И воздухомъ дышать неоскверненнымъ
Не можетъ онъ. Блаженствомъ и безсмертьемъ
Былъ надѣленъ вначалѣ человѣкъ,
И, если онъ утратилъ первый даръ,
Второй изъ нихъ служилъ-бы лишь къ тому,
Чтобъ горести его увѣковѣчить, —
И смерть ему освобожденьемъ будетъ.
Очистившись посредствомъ испытаній
И добрыхъ дѣлъ, въ иной и лучшей жизни
Воскреснетъ онъ и вознесется къ Богу,
Когда Земля и Небо обновятся.
Но пусть ко Мнѣ, со всѣхъ концовъ Небесъ
Спѣшатъ сюда блаженныхъ Духовъ сонмы:
Рѣшенія не скрою Я отъ нихъ;
Имъ вѣдомо, какъ ангеловъ преступныхъ
Я покаралъ, пускай теперь узнаютъ,
Какъ совершилъ надъ человѣкомъ судъ,
И, видя все — пусть въ долгѣ укрѣпятся,
Хотя и такъ ихъ твердость несомнѣнна.

Умолю Господь, и Ангелу, на стражѣ
Стоящему, Мессія сдѣлалъ знакъ,
И затрубилъ въ трубу свою Архангелъ,
Въ ту самую, которая звучала
Впослѣдствіи съ Хорива и, быть можетъ,
Раздастся въ день Великаго Суда.
Немедленно, призыву повинуюсь,
Спѣшатъ сыны возлюбленные свѣта
Сюда изъ роцъ цвѣтущихъ амаранта,
Въ которыхъ бьетъ воды живой родникъ.
Они Престоль Господень окружаютъ,
И волю имъ Свою вѣщаютъ Онъ:

— Сыны мои! Запретнаго плода
 Отвѣдавшій, узнавъ добро и зло,
 Сталь человекъ безсмертному подобенъ.
 Пускай гордится знаніемъ своимъ,
 Взамѣнъ добра пріобрѣтая зло.
 Въ раскаяннѣ онъ молить о прощеннѣ,—
 Ему вложилъ Я въ душу эти чувства.
 Мнѣ вѣдомо, что, будучи свободнымъ
 Въ рѣшеніяхъ, непостояненъ сердцемъ
 И слабости подверженъ Человѣкъ.
 Дабы руки и къ Древу Жизни также
 Онъ не простеръ, изгнанію изъ Раю
 Я осудилъ виновнаго. Пускай
 Среди трудовъ воздѣлываетъ землю,
 Откуда взять: таковъ Мой приговоръ.
 Ты, Михаилъ, Мою исполнишь волю:
 Межъ пламенныхъ и грозныхъ херувимовъ
 Ты вон овъ достойныхъ изберешь,
 Которые должны святое мѣсто
 Оберегать отъ новыхъ смуть врага.
 Спѣши туда и грѣшникъ въ четѣ
 Ты объяви изгнаніе на-вѣки,
 Но возвѣсти печальный приговоръ
 Имъ съ кротостью и, если покорятся,
 Не оставляй безъ утѣшенія ихъ,—
 Грядущее откроешь ты Адаму;
 Напомни имъ, что сѣменемъ Жены
 Нарушенный союзъ возстановится.
 Тогда они, хотя съ печалью въ сердцѣ
 Покинутъ Рай, но съ миромъ и надеждой.
 Итакъ, въ Раю, съ восточной стороны,
 Поставишь ты изъ херувимовъ стражу,
 И пламенемъ сверкающихъ мечей
 Устрашены да будутъ злые духи,
 Что вздумали-бъ коснуться Древа Жизни,
 Дабы его плодами человекъ
 Вести въ соблазнъ и обольстить вторично.

Умолкъ Господь, и былъ готовъ Архангелъ
 Пуститься въ путь со свитой херувимовъ,
 Не знавшихъ сна, четвероликихъ, свѣтлыхъ,—
 Чью бдительность не властны усыпить
 Волшебный жезлъ иль дивная свирѣль,
 Что Аргуса ¹⁰²⁾ стоакого сгубили.

Межъ тѣмъ, заря привѣтствовала міръ,
 Разливъ кругомъ росы благоуханье,
 Когда Адамъ, а съ нимъ праматерь Ева
 Окончили молитву. Сниззошла
 На нихъ съ Небесъ живительная бодрость,
 И въ глубинѣ отчаянья надежда
 Блеснула имъ. И молвить мужъ женѣ:
 — Легко тому я вѣрую душою,
 Что блага все нискождать къ намъ отъ Бога,
 Но, чтобъ могла смиренная молитва
 Къ Господнему Престолу вознестись,
 Я этому съ трудомъ дерзаю вѣрить.
 Однако-же, Господь услышалъ насъ
 И, ниспославъ душѣ смятенной миръ,
 Онъ въ памяти чудесно оживилъ
 Великое Свое обѣтованье
 О сѣмени Жены, что сокрушитъ
 Главу врага. Возрадуйся-же, Ева,
 Достойная праматерь человекъ:
 Черезъ тебя живъ будетъ человекъ,
 И для него все будетъ жить въ природѣ.

Но съ грустію отвѣтила она:
 — Я имени такого недостойна —
 Преступница, обрешая тебя
 Погибели! Но, въ благодати Своей,
 Нашъ Судія меня — причину смерти,
 Источникомъ грядущей жизни сдѣлать,
 И ты ко мнѣ исполнишь снисхожденія
 Великаго. Идемъ трудиться въ поле.
 Мы провели всю эту ночь безъ сна,
 Но утро знать усталости не хочетъ:
 Съ улыбкою оно вступасть въ путь.
 Не удалюсь я больше отъ тебя,
 Куда-бы трудъ ни призывалъ урочный;
 Онъ сопряженъ отнынѣ съ утомленьемъ,
 Но можетъ-ли собою тяготить,
 Пока живемъ среди садовъ Эдема?
 Такъ будемъ-же довольны жизнью нашею!

Такъ думала и такъ желала Ева
 Въ смиреніи великомъ, но судьбою
 Предрѣшено иначе было все.
 Сіянье дня румянаго померкло,
 И съ высоты вдругъ ринулся орелъ,
 Преслѣдуя роскошно оперенныхъ
 Красивыхъ птицъ. Великолѣпный левъ
 Погнался вдругъ за ланью и оленемъ,
 Которые бѣгутъ къ вратамъ восточнымъ.
 И говоритъ съ тревогою Адамъ:
 — Великія предвижу перемены
 Въ грядущемъ я. Подобныя явленія —
 Предвѣстники Божественныхъ рѣшеній:
 Ихъ Небо шлетъ, быть можетъ, для того,
 Чтобъ возвѣститъ о приближеннѣ кары.
 Надолго-ли осталось жизни въ насъ?
 Намъ вѣдомо, что, взяты изъ праха,
 Современемъ мы снова станемъ прахомъ,—
 И больше мы не знаемъ ничего.
 Ты видишь тьму, грядущую съ востока,
 Межъ тѣмъ какъ свѣтъ на западѣ сіяетъ,
 И облако, сверкая бѣлизной,
 Спускается, плывя среди лазури?
 Божественное нѣчто въ немъ таится.

Встревоженный Адамъ не ошибался.
 Востители небесные въ Эдемъ
 Спустилися на облакъ изъ яшмы,
 И на холмѣ они расположились.
 Покинувъ станъ (своимъ великолѣпьемъ
 Плѣнившій-бы смущенный взоръ Адама,
 Когда-бы страхъ его не огуминилъ),
 Великій Вождь Небесныхъ легионовъ
 Пошелъ одинъ къ жилищу человекъ.
 И съ трепетомъ Адамъ воскликнулъ: — Ева!
 Къ извѣстію великому готовься:
 Намъ предстоитъ рѣшеніе судьбы
 Своей узнать иль новые законы,
 Предписанные Господомъ. Я вижу,
 Какъ шествуетъ величественный воинъ,
 Чья гордая осанка обличаетъ
 Владыку въ немъ и князя свѣтлыхъ Силъ.
 Онъ не суровъ и не внушаетъ страха,
 Но, кротости не замѣчаю въ немъ,
 Которая плѣняла въ Рафаилѣ.
 Привѣтствовать его мнѣ подобаетъ
 А ты пока отсюда удались!

Съ глубокою тоскою (Сатана) восклицаетъ:
— Ты, Небесамъ подобная Земля,
Едва-ли ихъ красой не превосходишь! (Стр. 89.)

Межъ тѣмъ, къ нему приблизился Архангелъ
И, говорить готовясь съ человѣкомъ,
Оставилъ онъ небесный образъ свой
И свѣтлыми доспѣхами облекся.
Поверхъ брони одежда развѣвалась
Пурпурная. Окрашена Ирисой¹⁰²,
Она была блистательнѣй и ярче,
Чѣмъ тирская пурпуровая ткань,
Носимая царями. Звѣздный шлемъ
Съ приподнятымъ забраломъ открывалъ
Прекрасный ликъ, и мужественно зрѣлы
Казались Архангела черты.
Копье въ рукѣ держалъ онъ; у бедра
Виднѣлся мечъ, подобно зодиаку
Сверкающій — гроза врага Небесь.
Адамъ спѣшитъ съ почтеніемъ склониться
Предъ Божіимъ посломъ, но Михаилъ,
Достоинство суровое храня,
Такъ о своемъ приходѣ возвѣщаетъ:
— Услышана мольба твоя, Адамъ,
И злая Смерть, которая должна
Была тебя не медля поразить,
Удалена надолго. Свой проступокъ
Раскаяньемъ и добрыми дѣлами
Загладишь ты въ теченье долгой жизни,
И, можетъ быть, Господь тебя избавитъ
Отъ смерти злой, но дольше оставаться
Тебѣ въ Раю не дозволяетъ Онъ.
Явился я, чтобъ удалить тебя;
Воздѣлывать ту землю долженъ ты,
Откуда взять. Такъ Господу угодно!

Окончилъ онъ, и холодъ леденящій
Все существо Адама охватилъ
Отчаяньемъ. Услышала и Ева
Архангела слова, и громкій вопль
Убѣжище ея собою выдалъ:
— О, роковой, губительный ударъ!
Смертельного удара ты ужаснѣй!
Покинуть Рай? Мою отчизну Рай?
Счастливые лѣса его и рощи?
Надѣялась я съ грустью, но спокойно,
Въ тѣни его послѣдній встрѣтить день
Цвѣты мои, названія которымъ
Давала я, лелѣемые утромъ
И вечеромъ заботливой рукою,
Въ иной странѣ не расцвѣтете вы!
И какъ могу съ моею брачною кущей
Разстаться я, которую цвѣтами
Душистыми я щедро украшала?
Куда пойду скиталицею въ міръ —
Безжалостный и мрачный? И возможно-ль,
Чтобъ воздухомъ инымъ дышали мы,
Привыкшіе къ плодамъ безсмертнымъ Рай?

И съ кротостью прервалъ ее Архангелъ:
— О бѣдствіи своемъ не сѣтуй, Ева!
Съ терпѣніемъ перенеси утрату,
Которая заслужена тобой!
Уходишь ты отсюда не одна:
Съ тобою — мужъ. Ты слѣдуешь за нимъ,
И тамъ, гдѣ онъ — твоя отчизна будетъ.

Опомнившись отъ перваго удара,
Что ужасомъ его оледенилъ,
Архангелу Адамъ смиренно молвить:

— Посоль Небесъ! Одинъ-ли ты изъ первыхъ
Властителей, иль первый между ними, —
Ты съ кротостью вѣщаешь повелѣнье,
Которое — возвѣщено другимъ —
Намъ сердце-бы собою растерзало,
Свершенье-же такого приговора
Убило-бъ насъ. Покинуть на-всегда
Счастливое убѣжище, отраду,
Которая очамъ осталась нашимъ!
Пустынею намъ каждая страна
Покажется, настолько-же чужою,
Насколько ей мы чужды! По рѣшенью
Всевышняго бываютъ непреложны:
Молить Его о перемѣнѣ ихъ
Мы не должны. Итакъ, я покоряюсь.
Но боже всего меня печалитъ,
Что, изгнанный отсюда, на-всегда
Лишаюсь я блаженства лицезрѣнья.
Здѣсь тѣмъ мѣстамъ я могъ-бы поклоняться,
Гдѣ Онъ меня явленьемъ удостоилъ.
Моимъ сынамъ я могъ-бы говорить:
«На той горѣ являлся мнѣ Господь,
Въ дубравѣ тамъ я слышалъ Гласъ Господень,
На берегу источника со мною
Бесѣдовалъ Всевышній. Я воздвигъ-бы
Ему вездѣ изъ дерна алтари,
Гдѣ Господу я приносилъ-бы въ жертву
Куренья смоль съ душистыми цвѣтами.
Но тамъ, въ иномъ несовершенномъ мірѣ,
Гдѣ ликъ Его увижу лучезарный
И гдѣ слѣды отъ ногъ Его найду?
Хотя страшусь Божественнаго гнѣва,
По жизнь мою продлилъ Онъ и потомство
Мнѣ обѣщаль, и слабый отблескъ славы
Божественной увидѣть издалика
Мнѣ было-бы великимъ утѣшеньемъ.

Посоль Небесъ отвѣтилъ благосклонно:
— Ты вѣдаешь, Адамъ, Земля и Небо,
А не одна лишь райская гора
Принадлежатъ Творцу, и, Вездѣсущень,
Онъ въ мірѣ все Собою наполняетъ,
Гдѣ все живетъ и дышетъ Имъ Однимъ.
Онъ далъ тебѣ всю землю во владѣнье,
Но мѣстопробываніе Свое
Онъ не однимъ Эдемомъ ограничилъ.
Сюда къ тебѣ стекались-бы потомки
Со всей земли, тебѣ на поклоненье —
Ихъ праотцу великому, но ты
Подобнаго лишился превосходства
И будешь жить въ одной землѣ съ сынами.
Въ присутствіи Творца не сомнѣвайся:
Въ долинахъ Онъ, въ дубравахъ обитаетъ;
Отеческой любовью осѣненный,
Во всемъ найдешь ты образъ Божества
И дивные слѣды Его. Но вѣдай:
Ниспосланъ я, дабы тебѣ открыть
Грядущее и въ вѣрѣ укрѣпить.
Готовься-же добро и зло увидѣть,
Борьбу страстей людскихъ и беззаконій
Съ Божественнымъ Господнимъ милосердьемъ;
И, научась переносить спокойно
Несчастіе и счастье, не станешь
Страшиться ты, когда придетъ конецъ.
Пусть Ева спитъ; взойдемъ на эту гору,
Откуда ты грядущее увидишь.

Такъ молвить Сатана;
Онъ стелется туманомъ по землѣ,
Среди гѣсовъ отыскивая змѣя,

И, наконецъ, его находятъ спящимъ,
Свернувшимся въ безчисленныя кольца.

(Стр. 90.)

Признательно Адамъ ему отвѣтилъ:
— Иди впередъ, путеводитель дивный!
Я слѣдую повсюду за тобой.
Склоняюсь я предъ Божіей десницей
Карающей и самъ судьбы ударамъ
Безропотно я подставляю грудь.
Пусть она въ страданьяхъ закалится,
А я въ трудахъ покой приобрѣту.

И, вотъ, они восходятъ на вершину
Крутой горы, откуда вся земля
До крайняго предѣла имя открылась.
Такою-же высокою была
И та гора, съ которой Искуситель
Указывалъ Христу земныя царства.
Съ вершины взоръ Адама обнимаетъ
Всѣ мѣстности, въ которыхъ основались
Впослѣдствіи прославленныя царства
И города: отъ граней Самарканда,
Гдѣ былъ престолъ великій Тамерлана,
До Пекина въ имперіи Небесной,
И далѣе, къ предѣламъ Экбатана,
Гдѣ Персія владыки управляли,
И до Москвы, гдѣ правитъ Русскій Царь.
Увидѣлъ онъ султановъ Византію
И Негуса владѣнія; Марокко,
Алжиръ и Фецъ — отчизну Альманзора ¹⁰⁴⁾
Оттуда онъ въ Европу перенесся,
Гдѣ гордый Римъ, властитель полуміра,
Впослѣдствіи возникнулъ, — и, быть можетъ,
Онъ Мексику богатую увидѣлъ
И ту страну, что звали Эль-Дорадо.

Для болѣе возвышенныхъ видѣній
Готовяся открыть Адаму очи,
Снимаетъ съ нихъ Архангелъ оболочку,
Затмившую собою зоркость ихъ,
Когда плодовъ обманчивыхъ познанья
Вкусилъ Адамъ. Ефразіей и рутой
И каплями трема воды живой
Онъ зрѣніе Адама очищаетъ,
Котораго охватываетъ дивно
Восторгъ святой, — и говоритъ ему:
— Теперь, Адамъ, открой глаза твои
И будешь ты свидѣтелемъ послѣдствій
Вины твоей, на неповинныхъ павшей!

Открывъ глаза, Адамъ увидѣлъ поле
Со сжатыми снопами; въ сторонѣ
Стада паслись, а по срединѣ поля
Былъ жертвенникъ дерновый возведенъ.
Явился жнецъ; и отъ трудовъ своихъ
На жертвенникъ священный безъ разбора
Онъ возложилъ незрѣлыя колосья
Со спѣлыми. Затѣмъ пришелъ пастухъ,
И кротостью черты его дышали.
Изъ стада взялъ онъ перенцевъ отборныхъ
И, заколовъ, куреньями осыпалъ
И возложилъ съ молитвой на костеръ.
Немедленно на жертву снизошелъ
Огонь съ небесъ, сия яркимъ свѣтомъ,
И сжегъ ее, распространяя дымъ.
Но жертва земледѣльца оставалась
Нетронутой — затѣмъ, что не отъ сердца
Она была Творцу принесена.
Со злобою въ немъ зависть закинула,

И въ пастыря онъ бросилъ острый камень.
Смертельно въ грудь ударомъ пораженъ,
Упалъ пастухъ, струится кровь ручьями,
И духъ его изъ тѣла отлетаетъ.

Видѣніемъ ужаснымъ потрясенный,
Такъ говоритъ Архангелу Адамъ:
— Несчастіе постигло, о, наставникъ,
Того изъ нихъ, чье сердце было кротко
И жертва чья столь чистою была.
Ужели такъ должны вознаграждаться
Усердіе и преданность Творцу?

Растроганный промолвилъ Михаилъ
Въ отвѣтъ ему: — Два мужа этихъ — братья,
Отъ чреслъ твоихъ они произошли,
И праведный неправеднымъ убить
Изъ зависти. Но пролитая кровь
Возмездіе собою вызываетъ,
А тотъ, кого ты видишь бездыханнымъ —
У Господа найдетъ себѣ награду

Въ отчаяньѣ воскликнулъ прародитель:
— Ужасное дѣянье и причина
Ужасная, приведшая къ нему!
Ужели Смерть я лицезрѣлъ сейчасъ
Во всемъ ея зловѣщемъ безобразьѣ?
Лишь мысль о ней приводитъ въ содроганье,
Но каково ее перенести?

И Михаилъ отвѣтилъ человѣку:
— Ты видѣлъ Смерть въ первоначальномъ видѣ,
Но много есть различныхъ видовъ Смерти,
Ведущихъ къ ней различными путями,
И менѣе страшна ея обитель,
Чѣмъ самое преддверіе ея.
Одни умрутъ отъ грубаго насилья,
Какъ видѣлъ ты; другіе — отъ огня,
Отъ голода, потопа. Большинство-же —
Отъ жаднаго воздержанья въ пищѣ,
Которое недуги порождаетъ.
Сейчасъ они чудовищной толпой
Передъ тобой воочию предстанутъ.
Увидишь ты, послѣдствіямъ какимъ
Подвергло всѣхъ воздержанье Евы!

Немедленно предъ взорами Адама
Явилось печальное жилище,
Похожее на мрачную больницу,
И множество страдальцевъ тамъ лежало.
Скопленіе недуговъ роковыхъ
Увидѣлъ онъ: мучительныя корчи,
Агонію, падучую болѣзнь,
Горячку, ракъ, водянку, воспаленье
И старческую немощь, худосочье,
Безуміе, ломоту, лунатизмъ.
Метались въ стѣнахъ страдальцы,
И отъ одра къ одру переходило
Отчаянье, межъ тѣмъ какъ злая Смерть
Копьемъ своимъ, ликуя, потрясала,
Но медлила удара нанесеньемъ,
Котораго несчастные молили.

На зрѣлище такое кто-бы могъ
Глядѣть безъ слезъ? Заплакалъ и Адамъ,
Хотя рожденъ онъ не былъ отъ жены,

И, сѣтуя, воскликнулъ онъ невольно!
— О, жалкій родъ, несчастный родъ людской!
Какъ глубоко униженъ ты, и лучше-бъ
Тебѣ во вѣкъ на свѣтъ не появляться!
Зачѣмъ-ли намъ Господь даруетъ жизнь,
Чтобъ исторгать ее среди мученій?
Съ недугами подверглось искаженью
Подобіе Господне въ человѣкѣ,
Который былъ прекраснымъ сотворенъ.
Впослѣдствіи онъ палъ, но образъ Божій
Онъ сохранилъ въ себѣ хотя отчасти
Зачѣмъ-же онъ подвергнуть униженью?

И Михаилъ отвѣтилъ: — Образъ Бога
Покинулъ ихъ, предавшихся пороку, —
И приняли подобіе порока
Тѣ, кто служилъ ему и поклонялся,
Невольникомъ страстей безумныхъ ставъ.

— Я признаю Господне правосудье, —
Сказалъ Адамъ, — но къ смерти приводящихъ
Ужель иныхъ путей не существуетъ,
Помимо тѣхъ, что видѣлъ я сейчасъ?

— Нѣтъ, есть пути! — Архангелъ отвѣчалъ: —
Воздерженъ будь, и долгіе года
Ты проживешь въ спокойствіи и мирѣ,
Пока ты въ лоно матери-земли
Не упадешь, какъ падаютъ плоды
Созрѣвшіе. Зовется это: *старость*.
Но для того, чтобъ къ старости придти,
Переживешь ты юность и красу, —
На мѣстѣ ихъ появятся сѣдины,
Упадокъ силъ. Всѣ чувства притупятся,
И радости исчезнутъ, охладится
Огонь въ крови, и жизненный бальзамъ
Съ живительною силою изсякнутъ.

И говоритъ нашъ праотецъ: — Отнынѣ
Не стану я ни смерти избѣгать,
Ни умолять о долгой жизни. Буду
Стремиться лишь къ тому, чтобъ легче было
Нести ея томительное бремя.
Я буду ждать конца и разрушенія
Съ терпѣніемъ.

Архангелъ возражаетъ:
— Привязанность и отвращеніе къ жизни —
Двѣ крайности. И долго-ль проживешь,
Не долго-ли — живи, какъ подобаетъ,
И предоставь рѣшеніе Небесамъ.
Теперь къ иному зрѣлищу готовься!

Взглянулъ Адамъ, — и видитъ онъ равнину
Со множествомъ палатокъ разноцвѣтныхъ.
По близости шатровъ паслись стада,
И слышались оттуда звуки арфы.
Виднѣтся и тотъ, кто пробѣгаетъ
Искусными перстами по струнамъ.
Невдалекѣ онъ видитъ наковальню,
Гдѣ человѣкъ изъ мѣди и желѣза
Расплавленныхъ орудья мастерить.
Но, вотъ, изъ горъ, съ ближайшей стороны,
Спускается толпа мужей достойныхъ,
Что къ племени принадлежатъ иному,
И кажется, что, преданы Творцу,

Они душой стремятся къ сохраненію
Среди людей свободы полной съ миромъ.
Въ блистающихъ уборахъ изъ шатровъ
Выходятъ тутъ прекраснѣйшія жены,
И съ пѣніемъ, и пляскою навстрѣчу
Онѣ идутъ къ пришельцамъ. Отъ красавицъ
Невластны тѣ очей своихъ отвесъ;
Опутаны любовными сѣтями,
Они спѣшатъ избрать себѣ подругъ.
Съ вечернею звѣздой Гименей
Впервые здѣсь свой факелъ зажигасть,
И пышные шатры оглашены
Веселіемъ и шумомъ праздника.

Цвѣты, вѣнки и звуки пѣснопѣній,
И зрѣлище счастливаго союза —
Все привело Адама въ восхищеніе,
И молвитъ онъ: — Благословенный Ангелъ,
Хвала тебѣ! Ты очи мнѣ отверзъ
И зрѣлище отрадное являешь,
Которое внушаетъ мнѣ надежду
На лучшіе, счастливѣйшіе дни.

Архангелъ-же отвѣтилъ: — Не суди
Поверхностно! Носящій образъ Божій,
Для высшаго ты Богомъ назначенъ.
Богатые, роскошные шатры
Являются шатрами беззаконій,
И въ нихъ живетъ братоубійца племня.
Стремясь къ однимъ утонченностямъ жизни,
Способные къ искусствамъ, люди эти,
Забывъ Творца и Духа Пресвятого,
Который ихъ столь щедро одарилъ,
Исполнились безумнымъ самоиѣніемъ.
Красавицамъ, которыхъ видѣлъ ты.
Достоинство и добродѣтель чужды.
Воспитаны для чувственныхъ утѣхъ,
Онѣ однимъ умѣниемъ обладаютъ —
Плясать и пѣть, роскошно наряжаться
И обольщать мужей благочестивыхъ,
Которые за ласки женъ безбожныхъ
Пожертвуютъ и славою, и честью.
Пускай они ликуютъ и смѣются —
За этотъ смѣхъ прольется море слезъ.

И говоритъ, мгновенно опечалась,
Тогда Адамъ: — О, горе имъ и стыдъ!
И какъ онѣ, вступившія достойно
На правый путь, отъ долга уклонились?
Но, вижу я, вездѣ отъ женъ исходятъ
Всѣ бѣдствія!

— Отъ слабости мужей,
Которые не цѣнятъ превосходства
Имъ даннаго! — Архангелъ возразилъ. —
Но къ новому видѣнію готовься!

Взглянулъ Адамъ, — обширную страну
Увидѣлъ онъ, селенія, поля
И городовъ не мало многолюдныхъ.
И полчища людей вооруженныхъ
Увидѣлъ онъ, исполненныхъ отвагой
Свирѣпою и силою могучей.
Одни изъ нихъ въ бою кровопролитномъ
У настырей стада ихъ отбиваютъ,
Другіе-же — у стѣнъ расположились
Осадою, и къ городу на приступъ

Идутъ они. И снова съ двухъ сторонъ —
Жестокій бой. Вотъ, далѣ герольды
Согражданъ всѣхъ сзываютъ на совѣтъ.
Стекаются и воины, и старцы.
Съ достоинствомъ встаетъ благочестивый,
Прекрасный мужъ, онъ людямъ говоритъ
Объ истинѣ поруганной, о мирѣ,
Насилии, о Божіемъ судѣ, —
Но старъ и младъ надъ нимъ смѣются нагло
И на него поднять готовы руку,
Но облако, спустившеся съ Неба,
Его собой отъ взоровъ укрываетъ.
Во всемъ краю господствуютъ насилье,
И право здѣсь единственное — мечъ.

И говоритъ, заплакавъ, прародитель:
— О, кто-же тѣ безжалостные люди?
Я не людьми — служителями смерти
Считаю ихъ, когда себѣ подобнымъ
Наносятъ смерть они безчеловѣчно,
Во много разъ братоубійства грѣхъ
Убійствами такими умножая.
Не братьевъ-ли разятъ они жестоко?
Идутъ войною люди на людей!
Но кто-же тотъ благочестивый мужъ,
Котораго отъ нихъ укрыло Небо?

И говоритъ Архангелъ: — Вотъ плоды
Несчастные тѣхъ браковъ злополучныхъ,
Когда въ союзъ встали добродѣтели
И злой порокъ. Отъ сочетанья ихъ
Произойдутъ всѣ эти исполины;
Имъ данную чудовищную силу
Геройскою отвагой назовутъ,
И цѣлый міръ прославить ихъ побѣды,
Хотя вѣрнѣй ихъ было-бы назвать
Заразою, врагами человѣковъ.
Такимъ путемъ распространится слава,
А кто ея воистину достоинъ —
Въ забвеніи пребудетъ до конца.
Тотъ праведникъ, седьмой потомокъ твой,
Подвергнется гоненію за то,
Что возвѣститъ о Божіемъ судѣ
Рѣшитъ онъ развратнымъ и преступнымъ, —
И Господомъ онъ будетъ взятъ на Небо,
Гдѣ смерти нѣтъ въ обители блаженства.
Дабы узнать о возляньѣ томъ,
Которое достойныхъ ожидаетъ,
И казни той, что грѣшнымъ суждена,
Смотри сюда!

Взглянулъ Адамъ, и видитъ:
Замолкла пасть ревушая войны;
Вездѣ царятъ разгулъ, веселье, роскошь,
Любовь и бракъ смѣшались съ распутствомъ,
И пиршества ведутъ порой къ раздорамъ.
Но, вотъ, среди лоящихъ наслажденье
По прихоти мгновенной налету —
Является достойный мужъ, и онъ,
Ихъ пиршества и беззаконья видя,
Старается, какъ узниковъ въ темницѣ,
Которыхъ ждетъ неотвратимо казнь,
Направить ихъ къ спасенью и добру.
Но тщетно все, и, въ этомъ убѣдясь,
Шатры свои онъ дальше переносить.

Тогда, срубивъ высокія деревья,

Построилъ онъ корабль большихъ размѣровъ
И, осмоливъ, продѣлалъ сбоку дверь.
Онъ пищею запасся для животныхъ
И для людей въ великомъ изобиліи,
И къ кораблю, — о, чудо изъ чудесъ! —
Стеклась туда попарно тварь земная:
Отъ всѣхъ породъ въ количествѣ семи,
И заняла мѣста свои въ ковчегѣ;
За ними вслѣдъ вошелъ и патриархъ,
Жена его и съ женами три сына,
И самъ Господь закрылъ за ними дверь.

Межъ тѣмъ, вдали, паря на черныхъ крыльяхъ
И тучи всѣ въ одно сгоня мѣсто,
Вдругъ поднялся сильнѣйшій вѣтеръ съ юга,
Зловѣщіе туманы, испаренья
Спустились, сливаясь съ облаками,
И хлынулъ тутъ неудержимый ливень.
До той поры не прекращался онъ,
Пока земли совсѣмъ не стало видно.
А зданіе плавучее несло
Все далѣ чудесно по волнамъ.
Другія-же роскошныя жилища
Исчезли всѣ въ могилѣ водяной;
Слились моря въ безбрежный оксанъ,
И во дворцахъ, гдѣ царствовала роскошь,
Чудовища морскія поселились.
Весь родъ людской отнынѣ заключался
Въ семьѣ людей, плывущихъ по волнамъ.

Узрѣвъ конецъ потомства своего,
Какъ горько ты печалился, Адамъ!
Ты былъ и самъ потокомъ поглощенъ
Тоски и слезъ, покуда ангелъ Божій
Тебя изъ бездны горя не извелъ.
И ты возсталъ, но безутѣшенъ былъ
И, чувствуя себя осиротѣвшимъ,
Съ усиленіемъ ты Ангелу сказалъ:
— Зловѣщія видѣнія! О, лучше-бъ
Не видѣть мнѣ грядущаго во вѣкъ!
Всѣ горести и бѣдствія его
Обрушились заранѣ на меня;
Предвѣдѣньемъ не отворишь несчастій,
Но тяжелѣй порою ожиданье,
Чѣмъ самое несчастье. Увы!
Предохранить не въ силахъ никого я:
Та горсть людей, плывущихъ по волнамъ,
Отъ голода погибнетъ безъ сомнѣнья,
И съ ними родъ окончится людской!
Когда война съ насильемъ прекратилась,
Я счастья отъ мира ожидалъ,
Но вижу я, что растлѣвается онъ
Не менѣе, чѣмъ тѣ опустошаютъ.
Повѣдай мнѣ, Божественный Паставникъ:
Ужели здѣсь — конецъ людскому роду?

И Михаилъ отвѣтилъ: — Эти люди,
Что въ роскоши и нѣгѣ утопаютъ —
Тѣ самые, чьи подвиги и доблесть
Ты созерцалъ. Пролить потоки крови,
Поработивъ враждебные народы,
Приобрѣтутъ богатую добычу
И званіе высокое они,
А вслѣдъ затѣмъ погрязнутъ въ сластолюбіи
И роскоши. Съ утратою свободы,
Равно и побѣжденные утратятъ

Тропинками под сѣнью стройныхъ кедровъ
И чудныхъ пальмъ, то явно, то скрываясь
Въ кустарникахъ, ползеть лукавый Врагъ...

(Стр. 94.)

Все доброе, остынетъ благочестіе
Въ сердцахъ людей. Стремясь къ однимъ удобствамъ,
Они въ разгуль и нѣгу погружаются.
Такъ родъ людской постигнетъ вырожденіе;
Забудутся умѣренность и правда,
И въ этотъ вѣкъ невѣрія и мрака,
Останется одинъ лишь человекъ,
Вѣщающій объ истинѣ. Въ ковчегѣ
Отъ гибели всеобщей онъ спасется.
Смотри куда!

Взглянулъ Адамъ и видитъ.
Разсѣялися вѣтромъ облака,
И убывать вода замѣтно стала;
Надъ ней возшло сіяющее солнце
И въ зеркало недвижныхъ водъ глядѣлось,
Ихъ влажною прокладой упиваясь.
Межъ тѣмъ, вода въ пучину уходила,
Которая свои закрыла плюзы.

Ковчегъ не плылъ, недвижно на вершинѣ
Большой горы остановился онъ;
Холмы вокругъ вздымались, какъ утесы,
Ручьи неслись по направленью къ морю,
Которое все дальше отступало.
Тутъ выпущенъ былъ воронъ изъ ковчега,
Вослѣдъ ему гонецъ вѣрнѣйшій — голубь,
И въ клевѣ онъ, какъ знаменіе мира.
Принесъ съ земли оливковую вѣтвь.
Среди морей опять явилась суша, —
И патриархъ выходитъ изъ ковчега,
Молитвенно онъ руки воздѣваетъ
И радуго трехцвѣтную онъ видитъ
Надъ головой: обѣтованье мира,
Прощенія Господняго залогъ.

Разсѣялась печаль въ душѣ Адама,
И, радуясь, воскликнулъ прародитель:
— Божественный Наставникъ, одаренный

Могуществомъ въ видѣньяхъ воплощать
Грядущее! Я духомъ оживаю
И вѣрую теперь, что не погибнетъ
Твореніе Господне. Я не столько
Скорблю душой о смерти развращенныхъ,
Какъ радуюсь тому я, что нашелся
Столь праведный и совершенный мужъ,
Что самъ Господь для продолженія рода
Избралъ его, свой гнѣвъ забывая.
Но что, скажи, собой изображаетъ
Трехцвѣтное сіяніе, которымъ
Какъ-будто-бы вѣнчается чело
Всевышняго? Иль этой полосой
Трехцвѣтною окаймлено чудесно
То облако, дабы оно вторично,
Разлившиися, земли не затопило?

И отвѣчалъ архангелъ Михаилъ:
— Ты угадалъ, смягчился гнѣвъ Господень.
Скорбѣлъ Творецъ при видѣ беззаконныхъ,
Но праведникъ обрѣлъ такую милость
Передъ лицомъ Всевышняго, что Тотъ
Помиловалъ виновный родъ людской
И далъ завѣтъ, что болѣе морямъ
Изъ береговъ Онъ выйти не дозволитъ.
И Свой завѣтъ великій знаменуетъ
Вотъ этою трехцвѣтною дугой,
Которая, когда сберутся тучи
На небесахъ, отраднo возсіяетъ.
Послѣдуютъ въ порядкѣ неизмѣнномъ
И день, и ночь, и жатва, и посѣвъ,
И лѣтній зной съ зимою сѣдловасой,
Пока огонь небесный не очиститъ
Вселенную; тогда съ Землею новой
И новыя возникнутъ Небеса —
Для праведныхъ блаженное жилище.

к о н в ц ъ о д и н н а д ц а т о й к н и г и .

КНИГА 12-я.

Архангелъ Михаилъ передаетъ продолженіе событій послѣ потопа. Дойдя до подробностей жизни Адама, Архангелъ понемногу открываетъ Адаму имя Того, Кто, согласно Божескому обѣщанію, происходя отъ «сѣмени Жены», сокрушитъ главу змѣи, и тѣмъ самымъ указываетъ на воплощеніе Сына Божія, говоритъ объ Его божественной кончинѣ, воскресеніи и вознесеніи къ престолу Всевышняго. Адамъ сходитъ съ холма успокоенный разсказомъ Архангела, будитъ спавшую у подошвы горы Еву и передаетъ ей все слышанное. Ева, хоть и не слышала всего, что говорилъ Михаилъ, но ей грезились такіе мирные сны, что она скоро душевно успокоилась. Послѣ этого, взявъ Адама и Еву за руки, Архангелъ Михаилъ выводитъ ихъ изъ Эдема, за нимъ слѣдуютъ огненные мечи, а херувимы занимаютъ ранѣ назначенныя мѣста для охраны божественнаго Райа.

КАКЪ путникъ тотъ, что въ полдень отдыхаетъ,
Хотя далекъ и спѣшенъ путь его, —
На рубежѣ разрушеннаго міра
И міра обновленнаго Архангелъ,
Остановясь въ своемъ повѣствованьѣ,
Отвѣта ждалъ; затѣмъ-же приступилъ
Къ разсказу вновь и кротко молвилъ: — Міра
Ты видѣлъ здѣсь начало и конецъ.

Но смертное ослабѣваетъ зрѣнье,
А потому дальнѣйшее словами
Я изложу. Покуда многолюдство
Не явится и страхъ суда Господня
Въ сердцахъ людей спасенныхъ сохранится,
Въ награду имъ за праведную жизнь
Земля пошлетъ обильный урожай,
И Господу на всесоженъе будутъ
Они тельцовъ отборныхъ приносить.
Подъ мирною отеческою властью
Ихъ племена соединятся братски,
Но явится межъ ними человѣкъ
Съ надменною и гордою душою;
Равенствомъ ихъ и счастьемъ недоволенъ,
Присвоитъ онъ владычество себѣ
Надъ братьями, поправъ законъ природы.
При помощи обмановъ и войны
Онъ покоритъ другія племена;
Названіе *Мощаго ловца*
Предъ Господомъ — получить онъ въ насмѣшку,
И родъ людской его добычей будетъ.
Съ толпой людей онъ къ западу пойдетъ.
Въ долину тамъ, подобной устью Ада,
Изъ-подъ земли кипучая смола
Струею бьетъ. При помощи ея,
Изъ кирпичей построитъ цѣлый городъ
Захочетъ онъ — съ такой высокой башней,
Которая, вершиною достигнувъ
Самихъ Небесъ, на-вѣки обезсмертитъ
Строителей могла-бы имена.
Но тутъ Господь, незримо наблюдавшій

За умысломъ козунственнымъ, смѣшаетъ
Ихъ языки; такое разпорѣчье
Онъ поселитъ среди людей, пришедшихъ
Изъ разныхъ странъ, что скоро перестанутъ
Строители другъ друга понимать
И въ ярости другъ друга уничтожать,
А зданье ихъ *Смѣшенъемъ* назовется.

Отеческимъ негодованьемъ полный,
Сказалъ Адамъ: — О, недостойный сынъ,
Присвоившій надъ братьями господство,
Которое Всевышнимъ человѣку
Даровано надъ тварью безсловесной —
Не надъ другимъ такимъ-же человѣкомъ!
И, этимъ не довольствуясь, онъ
Грозитъ Творцу и Небу захотѣлъ?!
О, жалкое безуміе людское!
Чѣмъ сталъ-бы онъ питаться въ Небесахъ?
И воздухомъ разрѣженнымъ ужели
Могла-бъ дышать его земная грудь?

И Михаилъ отвѣтилъ: — Справедливо
Ты на того, кто внесъ поработченіе
И смуту въ міръ, — душою негодуешь.
Но истинной свободы всѣ лишились
Со времени паденья твоего.
Двойникъ ея — неомраченный разумъ;
Когда-же онъ затмится въ человѣкѣ —
Страстей своихъ становится рабомъ
Тотъ человѣкъ, свободнымъ бывший прежде.
И часто Богъ, въ возмездіе за это,
И внѣшнюю свободу человѣка
Владычеству тирановъ подчиняетъ;
Тиранія бываетъ неизбѣжной,
Но деспоту не можетъ оправданьемъ
Служить она. Утративъ добродѣтель,
Которая есть въ то-же время разумъ,
Приблизятся къ паденію народы.
И дерзкій сынъ строителя ковчега

Рабомъ раба въ проклятѣи назовется,
Которое весь родъ его постигнетъ
За то, что онъ глумился надъ отцомъ.
И этотъ мѣръ какъ первый, постепенно
Къ паденію постыдному придетъ,
Пока Господь Своихъ священныхъ взоромъ
Не отвратитъ отъ грѣшныхъ, предоставивъ
Ихъ собственнымъ путямъ ихъ незаконнымъ.
Онъ избересть среди живущихъ въ мѣрѣ
Одинъ народъ, отъ мужа происшедшій
Достойнаго, хотя онъ былъ рожденъ
Въ язычествѣ. Возможно-ли повѣрить,
Что, Господа живого позабывъ,
Безумные, при жизни патриарха,
Спасеннаго чудесно отъ потопа,
Падутъ во прахъ предъ жалкимъ истуканомъ
Изъ дерева — издѣльемъ рукъ своихъ?
Но праведнаго мужа отзоветь
Въ видѣніи Всевышній изъ-подъ крова
Его отца, отъ грубыхъ лже-боговъ,
И поведетъ къ землѣ обѣтованной,
Дабы отцомъ великаго народа
Онъ сдѣлался, а въ сѣмени его
Благословитъ Создатель всѣ народы.
Немедленно призыву повинуюсь,
Родимый край спѣшитъ оставить онъ,
И вижу я, хотя не видишь ты,
Какъ съ вѣрою выходитъ изъ Харрана
Халдейскій Урь, въ сопровожденіи слугъ
И стада своихъ. Я вижу въ Ханаанѣ
Шатры его среди равнинъ Морейскихъ
По близости Сихема. Тамъ получить
Отъ Господа обѣтованье онъ,
Что вся земля его потомству будетъ
Принадлежать: съ востока отъ Гермона
До западнаго моря, отъ Гамана
На сѣверѣ и до пустынь на югѣ.
Вотъ и гора Гермонская, и море.
(Ты мысленно слѣди за мною взоромъ!)
На берегу — гора Кармель, и оба
Священные истока Иордана.
Сыны того, кто Господомъ избранъ,
Близъ горнаго Сенира поселятся.
Запомни-же слова обѣтованья,
Что въ сѣмени его благословятся
Народы всѣ! Изъ сѣмени его
Произойдетъ великій Избавитель,
Что сокрушитъ змѣиную главу.
И Авраамъ — такъ Богомъ наречется
Тотъ патриархъ, благословенный Имъ —
Наслѣдникомъ своимъ оставитъ сына,
И отъ того двѣнадцать сыновей
Произойдутъ. Въ Египетскую землю
Уйдутъ они, гдѣ протекаетъ Ниль,
(Ты видишь-ли: истоками своими,
Которыхъ семь, впадаетъ въ море онъ?)
И тамъ одинъ изъ младшихъ сыновей
Возвысится и въ царствѣ фараоновъ
Вслѣдъ за царемъ займетъ второе мѣсто.
Размножится въ землѣ его потомство,
И новый царь, забывъ гостепріимство,
Обиліемъ пришельцевъ устрашенъ,
Ихъ сдѣлаетъ рабами и великъ
Избить младенцевъ мужескаго пола.
Тогда Господь двухъ братьевъ избересть
(Ихъ имена: великій Моисей

И Ааронъ), которые избавятъ
Его народъ. Съ богатствами и славой
Направится къ землѣ, обѣтованной
Ему Творцомъ, народъ избранный Имъ.
Но ранѣе, чѣмъ это совершится,
На ихъ исходѣ жестокой фараонъ
Согласе дастъ, дабы избѣгнуть казни,
Которыя Египетъ весь постигнутъ.
Вода въ рѣкѣ внезапно станетъ кровью,
Дворецъ его собой наполнятъ жабы,
Его стада постигнетъ лютой морь,
И язвами покроется народъ;
Грѣза и вихрь ужасный пронесутся
По всей землѣ, уничтожая злаки,
А что въ поляхъ отъ вихря уцѣлѣетъ,
Все истребитъ до корня саранча,
Которая падетъ, подобно тучѣ.
Трехдневный мракъ окутаетъ страну,
И, наконецъ, всѣхъ первенцевъ Египта
Постигнетъ смерть. Тогда рѣчной драконъ,
Котораго смирили десять язвъ,
Согласе дастъ пришельцевъ отпустить,
И сердце въ немъ смягчится ледяное;
Но оттепель недолгая минуетъ,
И вновь оно подобнымъ станетъ льду.
Онъ кинется преслѣдовать ушедшихъ,
Но бездною морскою поглощенъ
Самъ фараонъ съ его дружиной будетъ.
Междъ тѣмъ, жезлу пророка Моисея
Покорная, разступится пучина,
Образовавъ дорогу посреди,
И по суху пройдетъ народъ спасенный:
Могуществомъ и силой чудотворной
Такъ надѣлитъ пророка своего
Господь и Богъ. Предшествуя народу
То огненнымъ, то облачнымъ столбомъ,
Онъ поведетъ его путемъ далекимъ
Среди пустынь къ предѣламъ Ханаана,
Дабы война не возгорѣлась тамъ,
И племена, неопытныя въ брани,
Не вздумали въ Египетъ возвратиться,
Опасностямъ неволю предпочтя.
Но долгое скитаніе въ пустынѣ
Должно принести еще другую пользу:
Отъ всѣхъ своихъ двѣнадцати колѣнъ
Народъ совѣтъ великій избересть,
И самъ Господь, среди раскатовъ грома,
Имъ возвѣститъ съ Синая свой законъ.
Путемъ Его священныхъ откровений
Они Того познаютъ, Кто спасетъ
Ихъ отъ грѣха и змѣя сокрушитъ.
Но смертнаго пугаетъ гласъ Господень,
И стануть всѣ Создателя молить,
Чтобъ волю имъ верховную Свою
Онъ возвѣстилъ устами Моисея.
Исполнится ихъ просьба, и не медля
Великій страхъ въ народѣ прекратится.
Установивъ законы и обряды
И возлюбивъ покорныхъ Божьей волѣ,
Среди людей Господь Себѣ жилище —
Божественную Скинию, воздвигнетъ,
Гдѣ будетъ Онъ незримо обитать.
По образу, Имъ данному, изъ кедра
И золота соорудится храмъ,
А въ немъ ковчегъ поставятъ драгоценный
Съ великими скрижалями Завета;

Винный Змѣй поспѣшно скрылся въ чащу,
Но, ничего вокругъ себя не видя,
Вся наслажденью Ева предалась.

(Стр. 98.)

Надъ нимъ престолъ Господня милосердыя
Возвысится, передъ которымъ будутъ
Свѣтильники — въ числѣ семи — горѣть,
Подобныя свѣтиламъ Зодіака.
И облако въ теченіе дня всего
Надъ Скиніей стоять недвижно будетъ,
Во мракѣ же — сіянье огневое.
Такъ, наконецъ, Создателемъ ведомъ,
Придетъ народъ къ странѣ обѣтованной.
Передавать не стану о дальнѣйшихъ
Событіяхъ: о множествѣ сраженій
Царей и царствъ, о томъ, какъ въ Небесахъ,
Покорная пророка повелѣнью,
Замедлитъ ночь, и солнце не зайдетъ
До той поры, пока не побѣдитъ
Въ сраженіи Израиль. Назовется
Израилемъ потомокъ Авраама,
И отъ него получить это имя
И весь народъ, смирившій Хананеянь.

Тутъ ангела прервалъ Адамъ словами:
— Посолье Небесъ, ты просвѣтилъ меня
Во тьмѣ моея и, тайны мнѣ повѣдавъ
Отрадныя, меня утѣшилъ ты!
Открылся взоръ, и сердце облегчилось,
И вижу я: приходитъ день Того,
Въ комъ племена благословятся всѣ.
Познанія запретнаго и казвщій,
Не заслужилъ я милости такой.
Но для мня одно лишь непонятно:
Обиліе законовъ говоритъ
О множествѣ великомъ прегрѣшеній,
И можетъ-ли Всевышній обитать
Среди людей, грѣхомъ обремененныхъ?

И Михаилъ отвѣтилъ: — Для борьбы
Съ порочною дарованы законы;
Пойметъ народъ, что жертвоприношенья
Не болѣе, какъ призракъ покаянья,
И праведнаго кровь должна пролиться,
Дабы собой неправедныхъ спасти.
Итакъ, законъ — одно приготовленье
Къ принятію чистѣйшаго завѣта,
Онъ — переходъ къ сіянью правды вѣчной
И къ торжеству свободы. Царство плоти
Замѣнится въ грядущемъ царствомъ духа,
И рабскій страхъ — сыновнею любовью.
Но Моисей, излюбленный Всевышнимъ,
Не приведетъ народъ свой въ Ханаанъ, —
Язычниками прозванъ Исусомъ,
Израильтянь введетъ туда Навинъ;
Исполнить онъ велѣніе Того,
Кто укротитъ сопротивленье змѣя
И людямъ Рай утраченный вернетъ.
Завѣтнаго достигнувъ Ханаана,
Тамъ будетъ жить Израильскій народъ
И процвѣтатъ въ теченіе долгихъ дней,
Пока Творца грѣхомъ и беззаконьемъ
Не прогнѣвитъ, и не воздвигнетъ Тотъ
Гонителей Израйля. Но, видя
Раскаянье народа Своего,
Господь пошлетъ заступниковъ ему,
Которыми сначала будутъ судьи,
Затѣмъ — цари. Второй изъ тѣхъ царей
Прославится горячимъ благочестьемъ
И доблестью. Отъ Бога обѣщанье

Получить онъ, что не падеть во вѣкъ
Престолъ его, и возвѣстятъ пророки,
Что, отъ сыновъ Давидовыхъ рожденный,
Возстанетъ Сынъ, Жены Святое Сѣмя
И всѣхъ земныхъ народовъ упованье,
Надъ міромъ Онъ побѣдно воцарится,
И будетъ царство это безъ конца.

До тѣхъ-же поръ царей не мало будетъ;
Давида сынъ прославится богатствомъ
И мудростью; въ великолѣпномъ храмѣ
Поставитъ онъ святой Ковчегъ Завѣта,
Скитавшійся доселѣ подъ шатрами.
Съ достойными царями наряду
Въ Израилѣ и злые воцарятся,
И болѣе, чѣмъ первыхъ, будетъ ихъ.
Пороки ихъ и идолопоклонства
Всевышняго настолько прогнѣвять,
Что Онъ предастъ ихъ городъ вмѣстѣ съ храмомъ
И древнею святынею — врагамъ.
Въ теченіе семидесяти лѣтъ
Они въ плѣну пребудутъ вавилонскомъ,
Потомъ Господь вернетъ ихъ изъ плѣненья
И къ нимъ сердца властителемъ смягчитъ,
Которые возобновить дозволятъ
Господень храмъ. Вначалѣ будутъ жить
Въ согласіи Израйля сыны,
Когда-же вновь размножатся они
И новыя приобретутъ богатства,
Среди людей опять возникнутъ смуты,
И первые начало имъ положить
Служители Господня алтаря;
Священный храмъ ихъ распрей осквернится,
Они сыновъ Давида отстранятъ,
Но скипетромъ владѣть не долго будутъ:
И перейдетъ онъ въ руки чужеземцевъ,
Дабы Христосъ, Помазанникъ и Царь,
Лишеннымъ правъ въ вертепѣ родился.

Межъ тѣмъ, звѣзда, невѣдомая міру,
Рожденіе Его предвозвѣстивъ,
Укажетъ путь восточнымъ мудрецамъ,
Что золото со смирою и ладонъ
Съ собою въ даръ Младенцу привезутъ.
Повѣдаетъ смиреннымъ пастухамъ
Рожденіе Мессіи ангелъ Божій,
И воспоютъ всѣ ангельскіе клиры
На Небесахъ пришествіе Того,
Чьей Матерью Святая будетъ Дѣва
И слава чья наполнитъ Небеса.

Онъ замолчалъ, увидѣвъ, что Адамъ
Излить въ словахъ желаетъ ликование,
Которое переполняетъ сердце:
— О, радостныхъ событій предвозвѣстникъ,
Ты завершишь великую надежду!
Отнынѣ все понятно для меня!
Вотъ почему отъ Сѣмени Жены
Произойдетъ для міра искупленье.
Хвала Тебѣ, Святая Матерь-Дѣва!
Пречистая Избранница Небесъ
И, все-же мнѣ обязана рожденьемъ,
Произведешь Ты Господа на свѣтъ:
Такъ человекъ соединится съ Богомъ,
И въ ужасѣ ждетъ пораженья змѣя.
Когда-жъ и гдѣ ихъ бой произойдетъ?

Не чувствуя спокойствія въ душѣ,
Въ отчаяннѣ они на дернъ садятся,
И слезъ ручьи стремятся изъ очей. (Стр. 101.)

Но Михаилъ на это отвѣчаетъ:
— Тѣлесныхъ ранъ не будутъ наносить
Въ сраженіѣ томъ: его единоборствомъ
Не представляя! Сынъ Божій умертвить
Не Сатану, а всѣ его дѣянья
Въ тебѣ самомъ и сѣмени твоимъ.
Онъ приметъ смерть, ту кару, что должна
Была тебя и чадъ твоихъ постигнуть,
И жертвою такую правосудью
Верховному Онъ должное отдастъ.
Законъ Творца исполнить твой Спаситель,
Явивъ любовь, а также— послушанье,
Хотя любовь одна исполнить можетъ
Святой законъ. И вѣрующимъ жизнь
Онъ возвѣститъ, но будетъ ненавидимъ
И осужденъ безжалостно народомъ
Своимъ на казнь. Онъ будетъ умерщвленъ
И пригвожденъ къ позорному Кресту
За то, что Онъ спасеніе и жизнь
Съ Собой принесъ. Но къ этому Кресту
Враговъ твоихъ Спаситель пригвоздитъ,
И вмѣстѣ съ Нимъ подвергнется распятью
Тотъ приговоръ, который осуждаетъ
Тебя и всѣхъ тобой рожденныхъ чадъ.
Такъ Онъ умретъ, но скоро Онъ воскреснетъ;
Какъ свѣтъ зари сіяя, изъ гробницы
Возстанетъ Онъ, и жертвою Его
Спасутся всѣ, кто этого захочетъ.
Такъ поразитъ Спаситель Сатану,
Онъ сокрушитъ главу его и силу
Побѣдою надъ Смертью и Грѣхомъ,
Которые орудьемъ сатанинскимъ
Являются. Больнѣй для Сатаны
Такой ударъ, чѣмъ Господу Христу
Трехдневная насильственная смерть,
Которою въ пятю ужаленъ будетъ
Божественный и славный Побѣдитель;
И для людей не такъ она страшна—
Затѣмъ, что Смерть есть только переходъ,
Подобный сну, къ блаженству жизни вѣчной.

Вслѣдъ за Своимъ чудеснымъ Воскресеньемъ
Останется не долго на землѣ
Спаситель нашъ; Своихъ учениковъ
Наставитъ Онъ, дабы они вѣщали
Всѣмъ племенамъ ученіе Его,
И повелитъ законъ Его принявшихъ
Крестить водой, грѣха во очищенье,
Дабы они душою укрѣпились
И въ случаѣ гоненья не страшились
Такъ умереть, какъ умеръ Искупитель.
И проповѣдь спасенія повсюду
Ученики Христовы возвѣстятъ
Не только всѣмъ потомкамъ Авраама,
Но даже тѣмъ, кто чтитъ его законъ.
Такъ въ племени его благословятся
Народы всѣ. На Небеса Небесъ
Со славою Сынъ Божій вознесется.
Въ торжественномъ восшествіи Своимъ
Настигнетъ Онъ и Князя тмы воздушной,
Котораго въ оковахъ повлечетъ
Вслѣдъ за Собой, и въ Адъ его низвергнетъ.
На Небеса вернувшись, къ Отцу
Возсядетъ Онъ въ сіяньѣ одесную
И выше всѣхъ превознесется тамъ.
Когда-же міръ приблизится къ концу,

Онъ снизойдетъ судить живыхъ и мертвыхъ
И, осудивъ невѣрныхъ, наградитъ
Онъ праведныхъ блаженствомъ безконечнымъ.
Тогда земля такимъ-же станеть Раемъ,
И счастье на ней полнѣе будетъ,
Чѣмъ было здѣсь, въ Эдемѣ, при тебѣ.

Такъ говорилъ архангелъ Михаилъ,
И праотецъ, великимъ изумленьемъ
И радостью исполнившись, воскликнулъ:
— Предѣловъ нѣтъ для благодати Творца!
Она и зло во благо обращаетъ.
И большее я вижу въ этомъ чудо,
Чѣмъ даже то, когда блеснулъ впервые
Изъ мрака свѣтъ. И каяться ль въ грѣхъ,
Иль радоваться долженъ я— не знаю;
Источникомъ для вящей славы Божьей
Онъ послужилъ, для вящей благодати
И милости Господней къ человѣку,
Которая преодолѣла гнѣвъ.
Но, если нашъ Спаситель вознесется,
Что станеться съ Его учениками,
Съ немногими изъ вѣрныхъ— посреди
Невѣрнаго, распущеннаго стада
Гонителей святой Господней правды?
Народъ Его кто въ истинѣ наставитъ
И защититъ? Не большимъ-ли гоненьямъ
Подвергнутся ученики Его,
Чѣмъ даже Самъ Божественный Учитель?

И отвѣчалъ Архангелъ: — Несомнѣнно;
Но Онъ съ Небесъ пошлетъ имъ подкрѣпленье,
И въ ихъ сердца вселится Духъ Святой.
Покрытые духовною броней,
Мученья всѣ они перенесутъ,
И даже смерть страшитъ ихъ перестанеть;
Гонителей жестокихъ удивитъ
Ихъ мужество. И Духъ, сошедшій дивно
На Божіихъ Апостоловъ, которыхъ
Послалъ Господь, дабы они вѣщали
Народамъ всѣмъ Евангельское слово,—
Чудесными дарами Духъ Святой
Исполнить ихъ: они заговорятъ
На всѣхъ, дотоль имъ чуждыхъ, языкахъ,
И чудеса такія-же начнутъ
Они творить, какія совершалъ
Божественный Учитель передъ ними.
Такъ, обратя въ ученіе Его
Число людей не малое, они
Со славою окончатъ путь земной,
Исторію ученья своего
И лѣтопись событій современныхъ
Грядущему оставивъ въ назиданье.

На мѣсто ихъ, какъ будетъ это ими
Предсказано, подъ пастырской личиной,
Появятся не пастыри, а волки,
Которые, гордыни и корысти
Исполнены, словами лжеученія
Лишь истину святую затемнятъ.
Себѣ стремясь мірскую власть присвоить,
Насиліе надъ Духомъ благодати
Свершатъ они, надъ спутницей его—
Великою Свободою. Разрушатъ
Они въ сердцахъ на-вѣки храмъ живой,
Воздвигнутый живой, горячей вѣрой.

Гоненіе на истину и духъ
Поднимется, и станеть большинство
Лишь внѣшняго держаться благочестья.
Такъ истина изъ міра удалится,
Пронзенная стрѣлами клеветы,
И будетъ міръ стонать подъ тяжкимъ игомъ,
Пока великій не настанеть день,
День отдыха для праведныхъ и добрыхъ,
Отмищенья день для грѣшниковъ, когда
Придетъ Тотъ, Кто Сѣменемъ Жены
Въ пророчествѣ туманномъ назывался
И въ Комъ теперь познать ты можешь ясно
Спасителя и Бога твоего.
На облакахъ, въ сіяньѣ Отчей славы,
Онъ снизойдетъ, со змѣемъ уничтоживъ
И грѣшный міръ, ему принадлежащій;
Вселенная очистится огнемъ.
И нѣмая Земля и Небеса
Появятся; настанеть безконечный
Блаженства вѣкъ; въ его основу лягутъ
Любовь и миръ съ небеснымъ правосудьемъ

Онъ замолчалъ, и молвилъ въ заключеніе
Ему Адамъ: — О, благодатный пророкъ!
Твой вѣщій духъ съ чудесной быстротою
Въ событія грядущаго проникъ
И времени теченіе измѣрилъ
До той поры, пока не остановитъ
Всевышній Самъ теченіе временъ.
За гранью той — лишь вѣчности пучина,
Которая для взоровъ недоступна.
Въ спокойствіи и мирѣ этотъ край
Покину я, тобою просвѣщенный,
Обогащенъ познаніями всѣми,
Какія могъ сосудъ скудельный мой
Вмѣститъ въ себѣ, — и надо быть безумнымъ,
Чтобъ далѣе пытаться проникать.
Да, вижу я, что подобаеъ жить,
На Промыселъ Господень уповая,
И счастья искать въ повиновеньѣ,
Въ любви къ Нему и страхѣ передъ Нимъ.
По благодати Господней торжествуетъ
Надъ зломъ добро; изъ малаго творить Онъ
Великое и слабыми на видъ
Орудьями земныя покоряетъ
Могущества; земную мудрость всю
Смиряетъ Онъ лишь кротостью одною.
Мнѣ вѣдомо отнынѣ, что страданье
За истину ведетъ къ побѣдѣ высшей
И смерть для тѣхъ, кто вѣруеть душой, —
Преддверіе къ иной и лучшей жизни;
Примѣръ Того мнѣ это покажетъ,
Въ Комъ я позналъ Мессію моего.

И произнесъ Архангелъ въ заключеніе:
— Въ тѣхъ истинахъ всю мудрость ты постигъ.
Не уповай на знаніе иное,
Хотя-бъ тебѣ открылись имена
Созвѣздій всѣхъ и всѣхъ небесныхъ силъ
И, съ тайнами пучины преисподней,
Творенія природы и созданья
Всевышняго на Небѣ и Землѣ;
Хотя-бъ тебѣ принадлежали всѣ
Сокровища вселенной, и она
Являлась-бы однимъ обширнымъ царствомъ,
Которымъ ты владѣлъ-бы несправдливо!

Лишь вѣрою и добрыми дѣлами
Умножишь ты познанія свои,
Но болѣе, вѣрнѣй всего, любовью,
Великою любовью христіанской,
Какъ назовутъ въ грядущемъ ту любовь.
Тогда и Рай безъ скорби ты покинешь:
Въ душѣ твоей такой-же будетъ рай.

Пришла пора отсюда удалиться;
Покинемъ-же вершину созерцанья.
Тамъ, на холмѣ, я воиновъ поставилъ;
Сверканіе ихъ пламенныхъ мечей —
Условный знакъ къ изгнанью твоему.
Иди скорѣй и Еву пробуди,
Которую, навѣявъ ей видѣнья
Отрадныя, я также успокоилъ.
Покорности исполнена она;
Со временемъ повѣдай обо всемъ,
Что слышалъ ты, а, главное, о томъ,
Что Сѣменемъ Жены освободится
Отъ узъ грѣха на-вѣки родъ людской.
Живите-же въ согласіи и вѣрѣ,
Вамъ суждено отъ Бога долготѣе;
Пропедающее печалить будетъ васъ,
Но эта скорбь смягчится ожиданьемъ
Грядущаго блаженства безъ конца.

Окончилъ онъ, и, вотъ, они съ горы
Спускаются. И въ кушчу къ спящей Евѣ
Спѣшитъ Адамъ, но Еву пробужденной
Находитъ онъ. Безъ признаковъ печали
Она его привѣтствуетъ словами:
— Мнѣ вѣдомо, откуда возвратился
И гдѣ ты былъ. Господь не покидаетъ
Насъ и во снѣ: измученная горемъ,
Заснула я, и дивное видѣнье,
Которое блаженство предвѣщало
Великое, явилось мнѣ во снѣ.
Веди меня! послѣдовать готова
Я за тобой. Съ тобою для меня —
Повсюду Рай, съ утратой-же твоею
Я все-равно утратила-бы Рай.
Ты для меня отнынѣ — все на свѣтѣ,
Ты, изгнанный виной моею изъ Рая;
Но я съ собой надежду уношу,
Что, если все сгубила я виновно,
То отъ меня взаимнѣ произойдетъ
Обѣщаніе намъ Спасенія Сѣмья.

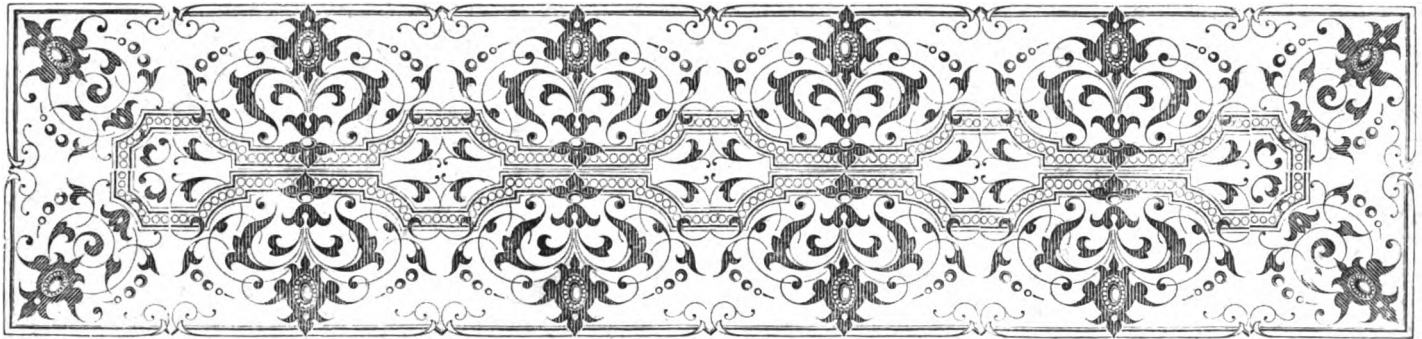
Такъ молвила праматерь наша Ева,
И ей Адамъ съ отрадою внималъ,
Но ничего отвѣтить не успѣлъ онъ:
Приблизился Архангелъ Михаилъ,
А вдалекѣ къ указаннымъ мѣстамъ
Въ сіяніи спустились херувимы.
Неслись они въ блистающемъ уборѣ,
Подобные небеснымъ метеорамъ,
И въ воздухѣ видѣлся передъ ними
Господень мечъ, который пламенѣлъ,
Какъ грозная комета, разливая
Удушливый и раскаленный зной,
Какой царитъ среди степей Ливійскихъ.
Замедлившихъ Адама съ Евой Ангелъ,
Взявъ за руки и ихъ черезъ врата
Восточныя въ долину онъ отвелъ,
И вслѣдъ затѣмъ онъ сдѣлался невидимъ.

Тогда Адамъ и Ева оглянулись,
И съ горестью увидѣли они,
Что сторона восточная Эдема —
Ихъ нѣкогда счастливое жилище,
Пылала вся, охвачена огнемъ;
И съ пламеннымъ оружіемъ въ рукахъ
Ужасныя видѣнья заграждали
Врата въ него. При зрѣлищѣ такомъ

Заплакали изгнанники, но, скоро
Утѣшившись, они утерли слезы.
Весь міръ лежалъ открытый передъ ними,
И ихъ вело Господне Провидѣнье.
Такъ объ руку нетвердыми шагами
И медленно направились они
Черезъ Эдемъ въ свой одинокій путь.

КОНЕЦЪ ДВѢНАДЦАТОЙ КНИГИ.

ВОЗВРАЩЕННЫЙ РАЙ.

КНИГА 1-я.

Поэтъ съ молитвой обращается къ Святому Духу, чтобы Онъ подтвердилъ его въ трудѣ и вдохновеніи для того, чтобы достойнымъ образомъ воспѣть великія событія. Іоаннъ Предтеча говоритъ рѣчь на берегу Иордана и, увидѣвъ приближающагося къ нему человѣка, скромнаго назарянина, узнаетъ въ немъ Сына Божія. Отъ его словъ Сатана приходитъ въ ужасъ. Полный зависти и злобы врагъ неба и земли улетаетъ въ воздушное пространство и тѣлыми тучами собираетъ около себя полчища духовъ тьмы. Онъ передаетъ своимъ подчиненнымъ все слышанное во время крещенія Иисуса Христа и высказываетъ намѣреніе искусить Его такъ-же, какъ первочеловѣковъ. Богъ-Отецъ, обращаясь къ архангелу Гавріилу, напоминаетъ о Благовѣщеніи и, вмѣстѣ съ тѣмъ, сообщаетъ о Своемъ согласіи на дьявольскій искусъ Своего Сына. Ангелы божественнымъ хоромъ воспѣваютъ предстоящую побѣду Иисуса Христа надъ Дьяволомъ. Святой Духъ приводитъ Христа въ пустыню и оставляетъ Его тамъ одного. Сынъ Божій предается воспоминаніямъ о дняхъ Своего дѣтства и о томъ, какъ Матерь Его сообщила Ему о Его рожденіи и потомъ благословила на великій подвигъ любви. Онъ вспоминаетъ о встрѣчѣ съ Іоанномъ Предтечей и о Своемъ крещеніи. Далѣе поэтъ описываетъ дальнѣйшее пребываніе Иисуса Христа въ пустынѣ въ теченіе сорока дней и встрѣчу Его съ Сатаной, принявшаго человѣчскій обликъ. Удивленный Сатана предлагаетъ Иисусу свои услуги вывести его изъ пустыни. Но по своимъ отвѣтамъ Иисусъ прямо показываетъ, что въ мнимомъ человѣкѣ Онъ узналъ Дьявола. Увидѣвъ, что Иисусъ разгадалъ его, Дьяволъ приступаетъ къ первому искусу. Своими отвѣтами Иисусъ побѣждаетъ Сатану, и онъ, смущенный и пристыженный, скрывается во мракѣ ночи.

ВОСПѢВЪ Эдемъ, людскимъ непослушаньемъ
Утраченный, я нынѣ воспою
Блаженный Рай, который человѣку
Былъ возвращенъ цѣною послушанья
Великаго. Коварный Искуситель
Былъ посрамленъ, и вражескія козни
Отражены; среди пустыни дикой
Опять Эдемъ блаженный возродился.

Ты, Духъ Святой, Которымъ приведенъ
Въ пустыню былъ Божественный Подвижникъ,
Сразившій тамъ побѣдно Духа тьмы—
Да буду я Тобою вдохновенъ,
И пѣснь мою на крыльяхъ благодатныхъ
Ты вознеси, дабы она могла,
Проникшая за грани естества,
Великія, невѣдомыя міру
Дѣянія открыть ему впервые!

Предтечею Господнимъ, Іоанномъ
Сзывалися народы къ покаянью,
И гласъ его сильнѣе потрясалъ,
Чѣмъ трубный звукъ. Готовые креститься
Къ нему со всѣхъ стекались сторонъ,

И въ ихъ числѣ къ нему изъ Назарета,
Невѣдомый дотогѣ и безвѣстный,
Пришелъ и Тотъ, Кого считали Сыномъ
Іосифа. Креститель-же узналъ
Его сейчасъ и Господомъ своимъ
Призналъ Его. Свидѣтельству Предтечи
Явилось и свыше подтвержденъ:
Едва Господь крещенье воспріялъ,
Какъ Небеса разверзлись надъ Нимъ,
И Духъ Господень, въ видѣ голубиномъ,
Главу Его собою остирилъ,
Межъ тѣмъ какъ Гласъ Отца именовалъ
Его Своимъ Единороднымъ Сыномъ.
И Сатана, который обтекалъ
Вселенную, Божественнымъ Глаголомъ
Былъ пораженъ, какъ громомъ. Съ изумленьемъ
Взираетъ онъ на Богочеловѣка,
И, завистью снѣдаемый, онъ въ царство
Летитъ свое, сзывая на совѣтъ
Сановниковъ, князей ему подвластныхъ.
Тамъ въ облакѣ, стѣнной десятиричной
Воздвигшемся вокругъ мятежныхъ сонмовъ,
Собираются они на совѣщанье.
И такъ ко всѣмъ взываетъ Сатана:

— Властители воздушнаго пространства,
 Которое завоевали мы!
 Отраднѣ упоминать его,
 Чѣмъ грозный Адъ, гдѣ столько мы страдали.
 Земному исчисленію согласно,
 Давно уже вселенной мы владѣемъ,
 Съ тѣхъ самыхъ поръ, какъ съ Евою Адамъ,
 Обманутые мною, потеряли
 На-вѣки Рай. Но въ страхѣ ожидаю
 Удара я, которымъ поразить
 Главу мою потомокъ слабой Евы.
 Возможно-ли, чтобъ это совершилось
 И снова мы утратили свободу
 И нашу мощь? Извѣстія дурныя
 Я приношу. Кто Сѣменемъ Жены
 Въ пророчествахъ зовется, и Кому
 Назначено исполнить приговоръ —
 Не только Онъ уже рождень женою,
 Но, благостью и мудростью высокой
 Испысанный, вступаетъ въ возрастъ мужа.
 Онъ къ подвигамъ готовится великимъ,
 И ужасъ мой невольно возрастаетъ.
 Пришествіе Его возвѣщено
 Предтечею, который приходящихъ
 Къ нему людей въ струяхъ рѣки священной
 Отъ ихъ грѣховъ крещеньемъ омываетъ,
 Готовя ихъ къ принятію Мессіи.
 Среди другихъ и Онъ крещенье принялъ,
 Дабы могло свидѣтельство Небесъ
 Сомнѣнья всѣ въ народѣ уничтожить.
 Я видѣлъ самъ, какъ въ горнихъ Небесахъ
 Открылись хрустальныя врата
 И снизошелъ оттуда голубъ чистый,
 А въ глубинѣ раздался Божій гласъ,
 Вѣщавшій всѣмъ, что это — Сынъ Его,
 Въ Которомъ все Его благоволеніе!

Итакъ, хотя рожденье получилъ
 Отъ смертной Онъ, но Вседержитель Самъ —
 Отецъ Его, ударомъ громоноснымъ
 Низвергшій насъ въ кромѣшную пучину.
 Теперь узнать намъ Сына предстоитъ.
 Онъ внѣшностью подобенъ челоуѣку,
 Но Отчее величіе сіяетъ
 Въ чертахъ Его. Для долгихъ словопреній
 Нѣтъ времени: опасность намъ грозитъ;
 Мы оказать должны сопротивленіе
 Не силою, но хитростью искусной.
 И, прежде чѣмъ Онъ явится Царемъ,
 Владыкою вселенной и народа,
 Опутаемъ Его тончайшей сѣтью.
 Когда никто на это не дерзалъ,
 Лишь я одинъ пустился въ страшный путь,
 Дабы найти и погубить Адама,
 Удачею мой подвигъ завершился,
 И на нее надѣюсь я теперь.

Окончилъ онъ, и сонмище мятежныхъ
 Слова его смятенемъ поразили,
 Но времени для страха и печали
 Имъ не было: задуманное дѣло
 Они спѣшатъ вождю препоручить,
 Который ихъ изъ темной бездны Ада
 Освободилъ и далъ имъ во владѣнье
 Не мало странъ, гдѣ сдѣлались они
 Владыками и даже божествами.

Такъ, хитростью вооруженъ змѣиной,
 Спѣшитъ къ рѣкѣ священной Сатана,
 Надѣясь тамъ увидѣть Сына Божья
 И кознями вовлечь Его въ соблазнъ.
 Но злобныя намѣренья его
 Явились орудьемъ для свершенья
 Судебъ Творца, во-вѣки непреложныхъ.
 Въ собраніи архангеловъ Своихъ
 Глаголетъ такъ Всевышній Гавріилу:
 — Ты, Гавріиль, и ангельскія силы,
 Блюстители, поставленные Мною
 Надъ смертными, внимайте Мнѣ! Готово
 Исполниться великое посольство;
 Ты, Гавріиль, являсь къ Пречистой Дѣвѣ,
 Ей возвѣстишь, что Сына непорочно
 Зачнетъ Она, Котораго прославятъ
 Народы всѣ, и наречется Сыномъ
 Господнимъ Онъ. Дабы Свое рожденье
 Онъ оправдалъ, отнынѣ Сатанѣ
 Я предаю Его на искушенье.
 Пусть врагъ Небесъ попыбуетъ ввести
 Его въ соблазнъ, предъ сонмищемъ своихъ
 Странниковъ лукавствомъ похваляясь.
 Смирению не научился врагъ,
 Хотя и былъ Ювовомъ посрамленъ.
 Отнынѣ Онъ Сильнѣйшаго познаетъ,
 Возставшаго отъ сѣмени Жены;
 Произойдетъ въ пустынѣ искушенье,
 Начнется тамъ великая борьба;
 Пусть ангелы и сонмы силъ небесныхъ
 Увидятъ всѣ, сколь совершененъ Тотъ,
 Кого избралъ Я для спасенья міра.

Такъ возвѣстилъ Предвѣчный. Небеса,
 Безмолвныя доселѣ, огласились
 Торжественнымъ и дивнымъ пѣснопѣньемъ,
 И звуки арфъ сливались съ голосами:
 — Спасителю побѣда и хвала!
 Хвала Ему и слава! Въ бой великій
 Вступаетъ Онъ и побѣждаетъ зло
 Премудростью одною. Не страшится
 Его Отецъ подвергнуть искушенью.
 Разсѣйтесь-же, всѣ ухищренія Ада
 И козни всѣ со злобой сатанинской.

Такъ въ Небесахъ звучалъ канонъ святой.
 Межъ тѣмъ, Господь остался въ Виноаврѣ¹⁰⁵⁾,
 Гдѣ принималъ крещеніе народъ,
 И глубоко въ Него западали думы,
 Какъ приступить къ Божественной задачѣ
 Спасенія всего людскаго рода
 И путь какой избрать Ему затѣмъ,
 Чтобъ возвѣститъ Свое предназначенье,
 Которому свершиться надлежитъ?
 Въ одинъ изъ дней, руководимый Духомъ,
 Онъ шелъ Одинъ; ища уединенья,
 Въ пустыню Онъ все дальше углублялся,
 И тамъ, въ тѣни суровыхъ дикихъ скалъ,
 Онъ предался глубокимъ размысленьямъ:
 — Какъ много думъ рождается во Мнѣ;
 Когда все то сопоставляю Я,
 Что чувствую и что вокругъ Я слышу.
 И, будучи ребенкомъ, не любилъ
 Я дѣтскихъ игръ, Мой умъ стремился къ знанью,
 Къ общественному счастью и благу.
 Мнѣ думалось, Я призванъ для того,

И въ ужасѣ отъ Воинихъ очей
Жена и мужъ спѣшатъ укрыться въ чащу. (Стр. 104.)

Чтобъ истину возстановить святую
Здѣсь на землѣ. Съ понятъемъ, превышавшимъ
Года Мои, Я изучалъ Законъ
И въ немъ достигъ такого совершенства,
Что, прежде чѣмъ исполнился Мнѣ
Двѣнадцать лѣтъ, въ день праздника Господня,
Придя во храмъ, учителей Закона
Я вопрошалъ, стараясь уяснить
Познанья ихъ, и всѣ дивились Мнѣ.
Въ началѣ Я мечталъ народъ избавить
Отъ римскаго владычества, изъ міра
Изгнать на вѣкъ насиліе и, правдѣ
Свободу давъ, возстановить равенство.
Но вслѣдъ затѣмъ казаться стало Мнѣ
Божественнѣй и вмѣстѣ человѣчнѣй
Сердца людей словами покорять
И вразумлять заблудшія ихъ души,
Которыя не знаютъ, что творять.

Однажды Мать, въ душѣ Моей читая,
Сказала Мнѣ: — «Возвышенныя думы
«Питай въ Себѣ, возлюбленный Мой Сынъ.
«Пусть онѣ стремятся къ высотѣ,
«Къ которой ихъ возносятъ добродѣтели
«И истина, хотя и непримѣрна
«Та высота. Да будутъ несравненны
«Дѣла Твои, къ которымъ Всемогущимъ
«Твоимъ Отцомъ Ты предназначенъ свыше!
«Онъ — Царь царей, Единодержецъ вѣчный,
«Владыка Онъ надъ Небомъ и Землею,
«Надъ духами и смертными людьми.
«Посломъ Небесъ возвѣщено Мнѣ было,
«Что силою Всевышняго Я — Дѣва,
«Зачну Тебя, что будешь Ты великъ
«И царствовать Ты станешь безконечно.
«Въ святую ночь, когда рождался Ты,
«На Небесахъ и въ полѣ Виллеемскомъ
«Рожденіе Спасителя воспѣли
«Всѣ ангелы, объ этомъ возвѣщая
«Тремъ пастырямъ, стада свои стерегшимъ, —
«И тѣ пошли искать Тебя и въ ясляхъ
«Лежащаго нашли они Тебя.
«Звѣзда, дотоль невѣдомая міру,
«Туда волхвовъ съ востока привела,
«И золото со смиреню, и ладанъ
«Къ стопамъ Твоимъ повергли мудрецы,
«А Симеонъ и праведная Анна,
«Имѣвшіе отъ Бога откровенье,
«Тебя найдя во храмѣ, передъ всѣми
«Мессією Тебя провозгласили».

Отъ Матери Моей о томъ услышавъ,
Я сызнова изслѣдовалъ Законъ,
Ища того, что было о Мессіи
Написано. И стало ясно Мнѣ,
Что Я былъ Тотъ, о Кѣмъ предвозвѣщали
Пророчества, что тяжкія мученья
И даже смерть Я долженъ претерпѣть,
Дабы грѣхи людскіе искупить,
Которые всей тяжестью своею
Обрушатся лишь на Мою главу.
Но, духомъ не слабѣя, безъ боязни
Урочнаго мгновенья Я ждалъ,
Когда пришлось Крестителя впервые
Мнѣ увидать, великаго Предтечу,

Который путь Мессіи приготовить.
Мнѣ вѣдомо его рожденіе было,
Но ранѣе не видѣлъ Я его,
И Я пошелъ креститься отъ Предтечи;
Но, Господомъ чудесно вразумленный,
Меня узналъ не медля Іоаннъ
И объявилъ народу громогласно,
Что Я — тотъ мужъ, которому Предтечей
Онъ долженъ быть. И таинство крещенья
Онъ не хотѣлъ надъ высшимъ совершить,
Съ большимъ трудомъ на это согласившись.

И, вотъ, когда Я вышелъ изъ воды,
Разверзлись Небесныя врата,
И Духъ Святой спустился на Меня,
А въ Небесахъ раздался Гласъ Господень,
И Онъ вѣщаль благоволенье Мнѣ
И звалъ Меня Единороднымъ Сыномъ.
Итакъ, теперь Мнѣ вѣдомо, что время
Исполнилось: въ безвѣстности не долженъ
Я пребывать, но данную Мнѣ свыше
Отъ Бога власть явить открыто міру.
Теперь влечетъ невѣдомая сила
Меня сюда въ пустыню — для чего?
Не знаю Я и этого, быть можетъ,
Не долженъ знать. Пути Свои Господь
Откроетъ Мнѣ, когда настанетъ время.

Такъ молвилъ Онъ и утренней звѣздѣ
Подобенъ былъ, надъ міромъ восходившей.
Зловѣщая и мрачная пустыня,
Куда нога людская не ступала,
Со всѣхъ сторонъ лежала передъ Нимъ.
Обратный путь былъ труденъ и тяжелъ,
Но далѣе и дальше въ глубину
Влекло Его. И такъ былъ погруженъ
Въ раздумье Онъ о прошломъ и грядущемъ,
Что всякаго сообщества милѣе
Казалось Ему уединенье.
Такъ сорокъ дней провелъ въ пустынѣ Онъ,
Въ долинахъ-ли, въ пещерѣ укрываясь
Иль на холмахъ — объ этомъ не открыто.
Онъ голода не чувствовалъ и пищи
Не принималъ, и только подъ конецъ
Мучительно въ Немъ голодъ пробудился.
Во время сна и днемъ не причиняли
Ему вреда ни дикій звѣрь, ни гадъ.
Но, вотъ, старикъ, въ одеждѣ земледѣльца,
Какъ-бы ища заблудшую овечку,
Съ Нимъ встрѣтившись, подходитъ къ Іисусу
И говоритъ: — Какою, Господинъ,
Судьбою злой Ты приведенъ сюда,
Такъ далеко отъ всякаго жилища?
Проходятъ здѣсь одни лишь караваны.
Изъ путниковъ, вернувшихся отсюда,
Въ пустынные предѣлы одиноко,
Никто вступить, навѣрно, не дерзалъ.
И мнится мнѣ: не Ты-ли — дивный Мужъ,
Котораго недавно Сыномъ Божьимъ
Именовалъ Креститель Іоаннъ?
Я слышалъ все. Пустынножитель я,
Но иногда случается и намъ
Въ селеніяхъ бывать и въ городахъ,
Вотъ почему мнѣ вѣдомо все это.

А воиновъ крылатыхъ легіоны,
Блюда приказъ Владыки своего,
Дворецъ его усердно охраняли

И ждали съ каждымъ часомъ возвращенья
Искателя невѣдомыхъ міровъ.

(Стр. 107.)

И Божій Сынъ отвѣтилъ:—Кто привелъ
Меня сюда, Тотъ выведетъ отсюда.
Я не ищу проводника иного.

— Для этого необходимо чудо! —
Сказалъ пастухъ, — корою и корнями
Привыкли мы питаться и выносимъ
Томительную жажду, какъ верблюдъ.
Но, если Ты—воистину Сынъ Божій,
То повели, чтобъ камни стали хлѣбомъ,
Спаси Себя и пищей подкрѣпи насъ,
Которою питаемся мы рѣдко!

Въ отвѣтъ ему Сынъ Божій возразилъ:
— Такою-ли ты полагаешь въ хлѣбѣ
Спасительную силу? (Ты не то,
Чѣмъ кажешься.) Не сказано-ль въ Писаньѣ,
Что не единымъ хлѣбомъ человекъ
Бываетъ живъ, но словомъ, исходящимъ
Изъ устъ Творца? Не манной-ли Господь
Здѣсь праотцевъ Израиля питалъ?
Всѣ сорокъ дней безъ пищи и питья
Былъ на горѣ Хорива Моисей,
И сорокъ дней въ пустынѣ Илія,
Подобно Мнѣ, безъ пищи оставался.
Зачѣмъ-же ты, когда тебѣ извѣстно,
Кто Я, какъ Мнѣ извѣстно о тебѣ—
Пытаешься ввести Меня въ соблазнъ?

И врагъ Небесъ, откинувшій притворство,
Отвѣтилъ такъ:—Воистину я—тотъ
Несчастный Духъ, на Господа возставшій
И ввергнутый съ союзниками въ адъ.
Однако, я не заключаю въ темницу
Безвыходно, я въ воздухѣ парю
И шаръ земной свободно облетаю.
Не возбраненъ мнѣ доступъ въ Небеса;
Когда Господь Іова добродѣтель
Испытывалъ, я съ Божьими сынами
Предсталъ ему и Божія велѣнья
Исполнилъ я, введя въ обманъ Ахава ¹⁰⁶
Надменнаго. Любви ко мнѣ Творца
Лишился я, и блескъ первоначальный
Утратилъ я отчасти, но во мнѣ
Еще живеть влечение къ добру
И красотѣ: я изумляюсь имъ.
И могъ-ли я желанья не питать
Приблизиться къ Тебѣ и подивиться
Премудрости и подвигамъ Твоимъ?
Врагомъ людей слыву я, но за что
Мнѣ родъ людской упорно ненавидѣть?
Насилія я отъ людей не видѣлъ,
Не черезъ нихъ утратилъ я блаженство,
Наоборотъ, лишь съ помощью людской
Я приобрѣлъ владѣнія мои;
Надъ міромъ власть я съ ними раздѣляю,
А, можетъ быть, и царствую надъ нимъ.
Я помощь имъ оказываю часто,
Ниспосылая знаменья и сны.
Пусть говорятъ, что зависть побуждаетъ
Меня искать въ несчастіи собратьевъ.
Согласенъ я: вначалѣ было такъ,
Но не теперь. Извѣдавъ муки Ада,
По опыту я знаю, что страданій
Сообщество не можетъ облегчить.
Болиѣй всего, что павшій человекъ

Спасеннымъ быть надѣется, а мнѣ
Не суждено спасеніе во-вѣки.

И Сатанѣ Спаситель возразилъ
Со строгостью:—Ты заслужилъ страданья,
Лжецомъ ты былъ и будешь до конца.
Ты хвалишься свободою своею
И доступомъ на Небеса Небесъ?
Воистину отвержень, презираемъ,
Ты плѣнникомъ, рабомъ туда являлся,
Гдѣ нѣкогда изъ первыхъ былъ по славѣ.
Въ обители блаженства ты сильнѣе
Терзаешься утратою его
И въ Небесахъ себѣ находишь Адъ.
Ты подчиненъ Небесному Царю,
И то, что ты зовешь повиненьемъ—
Не болѣе, какъ страхъ или злорадство;
Лишь злобою одною побуждаемъ,
Преслѣдовалъ жестоко ты Іова,
Но онъ тебя терпѣньемъ побѣдилъ.
Служенье лжи избралъ ты добровольно,
Питаешься ты ложью и живешь,
Но хочешь слыть поборникомъ за правду.
Пусть отъ тебя исходятъ прорицанья,
А вѣруютъ-ли имъ среди народовъ?
И что твоихъ оракуловъ отвѣты,
Какъ не одно хитросплетенье лжи,
Которое лишь разумъ затемняетъ?
Кто изъ людей отъ алтарей твоихъ
Съ надеждою отрадной возвращался,
Увѣренъ въ томъ, какъ поступить ему,
Чего бѣжать? И не былъ-ли скорѣе
Онъ вовлеченъ въ погибельныя сѣти?
Во власть твою Всевышній предаетъ
Подпавшие язычеству народы.
Когда-жъ Ему угодно возвѣститъ
Высокія Свои опредѣленья,
Которыя невѣдомы тебѣ,
Займствуешь ты истины глаголь
Отъ Господа и ангеловъ Его.
Гнушаяся къ твоимъ нечистымъ храмамъ
Приблизиться, они повелѣваютъ
Тебѣ все то дословно повторить,
Что знать должно поклонникамъ твоимъ.
И, трепеща отъ страха, рабобино
Ты имъ спѣшишь во всемъ повиноваться,
А вслѣдъ затѣмъ себя провозглашаешь
Ты истины глашатаемъ. Но скоро
Среди людей твоя затмится слава;
Вводившіе язычниковъ въ обманъ
Умолкнутъ всѣ оракулы твои,
И вопрошать ни въ Дельфахъ, ни въ подобныхъ
Сему мѣстахъ тебя не станутъ больше
Среди торжествъ и праздничныхъ обрядовъ.
Господь послалъ Свое Живое Слово,
Дабы Свои велѣнья возвѣститъ,
А вслѣдъ за нимъ въ сердцахъ благочестивыхъ
Духъ истины на-вѣки поселится

Такъ говорилъ Спаситель Иисусъ,
Но хитрый врагъ, въ душѣ скрывая злобу
И ненависть, Ему отвѣтилъ кротко:
— Съ суровостью меня Ты порицаешь
За все, къ чему не собственно волеи—
Несчастіемъ я принужденъ моимъ.
Гдѣ Ты найдешь несчастнаго, который

Шипѣніемъ и свистомъ весь чертогъ
Наполнился, кишать повсюду змѣи,
Чудовища разнообразныхъ формъ... (Стр. 107.)

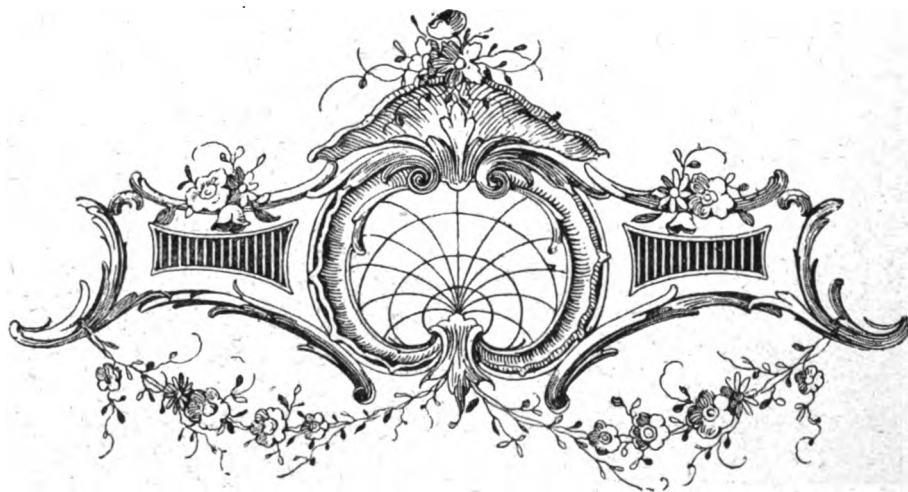
Отъ истины порою не уклонялся бѣ?
Приходится ему и притворяться,
И льстить, и лгать, и нарушать обѣтъ.
Но Ты — Господь и Богъ мой. Отъ Тебя
Выслушивать могу я укорины,
И для меня легка такая кара.
Путь истины и труденъ, и тяжелъ,
Но истина такъ сладостно звучитъ
Въ устахъ Твоихъ, плѣняя слухъ, какъ пѣнье,
Что ей внимать съ отрадой я готовъ.
И люди чтутъ порою добродѣтель,
Не слѣдуя всѣмъ правиламъ ея.
Дозволь-же мнѣ бесѣдовать о ней,
Хотя ея достигнуть не могу я.
И Твой Отецъ, Премудрый и Пречистый,
У алтаря выносить Своего
Служителей безбожно-лицемѣрныхъ
И возносить къ Нему имъ позволяеть
Моленія. Устами Валаама,
Который былъ въ нечестьѣ обличенъ,

Вѣщалъ Господь Свою Святую волю.
Не возбраняй-же доступа къ Себѣ,
Дозволь и мнѣ бесѣдовать съ Тобою!

И отвѣчалъ ему невозмутимо
Спаситель нашъ: — Намѣренья твои
Мнѣ вѣдомы; ни позволять тебѣ,
Ни воспрещать не буду Я. Твори
Все, что тебѣ дозволено отъ Бога,
И большаго не можешь ты!

Онъ смолкъ.
Предъ Господомъ склонился Сатана,
И принятый имъ образъ, какъ туманъ,
Разсѣялся. На темныхъ крыльяхъ ночь
Спустилася, усиливъ мракъ пустыни;
Пернатя въ своихъ укрылись гнѣздахъ,
И рыскали повсюду на свободѣ
Лишь хищники изъ дебрей и лѣсовъ.

КОНЕЦЪ ПЕРВОЙ КНИГИ.

КНИГА 2-я.

Ученики Иоанна Предтечи смущены исчезновением Мессии, принявшего крещение в Иорданѣ. Ихъ волнуешь сомнѣніе и тайная мысль, что давно ожидаемый Спаситель міра только на время сошелъ на землю, чтобы послѣ крещенія и Божескаго знаменія снова вернуться къ престолу Своего Отца. Собравшись въ бѣдной хижинѣ, они долго сѣтовали на свою судьбу, но потомъ эти сѣтованія смѣнились надеждой на то, что Мессія возвратится назадъ. Матерь Божія, не зная, куда скрылся ея Сынъ, и скорбя объ Его отсутствіи, вспоминаетъ день Его рожденія, прибытіе и поклоненіе пастырей, бѣгство съ Божественнымъ Младенцемъ въ Египетъ, пребываніе въ Назаретѣ, проповѣдь Отрока въ храмѣ, и потомъ, отдавшись волю Господу, рѣшаетъ безропотно и терпѣливо ожидать возвращенія Своего Сына. Между тѣмъ, Иисусъ Христосъ въ постѣ и молитвѣ продолжаетъ оставаться въ пустынѣ. Потерпѣвъ первую неудачу, Дьяволъ опять собираетъ начальниковъ своихъ главныхъ силъ и, рассказавъ имъ, что Спасителя соблазнить гораздо труднѣе, чѣмъ Адама и Еву, проситъ ихъ помощи и совѣта. Начальники общаются ему то и другое, и одинъ изъ нихъ, по имени Веліалъ, предлагаетъ соблазнить Христа женщиной. Сатана укоряетъ Веліала за страсть его къ женщинамъ и прибавляетъ, что Спаситель награжденъ свыше такими добродѣтелями, что въ мірѣ едва-ли найдется женщина, способная соблазнить Его. Если-же чѣмъ и можно искутить Его, то это, ввиду Его постоянного голода въ пустынѣ, какими-нибудь изысканными яствами. Сонъ и пробужденіе Спасителя. Взойдя на высокой холмъ, Онъ видитъ оттуда великолѣпный оазисъ и тотчасъ идетъ къ нему. Здѣсь Онъ опять встрѣчается съ Дьяволомъ, принявшимъ видъ знатнаго и зажиточнаго землевладѣльца. Соболезнуя о долгомъ постѣ Спасителя, Сатана вспоминаетъ повѣсть объ Агарі, о сынахъ Израилевыхъ, странствовавшихъ въ пустынѣ, о пророкѣ, который томился тамъ голодомъ, и при этомъ говорить, что прежде на помощь ко всѣмъ страждущимъ являлись ангелы Божьи, на землю падала небесная манна, а, вотъ, теперь Иисусъ забытъ и небомъ, и людьми. Едва Дьяволъ окончилъ свое повѣствованіе, какъ по его мановенію является великолѣпный столъ, уставленный самыми изысканными яствами. Дьяволъ предлагаетъ Иисусу утолить голодъ, говоря, что видѣнное Имъ послано Ему самой природой. Спаситель отказывается отъ стола, который тотчасъ-же исчезаетъ, и пристыженный Дьяволъ предлагаетъ Сыну Божію царство и богатство, говоря, что безъ этого нельзя за собой увлечь народы. Но Иисусъ отвергаетъ и это и говоритъ, что для этого не нужны ни блескъ, ни богатства, а необходимы только вѣра и добродѣтель.

ПРІЯВШЕ крещеніе, межъ тѣмъ,
Остались у Иорданскихъ водъ
Съ Крестителемъ, и слышали они
Свидѣтельство его объ Иисусѣ,
Который былъ провозглашенъ Мессіей.
Увѣровавъ въ Помазанника Божья,
Пошли за Нимъ Андрей и Симонъ-Петръ,

И многіе, которыхъ имена
Не названы въ Писаніи Священномъ.
Но вдругъ отъ нихъ Спаситель удалился,
И радость ихъ сомнѣніемъ смѣнилась;
То мнилось имъ, что временно Господь
Являлся имъ, и, словно Моисей,
Онъ къ Богу взять иль, словно Ілія,
Вознесся Онъ на колесницѣ въ Небо,
Однако, съ тѣмъ, чтобъ возвратиться въ міръ.
Какъ въ оны дни ученики пророка
Отыскивали всюду Ілію,
Такъ и они искали Иисуса
Во всѣхъ мѣстахъ съ Виварою сосѣднихъ
И въ городахъ Салимѣ и Еннонѣ¹⁰⁷⁾,
На берегу Геннисаретскихъ водъ.
Но тщетными ихъ поиски остались,
И рыбаки, вернувшись къ Иордану,
Гдѣ шепчутся зефиры въ тростникахъ,
Тамъ въ хижинѣ печали предались:
— Какая намъ надежда возсіяла
И какъ она нежданно исчезаетъ!

Явился намъ Мессія долгожданный,
Мы слышали ученіе Его,
Исполненное благи и правды,
И близкаго спасенія ждали мы,
Но, вотъ, себя съ тревогой вопрошаемъ:
Куда исчезъ Великій Искупитель?
Пошли, Господь, Мессію Твоего!
Ты видишь Самъ: народъ, Тобой избранный,
Властители земные притѣсняють,
И предъ Тобой они забыли страхъ!
Но будемъ ждать. Черезъ своего Пророка
Господь явилъ Мессію Своего,
Представшаго во славу всенародно;
Мы сами здѣсь бесѣдовали съ Нимъ,
Дѣлили съ Нимъ жилище и трапезу.
Итакъ, друзья, возрадуемся въ сердцѣхъ,
На Господа возложимъ упованье:
Желаннаго Мессію Онъ вернетъ, —
Вернется Тотъ, въ Которомъ полагаемъ
Всѣ радости и всю надежду нашу.

Такъ, сѣтуя, надѣялись они
Вновь обрѣсти Найденаго однажды
Безъ поисковъ. Но Дѣва-Богоматерь,
Увидѣвши вернувшихся съ крещенья
И Господа межъ ними не найдя,
Встревожилась душою непорочной
И молвила среди глубокихъ вздохомъ:

— О, для чего сподобилась Я чести
 Быть Матерью Спасителя и Бога
 И слышала Архангела привѣтъ:
 «Благословенна въ женахъ Ты!» Не меньше
 Страдала Я, чѣмъ и другія жены,
 Когда на свѣтъ Я Сына родила,
 И въ ясляхъ Онъ пріюлъ Себѣ нашель.
 Затѣмъ бѣжать пришлось намъ въ Египетъ,
 Пока здѣсь жилъ жестокосердый Царь,
 Избившій всѣхъ младенцевъ вифлеемскихъ,
 Дабы Его вѣрнѣе умертвить.
 Не мало лѣтъ мы жили въ Назаретѣ;
 Здѣсь, углубясь въ мечты и созерцанье,
 Не могъ навлечь Онъ царскихъ подозрѣній,
 Но, вотъ, теперь, достигнувъ зрѣлыхъ лѣтъ,
 Я слышала, Онъ признанъ Иоанномъ,
 И Самъ Господь именовалъ Его
 Возлюбленнымъ Единороднымъ Сыномъ.
 Не славы, нѣтъ, — скорбей Я ожидаю;
 Мнѣ Симеонъ однажды предсказалъ,
 Что многіе падутъ черезъ Него
 И многіе возвысятся въ народѣ,
 И острый мечъ вознися въ сердце Мнѣ.
 Итакъ, Меня Всевышній возвеличилъ
 Для горестей и для великихъ мукъ,
 Благословенна буду Я и скорбью
 Удручена. Не смѣю ни роптать,
 Ни сѣговать. Гдѣ медлитъ Онъ? Къ великимъ
 Дѣяніямъ готовится Мой Сынъ.
 Когда Ему всего двѣнадцать лѣтъ
 Исполнилось, Его Я потеряла
 И вновь нашла; Я поняла тогда
 Изъ словъ Его, запавшихъ въ душу Мнѣ,
 Что Отчую Онъ исполняетъ волю,
 И съ той поры Я терпѣливо жду.

Такъ съ кроткою покорностью ждала
 Грядущаго Святая Богоматерь,
 А Сынъ Ея, постая въ пустынѣ дикой,
 Божественнымъ питался размышленьемъ.
 Обдумывалъ въ уединенѣ Онъ
 Великое посланіе Свое,
 Которому свершиться надлежало,
 Межъ тѣмъ какъ врагъ, Христа предупредивъ
 О томъ, что онъ намѣренъ возвратиться,
 Вновь полетѣлъ въ воздушное пространство,
 Гдѣ адскіе владыки засѣдали.
 Удачно предъ ними не хвалясь,
 Въ уныніи повелъ онъ рѣчь такую:
 — Великіе монархи и князья,
 Которые звались сынами Неба
 И сдѣлались владыками въ Аду,
 Вѣрнѣе-же — властители стихій:
 Земли, Воды и Воздуха съ Огнемъ!
 Здѣсь царствовать могли мы безъ помѣхи,
 Но грозный Врагъ войною беспощадной
 Возсталъ на насъ, и угрожаетъ Онъ
 Изгнаніемъ въ пучину преисподней.
 Собраніемъ уполномоченъ вашимъ,
 Его найдя, пытался искушать я,
 Но побѣдить Его не такъ легко,
 Какъ привести къ паденію Адама,
 Который палъ, женою соблазненъ.
 Тотъ человекъ (быть можетъ, божество,
 Хотя рожденъ отъ смертной) превосходитъ
 Его во всемъ, отъ Неба надѣленъ

Божественно-высокимъ совершенствомъ,
 Безмѣрно благъ и духомъ всеобъемлющъ,
 Готовится къ великимъ Онъ дѣламъ;
 А потому увѣренность въ успѣхѣ
 Питать нельзя, о чемъ предупреждаю
 Заранѣй васъ; такъ будьте-жъ готовы
 Мнѣ помогать совѣтомъ и дѣлами,
 Иль побѣжденъ я буду, полагавшій,
 Что равнаго не знаю я себѣ.

Такъ древній Змѣй въ сомнѣнѣ говорилъ,
 И всѣ его увѣрить успѣшили,
 Что помогать они ему готовы.
 Тутъ поднялся развратнѣйшій изъ духовъ,
 Тотъ Велиалъ, который Асмодею
 Не уступалъ въ постыдномъ сластолюбѣ,
 И молвить онъ: — Пусть на пути Своемъ
 Увидитъ Онъ прекраснѣйшихъ изъ женъ,
 Которыя богини напоминаютъ.
 Во всѣхъ краяхъ найдется ихъ не мало;
 Постигшія любовное искусство,
 Пльнивъ сердца волшебными рѣчами,
 Онѣ въ сѣтяхъ влекутъ ихъ за собой.
 Подобныя созданія способны
 Суровый нравъ побѣдно укротить;
 Согнавъ съ чела угрюмага морщины,
 Обольщены желаньемъ легковѣрнымъ,
 Обмануты надеждой сладострастной,
 И мужественно твердыя сердца
 Довѣрчиво имъ предаются въ рабство.
 Такъ твердое желѣзо привлекаетъ
 Къ себѣ магнитъ. Не прелестью-ли женскою
 Былъ Соломонъ премудрый ослѣпленъ,
 Котораго заставили рабыни
 Соорудить кумирни ихъ богамъ?

И возразилъ поспѣшно Сатана:
 — Ты, Велиалъ, прикладываешь мѣру
 Ко всѣмъ свою и только потому,
 Что въ древности безумствовалъ по женамъ,
 Ты думаешь, что чарамъ красоты
 Противиться никто не въ состоянѣ?
 Намъ вѣдомо, какъ ты вблизи чертоговъ,
 Въ поляхъ, въ лѣсахъ, у мшистыхъ береговъ
 Подстерегалъ прославленныхъ красавицъ;
 Каллистою, Клименой, Антіоной,
 Сирингою, Семелюю и Дафной ¹⁰⁸⁾
 Звались онѣ, — и подвиги свои
 Приписывалъ языческимъ богамъ,
 Которыхъ всѣ подъ именами чтили
 Юпитера, Нептуна, Аполлона,
 Сатира, Фавна, Пана иль Сильвана.
 Но многіе побѣды презираютъ
 Подобныя! Припомни лишь вождя
 Пеллейскаго ¹⁰⁹⁾, а также Сципіона ¹¹⁰⁾,
 Что отослалъ назадъ иберіанку
 Прекрасную. На высотѣ богатства
 И почестей для наслажденья только
 Жилъ Соломонъ, а потому соблазну
 Доступенъ былъ. Но Тотъ, Кого стремимся
 Мы обольстить, мудрѣе Соломона,
 И, если-бы нашлась жена такая,
 Подобная богинѣ красоты,
 Чтобъ на нее Онъ бросить удостоилъ
 Мгновенный взоръ, — Божественнаго взгляда
 Величіе, ее обезоруживъ,

Разставшись, различными путями
Они идутъ къ одной и той-же цѣли —
Живое все губить и разрушать. (Стр. 108.)

Повергло бы въ благоговѣннѣйшій трепетъ
Вѣдь, красота себѣ порабощаетъ
Лишь слабые, ничтожные умы,
Для сильныхъ-же—она игрушкой служить.
Нѣтъ, къ болѣе возвышеннымъ предметамъ
Прибѣгнуть намъ для искушенья надо,
Искусственно облекши ихъ личиной
Достоинства и чести. Разбивались
Объ эту мель великіе пловцы.
Иль просто мы воспользуемся нынѣ
Потребностью земной Его природы.
Онъ голодомъ томится, и для пищи
Нѣтъ ничего въ пустынь дикой.
И такъ къ Нему я снова приступаю.

Окончилъ онъ, и крики одобренья
Послышались. Отборный легионъ
Беретъ съ собой коварный Сатана,
И каждому изъ духовъ онъ внушаетъ,
Какъ дѣйствовать и поступать должно.
Въ пустыню онъ безплодную спѣшитъ,
Гдѣ Иисусъ сорокадневный постъ
Перенесъ, взалкавъ еще впервые
И размышляя съ Собою:—«Гдѣ конецъ?
Я сорокъ дней безъ пищи здѣсь скитаюсь,
Но голода не чувствовалъ досель,
А потому заслугой не считаю
Я этотъ постъ и также не могу
Его къ Своимъ причислить испытаньямъ.
Но, вотъ, теперь впервые Я взалкавъ
И голода мученій не страшусь,
О нихъ едва Я помышляю даже;
Я думами питаюсь, отъ которыхъ
Еще сильнѣй алкаю Я исполнить
То, что Отецъ повелѣваетъ Мнѣ

Быль часъ ночной, и Божій Сынъ возлетѣ
Въ тѣни вѣтвей. Привидѣлись Ему
Заманчивыя яства и напитки,
И вороны, питавшіе Илью,
Съ которымъ Онъ дѣлилъ его трапезу.
Такъ ночь прошла, и жаворонокъ ранній,
Предвѣстникъ дня, гнѣздо свое покинулъ;
Взвиваясь высоко въ небесахъ,
Онъ пѣсню привѣтствовалъ зарю.
И съ легкостью такою-же возсталъ
Спаситель нашъ отъ ложа Своего;
Увидѣлъ Онъ, что всѣ Его видѣнья
Лишь были сномъ, и голода терзанья
Попрежнему Онъ чувствуетъ жестоко.
Онъ поднялся на высоту холма,
Дабы взглянуть, не видно-ли овчарни
Иль хижины какой-нибудь вдали?
Но передъ Нимъ чарующая роша
Раскинулась, и, отдыха ища
Въ тѣни ея, вступилъ туда Спаситель.
Въ пути Ему попался человекъ,
Въ богатая одежды облеченный,
И Господу краснорѣчиво молвилъ:
— Вернулся я, Тебѣ служить готовый.
Дивитъ меня, что тягостнымъ лишеньямъ
Подверженный, испытывая голодъ,
Сынъ Божій здѣсь такъ долго остается.
Въ былые дни—преданіе гласитъ—
Сюда Агарь опальная бѣжала
И ангеломъ утѣшена была.

Отъ голода среди пустыни этой
Погибли-бы Израйля сыны,
Когда-бъ Господь ихъ манной не питалъ.
Жившійся изъ Ѳесвы ¹¹¹⁾ Илія
Здѣсь нищю былъ дважды подкрѣпляемъ,
И лишь Одинъ—всѣ эти сорокъ дней—
Ты болѣе, чѣмъ въ сорокъ разъ покинуть.

Но Сатанъ отвѣтилъ Иисусъ:
— Изъ этого что заключаешь ты?
Они нужду имѣли въ подкрѣпленьѣ,
Въ которомъ Я, какъ видишь, не нуждаюсь.

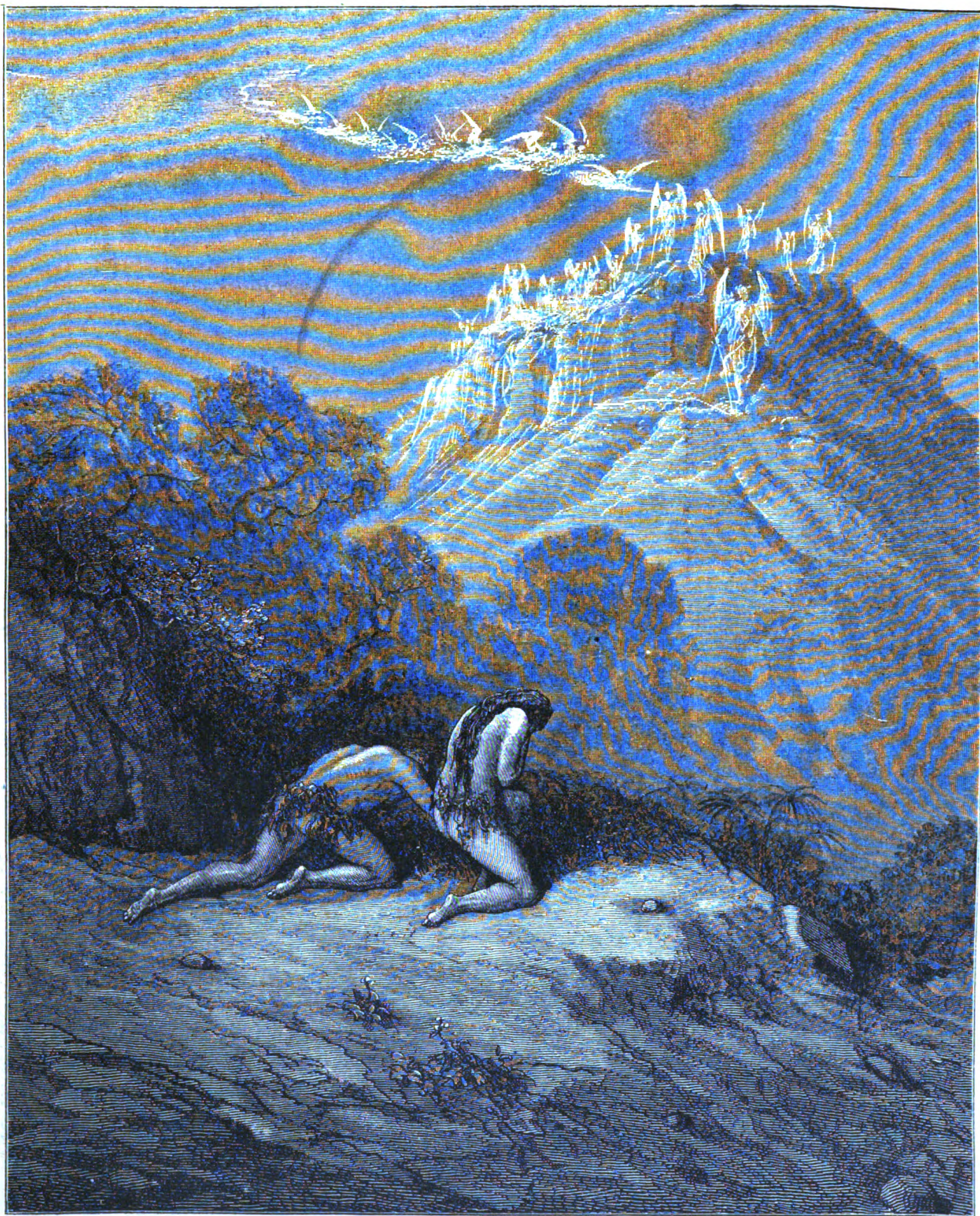
— Но отчего-жъ Ты голодъ ощущаешь?—
Промолвилъ врагъ.—И, если-бы теперь
Поставили передъ Тобою пищу,
Ужели Ты ея-бы не вкусилъ?

— Все отъ того зависитъ,—отвѣчалъ
Ему Христосъ,—къмъ будетъ пища эта
Предложена.

И молвилъ искуситель:
— Ужель Тебѣ не все принадлежитъ?
И не должны-ль Тебѣ повиноваться,
Тебѣ служить земныя твари всѣ?
Не говорю о жертвенныхъ животныхъ.
Отъ мяса ихъ и юный Даниилъ
Не пожелалъ отвѣдать,—и о яствахъ
Не говорю, предложенныхъ врагомъ:
Хотя въ нуждѣ кто стагъ-бы колебаться?
Но тѣмъ, что Ты претерпѣваешь голодъ,
Природа вся невольнo смущена.
Смотри: Тебѣ, какъ Богу своему,
Спѣшитъ она достойно послужить.
И всѣхъ стихій отборные дары
Она къ столу Господнему приносить.
Благоволи, присѣвъ, отъ нихъ вкуситъ!

Взглянулъ Христосъ. Теперь не сновидѣнемъ,
Не грезою все это было. Онъ,
Въ тѣни вѣтвей, украшенный по-царски
Увидѣлъ столъ. Изысканныя яства
На томъ столѣ горю возвышались:
Съ печеніемъ дичина, масса рыбъ;
Которыя благоухали амброй,
Различныя породы вкусныхъ птицъ
И лакомыхъ моллюсковъ, привезенныхъ
Отъ озера Лукринскаго ¹¹²⁾. Въ сравненіи
Съ трапезою подобной какъ ничтожно
Казалось то яблоко простое,
Которое ввело жену въ соблазнъ!
По близости еще виднѣлся столъ,
Гдѣ рѣдкія благоухали вина,
И отроки въ богатыхъ одѣяньяхъ,
Превосходя Гиласа ¹¹³⁾ съ Ганимедомъ ¹¹⁴⁾
Красой своей, стояли у стола,
Готовые служить, а въ отдаленьѣ
Виднѣлись съ цвѣтами и плодами
Роскошными изъ рога Амалтеи
Прекраснѣйшія нимфы и наяды,
Съ которыми сравниться не могли
Позднѣйшія красавицы, чья прелесть
Волшебная плѣнила Пеленара,
Великаго Логреса, Ланселота ¹¹⁵⁾
И рыцарей, имъ равныхъ по отвагѣ.
Чарующая музыка звучала:

Воптели небесные въ Эдемъ
Спустилися на облакъ изъ яшмы,
И на холмѣ они расположились. (Стр. 114.)

Свирѣли пѣснь и сладкострунныхъ арфъ;
Аравіи далекой ароматы
И раннія благоуханья Флоры
Сюда неслись на крыльяхъ вѣтерка.
Для пиршества съ такимъ великолѣпьемъ
Украшено все было, и къ Христу
Вновь приступилъ коварный Искуситель:
— Въ сомнѣніи, Сынъ Божій, отчего
Такъ медлишь Ты вкусить отъ этихъ яствъ?
Отвѣдать ихъ законъ не возбраняетъ.
Они — не плодъ запретный, приносящій
Познанье зла, но, жизнь оберегая,
Врага ея уничтожаютъ — голодъ.
Взамѣнъ его, собою наслажденье
Даютъ они и подкрѣпляютъ силы.
Живущіе среди лѣсовъ и водъ,
И воздуха, къ Тебѣ стеклися духи,
Служители покорные Твои,
Готовые признать тебя Владыкой
И почести, какъ Господу, воздать.
Зачѣмъ-же Ты, Сынъ Божій, пребываешь
Въ сомнѣніи? Вкуси отъ этихъ яствъ!

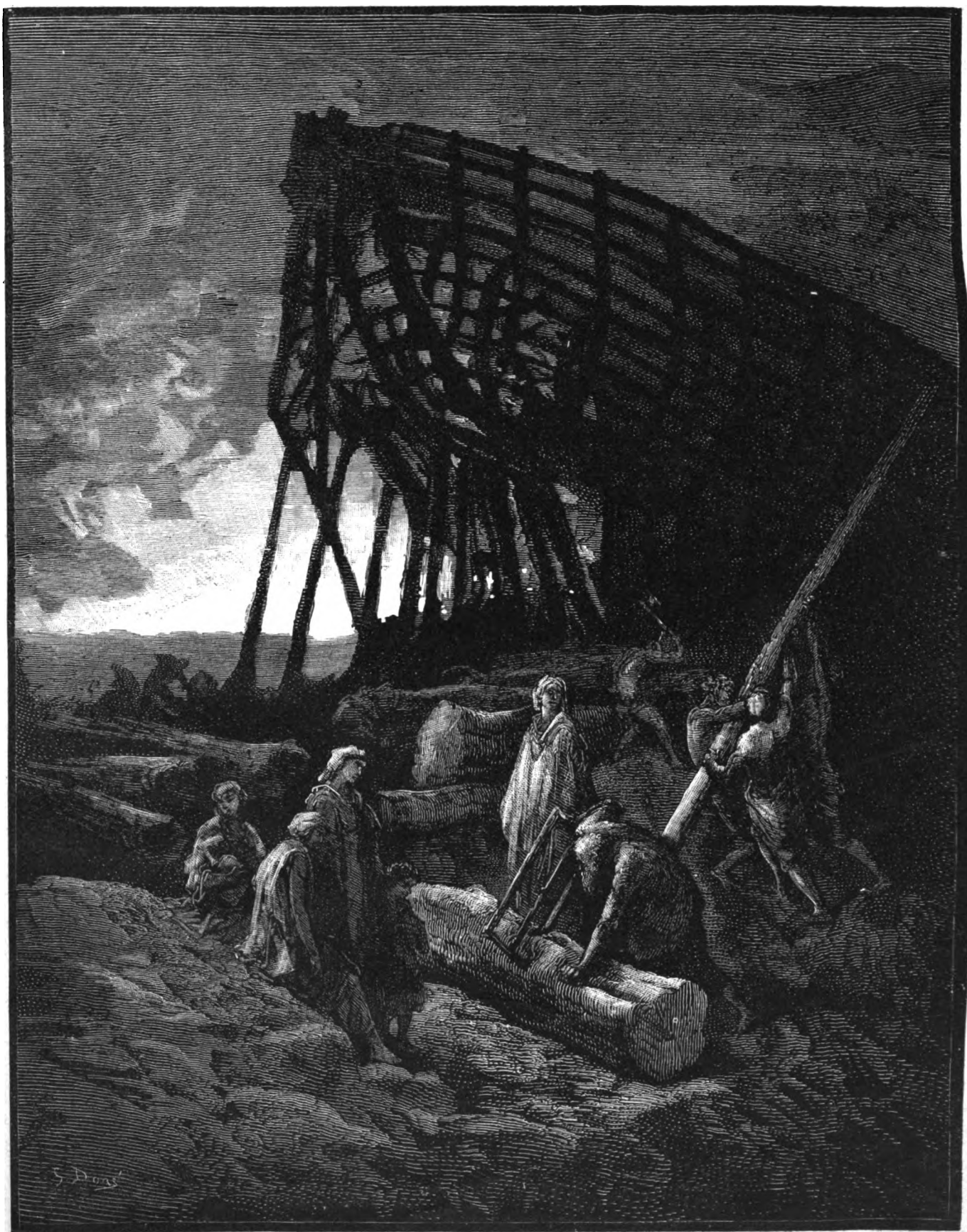
Но Иисусъ спокойно возражаетъ:
— Ты самъ сказалъ, что Мнѣ принадлежитъ
По праву все. Зачѣмъ-же Я приму
Его, какъ даръ? Не сомнѣвайся въ томъ,
Что Я могу со скоростью такой-же
Воздвигнуть столъ среди пустыни дикой,
И ангелы, которыхъ призову,
Сюда являсь на крыльяхъ быстролетныхъ,
Облечены сіяньемъ горней славы,
За чашкою прислуживать Мнѣ будутъ.
Зачѣмъ-же ты навязываешь тщетно
Услуги Мнѣ? И нечего тебѣ
О голодѣ заботиться Моемъ;
Я пышную трапезу презираю,
Въ дарахъ твоихъ одно коварство видя.

Съ досадою отвѣтилъ Сатана:
— Ты видишь Самъ, и я давать могу.
И если-же я, въ силу этой власти,
Даю Тебѣ по доброй волѣ все,
Что могъ-бы я другому предложить, —
Въ нуждѣ Твоей Тебѣ являя помощь, —
То почему-бъ Тебѣ не согласиться
Принять ее? Но каждый мой поступокъ
Въ Тебя одни вселяетъ подозрѣнья.
Пускай-же все идетъ на пользу людямъ,
Которые, благодаря лишеньямъ,
Обильное оцѣнятъ угощенье
И лакомства — дары далекихъ странъ.

Онъ повелѣлъ, — и гаршіи крылами
Зловѣщими незримо прошумѣли;
Волшебный столъ и яства — все исчезло;
Одинъ лишь неотступный Искуситель,
Оставшись съ Нимъ, такъ говоритъ Христу:
— Предъ голодомъ, которымъ все живое
Укрошено, Ты былъ непобѣдимъ.
Что вкусъ людей способно соблазнить —
Желанія въ Тебѣ не пробуждаетъ.
Великому намѣренью, великимъ
Дѣяніямъ Твой духъ всецѣло преданъ.
Но какъ и чѣмъ осуществишь Ты ихъ?
Громадныя необходимы средства,

Когда достичь великихъ цѣлей жаждешь.
Безвѣстенъ Ты и въ бѣдности живешь,
Лишенъ друзей и знатнаго рожденья,
И, голода мученья вынося,
Ты, одинокъ, блуждаешь здѣсь, въ пустынѣ.
Какимъ путемъ величія достигнуть
Стремишься Ты и въ чемъ Твоя надежда?
Гдѣ можешь Ты влияние приобрести,
Сторонниковъ и слугъ? Чѣмъ привлечешь
Безпечную народную толпу,
Которая послѣдуетъ за тѣмъ,
Кто угощать ее на славу можетъ?
Друзей, почетъ, побѣды и престолъ —
Возможно все деньгами приобрести.
Чѣмъ Антипатръ ¹¹⁶⁾ и сынъ его достигли
Великаго престола Твоего
И сдѣлались царями Іудеи?
Лишь золотомъ! Добудь Себѣ сначала
Сокровища и накопи богатства:
Тебѣ легко, при помощи моей,
Ихъ приобрести. И счастье, и богатство —
Въ моихъ рукахъ. Къ кому благоволю —
Сокровищамъ своимъ не знаютъ мѣры,
А Добродѣтель съ Доблестью и Мудрость —
Въ забвеніи и бѣдствуютъ жестоко.

Но Иисусъ отвѣтилъ терпѣливо:
— Однако-же, безъ этихъ трехъ достоинствъ
Является бессильнымъ и богатство,
Которое доставить неспособно
Могущество, а если и доставить,
То удержать его не въ состояннѣ.
Объ этомъ всѣ свидѣтельствуютъ царства,
Что рушились, достигнувъ процвѣтанья
Великаго, — межъ тѣмъ какъ бѣдняки,
Которые святую добродѣтель
Въ душѣ своей сумѣли воспитать,
Славнѣйшія дѣянья совершали.
Примѣрами намъ служатъ Іевеай
И Геденъ, а также юный пастырь,
Котораго потомки воцарились
Въ Израилѣ. Они вернутъ себѣ
Престолъ его, и царству ихъ не будетъ
Конца во вѣкъ. Язычество само
Фабриціевъ ¹¹⁷⁾ и Курціевъ своихъ,
И Регуловъ имѣло въ дни былые.
И высоко Я ставлю тѣхъ мужей,
Которые, богатство презирая,
Хотя-бъ оно царями предлагалось,
И въ бѣдности могучими дѣлами
Прославились. И почему-же Я,
Въ нуждѣ Моей исполнить не могу
Того, что было ими свершено,
А, можетъ быть, и большаго еще?
Не пробуй-же превозносить богатство,
Кумиръ глупцовъ и бремя мудреца,
Иль западню опасную. Оно
Способно лишь ослабить добродѣтель
И притупить къ дѣламъ великимъ рвеніе.
Ты говоришь о царствѣ? Но его,
Какъ золото, равно Я презираю.
Блестящая по внѣшности корона
Является изъ тернія вѣнцомъ.
Опасностей немало и тревогъ
Несетъ съ собой монархамъ діадема,
Которые на плечахъ выносить

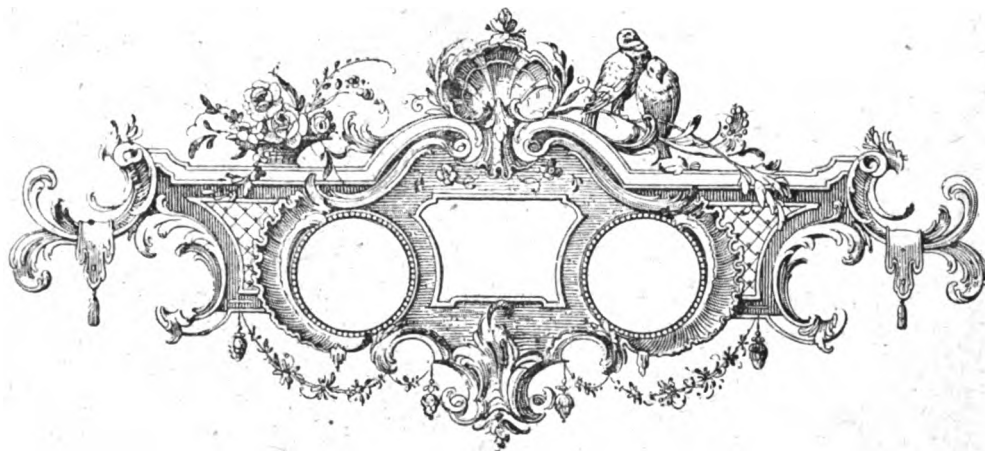

Тогда, срубивъ высокія деревья,
Построилъ онъ корабльъ большихъ размѣровъ
И, осмоливъ, придѣлалъ сбоку дверь. (Стр. 120.)

Обязаны всю тяжесть государства:
Въ томъ состоитъ обязанность царя,
Достоинство его и добродѣтель
Со славою. Но кто и надъ собою
Самимъ царить, страстями управляя,
Желаньями и страхами своими —
Лишь только тотъ — воистину монархъ!
И этого достигнуть можетъ каждый
Достойный мужъ, а если не достигнетъ,
Напрасно онъ пытаться будетъ править
Народами, толпою своевольной,
Когда въ душѣ владыки самого
Царягь борьба страстей и безначалье.
И къ истинѣ, ученія путемъ,

Вести народъ изъ тьмы духовной къ свѣту,
Къ познанію и почитанію Бога —
Не выше-ли подобная задача,
Чѣмъ царское достоинство и власть?
Кому ее исполнить суждено,
Тотъ на землѣ лишь души побѣждаетъ —
То высшее, что въ человѣкѣ есть.
Не нужно Мнѣ предложенныхъ богатствъ,
Въ сокровищахъ самихъ Я не нуждаюсь,
И не нужны сокровища твои,
Какъ средство Мнѣ: съ ихъ помощью не стану
Я къ скипетру монаршему стремиться.

КОНЕЦЪ ВТОРОЙ КНИГИ.

Потерпѣвъ новую неудачу, пристыженный и озлобленный Сатана рѣшаетъ прибѣгнуть къ старой хитрости змѣя. Онъ старается искусить Спасителя славой и почестями, но Христосъ спокойно отклоняетъ его предложеніе и снова приводитъ въ примѣръ многострадальнаго Іова. Дьяволъ возражаетъ, говоря, что и Самъ Господь Богъ добивается славы и чести, которую должны воздавать Ему силы земныя и небесныя. Когда Христосъ и на этомъ опровергаетъ Сатану, то послѣдній, сначала ничего не говоря, потомъ взываетъ къ Божественному Посланнику спасти народъ Божій отъ римскаго порабощенія. Христосъ отвѣчаетъ ему, что это уже предусмотрено, и присовокупляетъ вопросъ о томъ, что неужели Сатана не знаетъ, что и онъ со временемъ потерпитъ паденіе. Соглашаясь притворно со словами Спасителя, Сатана возноситъ Его на вершину высокой горы и оттуда указываетъ на роскошную страну, по которой идутъ войска и, то и дѣю, вступаютъ въ бой. Сатана предлагаетъ Христу принять начальство надъ однимъ изъ войскъ и отвоевать престолъ царя Давида. Христосъ отвѣчаетъ, что часъ еще не насталъ, но, если онъ и настанетъ, то для Него не понадобятся ни войска, ни оружіе, и въ заключеніе говоритъ, что придетъ часъ, когда всѣ народы будутъ свободны. Сатана призналъ себя побѣжденнымъ и на этотъ разъ, хотя и не понявъ истиннаго значенія словъ Христа-Спасителя.

ТАКЪ говорилъ Сынъ Божій. Сатана
Стоялъ предъ Нимъ безмолвный и смущенный,
Не находя достойнаго отвѣта.
Онъ былъ разбитъ и слабость сознавалъ
Всѣхъ доводовъ своихъ и убѣжденій.
И, наконецъ, призвавъ на помощь хитрость
Змѣиную, сладкорѣчиво молвилъ:
— Да, вижу я: Тебѣ открыто все,
И разрѣшить Ты можешь всѣ вопросы;
Дѣла Твои согласны со словами,
Слова-жъ Твои для выраженья служатъ
Твоей души великой, а душа
Является высокимъ воплощеньемъ
Премудрости и правды, и добра.
Подобныя Уриму и Туммиму ¹¹⁹),
Пророческимъ камнямъ драгоценнымъ,
Украшившимъ нагрудникъ Аарона,
Слова Твои премудростью блистаютъ.
Въ сужденяхъ, Ты не можешь ошибаться
И, если-бы на поле ратной славы
Ты призванъ былъ — и съ малою дружиной
Ты доблестно завоевалъ-бы міръ.
Зачѣмъ-же Ты божественныхъ даровъ
Сіяніе таишь въ уединеньѣ
И здѣсь Одинъ въ пустынь дикой бродишь?
Вселенную зачѣмъ лишаешь Ты
Возможности дѣламъ Твоимъ дивиться,
А Самого Себя лишаешь славы
И почестей, незамѣнимой славы,
Единственной награды несравненной,
Которая стремленья пробуждастъ
Могучія и пламенемъ своимъ
Избранниковъ высокіе умы
И чистый духъ охватываетъ дивно.
Она горитъ въ возвышенныхъ сердцахъ,
Которыя не придаютъ значенья
Сокровищамъ и почестямъ инымъ.
Ты зрѣлыхъ лѣтъ достигъ уже давно,

Моложе былъ властитель македонскій ¹¹⁹),
Когда престоломъ Кира завладѣлъ,
И Сципонъ, гордыню Карфагена
Унизившій, а также и Помпей,
Когда, смиривъ понтійскаго царя,
Въ столицу онъ вступалъ, какъ триумфаторъ.
Но зрѣлые года не умаляютъ,
Наоборотъ — усиливаютъ въ насъ
Желаніе прославиться. Самъ Цезарь,
Которому дивится цѣлый міръ,
Чѣмъ далѣе, тѣмъ больше жаждалъ славы
И съ горечью оплакивалъ года,
Протекшіе безъ славы для него.

И отвѣчалъ спокойно Іисусъ:
— Ты убѣдишь Меня не въ состоянью.
Не стану Я искать земныхъ сокровищъ,
Дабы обрѣсть владычество земное,
И не ишу владычества для славы.
Къ чему она и что она такое?
Ничтожный блескъ, народная хвала,
А самъ народъ — не жалкое-ли стадо
И пестрый сбродъ, превозносящій часто
То, что скорѣй достойно порицанья?
И хвалитъ онъ, не зная самъ кого,
Плѣняется, не зная чѣмъ. Ужели
Цѣнителей подобныхъ восхищенье
Желательно? Неодобренье ихъ
Не служитъ-ли скорѣе похвалою?
Какъ счастливъ тотъ, кто это сознастъ!
Немногіе разумны между ними,
Немногихъ-же разумныхъ похвала,
Къ несчастію, не составляетъ славы.
Когда Господь, увидѣвъ челоуѣка
Достойнаго, его превознесетъ,
И ангелы, ликуя непритворно,
Ему хвалы святыя воспоютъ —
Вотъ истинная слава! Такъ случилось,

Когда Господь, Иова прославляя,
 Спросилъ тебя (ты долженъ это помнитъ),
 Видалъ-ли ты раба Его, Иова?
 Онъ болѣе былъ славенъ въ небесахъ,
 Чѣмъ на землѣ, гдѣ ложно превозносятся
 Все, что хвалы бываетъ недостойно.
 Находится въ глубокомъ заблужденъ —
 Кто славою великою считаетъ
 Одерживать побѣды, покорять
 Оружіемъ народы и въ страну
 Вносить съ собой одно опустошенье.
 Что дѣлаютъ подобные вожди?
 Рѣзня, грабежъ, людей порабоженье —
 Вотъ ихъ дѣла. Плоды любви и мира
 На ихъ пути безслѣдно погибаютъ
 Затѣмъ они въ гордынѣ безъ предѣла
 Желаютъ стать для міра божествами
 И требуютъ, чтобъ поклонялись имъ.
 Они себя сынами величаютъ
 Юпитера и Марса, торжествуя,
 Покуда смерть стопой побѣдоносной
 Къ нимъ не взойдетъ, и образъ человѣка
 Въ ихъ обликѣ, запятнанномъ порокомъ,
 Съ усиліемъ узнать смерть сама.
 Постыдная, мучительная смерть —
 Достойная награда ихъ геройству.
 Но, если-бы въ той славѣ, о которой
 Ты говоришь, и заключалось благо —
 Насиліе и войны устранивъ,
 Инымъ путемъ ее достигнуть можно:
 Премудростью, терпѣньемъ, воздержаньемъ.
 Опять въ примѣръ Я приведу того,
 Кто выносилъ гоненія твои
 Съ терпѣніемъ воистину небеснымъ.
 Вторымъ за нимъ считаю Я Сократа.
 За истину пожертвовавшій жизнью,
 Не равенъ-ли славнѣйшимъ онъ героямъ?
 Кто подвига не безкорыстно ищетъ —
 Лишается награды за него.
 И буду-ли къ такой стремиться славѣ,
 Которую лишь честолюбцы ищутъ,
 Ея порой ничѣмъ не заслуживъ?
 Не для Себя ищю Я вѣчной славы,
 Но для Того, Кѣмъ посланъ Я, и въ этомъ —
 Свидѣтельство посланья Моего.

И, возроптавъ, отвѣтилъ Искунитель:
 — Съ презрѣніемъ Ты думаешь о славѣ,
 Которую Великій Твой Отецъ
 Такъ дорожитъ. Своей лишь славы ради
 Онъ сотворилъ вселенную, и въ ней
 Всѣмъ править Онъ и всѣмъ повелѣваетъ.
 На Небесахъ всечасно прославляемъ,
 Онъ требуетъ хвалы и отъ людей,
 Отъ всѣхъ племенъ: отъ эллиновъ, евреевъ
 И варваровъ, и Онъ желаетъ даже,
 Чтобъ мы, Его заклѣтые враги,
 Его въ своихъ хваленяхъ прославляли.

И отвѣчалъ съ горячностью Спаситель:
 — Онъ требуетъ лишь должнаго Себѣ.
 Все создано не по Его-ли Слову?
 Не славы Онъ искалъ первоначально,
 Но захотѣлъ излить Свои щедроты
 И милости на все, что существуетъ.
 Чего-же могъ Онъ требовать за это,

Какъ не хвалы признательныхъ сердець?
 Ужель взаимнѣ Ему пренебреженьемъ,
 Обидами, должны они платить?
 Печальная награда, воздаянье
 Жестокое за множество даровъ!
 И славы ждаты — пристало-ль чловѣку?
 Вѣдь, онъ ничѣмъ своимъ не обладаетъ
 И лишь хулы достоинъ и стыда.
 Онъ отступилъ отъ Бога вѣроломно
 И тѣмъ себя блаженства онъ лишилъ.
 И, несмотря на это, онъ дерзаетъ
 Кошунственно присвоивать себѣ
 То, чѣмъ Одинъ Всевышній лишь владѣеть.
 Но милости Господни безпредѣльны:
 О собственной не помышляя славѣ,
 Стремится Онъ лишь тѣхъ превознести,
 Кто воздастъ хваленія Ему.

Такъ говорилъ Сынъ Божій. Сатана
 Подавленъ былъ виновностью своею
 И въ первый мигъ не находилъ отвѣта.
 Но вскорѣ онъ измыслилъ ухищренье
 И возразилъ: — Суди о славѣ такъ,
 Какъ думаешь, но Ты рожденъ для царства,
 Наслѣдникомъ Давидова престола.
 Твои права — въ рукахъ у властелина
 Могучаго. Добытое оружіемъ
 Онъ не легко уступить. Иудея
 Священная съ землей Обѣтованной
 Находятся теперь во власти Рима,
 Гдѣ царствуетъ Тиверій. Не всегда
 Владычество чужое было кроткимъ;
 Властители нерѣдко оскверняли
 Господень храмъ, подобно Антиоху¹²⁰.
 Ужели Ты, безвѣстнымъ пребывая,
 Права Свои намѣренъ возвратить?
 И Маккавей въ пустыню удалялся,
 Но не одинъ, — съ вооруженной силой,
 И приобрѣлъ сынамъ своимъ вѣнецъ.
 Но, если Ты къ престолу не стремишься,
 Пускай Тебя подвигнуть долгъ и рвеніе.
 А рвеніе и долгъ не любятъ медлить.
 Освободивъ страну свою отъ ига
 Язычниковъ, пророковъ предсказанья
 Исполнишь Ты, Тебѣ предрекшихъ царство,
 Которому конца во вѣкъ не будетъ.
 И, чѣмъ скорѣй придетъ оно, тѣмъ лучше.
 Такъ царствуй-же, повелѣвай мірами!

И отвѣчалъ на это Исусъ:
 — Свершится все, когда настанетъ время,
 Воистину такъ сказано въ Писаньѣ.
 Быть можетъ, Самъ Всевышній предназначилъ
 Мнѣ пребывать въ смиренномъ состоянъ,
 Претерпѣвать гоненія и обиды,
 Презрѣніе, насиліе, для того,
 Чтобъ приучить Меня къ повиновенью.
 Умиющій страдать — умѣетъ также
 И дѣйствовать. Тотъ — лучший повелитель,
 Кто приученъ къ повиновенью былъ.
 Но обо Мнѣ къ чему твоя забота?
 Зачѣмъ ко Мнѣ съ допросами твоими
 Ты приступать пытаешься? Ужели
 Не знаешь ты, что гибелью твоею
 Тотъ будетъ день, когда возвышусь Я?

И, внутренно затрепетавъ отъ страха,
 Спасителю отвѣтилъ Искуситель:
 — Да будетъ то, что будетъ! Для меня
 Надежды нѣтъ на милосердые Бога;
 Гдѣ нѣтъ ея — не можетъ быть и страха.
 Томительнѣй бываетъ ожиданье,
 Чѣмъ самое несчастіе, и въ худшемъ —
 Теперь мое прибѣжище и цѣль.
 И будешь-ли Ты царствовать, иль нѣтъ —
 Я понесу за преступленье кару.
 Къ Тебѣ хочу прибѣгнуть съ упованьемъ:
 Твой кроткій ликъ и благосклонный взоръ
 Внушаютъ мнѣ отрадную надежду,
 Что, облаку подобно въ знойный день,
 Ты оградишь Собой меня отъ гнѣва
 Всевышняго, Котораго страшусь я.
 И, если самъ я къ худшему стремлюсь,
 Зачѣмъ-же Ты такъ медлишь на пути
 Къ всеобщему блаженству и не хочешь
 Вселенную скорѣе осчастливить,
 Надъ нею ставъ достойнѣйшимъ царемъ?
 Иль, можетъ быть, Ты медлишь потому,
 Что погруженъ глубоко въ размышленья
 О подвигахъ, что предстоятъ Тебѣ?
 Я не дивлюсь. Хотя соединяешь
 Въ Своей душѣ Ты совершенства всѣ,
 Которыя доступны человѣку,
 Но жизнь Твоя текла въ уединенъ.
 Лишь въ городахъ немногихъ Галилеи
 Тебѣ досель случалось бывать
 И посѣщать однажды въ годъ столицу
 На краткій срокъ. Ты мало наблюдалъ
 И до сихъ поръ еще не видѣлъ свѣта.
 Понятія не можешь Ты о славѣ
 Его имѣть, о царствѣ и монархахъ,
 О роскоши и блескѣ ихъ дворовъ.
 А, между тѣмъ, наставникъ лучшій — опытъ,
 Безъ опыта мудрѣйшій человѣкъ
 Становится неловкимъ и смущеннымъ,
 Какъ юноша-пастухъ¹²¹⁾, нашедшій царство,
 Покуда онъ отыскивалъ ослонъ.
 Но я хочу возвестъ Тебя туда,
 Откуда Ты, во всемъ величѣ ихъ,
 Воочію увидишь царства міра,
 И, въ царственной наукѣ искушенъ,
 Познаешь Ты, какъ приступить къ борбѣ.

И власть ему была дана такая,
 Что съ этими словами Иисуса
 На гору онъ высокую¹²²⁾ возвелъ.
 Вокругъ ея подножья разстилалась
 Обширная равнина. По краямъ
 Струились двѣ прекрасныя рѣки,
 Неся, какъ дань, свои потоки морю.
 Пшеницею, елеемъ и виномъ
 Была земля окрестная богата,
 На пастбищахъ вездѣ стада паслися,
 И съ башнями виднѣлися города
 Роскошныя — влестителей столицы
 Настолько былъ обширенъ кругозоръ,
 Что вдалекѣ виднѣлися пустыни
 Безводныя и дикія.

Духъ Зла,
 Взойдя туда, коварно рѣчь повелъ:
 — Ты видишь-ли, съ какою быстротою
 Перенеслись съ Тобою мы сюда?

Преградою намъ не были ни горы,
 Ни лѣсъ, ни степь, ни стѣны, ни моря.
 Смотри, вотъ здѣсь Ассирія. Границы
 Ея — Араксъ¹²³⁾ и Каспій; на востокъ —
 Могучій Индъ, на западъ — Евфратъ,
 На югъ — заливъ Персидскій и пустыни
 Аравіи. Вотъ это — Ниневія,
 Которую построилъ славный Нинъ,
 Салманасара¹²⁴⁾ гордаго столица,
 Чье торжество плѣненный имъ Израиль
 Еще досель оплакиваетъ горько.
 Вотъ Вавилонъ, народовъ удивленье;
 Онъ перестроенъ тѣмъ, кто Іудею
 Поработилъ и весь Давидовъ домъ,
 Которые въ неволѣ пребывали,
 Покуда Киръ имъ не вернулъ свободу.
 Вотъ Персеполь¹²⁵⁾ и Бактру¹²⁶⁾. Тамъ видны
 Роскошныя палаты Экбатаны,
 Гетамонилъ стовратный. Дальше — Суза¹²⁷⁾,
 Рѣка Хоаспъ, янтарная рѣка,
 Одни монархи пили изъ нея.
 Вотъ, ставшая извѣстною позднѣе,
 Селевкія¹²⁸⁾. Тамъ видишь Артаксату
 И Ктесифонъ¹²⁹⁾, которые теперъ
 Принадлежатъ пареянамъ. Арзасезъ,
 Монархіи пареянской основатель,
 Отвоевалъ всѣ эти города
 У преданныхъ веселью Антиоховъ.
 Ты видишь все могущество его.
 Пареянскія дружины въ Ктесифонѣ
 Сбираетъ царь, дабы идти на скивовъ,
 Набѣги чьи тревожатъ Согдиану.
 Смотри, въ какихъ воинственныхъ доспѣхахъ
 Полки его въ сраженіе выступаютъ.
 Оружье ихъ, окованное сталью,
 Всегда врагамъ бываетъ смертоносно,
 Ихъ конница въ бою непобѣдима.
 Смотри сюда, какъ строятся они
 Искусно въ ромбъ, крыло и полумѣсяцъ.

Взглянулъ Христосъ и рати увидалъ
 Несмѣтныя въ вооруженъ легкомъ,
 Отвагою дышали конь и всадникъ;
 Со всѣхъ сторонъ монархіи обширной
 Въ сраженіе собрался цвѣтъ бойцовъ:
 Отъ Маргіаны¹³⁰⁾ до Гирканскихъ скалъ,
 Отъ Мидіи и съ юга Сузіаны¹³¹⁾.
 Онъ увидалъ, какъ, въ боевомъ порядкѣ
 Построившись, неслися въ бой они
 И, отъ врага искусно ускользая,
 На всемъ скаку въ него метали стрѣлы,
 Себѣ въ побѣду бѣгство обративъ.
 Отъ множества оружья разливался
 Надъ полемъ всѣмъ какой-то тусклый блескъ.
 Тутъ не было въ пѣхотѣ недостатка
 И въ латникахъ, закованныхъ въ броню
 Тяжелую. Рабочихъ легіоны,
 Вооружась лопатою, киркою
 И топоромъ, усердно вырубали
 Вокругъ лѣса, хлмы уничтожая
 И возводя искусственныя горы,
 Свободныя оковывая рѣки
 Плотины, подобными ярму,
 И прочными мостами, по которымъ
 Верблюды шли, тащившіе обозы.
 Не такъ великъ былъ Агрикана станъ,

Когда со всею сѣвѣрной дружиной
Онъ осаждалъ Альбракку^{1,2)} для того,
Чтобъ овладѣть прекрасной Анжеликой.

При зрѣлищѣ подобномъ преисполнясь
Удвоенною смѣлостью, къ Христу
Вновь приступилъ отважно Искуситель:
— Дабы видалъ и убѣдился Ты,
Что не ищу святую добродѣтель
Твою сгубить и обольстить Тебя, —
Наоборотъ, стараюсь я, насколько
Возможно мнѣ, успѣхъ Твой обезпечить —
Тебя прошу я: слушай и вникай!
Хотя Тебѣ предсказано царенье,
Но, если Ты не станешь подражать
Великому Давиду и къ тому
Стараній всѣхъ усердно не приложишь,
Тебѣ во вѣкъ престола не достигнуть.
Таковъ и смыслъ пророческихъ рѣчей.
Но, если-бы, съ согласья иудеевъ
И самарянъ, Давидовымъ престоломъ
Ты овладѣлъ, какъ можешь Ты царить
Бъ спокойствіи, тѣснымъ съ двухъ сторонъ
Пароянами и Римомъ? Заключить
Съ однимъ изъ нихъ союзъ необходимо.
Возьми Себѣ въ союзники пареянъ,
Вторженіе ихъ опасно Иудѣ:
Недавно въ плѣнъ, на римлянъ не взирая,
Уведены Гирканъ и Антигонъ.
Посредствомъ-ли союза, иль побѣды —
Я предаю во власть Твою пареянъ.
И только съ ихъ содѣйствіемъ Ты можешь
Приобрѣсти наслѣдственный престолъ
И братій всѣхъ отъ Десяти Колѣнъ
Израиля, томящихся въ неволѣ,
Освободить. Всѣ десять сыновей
Иакова и двое сыновей
Иосифа досель рабами служатъ,
Какъ въ древности служили ихъ отцы.
Итакъ, прими, что предлагаю я, —
И лишь тогда, не ранѣе, отъ рабства
Освободишь собратій Ты Своихъ,
Со славою возсядешь на престолѣ
Давидовомъ и царствовать Ты будешь
До самого Египта и Евфрата,
Ни Кесаря, ни Рима не страшась.

И отвѣчалъ ему невозмутимо
Спаситель нашъ: — Ты взору Моему
Представилъ здѣсь не мало образцовъ
Тщеславнаго величія земного
И брэннаго оружія, снарядовъ,
Которые такъ трудно изготавить
И такъ легко бываетъ уничтожить.
Мой слухъ плѣнить намѣревался ты
Всей глубиной соображеній тонкихъ
По поводу взаимныхъ отношеній
Друзей, враговъ, сраженій и союзовъ,
Всего, что въ мѣрѣ важно значеніе
Могло-бы имѣть, но чуждо для Меня.
Ты говоришь, прибѣгнуть къ этимъ средствамъ
Мнѣ слѣдуетъ, чтобъ не утратить царства, —
Я говорю, что время не пришло!

(И, чѣмъ позднѣй Мое настанетъ время,
Тѣмъ для тебя-же лучше!) Но, когда
Придетъ оно — бездѣйствовать не стану,
И слабостью не укорять Меня.
Нуждаться Я не буду ни въ совѣтахъ,
Ни въ боевыхъ орудіяхъ твоихъ,
Которые, лишь бременемъ являясь,
Доказываютъ слабость, а не силу.
По-твоему, освободить Я долженъ
Всѣхъ сыновей Израиля, которыхъ
Ты братьями Моими называешь,
Когда хочу со славою взойти
Я на престолъ наслѣдственный Давида,
Соединивъ подъ скипетромъ Моимъ
Всѣ племена Израиля? Откуда
Является въ тебѣ такое рвеніе
Къ Давидову престолу и народу?
Куда оно дѣвалось, когда,
Тщеславіемъ смущая иудеевъ,
Ты имъ внушалъ о переписи мысль,
И болѣе семидесяти тысячъ
Погибло ихъ отъ язвы моровой?
Вотъ каково твое усердіе было
Къ Израилю, и нынѣ таково
Оно ко Мнѣ! А что-же до племенъ
Касается, томящихся въ оковахъ,
Они тому подверглись добровольно,
Отъ Господа отпавъ и поклонясь
Языческимъ Ваалу съ Астаротомъ.
Но идоламъ преступное служеніе —
Не худшее изъ беззаконій ихъ.
Во времена плѣненія не смирились
Предъ Господомъ, не каялись они,
Но умерли, оставивъ по себѣ
Похожее на нихъ во всемъ потомство,
Которое чтитъ идоловъ и Бога.
И стану-ли радѣть о ихъ свободѣ
Я для того, чтобъ, свергнувши оковы,
Они опять вернулись къ поклоненію
Своимъ богамъ въ Вавилъ или Данъ?
Пускай врагамъ слугою будетъ тотъ,
Кто Господу и лже-богамъ служилъ.
А, можетъ быть (извѣстно только Богу
Единому, когда случится это),
Захочетъ Онъ, какъ было Аврааму
Возвѣщено, къ раскаянію и правдѣ
Божественнымъ глаголомъ ихъ вернуть.
И въ этотъ день, когда въ страну родную
Ихъ племена, ликуя, поспѣшатъ,
На ихъ пути разступятся всѣ воды
Ассиріи, какъ передъ ихъ отцами,
Спѣшившими къ землѣ Обѣтованной.
Разверзлись морская глубина
И свѣтлые потоки Иордана.
Покуда-же предоставляю ихъ
Я времени и Промыслу Господню.

Такой отвѣтъ, уничтожавшій козни
Врага Небесъ, далъ истинный Монархъ
Израиля, и участь постигаетъ
Такая-же хитросплетеніе лжи,
Когда она въ борьбу вступаетъ съ правдою.

КОНЕЦЪ ТРЕТЬЕЙ КНИГИ.

КНИГА 4-я.

Сатана настойчиво упорствует на продолженіи начатаго имъ предпріятія. Онъ открываетъ Христу видъ на столицу древняго міра. Это — Римъ. Подробное описаніе города и его дворцовъ и храмовъ. Народы, пришедшіе сюда на поклоненіе. Исторія упадка Римской имперіи, когда развратные правители ея заботятся только о наслажденіяхъ. Сатана обѣщаетъ посадить Богочеловѣка на престолъ римскихъ кесарей. Спаситель отклоняетъ предложеніе Сатаны и намекаетъ на изгнаніе самого Діавола, раньше изгнанія развращенныхъ кесарей, и приказываетъ ему отойти. Скопфуженный и устрешенный Сатана увѣряетъ Христа въ томъ, что онъ хотѣлъ только убѣдиться, дѣйствительно-ли Онъ — Сынъ Божій, посланный сокрушить силу Ада. Сатана показываетъ Христу Аѳины и поименовываетъ ея философовъ и великихъ людей, но Христосъ отрицаетъ ихъ ученіе и указываетъ на Богопознаніе. Сатана переноситъ Христа обратно въ пустыню, и Спаситель снова засыпаетъ, но и во снѣ Сатана тревожитъ его различными сновидѣніями. И Діаволъ, и силы его дѣлаютъ послѣднюю попытку. Сатана переноситъ Христа въ Іерусалимъ и, поставивъ на крышѣ Соломонова храма, предлагаетъ ему броситься внизъ, чтобы доказать Свое Божественное происхожденіе. Отвѣтъ Христа. Діаволъ исчезаетъ, а появившіеся ангелы переносятъ Сына Божія въ пѣтушую долину, гдѣ, напѣтавъ Его трапезой, прославляютъ побѣду Его надъ Діаволомъ.

ВЪ СМУЩЕНІИ отъ новой неудачи,
 Не находя отвѣта Иисусу,
 Стояль предъ Нимъ безмолвно Сатана,
 Изобличенъ въ коварствѣ и обманутъ
 Во всѣхъ своихъ надеждахъ многократно.
 Лукавая чарующая рѣчь,

Которая собой плѣнила Еву —
 Безсильною оказывалась здѣсь.
 Въ поспѣшности и гордомъ самоувереннѣи
 Не взвѣсилъ онъ заранѣе ни силы
 Противника, ни собственной своей.
 И все-таки въ борьбѣ онъ продолжалъ
 Упорствовать. Такъ иногда хитрецъ,
 Считающій себя непобѣдимымъ
 И понесъ случайно пораженіе,
 Гдѣ менѣе всего онъ ожидалъ,
 Чтобъ сохранить довѣріе къ себѣ,
 Преслѣдовать упорно продолжаетъ
 Противника и подвергать соблазну,
 Хотя всегда бываетъ посрамленъ.
 Во времена уборки винограда,
 Когда вездѣ струится сладкій сокъ,
 Съ жужжаніемъ надъ нимъ кружатся мухи,
 И тщетно ихъ стараются прогнать.
 Такъ иногда бушующія волны
 Въ твердыню скалъ упорно ударяютъ
 И, брызгами разсыпавшись вокругъ,
 Стремятся вновь на приступъ безнадежно.
 Такъ Сатана, разбитъ неоднократно,
 Къ молчанію постыдно приведенъ,
 Отчаявшись въ успѣхѣхъ козней хитрыхъ,
 Не отступалъ. Онъ перенесъ Христа
 На западную сторону горы,
 Откуда Тотъ увидѣтъ могъ равнину.
 Граничило на югѣ съ нею море,
 На сѣверѣ высокой горной цѣпью

Она была защищена отъ вѣтровъ.
 На берегахъ рѣки, пересѣкавшей
 Прекрасную долину, возвышалась,
 Раскинувшись среди холмовъ,
 Роскошная столица. Украшали
 Ее дворцы, водопроводы, храмы,
 И портики, трофеевъ цѣлый рядъ,
 Которые окружены казались
 Со всѣхъ сторонъ цвѣтущими садами
 И рощами.

И молвилъ Иисуситель:
 — Предъ Тобой — великій, славный Римъ.
 Завоевавъ владычество надъ міромъ,
 Прославившись во всѣхъ концахъ вселенной,
 Добычею обогатился онъ.
 Тамъ, на скалѣ Тарпейской, Капитолій
 Виднѣтся, слывшій неприступнымъ,
 А далѣе, на Палатинѣ, видишь
 Ты кесарей роскошныя палаты —
 Созданіе великихъ мастеровъ.
 Издалека блистаетъ позолота
 Террасъ и крышъ, и башенокъ дворца.
 Мой телескопъ воздушный наведенъ,
 Гляди въ него на кровли и колонны,
 На дивную изъ мрамора рѣзбу,
 Слоновой кости, золота и кедра.
 Отсюда взоръ къ воротамъ обрати:
 Какой приливъ народа и отливъ!
 Вотъ преторы, проконсулы снѣшатъ
 Въ провинщи, вотъ ликторы съ жезлами
 И воиновъ блестящія когорты.
 А тамъ въ пути виднѣются послы
 Изъ дальнихъ странъ: Сиены ¹³³⁾ и Мероп ¹³⁴⁾,
 Изъ Индіи, а также отъ пароянъ,
 Ты видишь-ли ихъ смуглыя черты,
 Увѣнчанныя бѣлыми чалмами?

А, вотъ, еще изъ Галли послы,
 Изъ Кадикса, Британіи, а также —
 Германіи и Скиѣи, изъ дальнихъ
 Сарматскихъ странъ, лежащихъ за Дунаемъ.
 Народами повелѣваетъ Римъ,
 Властитель ихъ — великій римскій кесарь.
 И римскія обширныя владѣнья,
 Могущество, богатство, совершенство,
 Котораго достигли здѣсь искусства
 Съ военною наукою — все это
 Ты справедливо могъ-бы предпочесть
 Монархіи Парѣянскою. Исключая
 Двухъ этихъ царствъ, коснѣютъ остальные
 Въ невѣжествѣ и варварствѣ, и ихъ
 Показывать не стоитъ. Показавъ
 Два первыхъ, я показалъ Тебѣ
 Во славу ихъ два царства мировыхъ.
 У кесаря нѣтъ сына. Престарѣлый
 И преданный распутству, удалился
 Въ Капрею ¹³⁵) онъ, на островъ укрѣпленный,
 Чтобъ въ тайнѣ тамъ творить свои безчинства,
 Довѣривши правленія труды
 Жестокому любимцу своему,
 Къ которому, однако, — ненавистный
 Для каждаго и ненавидя всѣхъ, —
 Довѣрія онъ также не питаетъ.
 И, если-бъ Ты, столь щедро одаренный
 Всѣмъ, что имѣтъ монарху подобаетъ,
 Явился вдругъ и началъ совершать
 Высокія дѣянія Свои —
 Ты безъ труда низвергнулъ-бы тирана,
 Освободивъ отъ ига Свой народъ.
 Ты этого, при помощи моею,
 Достигнулъ-бы: я властью обладаю,
 Которую Тебѣ передаю
 По праву я. Поставь Своею цѣлью
 Владычество надъ міромъ, а иначе,
 Пророчествамъ древнѣйшимъ вопреки,
 Ты на престолъ Давидовъ не взойдешь
 Иль царствовать не долго будешь Ты.

И отвѣчалъ Сынъ Божій безмятежно:
 — Весь этотъ блескъ, величіе и роскошь
 Очей Моихъ и духа не плѣняютъ,
 Какъ не плѣнилъ военной славы блескъ.
 Ты долженъ-бы еще повѣдать Мнѣ,
 Котораго терзаютъ голодъ съ жаждой,
 О пиршествахъ и дивныхъ празднествахъ,
 Гдѣ пѣнятся въ сосудахъ дорогихъ
 Изъ золота, изъ хрустала и мирры,
 Украшенныхъ камнями, вино
 Изъ Сетіи, Фалерны и Хіуса.
 Ты показалъ Мнѣ множество пословъ.
 Не почестью, но времени потерей
 Считаю Я обязанность внимать
 Привѣтствіямъ пословъ иноплеменныхъ,
 Исполненнымъ условной лжи и лести.
 Ты говоришь, что кесаря легко
 Мнѣ покорить, но, если вмѣстѣ съ нимъ
 Низвергну Я и Демона, который
 Чудовищемъ его подобнымъ сдѣлалъ?
 Пускай казнитъ жестокаго тирана
 Единственный его мучитель — совѣсть.
 И не затѣмъ Я посланъ, чтобъ народъ
 Освободить побѣдоносный прежде,
 Но низостью паденье заслужившій.

Кто изъ мужей, воистину великихъ
 И доблестныхъ, освободить захочетъ
 Такихъ людей? И внѣшняя свобода
 Спасеть-ли ихъ отъ внутренняго рабства?
 Узнай: когда возсяду на престолѣ
 Давидовомъ, онъ съ деревомъ сравнится,
 Которое распространяетъ тѣнь
 Надъ цѣлою вселенною, иль съ камнемъ,
 Которому разрушить суждено
 Монархіи земныя. Воцарюсь
 И царствовать Я буду безконечно,
 А какъ должно все это совершиться —
 Тебѣ о томъ не подобаетъ знать
 И открывать не долженъ Я тебѣ.

И возразилъ безстыдный Искуситель:
 — Да, вижу я, какъ мало цѣнишь Ты
 Все, что Тебѣ охотно предлагаю.
 Ты все отвергъ; въ желаніяхъ разборчивъ
 Безмѣрно Ты иль радъ противорѣчить,
 Но знай и Ты, что я цѣню высоко
 Дары свои и ихъ не расточаю.
 Тебѣ готовъ земныя царства всѣ
 Я даровать, они — мои владѣнья,
 И ихъ даю тому, кто мнѣ угоденъ.
 Для этого одно условіе ставлю:
 Ты долженъ часть передо мною ницъ,
 Какъ предъ Твоимъ Верховнымъ господиномъ.
 Взамѣнъ Ты все получишь отъ меня,
 Но меньшаго потребовать могу-ли
 Въ отплату я за столь великій даръ?

Спаситель нашъ съ презрѣньемъ отвѣчаетъ:
 — Словамъ твоимъ и предложеніямъ гнуснымъ
 И ранѣ внималъ Я неохотно,
 Теперь они внушаютъ отвращенье,
 Съ тѣхъ поръ, какъ ты осмѣлился поставить
 Постыдное условіе твое.
 Но Я стерплю, покуда власть имѣешь
 Ты надо Мною. Не сказано-ли такъ:
 «Ты Господу Единому послужишь
 И Одному поклонись Ему?»
 А ты, межъ тѣмъ, дерзаешь предлагать,
 Чтобъ Сынъ Его склонился предъ тобою,
 Великое проклятье заслужившимъ,
 Которое теперь умножилъ ты
 Попыткою кощунственною этой
 И болѣе преступной, чѣмъ соблазнъ,
 Которому въ быломъ подверглась Ева.
 Но близокъ часъ раскаянья и кары.
 Тебѣ даны земныя государства?
 Но, можетъ быть, какъ похититель, ими
 Владѣешь ты? тогда не говори
 Мнѣ о правахъ. А если-же тебѣ
 Дарованы они Царемъ Царей —
 Какъ дурно ты Его благодарилъ
 За дивный даръ! Но стыдъ и благодарность
 И Божій страхъ настолькоъ ты забылъ,
 Что предлагать Его-же достоянье
 Кощунственно дерзаешь Сыну Божью,
 Осмѣлившись условіемъ поставить,
 Чтобъ Я тебѣ, какъ Богу, поклонился.
 Прочь отъ Меня! Проклятемъ заклеянный,
 Воистину ты — злобный Сатана

... Зданіе плавучее неслоь
Все далѣе чудесно по волнамъ;

Другія-же роскошныя жилища
Исчезли всѣ въ могилѣ водяной.

(Стр. 120.)

Спасителю въ смущеніи и страхѣ
Отвѣтилъ врагъ: — Сынъ Божій, не считаи
Рѣчей моихъ жестокимъ оскорбленіемъ,
Вѣдь, Божьими сынами называютъ
И ангеловъ, а также и людей.
Дабы узнать, насколько Ты стоишь
Превыше ихъ въ Твоемъ священномъ правѣ,
Я отъ Тебя потребовалъ того,
Что воздаютъ мнѣ ангелы и люди.
Народы всѣ и тѣмы воздушныхъ силъ
Меня своимъ владыкой признаютъ.
И знать: Кто Ты — не ближе-ли всего
Касается меня? Предречена
Съ пришествіемъ Твоимъ моя погибель.
Не пострадалъ отъ искушенія Ты,
Наоборотъ, — прославился, межъ тѣмъ
Какъ цѣли я желанной не достигнулъ.
Откинь-же мысль о царствахъ мировыхъ
Со славой ихъ пустой и скоротечной;
Не стану я совѣтовать Тебѣ
Приобрѣтать владычество надъ ними.
Но мнится мнѣ, что болѣе вѣнца
Тебя влекутъ наука, созерцанье
И высшіе вопросы. Я сужу
По Твоему поступку въ годы дѣтства:
Покинувъ Мать, вернулся Ты во храмъ,
Гдѣ былъ найденъ вступившимъ въ состязанье
Съ учеными раввинами. Судилъ
Ты обо всемъ, подобно Моисею,
И Самъ училъ, не поучался Ты.
Понятіе даютъ о человѣкѣ
Младенчества и отрочества годы,
Такъ ясное или облачное утро
Такой-же день предвозвѣщаетъ намъ:
Прославься-же премудростію Своею
На цѣлый міръ! Въ законѣ Моисея,
Въ Писаніяхъ пророковъ, въ Пятикнижьи,
Не все еще открыто и понятно.
Язычники, познанья почерпая
Лишь изъ одной природы, поражаютъ
Ученостію своею. Убѣжденіемъ
Подѣйствовать Тебѣ на нихъ должно;
Но съ ними какъ бесѣдовать Ты станешь
И убѣждать, не зная ихъ ученья?
И, прежде чѣмъ вершину созерцанья
Покинешь Ты, взгляни сюда на западъ.
Тамъ высится, у береговъ Эгейскихъ,
Построенный на диво чудный городъ,
Гдѣ воздухъ чистъ и почва плодородна.
Аѳинами зовутъ его и окомъ
Прекраснѣйшей Эллады. Онъ — отчизна,
Иль лучшее прибѣжище, ума,
Учености, искусства, краснорѣчья.
Ученые вкушаютъ тамъ покой
Въ тѣни садовъ и рощъ его зеленыхъ.
Вотъ зданье академіи и роща
Масличная — убѣжище Платона,
Гдѣ слышатся напѣвы соловьевъ.
Тамъ на холмѣ, зовущимся Гиметомъ,
Жужжащихъ пчелъ трудолюбивый рой
Философамъ собою размышленья
Внушалъ не разъ. Вдали Иллиса ¹³⁶⁾ воды
И тотъ лицей ¹³⁷⁾, гдѣ Александръ Великій
Воспитывался нѣкогда. Вотъ Стоя ¹³⁸⁾,
Гдѣ Ты поймешь гармонию стиха
И музыки; творенія Гомера,

Великаго слѣпца, услышишь Ты,
Чьи пѣсни Фебъ именовалъ своими
Трагедіи въ хоряхъ или ямбахъ,
Что мудрости и нравамъ поучаютъ.
И въ образахъ наглядныхъ и живыхъ
Превратности судьбы изображаютъ,
Великія дѣянія и страсти.
Оттуда Ты къ витіямъ перейди,
Которые лишь силой краснорѣчья
Народныя волненія смирятъ;
Склони Свой слухъ къ премудрому ученю,
Нашедшему подъ кровлею Сократа,
Убогою и жалкою, пріютъ.
Воистину мудрѣйшимъ изъ людей
Считался онъ; его сладчайшей рѣчью
Питались всѣ школы мудрецовъ
Отъ стойковъ и до эпикурейцевъ.
Усвой себѣ все слышанное здѣсь,
Тогда исполни Ты будешь подготовленъ
Къ принятію всей тяжести правленья,
Какъ истинный Властитель и Монархъ.

Ему Христосъ премудро отвѣчаетъ:
— Предполагать тебѣ предоставляю,
Невѣдомы или вѣдомы ученья
Всѣ эти Мнѣ. Отъ этого не буду
Я меньше знать. Кто свыше просвѣтленъ
Источникомъ животворящимъ Свѣта,
Не можетъ Тотъ въ ученіяхъ нуждаться,
Которыя основаны притомъ
Лишь на однихъ предположеніяхъ ложныхъ.
Не первый-ли философъ сознавалъ,
Что знаетъ самъ лишь то, что ничего
Не знаетъ онъ? Второй стремился къ баснямъ
И вымысламъ, а третій подвергалъ
Сомнѣнью все, что въ мірѣ несомнѣнно.
Одни, высоко ставя добродѣтель,
Не въ ней одной, однако, полагали
Все счастье, но также въ долготѣть
И роскоши; другіе-же искали
Его въ однихъ лишь чувственныхъ утѣхахъ,
А стонки — въ презрѣннѣ ко всему.
Увы, чему способны научить
Всѣ мудрецы подобные, когда
Они самихъ себя не постигаютъ,
Понятія о Богѣ не имѣя,
О таинствахъ великихъ мірозданья,
О горестномъ паденіи челоуѣка,
И, межъ собой толкуя о душѣ,
Они о ней превратно рассуждаютъ,
Въ самихъ себѣ находятъ добродѣтель
И лишь себѣ приписываютъ славу,
Не Господу, скорѣй винятъ Его,
Зовя Его *судьбою* или *счастьемъ*?
Кто истину найти у нихъ захочетъ —
Обманутый найдетъ лишь пустоту.
Спасенія не вижу въ многокнижьи,
И всякій, кто читаетъ непрерывно
И ничего не вноситъ своего,
За истину способенъ тотъ принять
Пустыя побрякушки, какъ ребенокъ,
Сбирающій на берегу камня.
Но, если-бы въ свободные часы
Задумалъ Я въ гармоніи стиха
Иль въ музыкѣ искать Себѣ усладу —
Какой языкъ при этомъ былъ-бы Мнѣ

И стануть всѣ Создателя молить,
Чтобъ волю нмѣ верховную Свою

Онъ возвѣстия устами Моисея
Исполнятся ихъ просьба.

(Стр. 124.)

Приятнѣе родного языка?
 Не наши-ли еврейскіе псалмы
 И звуки арфѣ плѣняли вавилонянь?
 И эллины лишь подражаютъ намъ
 Въ чарующемъ искусствѣ пѣснопѣнья.
 Но ихъ пѣвцы намъ дурно подражаютъ,
 Боговъ своихъ пороки воспѣвая.
 И, если-бы отъ пѣснопѣній ихъ
 Откинуть всѣ блестящія прикрасы, —
 Подобныя румянь густому слою,
 Который ликъ блудницы покрываетъ, —
 Какимъ пустынь окажется и жалкимъ
 Обманчивое содержанье ихъ!
 Возможно-ли къ Сионскимъ пѣснопѣньямъ
 Ихъ приравнять, Господнимъ славословьемъ
 Исполненнымъ и боговдохновеннымъ?
 Ораторовъ и дѣятелей ихъ
 Искусное витійство восхваляешь
 Ты предо Мною. Къ отечеству питаютъ
 Они любовь, но даже въ этомъ — ниже
 Израильскихъ пророковъ и вождей,
 Наставленныхъ въ своихъ дѣяньяхъ свыше.
 Въ законѣ ихъ, проникнутомъ величьемъ
 И простотой, изложены начала
 Гражданскаго правленія мудрѣй,
 Чѣмъ у витій краснорѣчивыхъ Рима
 И Греши. Легко узнать изъ нихъ,
 Какимъ путемъ на прочныхъ основаньяхъ
 Родной народъ возможно осчастливитъ
 И что собой порою губитъ царства,
 Съ лица земли стирая города.
 Вѣрнѣй всего Израиля законъ
 Образовать способенъ государя.

Такъ говорилъ Сынъ Божій. Сатана,
 Къ полнѣйшему смущенію приведенный
 И стрѣлы всѣ напрасно истощивъ,
 Спасителю, нахмуясь, возражаетъ:
 — Когда Тебя ни почести, ни царства
 Съ богатствами, ни таинства наукъ,
 Ни ратный блескъ собою не плѣняютъ,
 Тебѣ всего пристойнѣй оставаться
 Въ пустынь той, гдѣ я нашелъ Тебя.
 Но знай одно: раскаяешься Ты вскорѣ
 Въ томъ, что отвергъ предложенную помощь.
 Во цвѣтѣ лѣтъ взоселъ-бы на престолъ
 Давидовъ Ты, со славой воцарившись.
 А нынѣ-же созвѣзды предвѣщаютъ
 Тебѣ борьбу, гоненія, труды;
 Претерпишь Ты презрѣнье, поруганье
 И, наконецъ, насильственную смерть.
 Тебѣ они предсказываютъ царство,
 Но не могу понять еще: какое?
 И мнится мнѣ, ему конца не будетъ,
 Какъ не было начала. Но, когда
 Придетъ оно — умаличиваютъ звѣзды.

Такъ говоря (онъ зналъ, что власть его
 Не кончилась), въ пустыню Иисуса
 Онъ перенесъ и тамъ Его оставилъ,
 А самъ исчезъ. Кругомъ ложились тьма.
 Спаситель нашъ, претерпѣвая голодъ
 Со стужею, покорно удалился
 Подъ сѣнь деревъ, дабы главу Свою
 Отъ сырости укрыть подъ ихъ защитой.
 Но сонъ Его тревожилъ Искуситель

Видѣньями. Въ обоихъ полушарьяхъ
 Свирѣпствовали жестокий ураганъ,
 И громъ гремѣлъ, и молніи сверкали,
 Вода съ огнемъ мирились для того,
 Чтобъ выполнить задачу разрушенья.
 Изъ каменныхъ пещеръ четыре вѣтра
 Вдругъ вырвались и вторгнулись въ пустыню,
 Высокія деревья сокрушая
 Иль до земли склоняя ихъ. Сынъ Божій,
 Отъ бури былъ Ты плохо огражденъ,
 Но устоялъ, презрѣвшій искушенье!
 Всѣ духи тьмы съ рычаньемъ обступили
 Тебя толпой и огненные стрѣлы
 Они въ Тебя пытались направлять,
 Но утратить угрозой не могли!

Такъ ночь прошла, и утро, словно странникъ,
 Облечено своею ризой сѣрой,
 Явилось на смѣну тьмѣ ночной.
 Оно своимъ сіяющимъ перстомъ
 Сгустившія тучи разогнало,
 Разсѣяло чудовищъ, искушавшихъ
 Спасителя, и вѣтры усмирило.
 Лучъ солнечный отрадно озарилъ
 Лицо земли, и птицы громкой пѣсней
 Среди вѣтвей привѣтствовали день;
 Но и теперь Князь тьмы былъ недалеко,
 И, сдѣлавъ видъ, что радуется онъ
 Сіяющему утру, приступилъ
 Къ Спасителю, не прибѣгая больше
 Къ условной лжи: запасъ его обмановъ
 Былъ истощенъ. Но, посрамленъ въ конецъ
 И потерявъ надежду на успѣхъ,
 Стремился онъ излить свой гнѣвъ и ярость.

На солнечномъ пригоркѣ, окруженномъ
 И съ сѣвера, и съ запада лѣсами
 Дремучими, онъ встрѣтилъ Сына Божья.
 Представъ Ему въ своемъ обычномъ видѣ,
 Заговорилъ небрежно Сатана:
 — Съ отрадою привѣтливое утро,
 Смѣнившее мучительную ночь,
 Встрѣчаешь Ты, Сынъ Божій. Издалека
 Мнѣ слышался зловѣщій грохотъ бури,
 И мнилось мнѣ, что Небо и Земля
 Смѣшались. Такіе ураганы,
 Хотя они внушаютъ смертнымъ ужасъ,
 Безвредными бываютъ; лишь порою
 Они съ собой опустошенье вносятъ,
 Губя людей, растенія и скотъ.
 Тому, надъ чьей главою разразятся,
 Они всегда бѣду предвозвѣщаютъ.
 Сегодня вихрь промчался надъ пустыней
 И надъ Тобой и, значить, угрожаетъ
 Несчастьемъ Тебѣ лишь Одному.
 Не это-ли предсказывалъ тогда я,
 Когда мою поддержку Ты отвергъ?
 Ты исполнишь Свое предназначенье,
 Но, прежде чѣмъ Ты скипетръ золотой
 Израиля рукою примешь твердой,
 Перенесешь не мало испытаній
 И горестей. Видѣнья этой ночи
 Да явятся Тебѣ предупрежденьемъ!

Такъ молвилъ онъ, и, путь Свой продолжая,
 Спаситель нашъ ему отвѣтилъ кратко:

При зрѣлищѣ такомъ
Заплакали изгнанники... (Стр. 130.)

— Тѣ ужасы, которыми пугаешь,
Не болѣе Мнѣ могутъ причинить
Собою зла, чѣмъ капли дождевыя.
На признаки и предзнаменованья
Съ презрѣніемъ смотрю Я. Не отъ Бога
Ниспосланы они, а отъ тебя.
Ты вѣдаешь, что царствовать Я буду,
И помощь Мнѣ упорно предлагаешь,
Дабы сказать и похвалиться тѣмъ,
Что Я тебѣ Своей обязанъ властью.
Надменный Духъ! Ты Господомъ Моимъ
Хотѣлъ прослыть и, будучи отвергнутъ,
Свирѣпствуешь! Меня посредствомъ страха
Ты думаешь къ покорности склонить?
Брось эту мысль! Изобличенный Мною,
Напрасно ты упорствуешь въ попыткѣ
Отчаянной и докучаешь Мнѣ.

Но, яростью пылая, отвѣчаешь
На это врагъ:— Такъ выслушай меня,
Давидовъ Сынъ, родившійся отъ Дѣвы,—
А въ томъ, что Ты—Сынъ Божій, сомнѣваюсь
Покуда я. Мнѣ вѣдомо лишь то,
Что предрекли пророки о Мессіи;
И о Твоемъ рожденіи, возвѣщенномъ
Архангеломъ, я первый услышалъ,
И ангельскимъ внималъ я пѣснопѣньямъ,
Въ которыхъ Ты Христомъ именовался
Спасителемъ. Съ тѣхъ поръ я неотступно
Слѣдилъ вездѣ и всюду за Тобою—
Въ младенчествѣ и въ юности Твоей
И, наконецъ, въ позднѣйшіе года.
Въ числѣ другихъ къ Крестителю пришелъ я
Не для того, конечно, чтобы принять
Крещеніе, и слышалъ Гласъ Господень:
Онъ звалъ Тебя Единороднымъ Сыномъ;
И понялъ я, что долгихъ изученій,
Глубокаго вниманья Ты достоинъ.
Я знать хотѣлъ, въ какомъ-же смыслѣ Ты
И степени зовешься Сыномъ Божьимъ?
Значеніе различное должны
Подобныя имѣть именованья.
И я, какъ Ты, воюся Сыномъ Божьимъ
Иль нѣкогда имъ былъ, а если былъ,
То долженъ имъ остаться на-всегда;
И люди всѣ Господними сынами
Считаются, но думается мнѣ:
Въ лицѣ Твоемъ имѣеть это имя
Особое и важное значеніе,
А потому послѣдовалъ сюда
Я за Тобой и нынѣ заключаю,
Что Ты и есть предсказанный мнѣ Врагъ.
Не правъ-ли я, когда узнать стараюсь
Намѣренья Противника и силу
И, можетъ быть, посредствомъ договора
Привлечь Его въ союзники къ себѣ
Иль приобрести что можно отъ Него?
Я искушалъ, испытывалъ Тебя
И сознаюсь— скалъ изъ адманта
Подобенъ Ты, по твердости Своей.
И все-жъ въ Тебѣ лишь вижу человѣка,
Исполненнаго мудрости и блага,—
Не болѣе. Другіе мудрецы
Съ презрѣніемъ подобнымъ-же взирали
На почести, богатства и вѣнецъ.

Дабы узнать, чѣмъ смертныхъ превосходишь,
Прибѣгнуть я къ другому средству долженъ.

И съ этими словами, приподнявъ
Спасителя высоко надъ равниной,
По воздуху понесся Сатана
Въ ту сторону, гдѣ гордо возвышался
Солима градъ священный. Храмъ его
Подобенъ былъ горѣ изъ алебастра,
Увѣнчанной зубчатою короной
Изъ золота. Тамъ, на вершинѣ храма,
Спасителя поставилъ Сатана
И рекъ Ему съ презрительной насмѣшкой:
— Стой здѣсь, когда Ты можешь устоять!
Тебя принесъ я къ дому Твоего
Великаго Отца, и это мѣсто—
Есть высшее и лучшее изъ мѣстъ.
А если здѣсь не хочешь оставаться,
То бросься внизъ и этимъ докажи
Высокое Свое происхожденіе
Отъ Господа. Чего Тебѣ страшиться,
Когда Ты есть воистину Сынъ Божій?
Не сказано-ль въ Писаньи, что Господь
Архангеламъ дастъ въ Небѣ повелѣнье,
И на руки Тебя ихъ сонмы примутъ,
Дабы ноги Ты не преткнулъ о камень?

Но возразилъ на это Иисусъ:
— Тамъ сказано и такъ: «Не искушай
Ты Господа и Бога твоего!»

И съ этими словами всталъ Спаситель,
А Сатана предъ Нимъ въ смятеніи палъ;
Чудовищу изъ Оивъ ¹³⁹⁾ онъ сталъ подобенъ,
Которое жестоко пожирало
Всѣхъ, кто не могъ загадки разгадать,—
Когда-жъ она разгадана была,
Въ отчаяннѣ оно низверглось въ море.
Такъ, ужасомъ и скорбью пораженный,
Палъ Сатана и къ полчищамъ своимъ,
Которыя въ совѣтѣ засѣдали,
Не съ торжествомъ побѣды онъ вернулся,
Но имъ принесъ отчаянную вѣсть
О гибели и полномъ посрамленіи
Мятежника, который Сына Божья
Дерзнулъ въ своей гордынѣ искушать.

Такъ Сатаны паденіе свершилось.
Тутъ ангелы спустились свѣтлымъ сонмомъ
И, бережно Спасителя принявъ,
Они Его на крыльяхъ пронесли
По воздуху и тихо опустили
На мягкій дернъ, среди долинъ цвѣтущихъ,
Гдѣ, яствами небесными уставленъ,
Раскинулся предъ Иисусомъ столъ.
И ангельскіе клиры воспѣвали
Ему хвалу, покуда Онъ вкушалъ,
Великую побѣду прославляя,
Одержанную Имъ надъ искушеніемъ
И гордымъ искусителемъ Его:
— Великаго Отца священный Образъ!
На лонѣ-ли блаженства возсѣдаешь
И въ свѣтѣ свѣта дивнаго царяишь,
Иль, воплощенный въ образъ человѣка,
Блуждаешь Ты въ пустынѣ одинокъ,

Гдѣ-бъ ни былъ Ты — дѣяньями и видомъ
 Ты — Божій Сынъ воистину, Который
 Божественною силой одаренъ.
 Ты сокрушишь похитившаго Рай
 Врага Небесъ, дерзнувшаго престолъ
 Всевышняго оспаривать престушно.
 Уже въ быломъ — со всей его дружиной
 Низринулъ Ты и побѣдилъ врага,
 А нынѣ Ты отмщаешь за Адама
 И, восторжествовавъ надъ искушеньемъ,
 Потерянный Ты возвращаешь Рай.
 У Сатаны исторгнулъ Ты добычу,
 Которую онъ приобрѣлъ обманомъ.
 И онъ ступить отнынѣ не дерзнетъ
 Ногою въ Рай: взамѣнъ садовъ Эдема
 Откроется Адаму и избраннымъ
 Сынамъ его иной блаженный Рай —
 Прекраснѣйшій. А Ты, Спаситель міра,
 Ты снизошелъ на землю для того,
 Чтобъ ихъ въ святомъ жилищѣ водворить,
 Гдѣ будетъ имъ не страшнѣй искушитель
 И не смутитъ собою искушенье.
 Ты, адскій Змѣй, не долго въ облакахъ
 Торжествовать и царствовать ты будешь!
 И, какъ звѣзда падучая, скользнешь
 Ты съ высоты; великій Побѣдитель
 Тебя пятою своею сокрушитъ.

Ты чувствуешь, что нанесенъ ударъ:
 Еще нельзя послѣднимъ и смертельнымъ
 Считать его, онъ только отучаетъ
 Надменный Адъ торжествовать заранѣ;
 У адскихъ вратъ въ попыткѣ дерзновенной
 Не кается-ль жестоко Абадонна ¹⁴⁰⁾?
 Благоговѣть учишь передъ Мессіей;
 Изъ демонскаго царства твоего
 Тебя изгнать Онъ можетъ безоружный.
 И, въ ужасѣ услышавъ Гласъ Его,
 Со всей своей мятежною дружиной
 Немедленно ты въ бѣгство обратишься,
 Пытаясь въ свиномъ укрыться стадѣ,
 Дабы не быть низверженнымъ въ пучину
 Безвременно на лютыя мученья.
 Хвала Тебѣ, Сынъ Божій, Побѣдитель
 Врага Небесъ, Наслѣдникъ двухъ міровъ.
 Твой часъ насталъ, и къ дѣлу приступай
 Великому — спасенью человѣковъ!

Такъ ангелы воспѣли Сына Божья,
 Спасителя Благого, и, когда
 Онъ пищею небесной подкрѣпился,
 Они Ему дорогу указали,
 И, къ подвигу готовый, незамѣтно
 Онъ къ Матери Своей вернулся въ домъ.

Въ будущемъ 1900-мъ году

въ числѣ 12 ежемѣсячныхъ книгъ, кромѣ романовъ, повѣстей и общепользныхъ свѣдѣній,

ПОДПИСЧИКИ „РОДИНЫ“ ПОЛУЧАТЪ:

ПЕРВОЕ въ Россіи **ОВЩЕДОСТУПНОЕ ИЛЛЮСТРИРОВАННОЕ** полное **СТИХОТВОРНОЕ** изданіе большого формата (in 4-о) поэмы **ДАНТЕ** Алигьери

БОЖЕСТВЕННАЯ КОМЕДІЯ.

Эта замѣчательная поэма написана итальянскимъ поэтомъ **ДАНТЕ** Алигьери, и первая пѣсни ея относятся къ 1313 году, т. е., къ эпохѣ среднихъ вѣковъ; съ самаго появленія своего на свѣтъ она обратила на себя огромное вниманіе и до настоящаго времени пользуется такой громкой извѣстностью, какой, можно смѣло сказать, не приобрѣло почти ни одно другое произведеніе всемірной литературы. Эту грандіозную извѣстностью поэма Данте пользуется потому, что она имѣетъ двоякое значеніе: высокое религіозно-нравственное и обще-историческое. Первое значеніе поэмы выражается въ самомъ ея содержаніи; основною идеею поэмы является нравственное совершенствованіе человѣка. Избравъ эту идею, Данте въ аллегорической формѣ, съ поразительной рельефностью, указываетъ людямъ на ихъ грѣхи, пороки и заблужденія, равно какъ на наказанія, которымъ подвергаются за нихъ люди въ загробной жизни, и путь, идя по которому люди могутъ достигнуть высшаго блаженства и вернуть себѣ счастье. Руководясь этой высоко-нравственной идеей, имѣющей подъ собою религіозную основу, Данте воплотилъ въ своей поэмѣ средневѣковныя воззрѣнія на загробную жизнь, облекъ ихъ въ реальный образъ, увидѣвъ поражающихъ своей чудовищной суровостью и жестокостью картинъ Ада и полныхъ тихой и неземной прелести описаній Рай, запечатлѣлъ въ ней элементы современной ему культуры: науку, религію, политику и исторію—изъ чего явно вытекаетъ огромное историческое значеніе поэмы.

БОЖЕСТВЕННАЯ КОМЕДІЯ

раздѣлена на три отдѣла: „Адъ“, „Чистилище“ и „Рай“, и заключаетъ въ себѣ около **14,000** стиховъ, которые будутъ изданы нами въ **полномъ стихотворномъ** переводѣ, исполненномъ по нашему спеціальному порученію извѣстной русской писательницей **О. Н. Чюминой**. Наше изданіе превосходно передаетъ итальянскій текстъ поэмы, снабжено объясненіями и примѣчаніями къ тексту, биографіею Данте и иллюстрировано **135-ю** роскошно исполненными большими рисунками знаменитаго художника **Г. Доре**.

Божественная Комедія

будетъ выпущена нами при „РОДИНѢ“ въ шести большихъ выпускахъ, изъ которыхъ въ 1900-мъ году гг. подписчики „РОДИНЫ“ получатъ первые **два** выпуска, въ форматѣ изданія „Потерянный и Возвращенный Рай“, содержащіе въ себѣ до **5,000** стиховъ и около **50** рисунковъ **Г. Доре**.

Подобное изданіе по своей общедоступности, содержанію и иллюстраціямъ является въ Россіи первымъ и единственнымъ; заграничное изданіе стоитъ 75 руб.